
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 1(101), 2024 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2024

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225-8922

Журнал включен
в Перечень ВАК РФ

Учрежден

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Рег. № ПИ № ФС77-46176
от 12 августа 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory
Пятилетний
импакт-фактор журнала: 0, 376

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение 1, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Загуменов А.П.

Подписано в печать 26.01.2024

Формат 60×84/8. Объем 45,75

Печать офсетная.

Тираж – 1000 экз.

(1-й завод – 500 экз.)

Заказ №

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»

115054, г. Москва, ул. Щипок, 28

Тел.: (495) 651-84-56

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,

к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,

Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халлиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТВАЦАТУРОВА Майя Артасеовна	д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск)
БЛЮХИН Владимир Владимирович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
ВАНКОВСКА Бяляна	профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)
ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна	д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГГУ (Россия, г. Москва)
ГОНЧАРОВ Пётр Константинович	д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ГРАЧЁВ Михаил Николаевич	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ДЭМБЭРЭЛ К.	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КРИБКОАНИЧ Борис	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВА Елена Александровна	д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВ Александр Данилович	д.и.н., профессор, МАИ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орденбаевна	д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ОРЛОВ Игорь Борисович	д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
РУБАН Лариса Семёновна	д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
ХОЙБЕРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
ШАРКОВ Феликс Изосимович	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
ЯН ФУЛИНЬ	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)

Кетягин Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Насимова Г.О. (д.п.н.)

Шурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной биб-лиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Притула М.С.

Государственный суверенитет как теоретическая
и практико-политическая проблема 10

Ребров А.И.

Локальная политическая идентичность 20

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Черныховская Е.В.

Исторический контекст образа подвига и патриотизма
в российских учебниках 41

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Корниенко О.Ю.

Идентификационные особенности российских элит 50

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Венцель С.В.

Роль субъектов профилактического воздействия
в системе противодействия распространению политического
экстремизма в среде новых медиа 61

Нгуен Тхи Ань

Национальная политика по обеспечению равенства
между этническими группами как фактор, обеспечивающий
политическую стабильность современного Вьетнама 67

Цвяк А.А.

Политические факторы значимости
Частных военных компаний 76

Фатихов Н.Д.

Перспективы развития делиберативной демократии
в системе городского местного самоуправления России 82

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Окуджавва Х.З.

Внедрение цифровых технологий в региональное управление
(на материалах Московской области) 94

Поляков Р.А. Цифровые компетенции как ключевой элемент профессионального стандарта государственного служащего России	105
Жероков М.С. Совершенствование образовательной системы и системы мер по предотвращению террористических актов в школах	116
Ашмарина А.А. «Биобезопасность» и «биозащищенность» в России в условиях развития цифровых технологий	130
Литвин Л.А. Риски и перспективы внедрения электронного правительства в контексте трансформации государственного управления в Российской Федерации	138
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ	
Смирнова А.С. Тенденции гуманитарной безопасности в современном мире	152
Ань Нань Культурное и гуманитарное сотрудничество стран ШОС	165
Гребнев Р.Д. Предпосылки формирования мира ислама в контексте внешней политики Ирана	176
Свиридов А.А. Арктический вектор политики РФ	195
Сучкова А.А. Этапы развития двусторонних отношений между Республикой Корея и Новой Зеландией.....	207
Сюй Мэнчжу Мягкая сила Китая: глобальные инициативы и взаимодействие с Россией.....	213
Тушков А.А., Аляева Л.А., Бухарова Ю.А., Пученков Д.О. К вопросу о некоторых подходах в методологии исследования российского цивилизационного развития	226
Тюков Н.А., Шаповалов В.Л., Никулин Е.Р. Интерпретационные модели ценностного спектра российской молодежи: смыслы, персоны и слова-концепты	235

Фарах А.С.	
Розничные цифровые валюты центральных банков и преобразование управления, политики и общества	247
Чи Цинчжо, Калашникова Н.П.	
Роль Конгресса во внешней политике США (кейс Тайваня в период президентства Барака Обамы).....	254
Юрченко П.С.	
Курдский вопрос как современная угроза Турецкой Республике	264
Антропова С.Ю., Иванова Н.В.	
Проблема беженцев и мигрантов в Германии на современном этапе	275
Епремян М.	
Особенности политической власти в современной Армении.....	282
Крупянюк М.И., Арешидзе Л.Г.	
Японский национализм как основная объединительная и защитная сила нации в новом миропорядке XXI века (Часть I).....	288
Люй Ваньцин	
Интересы России в Центральной Азии	303
Мосакова Е.А., Золотарев И.А.	
Криптовалюты в сфере международных финансов: проблемы на пути становления мировой валютой	310
Муравьева А.Е.	
Роль Египта в решении палестино-израильского конфликта	319
Новицкая А.А., Тулупов Д.С.	
Принцип нейтралитета Швейцарской конфедерации через призму российско-украинского конфликта	326
Привалов В.А.	
Эволюция отношений России и Турции в периоды эскалации Нагорно-Карабахского конфликта	335
Сапрынская Д.В., Сыздыкова Ж.С.	
Между переписями 1897 и 1926 гг.: некоторые аспекты национального состава населения Казахстана	346
НАУЧНЫЕ БЕСЕДЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ НА АКТУАЛЬНУЮ ТЕМУ	
Медведев Н.П.	
К вопросу о предметном поле политической науки	354
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	361

Academic Journal
“Political Science Issues”
Volume 14, Issue 1 (101), 2024

HISTORY AND THEORY OF POLITICS

Pritula M.S.

State Sovereignty as the Theoretical
and Practical-Political Problem..... 19

Rebrov A.I.

Local Political Identity..... 40

POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

Chernykhovskaya E.V.

The Historical Context of the Image of Heroism
and Patriotism in Russian Textbooks 49

POLITICAL SOCIOLOGY

Kornienko O.Yu.

Identification Features of Russian Elites..... 60

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Wenzel S.V.

The Role of Subjects of Preventive Influence in the System
of Countering the Spread of Political Extremism
in the Environment of New Media..... 66

Nguyen Thi Anh

National Policy on Equality Among Ethnicities is a Factor
that Ensures the Political Stability of Vietnam Currently 75

Tsyvak A.A.

Political Factors of the Importance of Private Military Companies 81

Fatixov N.D.

Prospects for the Development of Deliberative Democracy
in the System of Urban Local Self-Government of Russia..... 93

PUBLIC ADMINISTRATION AND INDUSTRY POLICIES

Okudzhava Kh.Z.

Introduction of Digital Technologies Into Regional Management
(Based on Materials from the Moscow Region)..... 104

CONTENTS

Poyarkov R.A.

Digital Competencies as a Key Element
of the Professional Standard for Civil Servants in Russia 115

Zherokov M.

Improving the Educational System and Systems
of Measures to Prevent Terrorist Acts in Schools 129

Ashmarina A.A.

“Biosafety” and “Biosecurity” in Russia in the Context
of the Development of Digital Technologies 137

Litvin L.A.

Risks and Prospects of E-Government Implementation
in the Context of Public Administration Transformation
in the Russian Federation 151

THEORY AND HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

Smirnova A.S.

Trends of Human Security in the Modern World 164

An Nan

Cultural and Humanitarian Cooperation
of the SCO Countries 174

Grebnev R.D.

World of Islam Background
(in the Context of Iranian Foreign Policy) 193

Sviridov A.A.

Arctic Vector of Russian Policy 206

Suchkova A.A.

Stages of Bilateral Relations Between the Republic
of Korea and New Zealand 208

Xu Mengzhu

China's Soft Power: Global Initiatives
and Interaction with Russia 225

Tushkov A.A., Alyaeva L.A., Bukharova Yu.A., Puchenkov D.O.

On the Question of Some Approaches in the Methodology
of the Study of Russian Civilizational Development 234

Tyukov N.A., Shapovalov V.L., Nikulin E.R.

Interpretative Models of the Value Spectrum of Russian Youth:
Meanings, Personalities and Concept Words 246

<i>Farah A.S.</i> Retail Central Bank Digital Currencies and the Reshaping of Governance, Politics and Society.....	253
<i>Che Qingzhou, Kalashnikova N.P.</i> The Role of Congress in US Foreign Policy (Taiwan's Case During the Presidency of Barack Obama).....	263
<i>Yurchenko P.S.</i> The Kurdish Question as a Modern Threat to the Republic of Turkey.....	274
<i>Antropova S.Yu., Ivanova N.V.</i> Refugees and Migrants Problem in Germany at the Present Stage	281
<i>Epremyan M.</i> Features of Political Power in Modern Armenia.....	287
<i>Krupianko M.I., Areshidze L.G.</i> Japanese Nationalism as the Main Unificating and Protective Force of the Nation in the New World Order of the XXI Century (Part I).....	302
<i>Lu Wanqing</i> Russia's Interests in Central Asia	309
<i>Mosakova E.A., Zolotarev I.A.</i> Cryptocurrencies in International Finance: Challenges on the Road to Becoming a World Currency	318
<i>Muravyeva A.E.</i> Egypt's Role in Resolving the Palestinian-Israeli Conflict	325
<i>Novitskaya A.A., Tulupov D.S.</i> The Principle of Neutrality of the Swiss Confederation through the Press of the Russian-Ukrainian Conflict.....	334
<i>Privalov V.A.</i> The Evolution of Relations Between Russia and Turkey During Periods of the Nagorno-Karabakh Conflict Escalation.....	345
<i>Saprynskaia D.V., Syzdykova Zh.S.</i> Between the Census of 1897 and 1926: Some Aspects of the National Composition of the Population of Kazakhstan	353
SCIENTIFIC CONVERSATIONS AND REFLECTIONS ON A CURRENT TOPIC	
<i>Medvedev N.P.</i> On the Question about the Subject Field Political Science.....	354
DEMANDS FOR MANUSCRIPTS	361

М.С. ПРИТУЛА

аспирант Российского университета
дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Россия, г. Москва

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Статья посвящена теоретическому анализу проблемы государственного суверенитета. Развитие сферы цифровой демократии в значительной степени зависит от того, насколько правильно поняты концептуальные измерения и насколько четко определены понятия государственного суверенитета. Наблюдается недостаток научных исследований, направленных на выявление данной связи между цифровым государством и государственным суверенитетом в контексте современной Российской политической системы.

Цель работы – выявить особенности анализа проблемы государственного суверенитета как теоретической и практико-политической проблемы в контексте политологической теории.

Поставленная цель реализуется через решение следующих задач:

- 1) рассмотреть понятие государственного суверенитета;*
- 2) сформулировать различные определения государственного суверенитета;*
- 3) определить проблемы и перспективы развития государственного суверенитета.*

Методологическая основа исследования предполагает использование сравнительного метода для определения общих оснований цифрового государства и государственного суверенитета в политологических взглядах Ли, Джонсона и других авторов.

Выводы. В ходе теоретического исследования было высказано предположение, что государственный суверенитет состоит, прежде всего, в выражении воли к самоопределению социокультурной общности, обозначившейся в нации. В статье был осуществлен анализ противопоставления международной свободы цифровой экономики и государственного суверенитета на примере России, а также взаимосвязи цифровой экономики и государственного суверенитета в современной России в свете последних событий СВО на Украине и в мире.

Результаты. Мы сделали вывод, что в случае государств (например, России) которые уже достигли политического единства, суверенитет проявляет себя лишенным спорного содержания, чтобы стать выражением воли «жить вместе», охраняя независимость и целостность страны.

Ключевые слова: *государственный суверенитет, национальный суверенитет, государства, независимость страны, нация, власть.*

Введение. В условиях реальной угрозы ядерной войны и в целом мирового военного конфликта «Россия-Запад-Китай» важно исследование особенностей анализа и решения проблемы государственного суверенитета России. Выявление актуальности начнем с того, что нынешняя серьезная напористость России в плане СВО на территории Украины, которая рассматривается как не имеющая суверенитета и «недружественная страна», может быть весьма показательной, чтобы выделить основные параметры государственного суверенитета.

Кроме этого, актуальность данной работы заключается в том, что термины суверенитета, государственного суверенитета, как и сопряженные понятия, еще не достаточно прочно вошли в политико-философский дискурс и поэтому недостаточно теоретически проработаны. При этом как понятие суверенитета, так и понятие национализма активно развивалось в западной политической философии. Особый вклад в разработку понятия суверенитета внес М. Фуко. В его концепции данный феномен рассматривает в контексте понятий власти, биовласти, полиции и других.

Актуальность темы данной работы напрямую определяется тем, что обсуждение проблематики государственного суверенитета, акцент на которую сделали Гоббс, Баден, Руссо и Фуко, было недостаточно изучены в отечественном дискурсе политической философии.

1. Понятие суверенитета и государственного суверенитета. Проблема государственного суверенитета до сих пор вызывают споры и дискуссии в политологии. Все дискуссии, касающиеся юридической структуры государственного суверенитета государства, опираются на триаду элементов: суверенитет, народ, территория.

Представление о государстве в том виде, в каком оно было сформулировано в начале Нового времени с характеристиками, которые в той или иной степени можно обнаружить вплоть до теоретических реконструкций девятнадцатого-двадцатого веков, исходит нераздельно из идеи суверенитета или суверенной власти.

Суверенитет понимается как юридическое качество, относящееся исключительно к суверенитету государства, как изначальной власти и независимой от какой-либо другой власти. Однако понятие суверенитета может быть применено только к современному государству, понимаемому

как юридическое лицо [9. С. 67]. Коцур Г.В. рассматривает понятие стратегического суверенитета в контексте официального политологического дискурса не только России, но и Евросоюза [5. С. 23].

Но это понимание имеет сложную эволюцию, уходящую своими корнями в средневековье. Именно тогда, и именно между в XII и XIII века в Европе утверждалась новая реальность национальных государств и идея всеобщей империи начинала приближаться к своему кризису, появился принцип, выраженный формулой, которой суждено было стать знаменитой на протяжении столетий.

Эта формула для обозначения главы политико-правового строя (тех) брала за образец главу универсального политико-правового строя (императора). Эта идея несомненно, связана с мотивами средневекового сознания. Позднее, когда благодаря глубокой разработке Бартоло да Сассоферрато, автора знаменитого учения о формах правления [8], данная формула распространилась на народ и она начинает становиться универсальным принципом, который, однако, принесет свои плоды только в Новое время. Реальным обязательным переходом, который будет способствовать отрыву от средневековой парадигмы элементов, присущих понятию полноты власти и независимости от всякой другой власти, будет эпоха абсолютного государя, которую анализирует Жан Боден [1. С. 689].

Итак, по отношению к современному государству термин суверенитет приобретает двойной смысл. С одной стороны, если речь идет о государственной правовой системе в целом, это указывает на происхождение самой системы в том смысле, что она не выводит свою силу из какой-либо другой высшей системы. С другой стороны, когда государство рассматривается как юридическое лицо (государство-лицо), термин «суверенитет» указывает на положение независимости по отношению к любому другому юридическому лицу, существующему вне его (так называемое внешнее).

Фактически, современная политическая философия обычно различает в демократических государствах суверенитет как политический источник власти правительства и суверенитет как собственность самой власти, приписывая первую всему народному сообществу, персонифицированному в избирательном органе, а второе – государству, понимаемому как юридическая организация самого сообщества [16. Р. 56]. Кроме того, термин выходит на первый план в выражении суверенитета территориального, который призван указать на исключительную компетенцию государства в отношении его собственной территории и содержащихся на ней природных ресурсов.

Это означает так называемый принцип постоянного суверенитета государства над своими природными ресурсами, один из краеугольных камней нового международного экономического порядка, пропагандируемый Россией, начиная с 70-х годов XX века [15]. Данный принцип также означает императивную власть государства над всеми физическими

и юридическими лицами, находящимися на данной территориальной территории; вместо этого мы говорим о с. личное для обозначения императивной власти государства над лицами, принадлежащими ему по гражданству, где бы они ни находились, даже за границей или на территории государства.

Национальный суверенитет состоит, прежде всего, в выражении воли к самоопределению социокультурной общности, обозначившейся в нации. В такой форме эта идея была руководящей идеей либерализма XIX века. В случае государств, которые уже достигли политического единства, суверенитет проявляет себя лишенным спорного содержания, чтобы стать выражением воли «жить вместе», охраняя независимость и целостность страны.

Короче говоря, национальный суверенитет тесно связан с термином нация после всех его модификаций. Идея суверенитета, которая уже лежала в основе английской революции (1688-1689 гг.) и североамериканской (1776 г.) революции, получила свое окончательное оформление во время Французской революции. Конституция 1791 г. провозгласила Государственный суверенитет формулой: «Суверенитет един и неделим и принадлежит всей нации» [11]: народ заменил монарха по божественному праву. Этот принцип содержится во многих действующих конституциях, в том числе в русской, и в этом смысле Государственный суверенитет почти отождествляется с суверенитетом народным. В собственном смысле суверенитет принимает конкретную форму скорее в полной власти государства в пределах его национальных границ и в его независимости. Кроме того, он может быть ограничено наличием органов, которым государство делегировало определенные полномочия (государства-члены в федеративном государстве, земли, регионы, автономные территории и т.д.) и, наконец, международными договорами, например, договорами об учреждении наднациональных органов.

Кроме национального, есть и народный суверенитет. Исторически понятие народного суверенитета связана с эпохой великих революций и, в частности, с Французской революцией 1789 г.

Дж. Локк теоретически обосновал новую конституционную реальность [7]. Власть осуществляется через два основных центра – законодательный и исполнительный. Второе подчинено первому, а законодательный центр, в свою очередь, подчинен народу, потому что оно должно интерпретировать его волю и потребности и потому что народ всегда может возобновить и изменить свое представительство в парламенте.

Для Ж.-Ж. Руссо суверенитет заключается в общей воле, возникающей из объединения (и диалектического преодоления) воли индивидов, стремящейся к общему благу [4]. Индивид добровольно отчуждает свои изначальные свободы в пользу сообщества, получая взамен гражданские и политические права. Общая воля отождествляется с общим благом, ее нельзя ни представить, ни дать несколько ее версий. Всякий, кто выражает

особое мнение, заблуждается и должен быть склонен идти по пути свободы, как его понимает большинство. Принцип народного суверенитета содержится в декларации независимости, составленной американскими колониями, и в конституционных хартиях революционной Франции, а оттуда распространяется на хартии большей части Европы.

Поскольку народный суверенитет – это открытая и прогрессивная ценность, конкретные формы ее реализации непредсказуемы, поэтому нельзя сказать, что данное понятие уже окончательно оформилось и вошло в политико-философский дискурс.

2. Место суверенитета и государственного суверенитета в концепциях Бодена, Гоббса и Руссо. Термин «суверенитет» появляется в юридической рефлексии – политолог позднесредневековья как результат попытки организовать множественные отношения господства и подчинения, пронизывающие сообщество. Именно из условия превосходства того, кто обладает властью, или, вернее, из его независимости от любой другой земной силы или авторитета, формируется лексическая сетка, внутри которой постепенно появляется термин «суверен», в борозде которого формируются все его последующие значения. С тринадцатого века слово «суверен» пришло, освободившись от традиционного понимания «старший», получило дальнейшее развитие как во французском сюзерене, имеющем вполне феодальное значение, так и в суверене публичного права, в нашем понимании суверене. Это дало начало терминологическому употреблению, которое является современным» [14. Р. 206].

Современная эпоха знаменует упадок таких политических форм, как империя и папство, которые на протяжении столетий весьма диалектически разделяли притязания на осуществление папской функции в охране лежащего в основе порядка вещей в соответствии с божественной волей и в окончательном освобождении от их орбита влияния бесчисленного множества коллективных органов, организованных в королевства, княжества и города, для которых ссылка на суверенитет становится отсылкой к заявлению об автономном управлении. Однако, на наш взгляд, суверенитет также страдает из-за отсутствия данных политических форм. В этом контексте важно утверждение Кудряшовой И.В., что вопрос легитимации многих *de facto* государств остается открытым, что означает неоднозначность и отсутствие точного определения самого понятия суверенитета [6. С. 189]. Большаков А.Г. также продолжает размышление над данной проблематикой, утверждая понятия проблемной государственности и кризиса национального суверенитета в современную эпоху [2. С. 187].

В учения Бодена и Гоббса, двух авторов, которые между XVI и XVII веками помогают определить наиболее важные черты этой новой теоретической широты, мы можем увидеть усиления потенциального содержания понятия суверенитета. Боден пишет на фоне религиозных войн, раздиравших

Европу в конце XVI века [1. С. 690]. С его точки зрения, справедливость перестает составлять естественный порядок, уже данный, и отдается энергичному действию монарху, защищающему политически новую сущность, общественное благо [1. С. 690]. Но власть, которую, по Бодену, осуществляет суверен, сталкивается с набором ограничений и координат, с которыми она не может не считаться. Как ни широка и решительна она в удержании вместе членов общественного тела, она не придает им первоначальной формы и последовательности, а гармонизирует их действия, оставаясь в пределах божественных законов: «Владычество, стершее эту реальность, было бы бесовским, врагом Бога, природы и истории» [1. С. 690].

Гоббс мыслит мир посреди революционного кризиса – политического, социального, религиозного кризиса, – который охватывает Англию в первой половине XVII века и который заканчивается кровавой гражданской войной и временным прекращением монархического правления [3. С. 452]. Суверенитет «является искусством, которое проектирует защитный периметр, юридически упорядоченный, главное действие которого состоит в том, чтобы осуществлять полную монополию на легитимное насилие, превращая его в предсказуемое насилие: то есть в действующее уголовное право» [3. С. 453].

Для достижения такой цели суверенная власть не может быть просто помещена на вершину пирамиды, но должна культивировать стремление к абсолютности и всемогуществу. Государственная форма, возникающая из этих предпосылок, идентифицирует свою наиболее своеобразную характеристику в этом новом значении суверенитета. Оно представит себя единым, неделимым, всеобъемлющим и, прежде всего, высшим и безграничным.

Гоббсовский суверен насыщает пространство власти, и его фигура придает юридическую состоятельность каждой подчиненной субъективности и обязательный характер нормам естественного права, которые не могли бы иметь последствий, если бы не были включены в законы государства. Но основополагающая сила этой теории такова, что позволила ей зарекомендовать себя как точка отсчета в моделировании политической науки и публичного права в веках, следовавших за тем, в котором она возникла.

Именно на суверенную волю Гоббса похожа всеобщая воля Руссо, в которой воплощающая ее тотальность занимает место, ранее занимаемое королем [10. С. 36]. Государство обладает волей, благодаря которой оно доминирует в сети социальных структур и преследует свои цели. Государство – лицо публичного права XIX в. проявляется в точке пересечения, где суверенитет и воля поддерживают и объясняют друг друга в отношениях взаимодополняемости. Естественно, что эта линия толкования не исключает возможности или, тем более, плодотворности обращения к другим текстовым источникам.

Несомненно, то, что если долгое время всякая теория государства неу­мо­ли­мо пред­став­ля­ла со­бой дань идее су­ве­ре­ни­те­та, то се­го­дня воз­мож­на эпо­ха су­ве­ре­ни­те­та окон­ча­тель­но пре­кра­ти­лась. Од­на­ко, ско­рее все­го, мы не мо­жем го­во­рить о кон­це су­ве­ре­ни­те­та, как это хо­ро­шо по­ка­зы­ва­ет М. Фу­ко.

Рас­смот­рев ос­нов­ное со­дер­жа­ние по­ня­тий, мы рас­смот­рим бо­лее глу­бо­ко про­бле­му го­су­дар­ствен­но­го су­ве­ре­ни­те­та на кур­сах, ко­то­рые Ми­шель Фу­ко чи­тал в Кол­леж де Франс с 1970 по 1984 год, по­сколь­ку его вклад в дан­ную про­бле­ма­ти­ку, на наш вз­гляд, яв­ля­ет­ся все­ма зна­чи­тель­ным.

3. Про­бле­ма го­су­дар­ствен­но­го су­ве­ре­ни­те­та в по­ли­то­ло­гичес­ком дис­кур­се М. Фу­ко. В пе­ри­од с 1973 по 1979 год М. Фу­ко не­од­но­крат­но и ин­тен­сив­но за­ни­ма­ет­ся во­про­са­ми, име­ю­щи­ми все­ма яв­ную и не­по­сред­ствен­ную связь с по­ня­ти­ем го­су­дар­ствен­но­го су­ве­ре­ни­те­та [12. С. 45]. Хо­тя этот тер­мин ни­ко­гда пря­мо не при­сут­ствует в на­зва­ни­ях учеб­ных лек­ций, мно­гие лек­ции, прочи­тан­ные Фу­ко, сходят­ся в этой ка­те­го­рии. Фу­ко по­лу­ча­ет из те­о­рии пра­ва и по­ли­ти­ческой на­у­ки сло­во, ко­то­ро­му при­пи­сы­ва­ет­ся точ­ное зна­че­ние. Об­ла­да­тель су­ве­рен­ной вла­сти по очень дав­ней и важ­ной тра­ди­ции пред­став­лен тем, во­круг ко­го вра­ща­ет­ся функ­ци­о­ни­ро­ва­ние го­су­дар­ства, а имен­но су­ве­рен. Су­ве­рен по­ме­ща­ет­ся «в­вер­ху» и «в цен­тре» кар­ты вла­сти как точка, от ко­то­рой и к ко­то­рой дви­жут­ся все ос­нов­ные ме­ха­низ­мы, за­став­ля­ю­щие ра­бо­тать го­су­дар­ствен­ную ма­ши­ну. Кро­ме то­го, су­ве­рен – это тот, кто осу­ществ­ля­ет свою вла­сть с по­мо­щью вы­да­ю­щей­ся си­лы, спо­соб­ной обес­печивать со­блю­де­ние за­ко­нов, под­дер­жи­вать по­ря­док и пре­се­кать лю­бые пред­по­ло­же­ния о под­стрекатель­стве к мяте­жу.

М. Фу­ко на­ме­ре­ва­ет­ся под­вер­гнуть сом­не­нию это проче­ние [13. С. 245]. Мар­шрут, ко­то­рым он сле­ду­ет, ука­зы­ва­ет на фено­ме­но­ло­гию вла­стных от­но­ше­ний, за­пе­чат­лен­ных в их мно­го­об­ра­зии и рас­про­странен­ности. Речь идет о на­блю­де­нии за вла­стью пу­тем от­ка­за от пер­спек­ти­вы вер­ти­каль­но­сти, как если бы она рас­по­ла­га­лась в од­ном мес­те, а так­же пер­спек­ти­вы па­три­мо­ни­аль­но­сти, как если бы она при­на­дле­жала ис­клю­чи­тель­но ко­му-то, и, на­ко­нец, пер­спек­ти­вы по­дав­ле­ния, как если бы един­ствен­ный язык, на ко­то­ром он умел го­во­рить, был язы­ком за­пуги­ва­ния, на­ка­за­ния и ору­жия. Что­бы пере­чи­тать вла­сть, на­обо­рот, не­об­хо­ди­мо изу­чить ее функ­ци­о­ни­ро­ва­ние в час­тич­ных ап­па­ра­тах об­щес­тва, рас­пре­де­лен­ных по всем на­прав­ле­ни­ям и спо­соб­ных ре­а­ли­зо­вать тех­но­ло­гию, ос­но­ван­ную не на за­пре­те, а, на­обо­рот, на прину­жде­нии к дис­ци­п­ли­не.

Су­ве­рен­ную вла­сть Фу­ко опре­де­ля­ет, как форму от­но­ше­ний, ко­то­рая пред­по­ла­га­ет обя­зы­ва­ю­ще-за­щит­ную дея­тель­ность, по­сред­ством ко­то­рой го­су­дарь по­лу­ча­ет от под­дан­но­го ра­бо­ту, про­мыш­лен­ные то­ва­ры, время и ус­лу­ги, вос­ста­нав­ли­вая ему без­о­пас­ность, ко­то­рая зи­ждет­ся на осно­во­по­ла­га­ю­щем пре­це­де­нте – прися­ге на вер­ность, на­ко­нец, ко­то­рая для со­хра­не­ния себя по­сто­ян­но под­ра­зу­ме­ва­ет при­ме­не­ние си­лы или уг­ро­зу та­ко­го

применения. Но главный отличительный элемент заключается в том, что власть суверенитета всегда действует на человеческие множества, даже когда она косвенно подвергает их принуждению, связанному, например, с проездом по дороге или мосту, рубкой дров в лесу, высадке на берегу реки. Суверенная власть над жизнью также выступает по существу, как власть убивать. Суверен осуществляет свое господство через право меча.

В действительности отношение суверенности согласно М. Фуко относится к множественности, которая некоторым образом ставится выше телесной индивидуальности: к семьям, обычаям, к школе и т.д. [12. С. 341].

Что несомненно, так это то, что работа, проведенная между 1973 и 1979 годами, предлагает, однако, многочисленные инструменты для переосмысления категории «суверенитет» и для перечитывания трактатов по юридическим и политическим наукам, которые имеют к ней отношение или, по крайней мере, ее часть, с новой точки зрения. В рамках плотной и рафинированной реконструкции правовой модели суверенитета, появившейся за несколько лет до начала целостного издания курсов Фуко, возникает вопрос, является ли с точки зрения права, а тем более истории права подход Фуко, который размывает суверенитет распространением множественных властных отношений, не может быть существенно непродуктивным. Ответ на этот вопрос смогут дать уже будущие поколения исследователей....

Заключение. Итак, проведенный анализ позволяет нам прийти к следующим выводам. Государственный суверенитет состоит, прежде всего, в выражении воли к самоопределению социокультурной общности, обогатившейся в нации. В такой форме эта идея была руководящей идеей либерализма XIX века. В случае государств, например, России которые уже достигли политического единства, суверенитет проявляет себя лишенным спорного содержания, чтобы стать выражением воли «жить вместе», охраняя независимость и целостность страны. Национальный суверенитет тесно связан с термином нация после всех его модификаций.

Таким образом, политическая философия обычно различает в демократических государствах государственный суверенитет как политический источник власти правительства и национальный суверенитет как собственность самой власти, приписывая первую всему народному сообществу, персонифицированному в избирательном органе, а второе – государству, понимаемому как юридическая организация самого сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Боден Ж.* Шесть книг о государстве // Антология мировой правовой мысли в 5 т. Европа. V-XVII вв. Москва, 1999. Т. 2.

2. *Большаков А.Г.* Проблемная государственность в эпоху глобального кризиса национального суверенитета // Полис. Политические исследования. 2011. № 5.

3. Гоббс Т. Левиафан. М.: РИПОЛ классик, 2016.
4. Гройсберг А.И. Развитие теории суверенитета Ж.-Ж. Руссо в годы французской буржуазной революции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 1 (27) // <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-teorii-suvereniteta-zh-zh-russo-v-gody-frantsuzskoy-burzhuznoy-revoljutsii>.
5. Коцур Г.В. Деконтекстуализация концептов «суверенитет» и «стратегический суверенитет» в официальных дискурсах России и Европейского союза, 2016-2021 гг. // Полис. Политические исследования. 2023. № 4 // <https://DOI.org/10.17976/jpps/2023.04.03>.
6. Кудряшева И.В. Суверенитет, сецессии и судьба de facto государств // Полис. Политические исследования. 2010. № 4.
7. Максименко Ю.А. Учение Джона Локка о государстве и праве как классическое выражение революционной идеологии // Проблемы Науки. 2015. № 7 (37) // <https://cyberleninka.ru/article/n/uchenie-dzhona-lokka-o-gosudarstve-i-prave-kak-klassicheskoe-vyrazhenie-revoljutsionnoy-ideologii>.
8. Мархинин В.В. Учение о формах правления в политической философии Бартоло да Сассоферрато // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7 // <https://cyberleninka.ru/article/n/uchenie-o-formah-pravleniya-v-politicheskoy-filosofii-bartolo-da-sassoferrato>.
9. Пугачев А.Н. Государственный суверенитет: история, теория, практика // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2013. № 14 // <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-suverenitet-istoriya-teoriya-praktika>.
10. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / под общ. ред. С.П. Баньковской, Н.Д. Саркитова и А.Ф. Филиппова. М.: КАНОН-Пресс, 1998.
11. Сиваш Е.М. Вопрос суверенитета в актах Великой Французской революции и Священного союза // Проблемы законности. 2011. № 115 // <https://cyberleninka.ru/article/n/vopros-suvereniteta-v-aktah-velikoy-frantsuzskoy-revoljutsii-i-svyaschennogo-soyuza>.
12. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. Санкт-Петербург: Наука, 2005.
13. Фуко М. Око власти. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Москва: Праксис, 2006.
14. Cortese E. Sovranità (storia) // Enciclopedia del diritto, XLIII, Milano, Giuffrè, 1990.
15. Esenov M. Globalization and the problems of national sovereignty // The Caucasus & Globalization. 2006. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/globalization-and-the-problems-of-national-sovereignty>.
16. Jackson Robert. Sovereignty: The Evolution of An Idea, Cambridge: Polity Press, 2007.

M.S. PRITULA

*PhD student, Russian University
Friendship of Peoples named after Patrice
Lumumba, Moscow, Russia*

STATE SOVEREIGNTY AS THE THEORETICAL AND PRACTICAL-POLITICAL PROBLEM

The article is devoted to a theoretical analysis of the problem of state sovereignty. The development of the field of digital democracy largely depends on how well the conceptual dimensions are understood and how clearly the concepts of state sovereignty are defined. There is a lack of scientific research aimed at identifying this connection between the digital state and state sovereignty in the context of the modern Russian political system.

The purpose of the work is to identify the features of the analysis of the problem of state sovereignty as a theoretical and practical-political problem in the context of political science theory.

The purpose can be achieved through solving the following tasks:

- 1) Consider the concept of state sovereignty;*
- 2) Formulate various definitions of state sovereignty;*
- 3) Identify problems and prospects for the development of state sovereignty.*

The methodological basis of the study involves the use of a comparative method to determine the general foundations of the digital state and state sovereignty in the political science views of Lee, Johnson and other authors.

Results. *In the course of theoretical research, it was suggested that state sovereignty consists, first of all, in the expression of the will to self-determination of a socio-cultural community, designated as a nation. The article analyzed the contrast between international freedom of the digital economy and state sovereignty using the example of Russia, as well as the relationship of the digital economy and state sovereignty in modern Russia in the light of recent events in the Northern Military District in Ukraine and in the world.*

Conclusion. *We made the conclusion that in the case of states (for example, Russia) that have already achieved political unity, sovereignty manifests itself devoid of controversial content in order to become an expression of the will to “live together”, protecting the independence and integrity of the country.*

Key words: *state sovereignty, national sovereignty, states, country independence, nation, power.*

ЛОКАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В статье представлен теоретический анализ феномена локальной политической идентичности. Рассмотрены и проанализированы подходы к изучению идентичности, принятые в российской и западной политической науке. Основываясь на методологии социального конструктивизма и концепциях А. Ассман, Р. Брубейкер и Дж. Урри, автор предлагает модель локальной политической идентичности, состоящую из трех блоков. Первый блок – это элементы процесса идентификации, способы картографирования окружающей реальности и выбора стратегии поведения. В свою очередь состоящий из категорий, применяемых к себе и окружающим, а также их иерархическая связанность, социальные стереотипы, распространенные в локальном сообществе, относительно ожидаемого поведения его членов, ментальные схемы используемые для категоризации ситуации. Второй блок – материальная и информационная среда, в которой формируется и воспроизводится идентичность. В качестве элементов среды выделены нарративы о населенном пункте, в котором локализовано изучаемое сообщество, «места памяти» вокруг которых организована идентичность сообщества (памятники, узнаваемые архитектурные объекты, ландшафты, топонимы), коммеморативные практики использующиеся для воспроизводства идентичности сообщества. Третий блок – вовлеченность локального сообщества в национальный и транснациональный контекст. Вовлеченность представлена, совокупностью сетей и потоков (туризм, экспорт товаров т.д.) присутствующих в локальном сообществе, структура и состав элит и общественных организаций, инфраструктура, «локализации» сообщества (локальные СМИ, краеведческие музеи и др.).

Ключевые слова: *политическая идентичность, локальная идентичность, память, локальное сообщество*

Исследования идентичности в контексте политической науки, имеют долгую историю и представлены сразу несколькими теоретическими традициями. Учитывая, что при этом в прошлом, в фокусе таких исследований, как правило, оказывались национальные, классовые, религиозные

и региональные идентичности, предметом нашей статьи была выбрана локальная политическая идентичность, ранее реже других становившаяся объектом пристального исследовательского внимания.

Мы исходим из того, что локальная политическая идентичность не может быть сведена к такому феномену как идентичность региональная или этническая, так как в пределах одного региона, даже с однородным этническим и религиозным составом населения, различия в образе жизни и политических установках жителей различных городов и сельских населенных пунктов, могут существенно отличаться. Причем, эти отличия, в ряде случаев, в пределах одного региона могут быть более значимы, чем даже уже хорошо изученные различия межрегиональные или межэтнические (например, могут существенно отличаться: политические установки жителей крупного мегаполиса и находящегося на периферии региона ПГТ, жителей туристического курорта и жителей расположенного в том же регионе крупного промышленного или транспортного центра).

Одновременно с этим, вопрос локальной политической идентичности современного горожанина, при своем теоретическом анализе, ставит перед нами важную проблему: локальные идентичности традиционно рассматриваются социальными учеными в рамках подходов, опирающихся на исследования преимущественно сельских сообществ, укорененных в ландшафте, традиционных хозяйственных практиках и относительно изолированных от коммуникаций с «большим миром». Очевидно, что образ жизни современного горожанина напротив, предполагает высокую мобильность, включенность в национальные и транснациональные информационные потоки, и принципиально иной, отличный от сельского жителя жизненный опыт и кругозор. Поэтому мы должны усомниться в применимости указанных выше концепций для решения задач нашего исследования. Какие же альтернативные теоретические ресурсы мы можем использовать при построении модели такой локальной политической идентичности, если традиционные теоретические ходы нам в данном случае все-таки кажутся неприемлемыми?

Для ответа на него мы предлагаем рассмотреть основные школы анализа политической идентичности, используемые в отечественных социальных науках и обратиться к ряду теорий, разрабатываемых западными и отечественными исследователями, которые, по нашему мнению, могут нам помочь найти искомую модель. Модель, которая бы учитывала не только опыт проживания в локальном сообществе, связанный с определенной средой (в первую очередь с городским ландшафтом), но и взаимосвязь этого опыта с опытом включенности современного горожанина в транснациональные информационные потоки и мобильности.

Сразу стоит отменить, что в российской науке, теоретический ландшафт, связанный с интересующим нас термином, имеет свои особенности.

Так, после падения теоретической монополии догматического марксизма, тематика политической идентичности хотя и появлялась в трудах отечественных социологов (1), можно констатировать, что импортировав новый для постсоветских общественных наук термин, отечественные авторы того времени, в условиях дефицита источников, в основной своей массе игнорировали теоретические традиции связанные с бытованием этого понятия в западной науке, что в свою очередь привело на первом этапе к определенным проблемам с корректностью его употребления в их работах.

Именно поэтому важным этапом для развития дискуссии в отечественной академической среде, стала публикация в 1998 году соответствующего текста В.С. Малахова [7], который одним из первых в России поставил вопрос о недостаточной проработанности термина «идентичность» в русскоязычной научной литературе.

В своей статье [7] В.С. Малахов предлагал краткий обзор развития термина «идентичность» в философии (Адорно, Хоркхаймер, Делез, Деррида), психологии (Фрейд, Мид, Эриксон, Лакан) и социологии (от Мида к Гофману) и настаивал на недопустимости смешения представлений об идентичности как психологическом феномене и как феномене социальном. В том числе автор указывал на недопустимость, имевшего место у коллег, употребления этого термина в духе «Психологии народов» Вильгельма Вундта, понимающей ряд социальных конструктов таких как нация и этнос – по аналогии с индивидуальной психикой человека, и приписывавшей им способность «иметь» желания, волю, сознание и так далее [7].

Соглашаясь с этими замечаниями, теперь, мы можем констатировать, что за последние десятилетия, по мере освоения отечественными исследователями достижений зарубежной социальной и политической науки, ситуация качественно изменилась, а представления об идентичности в российской науке, в том числе и в ответ на статью Малахова, оказались существенно уточнены и переосмыслены большинством исследователей в русле более релевантных теоретических концепций. Что, позволяет нам, в свою очередь, использовать многочисленные работы ведущих российских авторов, разрабатывающих проблемы близкие к объекту нашего исследования.

В целом же процесс оформления концепта политической идентичности можно представить в виде трех «волн», каждая из которых не только фокусировала свое внимание на специфических, продиктованных собственной исследовательской программой, сторонах данного явления, но и привнесла в рассмотрение вопроса свои специфические теоретические установки.

Первоначально, понятие «идентичности» приходит в политическую науку из психологии и социологии, и происходит это в 60-х годах XX века, когда ряд американских исследователей (А. Кампбелл, Д. Каннеман, А. Тверски, Д. Батлер, Д. Стоукс, и др.) разрабатывают, прежде всего в качестве элемента описания электорального поведения американских избирателей,

концепцию партийной идентичности [15]. Именно в таком ключе в 70-х – 80-х годах этот термин становится популярен в странах континентальной Европы, пусть сам подход ввиду снижения доли, избирателей, сохраняющих приверженность одной политической партии на протяжении нескольких электоральных циклов, и переживает некоторый внутренний кризис [15].

«Вторая волна» исследований политической идентичности на Западе, стартовавшая в 90-х годах XX века, смещает первоначальный фокус внимания с партийной или классовой идентичности, на такие вопросы как: идентичность общеевропейская (Дж. Уэлш), этническая и конфессиональная идентичность (Р. Картер, Ф. Шлезингер), взаимодействие локальных и глобальных идентичностей (М. Кастельс) [15]. А «третья волна» (Т. Райсс, М. Эмерсон, В. Лотт), стартовавшая в 2000-х, не просто продолжает, уже начатую старшими предшественниками, линию исследований общеевропейской идентичности, политики мультикультурализма и сосуществования общеевропейских и национальных, этнических, конфессиональных представлений [15], но и существенно расширяет теоретический арсенал исследований идентичности с одной стороны, и их (например, за счет исследований идентичностей дискриминируемых групп и т.п.) проблемное поле с другой.

Важно отметить, что, если для представителей первой волны теоретическим контекстом их работ можно считать исследования в логике структурно-функционального подхода. То теоретическим ресурсом для исследователей политической идентичности, принадлежащих к представителям «второй» и «третьей» волны, как правило, стали концепции, разработанные в основном на протяжении 60-х – 80-х годов в рамках в западной социологии и социальной философии.

К таким представителям из «третьей» можно отнести, например, Э. Лакло и Ш. Муфф, использовавших теорию и методологию дискурс анализа для исследования идентичности; Э. Балибара развивавшего традиции неомарксистского направления в социальной философии и социологии; таких оригинальных социальных теоретиков и исследователей как Э. Гидденс, М. Кастельс; классиков «конструктивистского» подхода к исследованию наций и национализмов, таких как Б. Андерсон, Э. Гилнер и Э. Хобсбаума.

В настоящее время, ряд российских авторов на работы которых мы опираемся в нашем исследовании (и работы которых будут рассмотрены далее), развивают в современной отечественной социальной науке идеи именно этих «второй» и «третьей» волны, в том числе, опираясь на актуальные конструктивистские теории идентичности.

Так, Г. Миненков обращаясь к авторам «второй волны» и заостряя внимание на концепции идентичности М. Кстельса, например, указывает, что развитие в последней четверти XX века «новых социальных движений», основанных в том числе на артикуляции и мобилизации идентичности

(феминистские движения, движения за права гендерных и этнических меньшинств), бросило вызов социальной теории и потребовало обновления ее концептуального аппарата [11]. Одним из ответов на который и стала теория М. Кастельса, определившего идентичность как: «конструирование смыслов на основе определенного культурного свойства, которое обладает приоритетом по отношению к другим источникам смысла» [24].

Как указывает Г. Миненков, дискурс идентичности вскрывает одно из главных противоречий современного общества, противоречие между автономией субъекта и его фрагментацией [11. С. 22]. Он, отталкиваясь от предложенной М. Кастельсом классификации идентичностей (легитимирующая идентичность, идентичность сопротивления и проективная идентичность) указывает на политическую природу идентичности, как коллективной борьбы за признание. Индивид не просто борется за интересы социальной группы к которой его относят окружающие, но и борется за переопределение самого себя, освобождение от навязанных ему «ярлыков». Такое понимание идентичности, очищенное от эссенциалистских определений, предполагает ее не статичным явлением, а видит в качестве процесса конструирования нового субъекта. Именно поэтому, наиболее важными для анализа современного общества, оказываются идентичности сопротивления, которые как раз и превращаются в ядро идеологий многих новых социальных движений (таких как BLM, феминизм и т.д.).

Одновременно с этим, Г. Миненков указывает нам и на важное аналитическое противоречие, с одной стороны он солидарен с Э. Лако и Ш. Муфф, предлагающих анализировать политического субъекта, как субъекта конструируемого через набор не фиксируемых в закрытой системе субъективных позиций, а с другой стороны согласен с К. Кэлхуном напоминаям, что сами сторонники новых социальных движений, описывают себя и свою группу часто в эссенциалистских категориях и мы должны это учитывать в наших исследовательских стратегиях и при выборе языка описания.

Предложенная аргентинским философом Эрнесто Лакло и бельгийским социологом Шанталь Муфф теория дискурса основана на критике структуралистских теорий Ф. Соссюра, предполагающих фиксированное положение значений в структуре языка (и общества если мы вслед за К. Леви-Строссом и его последователями переносим этот подход на изучение социальных и политических отношений). Э. Лакло и Ш. Муфф предлагают вместо фиксированной и стабильной структуры концепцию «дискурса» – системы значений, лишь частично фиксированных в некоторых узловых точках [10. С. 57]. Дискурс организован через фиксацию в моменте отношений между знаками, через исключение всех других возможных значений знака (способов, которыми знаки могут связаны друг с другом). Совокупность исключенных значений формирует «область дискурсивности», находящаяся вне дискурса, но в любой момент способную привести изменения

в дискурс за счет проникновения в него элементов с незафиксированными значениями [10. С. 59]. Таким образом дискурс никогда не может быть завершённым, полностью структурированным, закрытым к изменениям.

Другим направлением критики, развиваемым Э. Лакло и Ш. Муфф является критика ортодоксального марксизма. Они, во-первых, отказываются от привычного разделения социального на базис и надстройку, рассматривая всю область социального как продукт борьбы различных дискурсов за гегемонию [10. С. 68]. Во-вторых, отказываются от описания общества как состоящего из объективно существующих классов, и в-третьих они отказываются от классического марксистского взгляда на формирование групповой идентичности [10. С. 69], на последнем тезисе мы должны остановиться подробнее.

Э. Лакло и Ш. Муфф отвергают идею, что коллективная идентичность определяется экономическими и материальными факторами [10. С. 79], настаивая, что она формируется дискурсивными процессами. Они предлагают пересмотреть классическое европейское представление о субъекте (как чем-то стабильном, автономном, равным самому себе) заменяя его на «субъектные позиции», занимаемые в контексте того или иного дискурса. Субъект не автономен, не един, а фрагментирован и детерминирован дискурсами, он одновременно занимает несколько позиций в различных дискурсах, возможно конфликтующих друг с другом. Единство достигается лишь в том случае, если в ходе борьбы один из дискурсов добивается гегемонии и исключает альтернативные способы идентификации, натурализовался и представил себя как естественное положение дел. Реинтерпретируя ряд положений философии личности Ж. Лакана, Э. Лакло и Ш. Муфф описывают индивидуальную идентичность как: расщепленную, децентрализованную (она всегда множественна и формируется одновременно в разных дискурсах), приобретаемую посредством репрезентации себя в дискурсе (идентификация индивида с субъектной позицией в дискурсе). Идентичность конструируется посредством «цепочек эквивалентности» через противопоставления, определяющие положение субъекта. Субъект всегда имеет возможность идентифицировать себя различными способами, поэтому идентичность всегда условна (это всегда лишь одна из предоставленных ему возможных альтернатив) [10. С. 84].

Так сам Э. Лакло формулирует свое представление об идентичности: «Сама идентичность социальных агентов все более и более подвергалась сомнению, когда постоянное движение различий в развитых капиталистических обществах показало, что идентичность и гомогенность социальных объектов была иллюзией, что всякий социальный субъект, по существу является децентрализованным, что его/ее идентичность – это всего лишь, изменчивая артикуляция непрерывно изменяющихся положений. Тот же избыток значения, тот же сомнительный характер любой структуриации,

которую мы находим в области социального порядка, так же должен быть обнаружен в области субъективности» [25. С. 27].

Групповая идентичность с точки зрения Э. Лакло и Ш. Муфф – это способ сократить количество возможных способов идентификации индивида, выделить из них наиболее релевантные конкретной ситуации. В этом процессе часть существующих различий игнорируется, в то время как другая наоборот наделяется конституирующими функциями (пол, национальность, место проживания, профессия). Для описания этого процесса Э. Лакло и Ш. Муфф используют следующие термины. «Логика эквивалентности» – когда несколько категорий объединяются в одну, создающую две оппозиции на которых выстроено различие членов группы от окружающих (свои/чужие, белые/цветные», местные/приезжие). «Логика различий» – разделение общей категории на несколько новых для уточнения границ группы (женщины мигранты, местные рабочие, и т.д.) [10. С. 57].

Еще один отечественный автор, о котором нельзя не упомянуть, Н. Полякова обращаясь, в свою очередь, к теориям Э. Гидденса и З. Баумана, указывает, что в условиях позднего модерна и глобализации, идентичность можно рассматривать исключительно в конструктивистских терминах, как рефлексивный проект самостоятельного выбора из стратегий, предлагаемых экспертными и знаковыми системами [14. С. 31].

Э. Гидденс в своих работах использует термин «самоидентичность», акцентируя этим ряд важных черт, свойственных идентичности в современном обществе «позднего модерна». Для него важна та особенность современного общества, которая позволяет человеку совершать выбор собственной идентичности. В отличие от традиционных сообществ, в которых идентичность определялась в большинстве случаев фактом рождения человека в семье, принадлежащей определенному сословию или социальной группе, и была неизменной на протяжении всей его жизни. В современном обществе социальная и географическая мобильность позволяет не только сменить идентичность в течение жизни индивида, но и совершать самостоятельный рациональный (рефлексивный) выбор.

В теории Э. Гидденса самоидентичность человека в современном мире характеризуется такими чертами как:

1) превращение самоидентичности в рефлексивный проект воссоздания целостности своей идентичности, обладающей внутренней референтностью и ориентированный на самого себя;

2) идентичность формируется как многоэтапный жизненный проект, «основанный на преодолении прошлого и прогнозировании будущего»;

3) рефлексивность идентичности соответствует текущей эпохе позднего модерна и охватывает также телесность индивида [14. С. 31].

В ряде аспектов теория самоидентичности Э. Гидденса отмечает ряд важных изменений, происходящих в практиках конструирования идентичности,

связанных с переходом с современному «модерному» обществу (в чем имеет ряд общих черт с теориями Дж. Урри изложенными ниже).

Э. Гидденс указывает, что в современном «модерном» обществе, практики самоидентификации человека оказываются погружены контекст «абстрактных систем», при которых эти практики отличаются, во-первых, большей рефлексивностью и изменчивостью, а во-вторых, становятся независимы от соприсутствия в одном пространстве и времени [22]. Повседневные рутины формируются в диалектических взаимоотношениях локального и глобального [22]. Глобальные изменения стремительно модернизирующегося и меняющегося мира, трансформируют повседневные рутинные практики и вслед за ними, способы которыми индивиды конструируют свою самоидентичность. Указание на взаимосвязь локального и глобального контекста, может быть особенно важно нам для, рассмотрения локальных идентичностей, и во многом сходно с рядом интуиций Дж. Урри и ряда отечественных исследователей.

Если в традиционном обществе идентичность формировалась последовательно сменявшимися друг друга психологическими характеристиками, имеющими устойчивые социальные «метки», такие, как практики перехода из статуса подростка в статус взрослого, полноценного члена общества. То человек живущий в современном обществе использует одновременно все образы своего «Я» как конституирующие элементы в изменяющемся социальном контексте [22]. Вслед за Фридманом Н. Полякова указывает, что нации в обществе позднего модерна, распадаются на множество этнических, религиозных и локальных идентичностей [22]. Единую идентичность граждан национального государства начинают размывать практики мультикультурализма, в некогда общем пространстве возникают «лакуны», заполненные привнесенными извне традициями. Идентичность формируется в диалоге с различными локальными традициями и глобальными структурами, становится фрагментированной и сменяемой «подобно одежде».

Еще двумя отечественными авторами, о которых мы считаем необходимым сказать, являются О.Ю. Малинова и Л.А. Фадеева. В своих работах [9; 8] О.Ю. Малинова рассматривает процесс конструирования макрополитической идентичности и его связь «политикой идентичности». Опираясь на концепции, М. Саммерс [28] и Э. Балибара [27], О.Ю. Малинова пишет о нарративности и процессуальности идентичности, ее связи с господствующим историческим нарративом и практиками ее воспроизводства. Изучая идентичность, мы должны рассматривать как складывались те категории, в которых в процессе публичных дискуссий описываются ее субъекты. Нарративы складываются в практиках символической политики, к которой могут относиться как юридические категории (гражданства и т.д.), и политика памяти (государственные праздники и т.д.), так и материальные объекты (памятники, государственные символы и т.д.).

Л.А. Фадеева, в свою очередь, отмечает, что важным направлением в изучении идентичности, является изучение того, как представления о прошлом влияют на конструирование политической идентичности. И указывает на то, что «конструирование идентичности включает в себя то, что можно было бы назвать политикой памяти, то есть воспроизводство социальных представлений о прошлом...» [19. С. 176].

Вслед за нею, как нам кажется включив в рассмотрение локальной политической идентичности исследования памяти (Memory studies) мы сможем не только обогатить наш теоретический арсенал, но и ввести в наш анализ, фактор материальных условий конструирования идентичности. Так как, для исследований памяти, материальные объекты, наделенные символическим значением (музейные экспонаты, монументы, архивы) играют важную роль в той концептуализации идентичности, которая используется в этом междисциплинарном направлении (более того с исследования «Мест памяти» П. Нора во многом и начался стремительный рост популярности данного исследовательского направления).

Рассмотрим его аргументацию подробнее. Французский исследователь Пьер Нора в своих работах «Проблематика мест памяти» [12] и «Всемирное торжество памяти» [13. С. 40-41] указывает на то, что мы переживаем эпоху, когда во многих странах, происходит небывалый прежде рост внимания к истории и ее переосмыслению, в контексте социальной памяти и исторической политики. По его мнению, это связано, с одной стороны, с разрывом быстро меняющегося современного общества со своими традициями, хоть и в малой степени, но бывшими частью повседневной жизни для поколений второй половины двадцатого века. Это создает чувство утраты и интерес к прошлому, материализующийся во все большем количестве новых музеев, архивов, электронных банков данных и т.д.

С другой стороны, интерес к прошлому связан с «демократизацией истории», процессом, сопровождающим деколонизацию (внешнюю – в постколониальных странах, внутреннюю – эмансипация этнических, сексуальных, социальных и религиозных меньшинств, и идеологическую – странах Восточной Европы, Балканах, Латинской Америки и Африки, освободившихся от авторитарных режимов). В этом случае память о прошлом является важной частью построения новой групповой или национальной идентичности [13. С. 48]. По его мнению, в последние несколько десятилетий, произошла инверсия понятия «идентичность», вместо термина обозначающего индивидуальную особенность и субъективность, «идентичность» превратилась в коллективное, публичное понятие и в этой своей интерпретации стало неотделимо от коллективной (социальной и культурной) памяти.

Другой западный исследователь, Алейда Ассман предлагает свой вариант концептуализации социальной памяти важное место в структуре которой занимает проблематика идентичности [1; 23].

А. Ассман выделяет три компонента и три вида памяти, различающихся между собой сочетанием указанных компонентов. Первый вид памяти – это нейронная память – память индивида, ее носителем является соединенная синопсисами сеть нейронов, среда в которой она функционирует – это социальная межличностная коммуникация, а опора – символические медиаторы, такие как: книги, музеи, произведения искусства или монументы. Второй вид – это социальная память, представляющая собой коммуникативную сеть «социальную конструкцию, формирующуюся и поддерживающуюся благодаря межличностным контактам и речевому общению» [1. С. 30]. В данном случае носителем данного вида памяти является социальная коммуникация, средой – мозг индивида, а опорой символические медиаторы. Третий вид памяти – память культурная, которая является символической коллективной конструкцией, носителем которой оказываются символические медиаторы, а опорой мозг индивида (через усвоение и ревитализацию символов). Средой для культурной памяти является социальная коммуникация, в ходе которой социальная группа «определяет свою идентичность с помощью символов, варьируя обновляя и оживляя их состав» [1. С. 31]. Память о прошлом в данном случае оказывается тесно связана с коллективной идентичностью, превращаясь в форму «коллективного самоотчета» [1. С. 50], способом конструирования социальной группы. Долговечность каждого вида памяти напрямую связана со сроком жизни ее носителей. Наиболее короток век индивидуальной памяти, она уходит вместе со смертью ее носителей, в этом смысле она оказывается недоступной исследователю если он не интервьюировал носителя памяти, так как ни мемуары, ни воспоминания людей, знавших его не способны в полной мере восполнить утерю живых воспоминаний человека, пережившего историческое событие. Срок существования социальной памяти дольше, социальная память воспроизводится и трансформируется пока живо поколение людей, сообщество свидетелей события, поддерживающего память в своей коммуникации. В этом случае возрастает, роль медиаторов. В культурной же памяти символические медиаторы играют центральную роль, поэтому она наиболее долговременна, так как воспоминания воплощенные, в музейные артефакты, произведения искусства или архитектурные памятники могут просуществовать столетия, становясь материалом для формирования национальных или социальных идентичностей, при этом часто меняя свою семантику, будучи встроенными в новые культурные и политические контексты.

Итак, теоретические подходы активно используемые в отечественных социальных науках, при всей их продуктивности, как мы видим, либо противопоставляют дискурсивные факторы формирования идентичности с материальным контекстом существования индивида (Э. Локло и Ш. Муфф), либо указывая на важность в том числе материальных факторов не раскрывают их взаимосвязь в практиках конкретного индивида (М. Кастельс, Э.

Гидденс). При том, что как мы указали выше, они крайне важны для понимания процессов формирования локальной политической идентичности. Для исследования локальной идентичности, важнейшем элементом которой является «культурная память» важна роль материальных медиаторов (таких как памятники архитектуры и музейные артефакты), мы должны предложить подход, соединяющий в одной модели дискурсивные и данные индивиду в его повседневном существовании материальные факторы.

В свою очередь, следуя интуициям таких наших коллег как Е. Дзякович и О. Малинова совмещая теоретическую оптику основанную на анализе дискурсов и нарративов в которых складываются категории само описания индивида с оптикой основанной на исследовании материальных медиаторов культурной памяти, мы предлагаем обратиться к концепции Р. Брубейкера, изложенной в работе «Этничность без групп» [2], так как она позволяет связать в единую модель способы описания своего положения в социальной реальности с опытом повседневного проживания в городской среде, взаимодействия в конкретных локациях, ежедневной коммуникации в сообществе.

В рамках поставленной нами задачи нам кажется важным подчеркнуть, что Р. Брубейкер акцентирует внимание на том факте, что один и тот же человек, в различных конкретных исторических и политических обстоятельствах, может действовать используя на практике различные идентичности, связывающие его с различными воображаемыми сообществами (этническими, локальными, классовыми или профессиональными).

Идентичность (автор предпочитает использовать термин «идентификация») – это динамичный процесс, основанный на категориях и схемах, позволяющих человеку разбить поток опыта на интерпретируемые объекты, свойства и события [2. С. 140]. В своем подходе к исследованию идентичностей Р. Брубейкер опирается на когнитивные исследования, теории фрейм-анализа И. Гофмана и этнометодологию Г. Гарфинкеля, Х. Сакса и Э. Щеглоффа (2). С этой точки зрения идентичность предстает системой категорий, используемых индивидом для «картографирования» окружающего мира и выбора подходящей (в конкретной, актуальной ситуации) стратегии поведения.

В когнитивистской парадигме (по крайней мере, так, как ее понимает Р. Брубейкер) место центрального теоретического концепта занимает процесс категоризации. Брубейкер указывает: «категории в высшей степени важны для понимания процесса мышления, но они столь же важны для разговора и действия... Категории структурируют и упорядочивают мир для нас. Мы используем категории для того, чтобы разбить поток опыта на различаемые и интерпретируемые объекты, свойства и события» [2. С. 140].

Социальная категоризация – описание тех или иных социальных явлений, как принадлежащих к определенной категории, включает в себя несколько аспектов:

Во-первых, это социальные стереотипы – комбинация прототипических характеристик, ожидаемых образцов поведения, и казуальных знаний [2. С. 142].

Во-вторых, идентификация или «самокатегоризация» (Р. Брубейкер настаивает на замене термина «идентичность» термином «идентификация», как процессивным, активным термином, лишенным нежелательных овеществляющих коннотаций [2. С. 89]).

В-третьих, это «схемы» (термин родственный, по мнению Р. Брубейкера Гоффмановскому термину «фрейм») – «ментальные структуры, в которых репрезентируется знание» [2. С. 145]. Через них люди воспринимают и интерпретируют опыт, порождают умозаключения и ожидания и организуют свое действие [2. С. 145]. Схемы это – механизм «ментального узнавания, который создает сложную интерпретацию из минимальных данных... они обрабатываются имплицитно, невербально, быстро и автоматически» [2. С. 145].

Стоит отметить, что схемы организованы иерархически и если «верхние» уровни неизменны и фиксированы, то низшие открыты для заполнения контекстуальными сигналами (в духе этнометодологии) [2. С. 145].

Таким образом, обращаясь к теоретическому подходу Р. Брубейкера, мы получаем возможность совместить в одной аналитической модели как дискурсивные факторы формирования идентичности на уровне социальных стереотипов и самокатегоризации, так и материальных объектов на уровне схем (особенно на низших их уровнях). Далее мы должны применить описанную нами концепцию к объекту нашего исследования – локальной политической идентичности. Для этого мы опишем основные характеристики локальной идентичности современного горожанина, предварительно остановившись на характеристике сельских локальных сообществ, и их отличий.

Известный исследователь сельских сообществ Дж. Скотт противопоставляет экономику локального сообщества (характеризующегося органической связью с окружающим ландшафтом и плотностью социальных отношений) основанную на метисе – практическом, локализованном знании, основанном на повседневных (часто традиционных) хозяйственных практиках, экономике индустриальной и «империализму идеологии высокого модернизма», основанной на абстрактных, универсальных, игнорирующих местные особенности схемах. При этом обращая внимание на такие принципы функционирования экономики традиционного сельского локального сообщества как: ориентация не на риск и максимизацию прибыли, а на минимизацию риска и выживание, социальную солидарность, эгалитаризм [16].

Указанные особенности традиционного хозяйства, по мысли Дж. Скотта, порождают соответствующие им культурные практики и особенности

идентификации. При этом А. Слиз, исследовавший, как и Скотт традиционные сельские сообщества, так характеризует особенности идентичности локального сообщества – они (локальные сообщества) «характеризуются ограниченным количеством акторов, возникающие между ними взаимоотношения имеют характер непосредственных контактов. Акторов локальной сцены объединяет некое единство целей и средств, следующее из общности обыденной жизни. Оно способствует развитию и мобилизует общественное поведение. Длительное существование таких сообществ привело к тому, что им можно приписать символический универсум, как его определили П. Бергер и Т. Лукманн. Здесь речь идет о совокупности ценностей и норм, не подверженных историческим изменениям и регулирующих обыденное и праздничное поведение, определяющих их ритмы и циклы. Наконец, локальное сообщество характеризуется особой автаркией, при которой вся жизнь людей может проходить в его пределах» [17].

Стоит отметить важность локальных коммуникативных и хозяйственных практик для успешного развития сообщества. Исследования наглядно демонстрируют, что локальные культурные события, фестивали ремесел и прочие элементы поддержания локальных идентичностей и традиций позволяют избавиться от стереотипов отсталости и провинциальности, препятствовать оттоку квалифицированных кадров и реально влияют на успешность местного хозяйства [28; 27].

Отечественная исследовательница Е.В. Дзякович в своих работах, обращаясь к концепции локальной или территориальной идентичности, обращает внимание на ту важную роль, которую в ее формировании играет историческая память [3; 4; 5; 6]. Обращаясь к концепциям Я. Ассман, М. Хальбвакса и М. Штомпки, она в своих исследованиях анализирует как локальные праздники (такие как День города), музеи публичные городские пространства или религиозные святыни, конструируют узнаваемый «геобренд», который становится ядром местной локальной идентичности. Важное место в исследовании локальных идентичностей Е.В. Дзякович уделяет анализу образа изучаемой местности в СМИ, так как «геобренд» формирует так называемую «медиаидентичность». Медиаидентичность формируется тремя группами факторов: во-первых, это «контент, связанный с местной событийностью и самобытностью» [6. С. 62]. Во-вторых, это узнаваемый язык, стиль изложения материала и в-третьих – это дизайн одновременно и отсылающий к уникальности места и соответствующий современным эстетическим нормам [6. С. 63].

М. Шуб использует отсылающий к концепциям А. Ассман термин «мемориальная идентичность», для описания ретроспективного способа, которым индивид или социальная группа связывает себя с пространством [20; 21]. Мемориальная идентичность связывает группу и место

посредством легитимного нарратива, и является важным элементом формирования локальной идентичности.

Е.В. Дзякович указывает на тесную взаимосвязь глобализации современной информационной среды и способов позиционирования территории, формирующих «геобренд», предлагая рассматривать процесс формирования локальных идентичностей «с точки зрения глокализации» [3. С. 79].

В некоторых чертах концепция Е.В. Дзякович близка тому способу, которым концептуализирует новые локальные идентичности Дж. Урри.

Именно теория Дж. Урри позволяет нам не просто объединить в анализ способов категоризации индивидов и материальные условия их проживания, но и локализовать их в территориальном сообществе, описав те различия, которые мы наблюдаем между традиционными сельскими локальными сообществами и современным городом.

Шестую главу своей, наверное, самой популярной, работы «Социология за пределами обществ», Дж. Урри начинает с рассмотрения форм локальной принадлежности, которые объединяются автором вокруг двух противопоставляемых терминов «земля» и «ландшафт» [18. С. 199-201].

Для практик, объединяемых вокруг первого термина, с точки зрения автора, характерно: поддержание образа жизни «в котором производительная и не производительная деятельность протекают в связи друг с другом и со строго очерченными участками земли» [18. С. 199-201].

Со ссылкой на М. Хайдеггера автор предлагает концептуализацию земли «как физического осязаемого ресурса ... осмысливаемого, скорее, функционально (а не эстетически) места труда» [18. С. 202-204].

Практики, связываемые с «землей», протекают в так называемом «ледниковом времени», когда несколько поколений земледельцев (выращивая, например, сад) участвуют в одном процессе, начало и конец которого не доступны индивидуальной памяти.

Для «ландшафта» главным ресурсом оказывается его внешний вид, визуально потребляемый туристами во время отдыха [18. С. 202-204]. В XX веке, по мнению Дж. Урри, распространилось мнение, что ландшафт должен «принадлежать всем» как «национальное достояние» [18. С. 202-204]. Практики, связанные с «ландшафтом» тесно переплетены с паттернами путешествия: пешего, автомобильного или вовсе виртуального (ставшего по-настоящему массовым во второй половине прошлого века с распространением таких коммуникационных технологий, как телевидение и интернет).

Потребители «ландшафтов» живут в «мгновенном времени», характерном для современной индустриальной эпохи. Превращение «земли» в ландшафт тесно связано с переходом от «ледникового» к «мгновенному» времени и обусловлены такими процессами, как:

– конкуренция на глобальных сельскохозяйственных рынках, рост международного товарооборота и географии поставок;

- вытеснение частных землевладельцев корпорациями;
- мобильность прав частной собственности на землю;
- значимость «ландшафтов» для современной туристической индустрии [18. С. 202-204].

Итак, прибегая у указанной оппозиции автор раскрывает концепт локальной идентичности и описывает способы ее формирования. По мнению Урри социальные явления формируются посредством включенности человека в те или иные потоки мобильности.

В целом, по мнению Дж. Урри, к общим характеристикам локальных принадлежностей можно отнести:

1) Наличие «следов различных социальных групп, исторически живших или пересекавших данную местность» [18. С. 202-204].

2) Возможность понимания локальностей, как «уплотнений», «связок», групп пространств, в которых взаимодействуют различные транснациональные и глобальные потоки и сети [18. С. 202-204].

3) Значимость для конструирования локальностей физических объектов (дерево, река, бар, старая мельница, памятник, сквер и т.д.) [18. С. 202-204].

4) Общие для проживающих в этих сообществах индивидов идентификации, построенные вокруг определенного исторического нарратива, призванного сгладить реально существующее (или существовавшее) социальное неравенство (и это, по мнению Дж. Урри, и есть истинная функция практического использования самого термина «сообщество») [18. С. 202-204].

Локальные сообщества, по мысли автора, так же характерны своей тесной связью с иными местами (в пространстве) посредством различных мобильностей (реальных или виртуальных перемещений людей, товаров, отбросов, идей или образов) [18. С. 202-204].

Как замечает Дж. Урри, с начала 1960-х годов возникают локальные сообщества или «бунды» (сообщества без строгой привязки к определенной местности), которые посредством создания локальных мест памяти противостоят официальным национальным нарративам [18. С. 219-221].

Эти локальные сообщества, по мысли Дж. Урри, представляют собой проявление одной из трех тенденций, подрывающих национальные идентичности.

Две других – это, во-первых, формирование глобальных сцен связанных с функционированием транснациональных сетей и потоков, приводящих к возникновению глобальных (транснациональных) идентичностей. И, во-вторых, формирование, и развитие многочисленных диаспор, связанных с их родными национальными сообществами опять же, через систему глобальных сетей и потоков по средствам различных мобильностей (в том числе и получающих все большее распространение, мобильностей виртуальных) [18. С. 220-225].

Здесь мы подходим к важному вопросу, как все эти идентификации сосуществуют в современном мире? Могут ли противоположные идентификации сосуществовать (на уровне картины мира конкретного индивида) или лояльность одному сообществу исключает другие?

Какие институциональные, экономические, технологические факторы могут повлиять на становление локальной идентичности?

В-первую очередь это с одной стороны наличие сообщества в традиционном смысле слова – нескольких поколений, проживающих на одной территории, тесно связанных с ее ландшафтами (Дж. Урри настаивал бы на термине «земля», так как в данном случае в большей степени имеется ввиду именно место проживания и хозяйственной деятельности, а не визуального потребления), экономикой, местами памяти, с детства знакомого с локальным историческим нарративом, местными городскими легендами и традиционными обычаями.

Во-вторых – это вовлеченность данной территории в глобальные или транснациональные сети и потоки. Например, в международную торговлю товарами, производимыми в этой местности, сырьем или природными ресурсами, которыми богат данный регион. Это может быть включенность в международные туристические потоки (во многих городах с богатым культурно-историческим наследием или уникальной природной средой туризм может быть основой местной экономики). Локальная идентичность может возникнуть и в городе – выполняющем функции крупного транспортного узла, зависящего скорее от транснациональных, а не внутригосударственных перевозок.

В-третьих, очевидно, что у локальной идентичности должны быть агенты (элитарные группы или массовые организации) заинтересованные в конструировании и воспроизводстве данной идентичности.

В-четвертых, должна существовать некоторая инфраструктура, выполняющая функции по «локализации» сообщества (по аналогии с «национализацией» государства). Роль такой инфраструктуры могут выполнять местные СМИ, краеведческие музеи, уроки краеведения в школах, фестивали и другие регулярные (ежегодные) мероприятия, посвященные значимым историческим датам (основание города, сражение, повлиявшее на исход войны, годовщина рождения известной личности, родившейся или долго проживавшей в городе).

Таким образом, концепция Дж. Урри предполагает, что идентичность населения современных мегаполисов и городов, включенных в глобальную экономику, по-новому воссоздает локальную идентичность. Такой способ идентификации в корне отличается от способов идентификации жителей традиционных локальных сообществ, так как непосредственно связан с глобальными потоками мобильности (туристическая индустрия, экспорт и импорт товаров и услуг, миграции и т.д.).

Таким образом, мы предлагаем концептуализировать локальную политическую идентичность используя теории идентичности, разрабатываемые А. Ассман, Р. Брубейкером и Дж. Уррии. Что позволяет одновременно включить в анализ с одной стороны категории идентификации и материальный контекст проживания индивида, а с другой стороны рассмотреть локальное сообщество как включенное в национальные и транс национальные сети, что характерно для современного города.

Учитывая материал изложенный выше, такую модель мы видим, как состоящую из следующих взаимосвязанных блоков.

Первый блок – это элементы процесса идентификации, то есть способы, которыми индивид пользуется для «картографирования» окружающей реальности и выбора стратегии поведения.

В данном случае, во-первых, мы будем должны изучить к каким категориям информант относит самого себя («самокагеризация»), как иерархически структурирована применяемая к самому себе система категорий, какие из них для него обладают приоритетом (например, как иерархически связаны такие категории как: гражданин России, представитель той или иной этнической группы, религиозной конфессии, профессионального сообщества, житель региона, житель конкретного населенного пункта).

Во-вторых, мы должны будем изучить распространенные в локальном сообществе социальные стереотипы. В каких ситуациях какое именно поведение членов локального сообщества будет считаться нормативным. Какие реакции на типичные ситуации информант ожидает от окружающих. Какими характеристиками он описывает те или иные группы внутри локального сообщества, считает ли их интересы конфликтными и в каких типовых ситуациях он ожидает, конфликт, а в каких солидарное действие.

В-третьих, это ментальные схемы привычные для информанта, как и по каким критериям он категоризирует ситуацию? Например, одна и та же ситуация может быть категорирована как конфликт локального сообщества и региональной или федеральной элиты, конфликт жителей и коммерческой компании, меж этнический конфликт, экологическое бедствие, а может быть просто проигнорирован как незначимое событие.

Второй блок – это характеристики материальной и информационной среды, в которой формируется и воспроизводится идентичность.

В данном блоке мы должны будем проанализировать, во-первых, какие нарративы о сообществе разделяют его члены, насколько они знакомы с его историей, какие события и личности присутствуют в этом нарративе. Во-вторых, во круг каких «мест памяти» организована идентичность сообщества. Ими могут выступать памятники, узнаваемые архитектурные объекты (например, старинная церковь или крепость), ландшафты, топонимы. В-третьих, какие коммеморативные практики используются

для воспроизводства идентичности сообщества? Праздники, фестивали, торжественные мероприятия в честь памятных дат и событий.

Третий блок – это характеристики вовлеченности локального сообщества в национальный и глобальный контекст.

Во-первых, мы должны опросить информанта о вовлеченности данной территории в национальные или транснациональные сети и потоки (туризм, миграция, производство промышленных товаров или сельскохозяйственной продукции). Во-вторых, это характеристика информантом элит и коллективных организаций (сильная местная элита, элита, состоящая из представителей национальной бюрократии, национального или транснационального бизнеса, наличие местных общественных или политических организаций). В-третьих, это инфраструктура, «локализации» сообщества (локальные СМИ, краеведческие музеи и др.).

Итак, рассмотрев основные школы исследования политической идентичности, представленные в российской и международной политической науке, мы предложили модель локальной политической идентичности, которая может стать основой для дальнейших наших исследований, позволяет перейти от теоретических концептов к эмпирическим исследованиям и включить изучение локальной политической идентичности в более широкий исследовательский контекст изучения политической мобилизации, исследований памяти и исторической политики, электорального поведения граждан. А также предложить рекомендации для соответствующих программ регионального или территориального развития.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В работах Г. Дилигенского рассматривалось становление политической идентичности различных групп в контексте социально-политических трансформаций российского общества. В тот же период Л. Гудков и Р. Туровский рассматривают политическую идентичность в российских регионах. Одновременно с этим появляется немало эмпирических и прикладных исследований, посвященных этой тематике.

(2) См. главу II и III указанного сочинения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2018.

2. *Брубейкер Р.* Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. Исслед. Ун-т. «Высшая школа экономики». Москва: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012.

3. *Дзякович Е.В.* Культурные центры как фактор формирования местной идентичности (на примере социокультурного феномена Прихоперья)

// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2010. № 2.

4. Дзякович Е.В. Идентичность, идентификация, инсценировка в развитии глобальных и локальных социокультурных процессов современности // Обсерватория культуры. 2010. № 4.

5. Дзякович Е.В. Территориальная идентичность: культурно-историческая память и геобренд // Пространство культурного текста. 2020.

6. Дзякович Е.В., Калмыков А.А. Идентичность места: малая родина, русский мир, геобренд // Вестник МГЭИ. 2020. № 1.

7. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2.

8. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. Москва: ИНИОН РАН, 2013.

9. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // ПОЛИС. Политические исследования. 2010. № 2.

10. Маранне В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс. Дискурс-Анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2е изд. испр. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.

11. Миненков Г.Я. Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории // Политическая наука. 2005. № 3.

12. Нора П. Проблематика мест памяти Франция-память / Пьер Нора, Мона Озуф, Жерар де Пуоимеж, Мишель Винок. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999.

13. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. Т. 2. № 2-3.

14. Полякова Н.Л. «Идентичность» в современной социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4.

15. Попова О.В. Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной науке / Семенов И.С., Фадеева Л.А. Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2011.

16. Скотт Дж. Моральна экономика деревни // Неформальная экономика. Россия и мир / под редакцией Т. Шанина. Москва: Логос, 1999.

17. Слиз А., Щепаньский М.С. Локальная и региональная идентичность в процессе глобализации // Вестник Сев НТУ. 2009. Вып. 94.

18. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкин; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012.

19. Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // Политическая наука. 2016. № 2.

20. Шуб М.Л. Мемориальная идентичность в структуре локальной идентичности жителей индустриальных городов Южного Урала // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2.

21. Шуб М.Л. Семиотическая среда закрытого атомного города как маркер локальной идентичности // Вестник культуры и искусств. 2022. № 1 (69).

22. Якушина О.И. Идентичность в социологической теории Э. Гидденса // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2.

23. Assmann A. Cultural Memory // Social Trauma – An Interdisciplinary Textbook. Springer, 2021.

24. Castells M. The power of identity. John Wiley & Sons, 2011.

25. Ernesto Laclau. The Impossibility of Society // Canadian Journal of Political and Social Theory. 1991. Vol. 15. No. 1-3.

26. Lee Jo, Arnason A., Nightingale A., Shucksmith M. Networking: Social Capital and Identities in European Rural Development // Sociologia Ruralis. 2005. Vol. 45.

27. Rajchman J. The identity in question. Routledge, 2014.

28. Somers M.R. The narrative constitution of identity: A relational and network approach // Theory and society. 1994.

29. What is social capital? A study of interaction in a rural community / Falk I., Kilpatrick S. // Sociologia Ruralis. 2000. Volume 40.

A.I. REBROV

*Post-graduate student of ION RANEPА,
Moscow, Russia*

LOCAL POLITICAL IDENTITY

The paper presents a theoretical analysis of the phenomenon of local political identity and analyzes approaches to the study of identity adopted in Russian and Western political science. Based on the methodology of social constructivism and the concepts of A. Assman, R. Brubaker and J. Urria, the author proposes a model of local political identity consisting of three blocks. The first block consists of elements of the identification process, methods of mapping the surrounding reality and choosing a behavioral strategy. In turn, consisting of categories applied to oneself and others, as well as their hierarchical connectivity, social stereotypes common in the local community regarding the expected behavior of its members, mental schemes used to categorize the situation. The second block is the material and information environment in which identity is formed and reproduced. As elements of the environment, narratives about the locality in which the community under study is localized, “places of memory” around which the identity of the community is organized (monuments, recognizable architectural objects, landscapes, toponyms), and commemorative practices used to reproduce the identity of the community are identified. The third block is the involvement of the local community in the national and transnational context. Involvement is represented by a set of networks and flows (tourism, export of goods, etc.) present in the local community, the structure and composition of elites and public organizations, infrastructure, “localization” of the community (local media, local history museums, etc.).

Key words: *political identity, local identity, memory, local community.*

Е.В. ЧЕРНЫХОВСКАЯ

кандидат исторических наук,

Россия, г. Ставрополь

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ОБРАЗА ПОДВИГА И ПАТРИОТИЗМА В РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКАХ¹

В статье представлен анализ учебной литературы для начальной, средней школы и гимназий царской, советской и современной России. Главный акцент в ней делается на то, как осмыслялось явление подвига в российской учебной литературе с конца XIX до начала 20-х годов XXI вв. в рамках изучения истории в начальной и средней школе, а также на то, как трактовалось в российских учебниках по истории этого периода понятие патриотизма. Статья представляет собой поиск модели возвращения к традиционным отечественным истокам воспитания патриотизма и гражданственности, внедрение которой в преподавании истории в школе является задачей государственной значимости.

Ключевые слова: *подвиг, патриотизм, государственная идеология, патриотическое воспитание, гражданственность, исторический контекст.*

*«Только тот народ, который чтит своих Героев,
может считаться великим»
К.К. Рокоссовский*

Процессы, происходящие с 90-х годов прошлого столетия в России, привели к смене политических и экономических ориентиров, негативным последствием чего стала подмена концептуальных основ воспитания и образования. В сознание подрастающего поколения на протяжении нескольких десятилетий активно внедрялась мысль о том, что Россия никогда не имела ни великой культуры, ни собственной многовековой истории, ни своих национальных героев, а все лучшее, чем она сегодня располагает – приносится

¹ Статья подготовлена в рамках темы 123091200055-4 «Образы и нарративы исторической памяти российского общества: ценностный императив гражданского активизма» Экспертного института социальных исследований при поддержке Министерства науки и высшего образования в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук.

с Запада. Такая ориентация молодежи на прозападные ценности и идеалы имеет целью в формате «мягкой силы» сформировать негативное отношение к таким понятиям как подвиг, патриотизм, государственная идеология, патриотическое воспитание, гражданственность и т.д.

Поэтому, в наши дни, от российской исторической науки и ее преподавания в учебных заведениях всех уровней требуется осмыслить место и значение подвига и патриотизма в российском историческом контексте.

Несомненно, образ подвига и патриотизма формируется исходя из исторической эпохи и специфики государственности. Анализируя учебную литературу для школьников царской России, мы приходим к выводу, что долг перед Отечеством, преданность стране, государству, царю как символу и воплощению государства, ответственность перед обществом передавались из поколения в поколение.

Формирование патриотической идеи, совпавшее по времени с возникновением Русского государства, с самого начала оказалось связанным с выполнением воинского долга. Именно эта идея, опирающаяся на необходимость «постоять за землю Русскую», отчетливо звучит в «Повести временных лет» [14] и проповедях Сергия Радонежского, в «Слове о полку Игореве» [20] и «Слове о законе и благодати» [11] Иллариона, а также в многочисленных былинах о богатырях русских [3; 8; 17].

Важным аспектом в формировании образа подвига в историческом контексте является его подчеркнутый всесловный характер – совершить его мог как император или именитый полководец, так простой крестьянин или даже ребенок. Обращаясь к историческому эпосу, можно найти тому множество подтверждений, в частности яркий пример – Илья Муромец – самый известный былинный богатырь – крестьянский сын [3. С. 43-64] или Иван Сусанин – так же простой крестьянин, который пожертвовал своей жизнью ради спасения царя [19. С. 69-72].

Особое значение образ «патриота» получил в петровское время. Это связано тем, что при первом российском императоре патриотизм приобрел характер государственной идеологии. Именно с XVIII века, формируется наиболее привычный современному человеку образ патриотизма, в контексте любви к Родине, желании встать на ее защиту. В учебнике М. Острогорского, выпущенного в 1891 году, «Учебник русской истории. Элементарный курс с рисунками, картами, таблицами и вопросами для повторения», предназначенного для III классов гимназий и реальных училищ, приводится напутствие Петра Великого воинам перед битвой со шведами, в котором царь подчеркивал, что сражаются они за государство, свой род и православную веру: «Пришел час решить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за отечество, православную веру и за церковь, а о Петр ведайте, что ему жизнь не дорога; жила бы только Россия в славе, и благоденствии!» [13. С. 76]. В учебных изданиях

советского периода, в частности, первом советском учебнике «Русская история в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского, который, по существу, приобрел статус единственного официального учебника по истории страны в 20-30-е гг. XX века и получил широкое распространение во всех учебных заведениях, личности Петра, как и других наиболее ярких фигур российской истории XVIII-XIX вв., отводится значительно меньшее значение и их доблесть, и подвиги упоминаются вскользь [15]. Во многом это связано с тем, что после свержения самодержавия началось планомерное и сознательное очернение всего предыдущего периода Российской истории. Сам автор учебника – М.Н. Покровский – был ярким революционером и посвятил свою жизнь борьбе с самодержавием, именно поэтому в его учебнике явно прослеживается тенденция к дискредитации всей дореволюционной истории России.

В 1930-х гг. вектор начал меняться, что было вызвано изменением ситуации в мире. Новой целью руководства страны стала необходимость сплочения народа, воспитание патриотизма и любви к Отечеству, в том числе и на примерах дореволюционного прошлого. Начавшаяся компания по пересмотру истории страны, восстановлению преемственности истории Российской Империи и СССР коснулась и преподавания истории в школах и вузах. В новом учебнике, созданном по прямым указаниям партии и правительства, пришедшим на смену вышеупомянутому учебнику М.Н. Покровского – «Краткий курс истории СССР» для 3-го и 4-го классов средней школы, под редакцией проф. Шестакова, изданного в 1937 году, подчеркивается прогрессивная роль преобразований Петра I. Однако в учебнике личность Петра I рассматривается в контексте борьбы с отсталостью России, а не воспитания общества собственным примером безграничного служения Отечеству [9. С. 60-65]. В формировании советской концепции отечественной истории, четко прослеживается зависимость содержания школьной истории от политической ситуации и идеологических установок правительства. Учебники истории описываемого периода писались по заданию партии и правительства, авторы должны были учитывать замечания высшего партийного руководства. В учебниках послевоенного времени и современной России вновь возвращаются к вышеупомянутому изречению Петра [12. С. 184; 4. С. 28-29].

В царской России, слава героических побед русских солдат на поле боя закреплялась, главным образом, за полководцами и военачальниками. С начала XX века ситуация начинает меняться, описание событий Первой Мировой войны в школьных учебниках свидетельствует, что теперь героями считают тех, кто сумел проявить свои лучшие боевые и человеческие качества в непростых условиях военного времени. Широкую известность среди солдат и народа получают подвиги обычных людей. Таким образом, изменяется представление о подвиге, внимание акцентируется на его массовости.

В учебниках современной России, изданных в 2016 и 2023 годах и охватывающих историю России в XX веке эта традиция сохраняется. Так, в специальном разделе «Честь и слава» рассказывается о подвигах сестры милосердия – Р.И. Ивановой и донского казака – первого награжденного Георгиевским крестом в годы Первой мировой войны – К.Ф. Крючкова [6. С. 17- 18; 10. С. 21], а также упоминается факт освещения на страницах газет подвигов казачки-участницы Первой мировой войны, которая выбралась из германского плена, а после чего сама совместно с шестью смельчаками пленила 18 немецких уланов – А. Лагеревой; М. Захарченко, которая, стала одним из лидеров Боевой организации РОВС, осуществлявшей разведывательную и диверсионную деятельность на территории СССР в годы Первой мировой войны; П. Нестерова – легендарного летчика, погибшего в ходе выполнения первого в практике боевой авиации воздушного тарана. Отмечены мужество и героизм первого кавалера ордена Св. Георгия – П. Врангеля, под командованием которого эскадрон атаковал и захватил германскую батарею у немецкой деревни Каушен в августе 1914 г. [6. С. 21; 10. С. 21].

В учебнике История России 1914-1945 гг. для 10 класса, базового уровня, 2023 года, под редакцией А.В. Торкунова приведен ряд показательных примеров. Это героические поступки поручика Н. Нечаева, за год до войны лишившегося глаз из-за взрыва ракеты, но вернувшегося в действующую армию; военного летчика Ю. Гильшера, который, потеряв ступню, продолжал совершать боевые вылеты; М. Бочкаревой – одной из первых русских женщин-офицеров, создавшей первый в истории Русской армии ударный женский батальон – «батальон смерти»; юного добровольца, 16-летнего москвича В. Соколова, воспитанника Строгановского училища, который за снятие неприятельского дозора и захват вражеского пулемета был произведен в унтер-офицеры, награжденного Георгиевским крестом 4-й степени [10. С. 21]. Все эти примеры говорят о том, что каждый подвиг и героический поступок индивидуальны, но в основе всегда лежат высочайшее состояние духа, готовность к самопожертвованию, убежденность в духовной правоте своего государства и своего жизненного дела, в которых и черпается решимость к ответственным героическим свершениям.

Большое внимание в учебниках 50-60-х годов XX века уделяется партизанскому движению, как в период Отечественной войны 1812 года, так и в годы Великой Отечественной войны. На страницах учебников С.П. Алексеева, В.Г. Карцова, А.В. Шестакова отмечены отважные участники партизанского движения: офицеры В. Давыдов, А.Н. Сеславин, А.С. Фигнер, крестьяне-партизаны из отрядов Е.В. Четвертакова, Г.М. Курина, Василиса Кожина – жена старосты села Сычевка Смоленской губернии. В. Кожина сражалась с врагом в крестьянском партизанском отряде во время отступления армии Наполеона из России [1. С. 63]. Яркими примерами

самопожертвования и патриотизма на благо Родины известными нынешнему поколению стали советские девушки Зоя Космодемьянская и Лиза Чайкина, пионер Саша Чекалин [7. С. 297; 1. С. 130].

Важное место в анализе исторического контекста учебной литературы для начальной, средней школы и гимназий царской, советской и современной России занимает описание готовности к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины с самого раннего возраста.

Так, в учебнике для начальных школ Петра Николаевича Полевого, рассказывается о мальчике 10 лет, сыне матроса – который «...повалился бегать на укрепления, где его отец заведовал стрельбой из двух мортир (орудие, стреляющее бомбами). Мальчик все приглядывался к орудиям, все около них вертелся, и все привыкли видеть его на укреплении. В тот день, когда отец Пищенко был убит, мальчик стал слезно просить офицера, заведовавшего орудиями: «Ваше благородие, разрешите мне выстрелить из мортиры!» Офицер дозволил, и Николай Пищенко отлично навел орудие и сделал два удачным выстрела. С тех пор, и до самого конца осады, он постоянно стрелял из этих мортир, нанося существенный вред неприятелю, и даже ни разу не был ранен...» [16. С. 153].

Использование в школьном учебнике для младших классов такого исторического эпизода, является показательным моментом в рамках патриотического воспитания, в контексте любви к Родине, желании встать на ее защиту. Учащийся невольно «примеряет на себя» образ героя в лице Николая Пищенко, тем самым испытывает его настроение, переживание, мотивацию поведения.

Этот же прием используется в учебной литературе советского периода. В учебнике по истории СССР по редакцией И.А. Федосова так описывается участие детей в событиях героической обороны Севастополя: «Севастополь сделался рассадником героев...

...Всмотритесь в жизнь здешних ребят. Тот к батьке на батарею, под градом вражеских снарядов, по нескольку раз в день сбегает, снесет то поесть, то выпить, то чистую рубашку, то тулуп или починенные сапоги. Иной мальчик, лет двенадцати, день-деньской работает веслом на вольном ялике, шмыгая от одного берега бухты к другому, на пространстве, где весьма часто вспенивает воду осколок лопнувшей над бухтой бомбы, или самая бомба...

...Из-под самых батарей, несмотря на огонь неприятельский, целые артели мальчишек таскали ядра; кто не осилит тащить, катит ядро; другие вдвоем тащат его в мешочке, иные везут одно, два, три ядра на маленькой тележке; глядишь, запряглась в эту тележку, между прочим, и девчонка, сама немножко больше ядра» [21. С. 88].

Подобные примеры детского героизма упоминаются в учебниках, описывающих события Великой Отечественной войны. Определенный эмоциональный настрой создают фотографии детей, сопровождающие описание

их подвигов. В современном учебнике по истории России отмечается, что «в рядах народных мстителей воевали не только взрослые, но и дети. Они помогали подпольщикам, были связными, ходили в разведку. Многие были награждены орденами и медалями, а пятеро юных патриотов – Леня Голиков, Марат Казей, Валя Котик, Зина Портнова, Саша Чекалин – были удостоены звания Героя Советского Союза (все – посмертно)» [10. С. 345] Показателен рассказ в учебнике о сыне полка Сереже Алешкове, мать и старший брат которого в 1941 г. были расстреляны фашистами, а командир полка стал ему приемным отцом. «Во время Сталинградской битвы он спас своему приемному отцу жизнь: взрывом завалило блиндаж, но Сережа смог привести подмогу и помогал тем, кто разгребал завалы. Награжден медалью «За боевые заслуги»» [10. С. 436].

На страницах учебника по истории России 1914-1945 гг. для учащихся 10 класса, изданного в 2023 году, также имеется фотография сынов полка 1-го Украинского фронта, где запечатлены: В. Евстифеев, В. Узбеков, С. Паршин, Н. Печененко. Последний «в 13 лет стал разведчиком партизанского отряда. Был схвачен фашистами, которые 3 раза имитировали его казнь на виселице. На третий раз мальчика парализовало. Когда пришла Красная Армия, он отказался от направления в детский дом и остался в армии сыном полка» [10. С. 449].

Сознание основной массы учащихся формируется на основе системных знаний, приобретаемых на уроках истории в школе. Именно поэтому, планомерно проводимая работа будет способствовать формированию представлений об исторических событиях и фактах, развитию у школьников осознания нравственных норм общества; учащиеся понимают смысл правильного поступка и объясняют необходимость такого поведения с позиции его значимости для других людей и общества в целом.

Отмечен в учебниках разных периодов труд и отвага женщин. Так в учебнике П. Полевого отмечено «Жены, сестры и дочери солдат и матросов, желая облегчить труд своих мужей, отцов и братьев, жили в землянках, около самых укреплений, и бесстрашно носили пищу на укрепления, освежали истомленных героев глотком воды, которую приходилось носить в гору под выстрелами, и подавали первую помощь раненым, прежде чем их увозили в безопасное место, на перевязочные пункты» [16. С. 153]. О подвигах женщин в время героической обороны Севастополя упоминается и в учебниках современной России, в частности, отмечена героиня обороны Севастополя – Дарья Севастопольская – простая русская женщина, оказывавшая помощь раненым и ухаживающая за больными [5. С. 94]. Многие женщины в желании быть полезной в непростой военной период поступали на курсы сестер милосердия, по окончании которых работали в военных госпиталях. Не остались в стороне и члены царской семьи – в 1914-1916

годах, курсы сестер милосердия окончили дочери царя Николая II – Ольга и Татьяна, вместе с их матерью Александрой Федоровной [10. С. 28].

Таким образом, сегодня проблема патриотического воспитания нового поколения стоит особенно остро в нашей стране и требует ее всестороннего рассмотрения. Естественно, что это направление педагогической деятельности получает новое развитие, в которой анализируется не только феномен патриотизма, но и патриотическое воспитание как инструмент государства, составляющая патриотизма, позволяющая сформировать высоко нравственного, преданного своей стране гражданина.

Образ патриота – идеального гражданина государства, преданного Родине, знающего и уважающего историю своей страны, ее культуру, язык, для которого смысл жизни является служение государственным интересам, готового к самопожертвованию во имя Отчизны, формируется с малых лет за счет многих факторов. Одним из таких факторов, весьма значимым, исходя из проведенного нами анализа учебной литературы, является модель возвращения к традиционным отечественным истокам воспитания патриотизма и гражданственности. Дело воспитания современной молодежи в духе гражданственности и патриотизма не может реализоваться в полной мере без обращения к духовному наследию прошлого. Внедрение этой модели в программы начального и среднего образования, в процесс преподавания истории в школе сегодня становится задачей государственной значимости, совершенно необходимой для достижения цели формирования патриотизма как национальной идеи России.

Научный фундамент под «строительство» этой национальной идеи, заложенный выдающимися отечественными мыслителями прошлого, чьи идеи были развиты и развиваются сегодня в трудах В.А. Каракоровского, Б.Т. Лихачева, Д.С. Лихачева, Н.А. Нарочницкой, В.А. Садовниченко, И.Н. Сиземской, Ю.В. Сокольниковой и др., представляет прочную основу для поиска наиболее эффективных средств патриотического воспитания. Вместе с Т.А. Бирючинской [2] мы придерживаемся мнения, что решить указанную задачу без внимательного глубокого комплексного научного анализа накопленного опыта, форм, методов, использовавшихся нашими предшественниками; без приспособления этой информации к современным условиям; без использования новейших цифровых технологий, решение задачи возвращения к традиционным отечественным истокам воспитания патриотизма и гражданственности, не представляется возможным. А без опоры на традиционные отечественные истоки воспитания патриотизма и гражданственности не может быть создана прочная и независимая от внешнего влияния «общая система нравственных ориентиров. Когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории» [18], о чем

говорил В.В. Путин в апреле 2007 г. в ежегодном послании Федеральному Собранию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алексеев С.П., Карцов В.Г.* История СССР. Учебная книга для 4-го класса. Учпедгизд, 1961.
2. *Бирючинская Т.А.* Проблема воспитания гражданственности и патриотизма в трудах отечественных ученых конца XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.01: защищена 15.12.2009 г. Рязань, 2009 // <https://www.dissercat.com/content/problema-vospitaniya-grazhdanstvennosti-i-patriotizma-v-trudakh-otechestvennykh-uchenykh-kon>.
3. Былины. Русские народные сказки // Древнерусские повести. М., 1989.
4. История России. 8 класс. Учеб. для общеобразовательных организаций. В 2-х ч. Ч. 1 / Н.М. Арсентьев, А.А. Данилова, И.В. Курукин, А.Я. Токарева; под. ред. А.В. Торкунова. М., 2016.
5. История России. 9 класс. Учеб. для общеобразовательных организаций. В 2-х ч. Ч. 1 / Н.М. Арсентьев, А.А. Данилова, А.А. Левандовский, А.Я. Токарева; под. ред. А.В. Торкунова. М., 2016.
6. История России. 10 класс. Учеб для общеобразовательных организаций. В 3-х ч. Ч. 1 / М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.; под. ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016.
7. История СССР. Краткий курс. Учебник для 4-го класса / под. ред. А.В. Шестакова. Учпедгизд, 1955.
8. Книга былин. Свод избранных образцов / составил В.П. Авенариус. Издание третье. СПб., 1885.
9. Краткий курс истории СССР: учебник для 3 и 4 классов / под ред. проф. А.В. Шестакова. М., 1937.
10. *Мединский В.Р., Торкунов А.В.* История России 1914-1945 гг. Учебник. 10 класс. Базовый уровень. М., 2023.
11. *Митрополит Илларион.* Слово о законе и благодати. М., 2011.
12. *Нечкина М.В., Лейбенгруб П.С.* История СССР. Учебное пособие для 7 класса. Издание шестое. М., 1971.
13. *Острогорский М.* Учебник русской истории. Элементарный курс с рисунками, картами, таблицами и вопросами для повторения. Для III классов гимназий и реальных училищ. СПб., 1891.
14. Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
15. *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. Партиздат, 1933.
16. *Полевой П.* Иллюстрированные рассказы из Отечественной истории для начальных школ. С.-Петербург, 1892.

17. *Пронн В.Я.* Русский героический эпос. М., 1999.
18. *Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 26 апреля 2007 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/сору/24203>.
19. *Рылеев К.Ф.* Думы / Издание подготовил Л.Г. Фризман. М., 1975.
20. Слово о полку Игореве / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
21. *Федосов И.А.* История СССР. Учебник 8 класс. М., 1982.

E.V. CHERNYKHOVSKAYA
Candidate of Science (History),
Stavropol, Russia

THE HISTORICAL CONTEXT OF THE IMAGE OF HEROISM AND PATRIOTISM IN RUSSIAN TEXTBOOKS²

The article presents an analysis of educational literature for primary, secondary schools and gymnasiums of tsarist, Soviet and modern Russia. It focuses on how the phenomenon of heroism was conceptualized in Russian educational literature from the late XIX to the early 20s of the XXI century as part of the study of history in elementary and secondary schools, as well as how the concept of patriotism was interpreted in Russian history textbooks of this period. The article is a search for a model of returning to the traditional domestic origins of the education of patriotism and citizenship, the introduction of which into the teaching of history at school is a task of national importance.

Key words: *feat, patriotism, state ideology, patriotic education, citizenship, historical context.*

² **Appreciation:** The article was prepared within the framework of the topic 123091200055-4 "Images and narratives of the historical memory of Russian society: the value imperative of civic activism" by the Expert Institute for Social Research with the support of the Ministry of Science and Higher Education at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

О.Ю. КОРНИЕНКО

кандидат философских наук, доцент
факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКИХ ЭЛИТ

В статье рассматриваются идентификационные особенности российских элит, связанные с системой их воспитания, национальными ценностями и установками русского народа, а также скачкообразный характер развития российских элит. В исследовании отмечается, что важнейшей составляющей формирования и развития элит является подход к их воспитанию на ценностях, присущих нации, который анализируется автором в диахроническом порядке.

Проанализированный материал выявил, что для России, начиная с домонгольского периода, характерен общеобразовательный подход в системе образования, основанный на нравственных и духовных принципах. Для российской традиции характерно делать упор на высокопрофессиональную, специализированную подготовку элит, уделяя меньше внимание развитию управленческих навыков.

Неравномерное развитие российской элиты определяется внешним контекстом, несколько бессистемным подходом к ее образованию и существенно зависит от вектора развития государства. Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о необходимости соотношения воспитания элит с национальной идеей и идентификацией ценностей и установок, а также необходимости сочетания традиционного подхода к подготовке высокопрофессиональной специализированной элиты с развитыми управленческими навыками и способностями.

Ключевые слова: элиты, национальные ценности, установки, скачкообразность развития, профильное образование.

Национальные элиты представляют собой сложнейшее социально-политическое явление, которое тесно связано с развитием нации, от менталитета, который аккумулирует особенности национального сознания, психики и системы ценностей и установок. Ценности у разных народов и этносов формируются в условиях вмещающего ландшафта, истории становления

и развития нации, при дальнейшем формировании на этой основе культурно-языковых и религиозно-идеологических норм и установок, Установки вырабатываются на базе уже сформированных национальных ценностей через воспитание, передачу знаний, опыта, что образует у людей определенного сообщества систему отношений к явлениям окружающей действительности. Такие сформированные установки определяют тип действий, реакции, поведения членов национального коллектива при межнациональной коммуникации, которые закрепляются в идентичности нации, и именно такие установки и ценности закладываются в процессе воспитания элит.

Термин «элиты» ввел в научный оборот Вильфредо Парето [12], который представлял систему общества как пирамиду, где верхнюю позицию занимает правящая элита, которая развивается по законам «элитогенеза» [6. С. 9]. Однако данная проблема находилась в центре внимания ученых еще со времен Н. Макиавели [5], подходы которого были переосмыслены и затем введены в политологию терминологически для двух отличающихся типов элит: львов (консервативных, но решительных элит) и лисиц (гибких, приспособительных элит). В. Парето пришел к выводу, что любая элита сходит с политического Олимпа, что может идти скачкообразно, революционно для «львов» или гибко, за счет ротации и изменений у «лисиц», но всегда заканчивается деградацией, уходом или трансформацией элит в политической системе государства, отметив, что история – это кладбище аристократий, т.е. элит.

Возникающая в недрах государства национальная элита развивается через усвоение национальных ценностей и менталитета, с учетом внешнего контекста, который также существенно влияет на развитие государства и процесс межнационального взаимодействия. Дальнейшее развитие национальной элиты идет под контролем государства, для чего существует целый набор инструментов и возможностей, как-то: образование, законодательные инициативы, государственные установки, интересы, привилегии, морально-нравственные установки общества, особенности социально-политического устройства общества, хозяйственно-экономические механизмы, и не только. Качество элит в значительной степени зависит от системы национального образования и эволюционного или революционного типа развития государства, что также находится под влиянием национальной идентичности, и заслуживает особого внимания.

Эволюция образовательных подходов на Руси. Эволюция образования для представителей элит России прошло длительный путь, в результате чего оно имеет свои особенности. При Владимире Мономахе школы возникали в крупных городах, но обучение было платным, и учиться могли только дети высших сословий [1]. Постепенно российская педагогическая школа выработала свой подход к воспитанию детей элит и других групп

граждан, в том числе благодаря установкам русских правителей на всеобщую грамотность, что можно рассматривать как первый крупный проект (мегапроект) на Руси.

Задачей подготовки детей было формирование ассоциативных связей на ранней стадии развития, которые потом преломлялись в процессе передачи знаний и информации. До восьми лет особое внимание уделялось сказкам и легендам, чтобы через верования и традиции, через частушки, поговорки, потешки ребенок проходил духовную школу и набирал нужные ассоциации. Затем для овладения ремеслами наступал период наработки конкретных умений, что совпадало с возрастом с 8 до 12 лет, когда дети поступали в ученики к мастерам, а информация и навыки передавались непосредственно ими в процессе практики. С десяти лет мальчики принимали участие в состязаниях вместе с взрослыми в духе взаимопомощи и воинской удали.

Элитное среднее образования существовало при церковных школах уже с конца XII века. Тогда по великокняжескому указу князя и купцы строили церкви и монастыри, а это требовало немало грамотных людей, благодаря чему довольно быстро стали создаваться училища. Исследователи древнерусской культуры считают, что для «нарочитой чади» дружинников были специальные школы подготовки будущих государственников и военно-политической элиты, а в бывшей киевской резиденции митрополитов учились не только русские ученики, но также и венгры, норвежцы, шведы, англичане.

Крупные города становятся очагами просвещения, особенно Новгород, где грамотные служащие собирали подати. В самом Новгороде грамотность была доступна всем, чему способствовало единство языка народного и государственного в Древней Руси, и для чего хватало знания азбуки. В древнерусских училищах главными предметами были славянская грамота и письмо, а на продвинутой ступени – греческий язык, когда учителями были греки, которых позднее заменили миряне. Основной акцент делали на осмысленное самостоятельное изучение текстов [3], и грамотность в Новгороде сделала поразительные успехи [11], причем, методы обучения грамоте были примерно такими же, как затем в XVI-XVIII веках.

На русское образование влияние оказывала также византийская церковь, даже в период своего заката. Ее отличием от католиков было то, что она служила только религиозной идее, без политических притязаний и была направлена на удовлетворение духовных потребностей людей. Религиозный характер православного воспитания и обучения заложили основы обучения при церквях (народные училища), и монастырях, где создавались гимназии.

Все это дало также толчок развитию светской литературы, таких как: повести, легенды, афоризмы, поучения, петарики-апокрифы. Население читало изучаемые представителями элиты сборники «Пчела», «Изумруд»,

«Златоуструй», «Златоуст» и другие, в которых было жизнерадостное восприятие мира, сотворенного Господом богом, что переносилось и на восприятие окружающей среды. Кроме того, важным считалось дать образование в увязке с воспитанием, когда отмечали пользу изучения наук и художеств, которые помогают научить молодежь жить по-христиански. Религиозные установки Руси привели к впечатляющим успехам просвещения, когда купцы строили на свои деньги церкви, которых только в Киеве насчитывалось около четырехсот [2. С. 39].

Одновременно на территории Руси формировалось элитарное образование, когда выдающиеся личности смогли реализовать свой талант и обогатили Русь разными знаниями и умениями. Среди них были: Кирик Новгородец, автор математического и астрономического трактата «Учение о числах»; Всеволод Миролобивый, законодатель, знатоки в преподавании языков. Можно также выделить личности, которые служили примером для молодых представителей элит, например: Никон, Антоний и Феодосий Печерские, основатели летописания и библиотеки Киево-Печерской лавры; Елифаний Премудрый, агиограф и автор «Троицкой летописи»; Кирилл Туровский, который развивал педагогические идеи Иоанна Златоуста.

Однако с нашествием Орды Русь понесла неисчислимые потери, поскольку наступило массовое обнищание народа, а также нация испытала моральные потери, когда нравственные заповеди стали уступать место материальным расчетам, а данные религией законы заменялись силой и прагматическими расчетами.

Образование элит в послемонгольский период. В XIV-XV веках осознание важности формирования элит, которые были нужны для освобождения от политической зависимости и воссоздания военно-экономического могущества государства. От осознания необходимости до принятия решения проходит довольно много времени, и в это время отроки знатных фамилий получают несистематические навыки и умения во время службы при дворе, где они «учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь».

Только в середине XVII века в России открывается Киевская академия, первое высшее учебное заведение, а в 1682 году в Москве открылась Заиконоспасская школа для детей духовенства, которая позднее преобразуется в Славяно-греко-латинскую академию. Накануне восемнадцатого века Петр основывает в Москве математическую школу для дворянских и приказных людей, а затем и адмиралтейскую, артиллерийскую, инженерную и горные на Урале [8]. По перечислению учебных заведений становится понятно, что государство взяло курс на развитие профильного, практического образования.

В 1697 году Петр посылает 50 стольников и спальников для изучения военно-морского и инженерного дела за границу. Остальных представителей знати царь приказал отправить в полки, где, по его мнению, они могли

пройти лучшую школу жизни. В последующие годы вопрос об образовании потомков дворян решался в таком ключе: либо учиться за границей, либо в создаваемых русских школах, либо служить в армии или на флоте.

Постепенно, в начале восемнадцатого века, Россия переходит к элитарному образованию для детей элиты, которое касалось, почти полностью, только мужского населения и шло в кадетских корпусах. Первым стал Шляхетский корпус – первое элитное учебное заведение России. Несмотря на доминирующую в образовании узкую практическую направленность, тогда уже стала ясна необходимость создания системы образования для элит, укрепляли мощь России и продвигали социально-экономическую модернизацию государства.

Школа Феофана Прокоповича была попыткой создать национальную школу, сочетающую в себе традиции европейского образования с русским национально-православным менталитетом. Далее выделяются Навигационная школа, ставшая основой Морской академии. Вскоре появляются инженерная и артиллерийская школы, хирургическая школа в Москве. На очереди уже были Московский и Петербургский университеты. В течение двух эпох Екатерины Великой и Александра I сформировался узкий слой дворянской элиты со своими элитарными подходами, для чего понадобилось создать особые школы воспитания элит: Смольный институт благородных девиц и Пажеский Его Императорского Величества корпус.

Александр уже стал внедрять элитное гимназическое образование для детей знати с открытием Царскосельского лицея и Благородного пансиона при московском университете. Условия приема в были достаточно гуманные: небольшое предварительное испытание, отличное поведение и хорошее здоровье мальчиков в возрасте от 10 до 12 лет, а обучение шло за казенный счет, не как в частных школах Британии. Вся система обучения строилась по системе смежных дисциплин, и, как в домонгольский период обучение шло одновременно с воспитательными задачами: нравственные проблемы решались в курсах права, этики, логики, политэкономии, закона Божьего.

Воспитание российской элиты получило новый импульс в конце XIX века по инициативе министра образования А.В. Головнина, который предоставил право создавать самостоятельные учебные заведения не только государству, но и общественным объединениям и частным лицам. Вскоре появилось много элитных частных школ со своим видением образования и образованности. Одновременно в стране сгущалась атмосфера острого социально-политического кризиса, и для препятствования распространению радикальных политических идей была проведена реформа П.Н. Игнатьева, когда открылись государственные учреждения: Тенишевское училище, Медведниковская гимназия и школа Е. Левицкой.

Подготовка элит в СССР. В СССР установка была на ликвидацию безграмотности и отсутствие элитных учреждений, как таковых, чего придерживалось и общество, и сами правящие классы, хотя некоторые исследователи пытались найти намеки на таковое в СССР [13]. В стране почти все общество было против самого существования элит и отстаивало принципы единого образования. Элитные школы, появившиеся произвольно в разных местах, постоянно испытывали угрозу закрытия, хотя действовали в русле единых подходов государства.

В период «перестройки и гласности» ситуация меняется, т.к. некоторые люди сумели мгновенно разбогатеть при государственной кормушке, а для большинства россиян богатство стало школой тщеславия, невежества и разврата [4]. Олигархи настраивают своих детей исключительно на западный вектор в будущем, и дети Вексельберга предпочитают Йель и Нью-Джерси, Ходорковского – Гарвард, Березовского – Кембридж, и все это воспитало у них высокомерие и пренебрежение к стране, которая дала им богатство и положение. Создается замкнутый круг высшего класса, который далее начинает воспроизводить себя через зарубежную систему образования, в которую заложены антироссийские подходы, а зарубежные банковские счета только укрепляют такой настрой. У элитарных заведений есть своя функция – воспроизводство элиты высшего общества, для чего они создаются как закрытые сообщества, приоткрываясь лишь понемногу, чтобы оживить слишком замкнутый круг общества, где плохо понимают происходящее вокруг. Объективный анализ состояния в системе элитного образования в западных странах подтверждает действия закона: политика не может отменить действия закона власти богатства, которое всегда сосредоточено в руках меньшинства, которое управляет большинством.

Основы воспитания новых элит России. В начале XXI века стало ясно необходимость воспитания национально-ориентированной элиты в самой России. Основой элиты должны быть следующие: жесткий отбор, жесткая подготовка, следование правилам, сильнейшая мотивация, при наличии в государстве амбициозной национальной идеи. Вне понятной национальной идеи воспитать патриотическую элиту сложно, т.к. элита не является абсолютно изолированной частью общества, а представляет ее важнейший составной элемент. Проблема высококлассных, консолидированных вокруг национальной идеи национальных элит стоит очень остро, и чрезвычайно важно подготовить молодежную элиту.

В СССР существовало понятие «золотой молодежи», которая в 1920-30-е годы ехала на большие стройки, и отцы этим гордились, а затем – шла развивать новые умения в авиации, потом, в сороковые годы дети правящей верхушки защищали Родину на фронтах. После смерти Сталина вектор сменился, и золотая молодежь почувствовала прелесть элитного поведения, когда они могли наслаждаться жизнью, а целину поднимали простые жители

страны или идеалисты, а в физики и химики шли увлеченные чудаки В семидесятые годы молодежь уже предпочитала идти в торговлю, МГИМО, ВКШ при ЦК ВЛКСМ, а затем – в партаппарат. В восьмидесятые предпочтения четко развернулись в сторону возможности выезда за границу [10].

Родившиеся в девяностые годы уже полюбили банки с их возможностями и старались уехать за образованием на Запад и не возвращаться в Россию. В двухтысячных особой популярностью стали пользоваться госкорпорации, куда приходили без желания работать с полной отдачей, без опыта работы с сотрудниками, без умения разумно управлять активами, без навыков удержания власти, которые имелись у их родителей, которые прошли сложную школу подготовки на всех ступенях профессии.

Ощущение потребности подготовки школ элиты привели к созданию «Школы кадрового резерва президента РФ» в 2008 году, во времена правления Дмитрия Анатольевича Медведева. Планировалось, что управленцы с солидным опытом и знаниями после работы в каком-то регионе будут направляться на руководство российскими государственными компаниями, что совершенствовалось при В.В. Путине. Как во времена Петра I, так и сегодня наиболее удачными подходами к созданию элит является подготовка профессиональных элит, для чего в 2015 году в Имеретинской низменности был создан Образовательный центр «Сириус» со статусом федеральной территории [9]. В рамках данного проекта реализуется современный подход к подготовке молодежных элит по типу Царскосельского Лицея.

Скачкообразное развитие российских элит. Российские элиты развивались всегда по одному и тому же сценарию. Они возникали в сложных для России (Руси) условиях, когда требовались их умения и преданность. Проходил некоторый промежуток времени (сейчас этот процесс значительно ускорился), и они уже требовали привилегий, получали их, привыкая к широкому образу жизни и не обращая внимания на необходимость коммерческих знаний, становились преградой развития государства. При этом, они видели тесную зависимость государственных правителей от данной элиты, которая считалась опорой государства, что подвигало его на поддержание такой элиты с ущербом для России. Поскольку элита всегда была частью общества, то общество начинало выражать недовольства, руководители государства ощущали бремя сословных привилегий. При этом, причиной для смены элит всегда становилась жажда передела благ.

Первой зафиксированной элитой Руси были бояре, т.е. «вельможи, хозяева», и по славянской этимологии оно происходит от славянского «бои» (битва), что указывает на получение боярского звания в битвах, хотя существуют и другие точки зрения на происхождение этого слова. Бояре в киевской Руси становились членами старшей дружины, а затем переходили на службу к великому киевскому князю. За службу они получали поместья – «земельные держания» на базе долговой зависимости в виде договора займа.

Боярское звание давало право участвовать в заседаниях Боярской думы, которая играла роль совещательного органа при великом князе и, позднее, при царе. Однако противоречия с верховной властью росли, так как руководители были за централизацию власти, а бояре этому противились, что особенно обострилось при Иване Грозном, когда через опричнину к концу XVII века многие знатные боярские роды были уничтожены, ослабли экономически, что привело к росту влияния дворянства.

Дворяне выдвинулись на первый план в конце XVII – начале XVIII века, и к 1714 году наследственные бояре и новое дворянство были уравнены государством. Вскоре дворянами уже стали озвучиваться требования привилегий, а в 1736 году им был разрешен выход в отставку с «оставлением за собой всех привилегий, которые до этого получали только за службу «до гробовой доски». Прецедент сословности получил поддержку государства, которое в дальнейшем неоднократно платило из государственной казны по счетам дворян-кутил, выкупая заложенные дворянами поместья.

Дворянская элита того времени имела странные представления о чести, когда обязательны к уплате были только карточные долги. Так, в 1791 году Екатерина дала распоряжению Державину рассмотреть донос на банкира Сутерланда, и Гаврила Романович был ошеломлен тем, как много представителей элиты должны были деньги Сутерланду, расплачивались, кто чем мог, оказываясь должниками голландских, английских банков. Среди должников были наследник престола Павел, вице-канцлер граф Остерман, генерал-прокурор Сената князь Вяземский, князь Потемкин (долг на 800 000 рублей) и многие менее значимые фигуры. Екатерина была поражена тем, что большинством ее подданных руководит иностранец Сутерланд.

Ярким примером состояния дел с дворянскими привилегиями является биография гениального русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. В 1830 году его отец Сергей Львович Пушкин выделил ему 200 душ мужского пола с семьями в селе Кистенево Нижегородской губернии, как подарок на свадьбу с Натальей Гончаровой. Александр Сергеевич сразу заложил их в Опекунском совете под 38 тысяч рублей. Однако после оплаты приданого, помощи друзьям у него осталось около 17 тысяч рублей, которых хватило лишь на три месяца в Москве, которые пошли на шляпки и платья жены. Александр Сергеевич Пушкин с тех пор постоянно оставался в долгах и жил в долг, неоднократно перезакладывая свои крестьянские души. Его пример показателен, потому что так вели себя многие владельцы крепостных душ и их семей [7].

В России во второй половине XIX века развивается социальная активность общества, которое требовало не только сохранения территории и нации, но и отражало желание выжить и жить обеспечено в условиях агрессивной внешней среды, в том числе, путем изменения функционирования социальных лифтов. Таким образом, российская политическая

элита сама во многом подготовила и инспирировала социальный взрыв Февральской и Октябрьской революций. Главное было в том, что российское дворянство не умело управлять имеющимися ресурсами, а после революций они не осознавали последовательности действий.

Советская элита также начинала с благих намерений создать лучшее, коммунистическое общество на земле, и среди первых революционеров было много бескорыстных энтузиастов. Компартия СССР действительно много делала для укрепления страны и всеобщего равенства. Элиты, как таковой, в это время не было, поскольку любой мог попасть в немилость и потерять работу и положение в обществе достаточно быстро. Однако не все хотели планомерно работать с полной отдачей, и вскоре стала актуальной чистка рядов бывших соратников, что привело к массовым репрессиям, но не дало государству развалиться.

В период «хрущевской оттепели», «брежневского застоя» и «перестройки» гражданское общество не одобряет происходящее, что активно отражается в языке, который в те моменты активно отражает социально-политические процессы в словообразовании: «блат», «нужняк», «неликвид» и др. В сфере экономики множество предприятий и организаций стали заниматься: «приписками», «браком»; стали «толкачами», подпольно выпускали «самопал» или «самоструй».

Новая элита, пришедшая к власти с Б.Н. Ельциным, не была новой элитой, поскольку она не создавала нового, а рушила накопленное СССР, что отразилось в прозвищах сподвижников Ельцина: «баобаб» (Борис Березовский за прочность и толщину); «думачи» (депутаты Государственной думы, которые вели себя часто глупо); «ельциноиды» (Ельцин + гуманоиды с оттенком враждебности), «чубайсизация» (как негативная роль Анатолия Чубайса в приватизации государственной собственности); «демшиза» (демократия + шизофрения).

Новая российская элита, формирующаяся в начале XXI века пока еще подвержена западному влиянию, что отражается в словарном составе русского языка. Несмотря на существенные перемены огромное количество привилегий, которыми пользуются сегодня представители элиты, вызывают резко-негативные оценки в обществе, которые, как всегда в русской истории, могут привести к кардинальным, революционным изменениям.

Некоторые выводы. Данное исследование подводит к выводу относительно важнейших идентификационных особенностей российских элит, главными из которых является достаточно открытая для общества система специализированного, профессионального образования и скачкообразный характер эволюции элит. Становление элит в российском обществе всегда шло неровно, и Россия всегда наступает на одни и те же грабли: создается элита, которая соответствует политическим и экономическим требованиям момента, обогащается за счет возможностей момента. Она начинает

требовать и получать привилегии, обособляется от народа за довольно короткий момент времени, вызывает отторжение общества, продолжая противопоставлять себя ему по образу жизни и поведению себя и своих отпрысков, что неминуемо ведет к социальному взрыву.

Все руководители Руси и России понимали важность воспитания элит, но подход к этой проблеме долго шел несистематически, через «ленивую политику», и только Петр I реально обратил внимание на актуальность проблемы и начал с воспитания элит, взяв за основу профессиональный фактор, столь необходимый для социально-экономического развития, упуская, однако, управленческий рычаг, необходимый для представления на международной арене национальных интересов государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алпатов Ю.М., Молчанов С.В., Грудцына Л.Ю. Зарождение воспитания и образования на Руси // Управление образованием: Теория и практика. 2016. № 4 (24).
2. Егоров С.Ф., Лыков С.В., Волобуева Л.М. Педагогика киевской Руси // Введение в историю дошкольной педагогики. М.: Издательский центр «Педагогика», 2001.
3. Изборник Святослава 1073. Сборник статей / от вред. акад. Б.А. Рыбаков. Научный совет по истории мировой культуры АН СССР. М.: Наука, 1977.
4. Ильинский И.М. Об элитарном образовании // Знание, понимание, умение. 2005. № 4.
5. Макиавелли Н. Государь. М.: Азбука, 2023.
6. Мохов В.П. Циркуляция элит: проблема критериев процесса // Власть и элиты. СПб.: Интерсоцис, 2014. Т. 1.
7. Пушкин А.С. Письмо № 394 П.А. Плетневу // https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1831_37/01text/1831/1582_394.htm.
8. Сафонова А.М. Горнозаводские школы Урала в первой четверти XVIII века. монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022.
9. Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102954231>
10. Халдей А.В. Кто управляет золотой молодежью // Завтра. 16.07.2021 // https://zavtra.ru/blogs/kto_upravlyaet_zolotoj_molodyozh_yu.
11. Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008.
12. Pareto V. Sociological writings. Translated by D. Mirfin. N.Y.: Frederick A. & Praeger, 1966.

13. Zajda J. Education and Social Stratification in the Soviet Union // Comparative Education. 1980. Vol. 16. № 1.

O.YU. KORNIENKO

*Candidate of Philology, Associate Professor
at the Faculty of Global Studies Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia*

IDENTIFICATION FEATURES OF RUSSIAN ELITES

The article examines identification features of the Russian elites, determined by the system of their upbringing on the national values and attitudes of the Russian people, as well as the planless nature of Russian elite's upbringing. The study notes that the most important component in development of the elites is the approach to their education on the values inherent to the nation, which is analyzed by the author diachronically.

The analyzed material revealed that since the pre-Mongol period Russian educational approach to general upbringings, as well as elite upbringing, has been characterized by a comprehensive educational approach, determines by moral and spiritual principles. It is typical for the Russian tradition to place emphasis on highly professional, specialized training of elites with less attention to the development of their management skills.

Haphazard development of the Russian elite is determined by an external context, a somewhat unsystematic approach to the ways of education, and significantly depends on the vector of the state development. The material in question leads to the conclusion about the need to correlate the education of the elites with the national idea and identification values and attitudes, and the need to combine the traditional approach to training a highly professional specialized elite with developed management skills and abilities.

Key words: *elites, national values, attitudes, haphazard development, specialized education.*

С.В. ВЕНЦЕЛЬ

начальник отдела аналитической и
образовательной деятельности НЦПТИ ФГАНУ НИИ
«Спецвузавтоматика», Россия, г. Ростов-на-Дону

РОЛЬ СУБЪЕКТОВ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СРЕДЕ НОВЫХ МЕДИА

Представленное исследование посвящено вопросу выстраивания эффективной системы противодействия распространению политического экстремизма в среде новых медиа. Важную роль имеют непосредственные субъекты профилактического воздействия, представленные на всех уровнях (федеральный, региональный и местный). Классификация субъектов основана на направлениях деятельности: реализация профилактической работы в реальном времени и проведение информационной работы в медиaprостранстве, включающей мониторинг, просветительскую работу и функционирование сообщества экспертов.

Ключевые слова: политический экстремизм, новые медиа, технологии, противодействие экстремизму, субъекты профилактики.

Введение. Эффективная система противодействия экстремизму, в том числе политическому, предполагает тесную координацию между органами власти и подведомственными ими организациями, правоохранительными органами, институтами гражданского общества, лидерами общественного мнения, коммерческим сектором и компаниями в области информационных технологий [2]. От качества выстроенной системы взаимодействия, а также грамотного распределения между субъектами профилактического воздействия полномочий зависит результативность проводимой работы по противодействию распространения экстремизма, в том числе политического.

Основная часть. На федеральном уровне действует специальная Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в Российской Федерации, созданная в 2011 году Указом Президента

Российской Федерации № 988 «О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации» с целью координации органов государственной власти в области противодействия экстремизму и нормализации межконфессиональных и межнациональных отношений. В состав комиссии входит 21 представитель органов государственной власти, для решения оперативных задач действует специальный президиум с участием руководителей МВД, ФСБ, Минюста, Следственного комитета, СВР, а также заместителя секретаря Совбеза России. Комиссия отвечает за разработку проектов документов по противодействию экстремизму (в частности, за разработку Стратегии противодействия экстремизму), за организацию и координацию работы по противодействию экстремизму, а также за мониторинг проделанной работы.

Однако, среда новых медиа, для которой характерным является полноценное вовлечение пользователей в работу с информационными ресурсами, определяет в значительной степени характерные особенности системы противодействия экстремистским угрозам, а именно: невозможность решения поставленной задачи исключительно силами федеральных органов государственной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также муниципалитетов. Используемые государственными органами власти инструменты для борьбы с угрозой, предполагающие преимущественно блокировку деструктивной информации, удаление экстремистского контента и привлечение к уголовной и административной ответственности правонарушителей, не могут претендовать на исключительную эффективность в силу того ряда причин:

– во-первых, стандартная блокировка противоправного контента при его выявлении не обеспечивает полный результат в борьбе с угрозой, поскольку он может воспроизводиться участниками экстремистских организаций и их идейными сподвижниками;

– во-вторых, важную роль при борьбе с угрозой играет профилактическая работа по формированию антиэкстремистского сознания, включая разъяснение действующего антиэкстремистского сознания, формирования неприятия к экстремистским проявлениям, а также разъяснения алгоритмов действий при столкновении с угрозами.

На базе Минобрнауки России в 2019 году создан специальный межведомственный Координационный совет по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма (далее – Корсовет) с целью формирования единых подходов к повышению эффективности профилактической и воспитательной деятельности для формирования у молодежи устойчивости к антиобщественным проявлениям, а также стойкого неприятия экстремизма и идеологии терроризма. Корсовет включает в себя сеть одноименных

Координационных центров в регионах России, а также векторных центров, задающих стандарты профилактической работы. Важным элементом деятельности Координационных центров является методическая и информационная поддержка профилактической работы, реализация профилактических мероприятий, в том числе в формате открытого диалога. По своей сути Корцентры приобретают статус важного связующего элемента в каждом регионе в контексте реализации профилактической работы [4].

Взаимодействие субъектов по профилактике распространения экстремистских проявлений, в том числе политического характера, следует проиллюстрировать в рамках нескольких ключевых векторов деятельности:

- проведение информационно-просветительских и профилактических мероприятий, а также мероприятий для специалистов: лекции, семинары, дебаты, викторины, кинопоказы с последующим обсуждением и т.д. НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» в 2022-2023 годах разработаны два комплекта сценариев профилактических мероприятий, содержащих интерактивные и наполненные смыслом форматы взаимодействия с целевыми аудиториями. В данном направлении субъектами профилактического воздействия являются правоохранительные органы, институты гражданского общества, образовательные организации, лидеры общественного мнения и т.д. Важно подчеркнуть необходимость привлечения блогеров и лидеров общественного мнения к профилактике, поскольку через свои ресурсы они формируют настроения, распространяют идеи и воздействуют на поведение других людей. Например, в условиях СВО ЛОМы способны разъяснять происходящие события с опорой на жизненный опыт и профильные знания, а также выполнять терапевтическую функцию (снимать напряжение и успокаивать людей) [1];

- деятельность в среде новых медиа по обеспечению информационной безопасности. Данный вектор включает в себя следующие направления деятельности:

а) мониторинг информационных ресурсов на предмет выявления противоправного контента для последующей блокировки. Среди субъектов данной деятельности можно выделить: заинтересованные правоохранительные органы (ЦПЭ МВД России, ФСБ России и т.д.), специализированные государственные организации (НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика», Центр анализа и профилактики информационных угроз в молодежной среде при РТУ МИРЭА), профильные коммерческие и автономные некоммерческие организации из числа институтов гражданского общества (АО «Крибрум», АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга в молодежной среде»), а также непосредственно киберволонтерские организации («Кибердружина», «Киберпатруль», «ПИКА» и т.д.) [3];

б) разработка и распространение информационных просветительских и профилактических материалов, направленных на формирование

неприятия экстремистских проявлений и на привитие навыков критического мышления. Среди субъектов следует выделить специализированные организации (НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика») и медиацентры, в том числе студенческие (например, Студенческий медиацентр Минобрнауки России); интернет-ресурсы и интернет-площадки (например, социальная сеть «ВКонтакте»), мессенджер Telegram, видеохостинги RuTube YouTube и т.д.); оказывающие поддержку в разработке контента (например, Институт развития Интернета) и т.д. [5];

в) формирование сообщества экспертов и лидеров общественного мнения для профилактического воздействия и борьбы с информационными угрозами. По данному вектору НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» проведена фундаментальная работа: во-первых, на интернет-ресурсе «Интерактивная карта профилактической деятельности» создан и постоянно наполняется раздел «Эксперты», участвующие в реализации профилактической работы; во-вторых, проведено 8 Всероссийских научно-практических форумов для специалистов «Безопасность в науке и образовании», а также в 2023 году в качестве новых форматов реализованы Всероссийский межведомственный семинар-совещание «Планерка профилактики» и Всероссийский форум «Интернет без угроз».

Выбор высококвалифицированного эксперта является одним из факторов успеха профилактического мероприятия наравне с правильно подобранным форматом (открытый диалог, дебаты, викторина и т.д.) и интересной темой (психология экстремистов, защита от вербовки в экстремистскую деятельность, художественные образы террористов и экстремистов в культуре и т.д.). В 2023 году НЦПТИ на основе проведенного по поручению Минобрнауки России всероссийского социологического исследования (опрошено более 50 000 респондентов) составил собирательный образ наиболее предпочтительного лектора для обучающихся студентов: представитель молодежи 25-35 лет, уверенный в себе, харизматичный, способный дать практические советы и ответы на вопросы аудитории, имеющий теоретический и практический опыт. Критически важным является наличие эрудиции, развитием которой среди специалистов занимаются медиаресурсы НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» [6]. Поэтому профессиональная подготовка профессиональных экспертов/лекторов для проведения профилактических мероприятий является важной задачей в рамках обеспечения работы системы противодействия распространению деструктивных явлений.

Заключение. Выстраивание эффективной системы противодействия распространению политического экстремизма, в том числе в среде новых медиа, предполагает постоянную работу по обеспечению взаимодействия между субъектами профилактики. Это взаимодействие может проявляться по различным направлениям с разной степенью включенности. Важным элементом данной системы является непосредственный специалист

по профилактике, а также лектор/эксперт, проводящий профилактические мероприятия. Ввиду роста угроз, появления новых вводных и расширения групп риска важно системно и на постоянной основе обеспечивать возвращение и подготовку таких специалистов, экспертов и лидеров общественного мнения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Блогеры и профилактика // https://vk.com/wall-112267450_8129.
2. *Венцель С.В.* Краткое руководство. Эффективная система профилактики: антитеррористическое сознание и новые практики // Обзор. НЦПТИ. 2021. № 4 (27) // <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkoe-rukovodstvo-effektivnaya-sistema-profilaktiki-antiterroristicheskoe-soznanie-i-novye-praktiki>.
3. *Венцель С.В.* Особенности мониторинга противоправного контента в интернете в рамках киберволонтерской деятельности // Обзор. НЦПТИ. 2021. № 1 (24) // <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-monitoringa-protivopravnogo-kontenta-v-internete-v-ramkah-kibervolonterskoj-deyatelnosti>.
4. *Козлов К.А.* Деятельность сети координационных центров по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактике экстремизма в период 2022-2023 гг. // Обзор. НЦПТИ. 2023. № 3 (34) // <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-seti-koordinatsionnyh-tsentrov-po-voprosam-formirovaniya-u-molodezhi-aktivnoy-grazhdanskoj-pozitsii-preduprezhdeniya>.
5. *Куценко М.В.* Контент-фабрика «Параллели» // Обзор. НЦПТИ. 2022. № 3 (30) // <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-fabrika-paralleli>.
6. Критерии идеального лектора в сфере профилактики? // https://vk.com/wall-112267450_8034.

S.V. WENZEL

*Head of the Analytical and Educational
Activities Department NCPTI FGANU Research
Institute “Spetsvuzavtomatika”,
Rostov-on-Don, Russia*

THE ROLE OF SUBJECTS OF PREVENTIVE INFLUENCE IN THE SYSTEM OF COUNTERING THE SPREAD OF POLITICAL EXTREMISM IN THE ENVIRONMENT OF NEW MEDIA

The presented research is devoted to the issue of building an effective system to counter the spread of political extremism in the environment of new media. The direct subjects of preventive action, represented at all levels (federal, regional and local), have an important role. The classification of subjects is based on the areas of activity: the implementation of preventive work in real time and the conduct of information work in the media space, including monitoring, educational work and the functioning of a community of experts.

Key words: *political extremism, new media, technologies, countering extremism, subjects of prevention.*

НГУЕН ТХИ АНЬ

аспирант Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ РАВЕНСТВА МЕЖДУ ЭТНИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ КАК ФАКТОР, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЙ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ВЬЕТНАМА

Исследования в области этнического равенства и политики этнического равенства становятся все более необходимыми и важными. Это связано с тем, что, как показывает современная практика, большинство крупных социально-политических изменений в странах связано с этническими проблемами и, конечно, каждая страна рискует прямо или косвенно столкнуться с этническими проблемами, даже замаскированными под этническую окраску. Будучи многоэтнической страной, Вьетнам всегда уделял внимание политике равенства между этническими группами и добился важных достижений. В статье ставится задача проанализировать основное содержание и доказать, что политика этнического равенства является фактором, обеспечивающим политическую стабильность во Вьетнаме сегодня.

Ключевые слова: политика этнического равенства, Вьетнам, политическая стабильность, саботаж, культура.

Важный вклад политики равенства между этническими группами в политическую стабильность Вьетнама. Политика этнического равенства всегда играет важную роль в строительстве и обороне многонациональной (этнической) страны. Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 6; 8; 9; 13; 17; 18].

Однако проблему национальных отношений и их влияния на этнополитическую стабильность государства нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Политика этнического равенства во Вьетнаме охватывает в основном относительно полные территории. Отличные результаты, достигнутые в ходе реализации политики этнического равенства, являются гарантирующим фактором стабильности и инклюзивного развития Вьетнама.

Во-первых, политика этнического равенства успешно способствует развитию этнического самосознания, улучшению межэтнических отношений, укреплению этнического самосознания и связей между этническими группами и государством, партией и государством, реализации грандиозной стратегии национального единства [10]. Кроме того, политика этнического равенства способствовала успешному решению острых этнических проблем и «горячих точек» в районах проживания национальных меньшинств. В приграничных районах достигнута социально-политическая стабильность, оборона и безопасность страны, сохранены национальный суверенитет и территориальная целостность, народ всех национальностей поверил в новаторский путь политики партии и государства, постепенно укрепляется и консолидируется дух великого национального единства.

Во-вторых, политика этнического равенства способствует социально-экономическому развитию, обеспечению гуманитарной безопасности и создает основу для устойчивого развития этнических групп и национальных сообществ. В частности, политика этнического равенства способствует поиску кардинальных решений сложных и актуальных проблем. В последние годы наблюдается быстрый рост экономики, достигнуты значительные результаты в сокращении бедности [5], постепенно завершается и синхронизируется развитие инфраструктуры, постепенно обеспечивается снабжение населения землей, лесом, водой и другими необходимыми производственными материалами, улучшается система здравоохранения и качество медицинского обслуживания населения, повышается качество образования, подготовки кадров и трудовых ресурсов, происходят позитивные изменения в профессиональном обучении и создании рабочих мест [14]. Произошли позитивные изменения в сфере профессионального обучения и создания рабочих мест. Это позволило постепенно обеспечить равные и справедливые возможности развития для этнических групп, особенно для общин, все еще находящихся на низком социально-экономическом уровне, с очень малой численностью населения и проживающих в труднодоступных районах.

В-третьих, политика этнического равенства способствует сохранению и продвижению традиционных культурных ценностей этнических групп, одновременно развивая национальную культуру, особенно укрепляя национальный язык и национальные символы [15]. На этой основе создает основу для построения национального сообщества – вьетнамского народа, объединенного в многообразии. Соответственно, традиционные культурные ценности этнических групп сохраняются и пропагандируются, особенно путем восстановления традиционных фестивалей, организации региональных

фестивалей культуры, искусства и спорта, а также конкурсов. Традиционные костюмы и кухня вьетнамских этнических групп. В то же время укрепление ценностей, символов и общих элементов вьетнамской культуры продолжает добрые традиционные ценности нации и выделяет культурную квинтэссенцию человечества.

В-четвертых, политика этнического равенства способствует развитию человеческих ресурсов, построению и укреплению политической системы и кадров этнических меньшинств, особенно местные жители, этнические группы с очень малочисленным населением, проживающие в труднодоступных районах, приграничных районах и на островах для удовлетворения местных рабочих потребностей [7]. В частности, политическое равенство этнических групп не только признано в документах, Платформе партии, Конституции и законах государства, но, что более важно, реализовано на практике, то есть является собственностью страны. Все этнические группы имеют право участвовать в правительстве, социальном управлении, экономическом развитии, сохранять и продвигать культурные ценности, защищать и пользоваться природными ресурсами. Коллектив кадров, государственных служащих и государственных служащих этнических меньшинств в политической системе от центрального до низового уровня увеличился количественно и улучшилось качество, включая многие кадры, которые являются высокими лидерами на уровнях партии, государства, национального собрания и Отечественный фронт.

В-пятых, политика этнического равенства способствует эффективному управлению и использованию природных ресурсов в целях развития этнического производства и средств к существованию [11]. Важно содействовать реализации Закона о земле, Закона об охране и развитии лесов, Морской стратегии и конкретных политик по управлению и использованию природных ресурсов, особенно земельных, лесных и водных. Имущество и основные производственные ресурсы большинства людей шаг за шагом способствуют поддержке и решению некоторых трудностей и недовольства некоторых людей, потерявших свои земли в процессе развития и не имеющих продуктивных земель и поселений, и в то же время сохраняют среду их обитания и обитания.

Достиженные за последние годы успехи в реализации политики этнического равенства способствовали укреплению позиций вьетнамской партии и государства на международной арене и росту влияния Вьетнама на мировое сообщество в целом и на регион в частности. В результате международное сообщество признало и оценило отличную, комплексную и синхронизированную систему политики вьетнамской партии и государства в отношении этнических групп, особенно малочисленных, проживающих в труднодоступных районах. Достижения Вьетнама в области ликвидации

голода и сокращения бедности признаны примером для многих слаборазвитых и развивающихся стран, у которых можно учиться и обмениваться опытом.

Искажение и саботаж враждебными силами политики национального равенства. Реальность показывает, что политика этнического равенства во Вьетнаме все еще имеет много недостатков. В результате районы проживания этнических меньшинств остаются в «худшей пятерке» по сравнению с общим уровнем развития страны, в том числе: 1) самые тяжелые условия; 2) самое низкое качество человеческих ресурсов; 3) самое медленное социально-экономическое развитие; 4) самый трудный доступ к услугам; 5) самый высокий уровень бедности [12]. Враждебные субъекты и организации, пользуясь проблемой, стремятся использовать этнические меньшинства в своих интересах, разжигая споры и конфликты, усугубляя ситуацию, сея внутреннюю рознь и разногласия, вызывая политическую нестабильность и ослабляя местные органы власти.

Одной из претензий враждебных сил является искажение этнического неравенства путем намеренного утверждения, что кинь во Вьетнаме пользуются уважением, приоритетом и условиями для развития по сравнению с другими этническими меньшинствами. Выдвигая подобные утверждения, противники часто опираются на существующее положение дел в районах проживания этнических меньшинств. В то время как местное население кинь, особенно в горных районах, быстро процветает, развитие многих этнических меньшинств идет медленно или даже стагнирует. В этой ситуации многим семьям этнических меньшинств трудно вырваться из порочного круга голода, и когда семьи сталкиваются с проблемами, они вынуждены продавать ценное имущество, такое как земля и дома, чтобы решить свои проблемы, а другие вынуждены работать по найму, чтобы свести концы с концами, особенно это касается представителей народности кинь. Фактом является и то, что в настоящее время большинство крупных официальных коммерческих сетей в горных районах и районах проживания этнических меньшинств функционируют в основном за счет государственных коммерческих систем и частных торговцев из числа кинхов. Кроме того, наблюдается рост такого явления, как добровольное ростовщичество, осуществляемое небольшим числом представителей народности кинь, должниками которых зачастую являются бедные этнические меньшинства, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации. Несмотря на эти поверхностные признаки, ряд зарубежных исследований показал, что кинь – это этническая группа, которая получила выгоду или больше других выиграла от процесса Дой Мой во Вьетнаме. Это очень опасный аргумент, используемый оппонентами для ложного обвинения кинь в эксплуатации этнических меньшинств и искажения целостности политики развития и достижений, сделанных

страной Вьетнам в период инноваций и агитации за «право на развитие» этнических меньшинств.

В области культуры также имеют место искажения и контрпредставления, согласно которым этнические меньшинства в значительной степени «ассимилировались» в культуру Кинь и «утратили свою культурную самобытность». В действительности этнические меньшинства усвоили культуру Кинь через образование, здравоохранение, торговлю и другие виды обмена. В соответствии с механизмом добровольной ассимиляции народа, этнические меньшинства ассимилируют культуру Кинь по различным причинам, таким как адаптация к изменяющимся экологическим, экономическим и социальным условиям. От организации повседневной деятельности, одежды, строительства домов для проживания, создания коллективного жилья и более широкого использования национального языка. Поощрение общения и обмена является частью процесса культурной интеграции между этническими группами через добровольные и адаптивные механизмы, а культурное «принуждение» – безусловно, нет. Таким образом, по сути, целью приведенной выше аргументации является намеренное провоцирование и разделение Вьетнама с целью повышения риска национального конфликта. Государственная культурная политика строится на концепции «выборочного сохранения», тем самым сознательно искажается представление о том, что партия и государство решают, какие аспекты национальной культуры стоит сохранять, от каких отказаться, а какие модифицировать в соответствии с общественным развитием.

Некоторые этнические меньшинства выступали против некоторых направлений местной политики из-за недостатка информации, которая тут же искажалась реакционными деятелями как «правительство притесняет меньшинства, нарушает религиозные свободы и права человека кочевников», побуждая людей к отказу от сотрудничества, неповиновению властям, нанесению ущерба государственной собственности и угрозе безопасности и порядку. Кроме того, диверсанты часто используют различия в культурной и духовной жизни между регионами, чтобы усилить страдания и лишения этнических меньшинств, особенно этнических меньшинств, горных, отдаленных районов и мест, где происходят стихийные бедствия и эпидемии, искажая картину, что «Партии и государству все равно» и что «вьетнамские этнические меньшинства эксплуатируются и подвергаются дискриминации».

Используя административные и оперативные недостатки и нарушения в некоторых областях, протестующие сразу же представили вьетнамскую политику этнического равенства как несправедливую и нечестную. Более глубокий заговор состоит в том, чтобы разжечь такой «маленький пожар», который диверсанты надеются превратить в более крупное «пламя», подстрекать и объединить силы для саботажа партии и государства, добиваться

вмешательства международных организаций, «интернационализировать» внутренние проблемы и тем самым свергнуть режим и задержать развитие Вьетнама.

Некоторые конкретные случаи: В северном горном регионе, используя изменения в верованиях и религии, связанные с историей и психологией народа монг, чтобы спровоцировать отделение и создать «автономное Монгское государство», чтобы разрушить блок великого единства нации (Используя протестантизм для распространения, собирая тысячи людей Монг в деревне Хуойкхуон, Намбо, провинция Дьенбьен, в 2011 году) [16]. В Центральном регионе враждебные и реакционные силы пользуются мусульманским вопросом (Ба Ни Ислам, Ислам) и Брахманизм, чтобы побудить народ чам следовать сепаратистской идеологии и восстановить «автономное королевство Чампа». На юго-западе кхмеры, исповедующие буддизм Тхеравады, уже давно становятся объектом их нападения под предлогом создания «автономной нации Кхмеров-Кромов». Враждебные силы воспользовались одноэтническими и одинаковыми религиозными отношениями между кхмерами во Вьетнаме и кхмерами в Камбодже, чтобы подстрекать и побуждать кхмерский народ отделиться и управлять собой. В Центральном нагорье внутренние активисты FULRO при поддержке и руководстве извне подстрекали этнические меньшинства к организации политических изменений и организовали заговор с целью создания «автономного района Дега» для свержения правительства в 2001, 2004 и 2008 годах, а совсем недавно, 11 июня 2023 года, штаб-квартира 02 коммун Эа Ктур и Эа Тьеу в уезде Куин подверглась безрассудному и опрометчивому террористическому акту, который шокировал и возмутил общественность. Таким образом, правильная реализация национальной политики равноправия является стратегической задачей особой важности, а продвижение традиций и силы великого блока национального единства – важной гарантией победы развития Вьетнама.

Можно утверждать, что хорошая реализация национальной политики равенства является стратегическим вопросом особой важности, способствующим укреплению традиций и силы великого блока национального единства; является важной гарантией победы дела развития Вьетнама. Политика равенства между этническими группами во Вьетнаме должна обеспечивать соблюдение некоторых основных точек зрения: Во-первых, устойчивость и этническая сплоченность всегда должны быть на первом месте среди целей политики. Во-вторых, участие населения в политическом цикле способствует повышению эффективности политики. В-третьих, политика межэтнического равенства всегда должна учитывать культурные особенности этнических групп, которым она выгодна. В-четвертых, хотя каждая политика имеет свои собственные цели, внимание к воздействию политики на бенефициаров может максимально повысить ее эффективность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Албаков М.А.* Конструктивистский подход к понятиям «нация» и «национальная идентичность»: анализ и политический контекст // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 5 (98).
2. *Гаджиев М.М.* Дагестанская модель постсоветской этно-мусульманской стабилизации: опровержение расхожих стереотипов и облегченных трактовок // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 9 (102).
3. *Годик М.А.* Реализация Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: подходы, процессы, практики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 6 (99).
4. *Денильханов А.Х.* Трансформация концепта «национализм» в российском либеральном дискурсе XIX-XXI вв. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 7 (100).
5. *До Ван Чуен.* Хорошая реализация этнической политики и улучшение жизни этнических меньшинств является важным фактором, способствующим консолидации и укреплению блока великого национального единства // Этническая газета // <https://baodantoc.vn/thuc-hien-tot-chinh-sach-dan-toc-nang-cao-DOI-song-cua-dong-bao-dan-toc-thieu-so-la-nhan-to-quan-trong-gop-phan-cung-co-tang-cuong-khoi-dai-doan-ket-toan-dan-toc-1619683927544.htm>.
6. *Ибрагимов И.Д.* Этноконфессиональные интересы и права на свободу совести в политико-правовом пространстве Содружества независимых государств // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 9 (102).
7. *Ким Ханг.* Ряд важных политик партии и государства по этническим вопросам способствовали постепенному экономическому развитию этнических меньшинств и горных районов и стабилизации их жизни // <http://dtg.ubdt.gov.vn/nghien-cuu-trao-DOI/mot-so-chinh-sach-lon-cua-dang-va-nha-nuoc-ve-van-de-dan-toc-da-thuc-day-vung-dong-bao-dtts-va-mien-nui-tung-buoc-phet-trien-kinh-te-on-dinh-cuoc-song.htm>.
8. *Медведев Н.П.* Этнос, нация и политика: еще раз о сущности понятий // Вопросы политологии. 2011. № 3.
9. *Медведев Н.П., Слизовский Д.Е.* Отечественная история: к вопросу о влиянии этничности на доступ к власти // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 3 (37).
10. *Нгуен Винь Тханг.* Равенство между этническими группами во Вьетнаме – Последовательная политика партии и государства // Журнал «Государственные организации» // https://tenn.vn/news/detail/37300/Binh_dang_giua_cac_dan_toc_o_Viet_Nam_Chinh_sach_nhat_quan_cua_Dang_va_Nha_nuocall.html.

11. *Нгуен Мань Куанг*. Этническая работа – Стратегическая задача вьетнамской революции // <https://bqllang.gov.vn/tin-tuc/tin-tong-hop/11643-cong-tac-dan-toc-nhiem-vu-chien-luoc-cua-cach-mang-viet-nam.html>.

12. *Нгуен Ту Тю Тхан*. Этническая политика Вьетнама через 35 лет инноваций // Коммунистический журнал // https://www.tapchiconsan.org.vn/web/guest/van_hoa_xa_hoi/-/2018/821701/chinh-sach-dan-toc-cua-viet-nam-qua-35-nam-DOI-moi.aspx.

13. *Тулупов Н.Р.* Национально-культурное самоопределение народов как социальный, культурный и политический феномен в современном мире // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 9 (102).

14. *Тху Лан*. Вьетнам обеспечивает равные права этнических меньшинств // Электронная газета Коммунистической партии Вьетнама // <https://dangcongsan.vn/xa-hoi/viet-nam-bao-dam-quyen-binh-dang-cua-dong-bao-dan-toc-thieu-so-625306.html>.

15. *Фуонг Лиен*. Важная роль этнической работы в ликвидации всех форм расовой дискриминации // Электронная газета Коммунистической партии Вьетнама // <https://dangcongsan.vn/bao-dam-quyen-cho-nguoi-dan-toc-thieu-so/dua-cong-uoc-vao-cuoc-song/vai-tro-quan-trong-cua-cong-tac-dan-toc-trong-xoa-bo-moi-hinh-thuc-phan-biet-chung-toc-645536.html>.

16. *Хоан Тхи Лан*. Назовите некоторые уловки, позволяющие использовать религиозные вопросы для саботажа партии и государства Вьетнама // <https://ninhthuan.dcs.vn/ninhphuoc/1287/30878/55154/287333/Bao-ve-nen-tang-tu-tuong-cua-Dang/Nhan-dien-mot-so-thu-doan-loi-dung-van-de-ton-giao-de-chong-pha-Dang--Nha-nuoc-Viet-Nam.aspx>.

17. *Хуан Минто*. История эволюции лингво-этнической политики в Казахстане // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 8 (101).

18. *Чжан Цзысюань*. Политический национализм и мультикультурализм в современном нацистроительстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 6 (99).

NGUYEN THI ANH

*Postgraduate student of the Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN),
Moscow, Russia*

NATIONAL POLICY ON EQUALITY AMONG ETHNICS IS A FACTOR THAT ENSURES THE POLITICAL STABILITY OF VIETNAM CURRENTLY

Research on ethnic equality and ethnic equality policies is becoming increasingly necessary and important. Because current practice shows that most major socio-political changes in countries are related to ethnic issues and of course any country is at risk of facing ethnic issues. Ethnicity, whether directly or indirectly, and even disguised under the cloak of national colors. As a multi-ethnic country, Vietnam has always paid attention to the policy of equality among ethnic groups and achieved important achievements. The article aims to analyze the basic contents to prove that the policy of ethnic equality is a factor ensuring political stability in Vietnam today.

Key words: *Ethnic equality policy, Vietnam, political stability, sabotage, culture.*

А.А. ЦВЯК

*аспирант факультета социальных наук
и массовых коммуникаций Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЗНАЧИМОСТИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ

Анализ частных военных компаний с точки зрения политических факторов их существования и развития является крайне актуальной темой на фоне динамичного расширения их деятельности, но в то же время всё ещё недостаточно разработанной в соответствующей научной литературе. Целью данного изучения является определение и конкретизация данных факторов. В статье рассматриваются ключевые элементы, определяющие повышенное политическое значение частных военных компаний в контексте вопросов функционирования военно-политических структур и государственных институций. Выделены и проанализированы ключевые подобные запросы, исходящие от государственных структур, такие как потребность в проекции силы, закономерные попытки избежания осуждения со стороны мирового сообщества в целом или отдельных государств, сокращение объема потенциальной критики внутри самого государства. Отображены механизмы их эффективной реализации, позволяющие политическим институциям достигать поставленных внешнеполитических и внутривнутриполитических целей, при недопущении сопутствующих репутационных рисков или развития разнородных кризисных явлений.

Ключевые слова: *политические факторы безопасности, частные военные компании, военно-политические институты.*

Частные военные компании на современном этапе развития международных отношений и военно-политических институтов являются важным инструментом реализации ключевых национальных интересов современных государств. Их роль, активно расширяющаяся в последние десятилетия, перестаёт сводиться к обеспечению исключительно охранных услуг физических и юридических лиц, а также ключевых объектов и зон коммуникаций, и начинает включать в себя всё новые форматы деятельности, такие как прямое участие в боевых действиях, развертывание поддерживающих

групп как непосредственно в зонах конфликтов, так и на пограничных участках, а также иные многочисленные мероприятия по разведке и контрразведке, логистической поддержке контингентов вооружённых сил, а также программы по обучению, подготовке и переподготовке, как военного, так и гражданского персонала.

ЧВК имеют под собой преимущественно негосударственную природу – даже действуя полностью в правительственных интересах и имея материально-техническое обеспечение, предоставленное официальными властями, они выступают особняком в системе силовых ресурсов государств, не входя в армейское сообщество или в систему силовых структур. Военная же часть их дефиниции указывает на милитаризованный характер функционирования организации – от распределения полномочий и особенностей иерархии до системы исполнения поставленных задач и наличия для этого соответствующих инструментов. Характер компаний же в данном контексте можно определить как указание на корпоративную основу существования ЧВК.

В то же время, учитывая то, что далеко не все частные военные компании являются зарегистрированными правовыми субъектами, это можно отнести и к их общим структурно-функциональным особенностям, подразумевающим наличие не просто разрозненно действующих представителей ЧВК, но их включенности в определённым образом системно действующую организацию.

Политические аспекты регулирования сегмента национальной безопасности, а также особенности коллегиальной гражданской позиции по ключевым вопросам безопасности, во многом определяют процесс развития частных военных компаний. Будучи изначально гибридным элементом как на уровне отдельно взятых государств, так и в общей контекстуальной системе международных отношений, ЧВК модернизируются и подстраивают свой статус под вариант, предполагающий консенсус между политическим аппаратом, обществом, и запросом силовых структур.

В этой связи, частные военные компании могут быть представлены и как параллельные вооружённые силы (характерно для Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики), от основных которых будет отличать исключительно их юридический статус; и как охранные структуры, фокусирующиеся на обеспечении безопасности персонала и объектов (характерно для стран Европейского Союза); и как прокси-формирования, обеспечивающие реализацию ключевых государственных задач в сфере внешней политики (характерно, например, для Российской Федерации).

Тем самым, можно говорить о том, что политические факторы и особенности политического представительства во многом определяют не только общие принципы конфигурирования системы безопасности современных

государств во внутренней и внешней политике, но и детерминируют роль, место и функциональные особенности частных военных компаний в них.

Для рассмотрения данной предметной области в рамках текущего исследования мы можем использовать такие методы, как аналитический; метод изучения научной литературы и профильных документов; методы ретроспективы и прогнозирования. Тем самым, методология исследования складывается из нескольких составных параметров, которые во взаимодействии между собой подводят к получению необходимого обобщённого знания.

Анализируя практику применения частных военных компаний, а также особенности нормативной регуляции основополагающих принципов их функционирования, как на законодательном уровне, так и в контексте потенциального корректирования их деятельности со стороны государственных структур, политических партий и общественных движений, мы можем прийти к конкретизации основных политических факторов, влияющих положительным образом на динамику существования частных военных компаний, а также определить их специфические особенности.

Первым из таковых факторов, влияющих на динамику существования частных военных компаний, является возможность их использования как точек приложения силы на внешней арене [2. С. 15]. ЧВК обладают потенциальной и фактической возможностью к быстрому развёртыванию в различных регионах мира, в том числе и в странах, находящихся далеко за пределами страны-регистрации самой частной военной компании. Их мобильность, помноженная на эффективную внутреннюю структуру, позволяет проводить как локальные операции, так и крупномасштабные действия различной интенсивности, при этом показывая относительно высокую степень результативности [4. С. 10]. С политической точки зрения частные компании в данном контексте предоставляют возможность странам нанимателям осуществлять приложения силы в наиболее важных регионах, последовательное политика в отношении которых на различных уровнях международных отношений приводит к пониманию необходимости использования ЧВК [1. С. 31].

Особенно остро данный вопрос встает на фоне повышенного внимания в последние десятилетия к крупнейшим логистическим маршрутам, путям снабжения и транспортно-перегрузочным хамам морского, железнодорожного и авиационного характера. Контроль за подобными локациями обеспечивает выполнение целого спектра задач, от стабильности пополнения государственного бюджета, до развития партнерских связей; от кадрового взаимодействия между компаниями и государственными структурами до поддержания общего уровня престижа государства за счёт его возможностей обеспечивать комплексную безопасность важнейших объектов не только на внутренней территории или в территориальных зонах сопредельных государств, но и на других континентах.

В то же время частные военные компании могут служить не только средством реализации долгосрочных концепции, во внешней политике ну и быть своеобразной пожарной командой, направляемой для локализации экстренных ситуаций и их устранения там, где первоначально не присутствовал фокус внимания со стороны государственных властей. Тем самым привлекательность ЧВК в контексте этого вопроса для политических лидеров является неоспоримой, предоставляя им доступ к быстрому, гибкому, высокоэффективному инструменту для подавления противоборствующих им сил и сторон, а также приложение силы в виде контроля за логистическими маршрутами, линиями коммуникаций или же охраны стратегических объектов.

Другим не менее важным фактором развития честных компаний с точки зрения политической целесообразности их использования является вопрос о контексте их существования в рамках международной правовой системы. Частные военные компании позволяют политическим лидерам использовать силу без официального объявления войны, формализованного направления официальных вооруженных сил или сопутствующих вспомогательных подразделений [3. С. 78].

Учитывая то, что потери в среде кадровых военных неизбежным образом отражаются в прессе и получают негативные коннотации общественного мнения на международной арене, сам факт использования конвенциональных вооруженных сил приводит к неизбежным внешнеполитическим последствиям. Частные военные компании же в данной связи позволяет обходить эти ограничения, действуя косвенно или зачастую даже скрытно, тем самым не привлекая внимание к государству-нанимателю. [6. С. 71]. Специфика деятельности частных военных компаний заключается в том, что в случае, если та или иная ЧВК начинает свою деятельность в какой-либо стране, то она, как уже было отмечено, зачастую работает не от лица того государства, в котором компания прошла регистрацию, а от лица частных и правительственных структур той страны, в которой дислоцируются сотрудники. Исходя из этого, подведение правовой базы под предъявление возможных обвинений о незаконном участии в боевых действиях будет направлено скорее против конкретной ЧВК, нежели чем против страны-регистратора.

Этот аспект позволяет рассматривать частные военные компании как крайне гибкий инструмент для ведения гибридных операций, специальных мероприятий, и иных действий, которые могут быть осуществлены государствами без угроз для своих позиций на международной арене. Репутационные же издержки в данной связи хоть и не исключаются полностью и безоговорочно, но становятся в явной степени менее выраженными, так как предоставление доказательств аффилирования той или иной частной военной компании с властями конкретного государства может быть

представлено чаще в виде журналистских расследований или же аналитических публикаций, далеко не всегда доходя до юридического языка и облагаясь в конкретные прецеденты обвинений со стороны международного сообщества.

Наконец, третьем ключевым фактором задействования ЧВК с точки зрения политической целесообразности является вопрос об общественном мнении на уровне внутренней политики. Находясь в условиях постоянного общественного контроля, высшее военно-политическое руководство, как правило, ограничено в возможностях задействования разнородных сил, так как любой прецедент их развёртывания может вызвать критику внутри самих государств. В то же время, общественно отношение к персоналу частных компаний, даже в том случае если они являются такими же гражданами страны, как и кадровые военные, является иным. Мировая практика показывает, что действия частных военных компаний, как правило, не приводят к тем же внутривнутриполитическим последствиям, как на уровне укрупнённого общественного мнения, так и на уровне политического противоборства между различными партиями или в общественными организациями, как это бывает в случае задействования или даже факта размещения за рубежом подразделений классических выраженных сил [5. С. 112].

Тем самым, можно подвести определенный итог о степени значимости политических факторов применительно к контексту развития частных военных компаний. Подобные элементы, такие как вышеупомянутые преимущества, связанные, с возможностью приложения силы и её проекции на ключевых направлениях, ухода из под ответственности перед другими странами мирового сообщества с сопутствующим понижением степени эскалации напряженности, а также снижение рисков в области внутренней политики, непосредственно влияет на характеристику развития частных военных компаний и на сам факт расширения их деятельности в современном мире.

Подобная ситуация, характеризующаяся увеличением значимости политических факторов применительно к действиям частных военных компаний, не только не теряет своей актуальности, но и имеет динамику к дальнейшему развитию в категории элементов, проанализированных в данной статье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Брега А.В.* Политический риск в обеспечении военной безопасности: теория и основы управления: специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»: автореф. дисс... на соискание ученой степени доктора политических наук. Москва, 2007.

2. *Волеводз А.Г.* О международных инициативах в сфере правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2009. № 1.

3. *Коновалов И.П.* История современного наёмничества: «дикие гуси» и частные военные компании. М.: Вече, 2017.

4. *Мартьянов О.* Частные военные компании США: предназначение и роль в военных конфликтах // *Зарубежное военное обозрение.* 2011. № 5.

5. *Небольсина М.А.* Частные военные и охранные компании в Ираке и Афганистане: аспекты деятельности и механизмы контроля // *Ежегодник ИМИ.* 2012.

6. *Singer P.W.* *Corporate Warriors: the rise of the privatized military industry* // Cornell University, 2003.

A.A. TSVYAK

Postgraduate student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

POLITICAL FACTORS OF THE IMPORTANCE OF PRIVATE MILITARY COMPANIES

Analysis of private military companies from the point of view of political factors of their existence and development is an extremely relevant topic against the backdrop of the dynamic expansion of their activities, but at the same time it is still insufficiently developed in the relevant scientific literature. The purpose of this study is to identify and specify these factors. The article examines the key elements that determine the increased political importance of private military companies in the context of the functioning of military-political structures and government institutions. Key similar requests emanating from state structures are identified and analyzed, such as the need for projection of power, natural attempts to avoid condemnation from the world community as a whole or individual states, and reducing the volume of potential criticism within the state itself. The mechanisms for their effective implementation are shown, allowing political institutions to achieve their foreign policy and domestic policy goals, while avoiding associated reputational risks or the development of diverse crisis phenomena.

Key words: *political security factors, private military companies, military-political institutions.*

Н.Д. ФАТИХОВ

*электоральный юрист, независимый исследователь
член Участковой избирательной комиссии № 292,
Республика Башкортостан, г. Уфа*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ В СИСТЕМЕ ГОРОДСКОГО МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИИ

Предметом исследования в настоящей научной статье стали проблемы функционирования системы городского местного самоуправления в России в условиях информационного общества. Анализируется современное состояние социальной коммуникации с учетом имеющихся исследований в области участия граждан в политической деятельности. Выделены основные проблемы в развитии муниципальной власти в городских округах, их влияние на протестную активность граждан. Предложены способы развития демократических процедур, в основе которых делиберативная демократия.

Ключевые слова: *делиберативная демократия, публичные слушания, местное самоуправление, территориальные органы самоуправления, политические коммуникации.*

Введение. Современный этап доступности информационных технологий для массового потребителя вносит значительные изменения в процесс политического управления обществом.

Распространение виртуальных социальных сетей делает максимально простым механизм образования новых объединений людей (кратковременных или стабильных), а равно формирует непрерывный информационный поток из частных новостей, обсуждений, бессмысленных троллинг-споров и, в противовес, дает начало открытости и доступности серьезных дискуссий, предоставляет всем без исключения свободу доступа к знаниям и возможность выбирать круг тем и вопросов, которые они желают включить в свою повседневную жизнь.

До сих пор в научных кругах встречаются позиции понимания массмедиа как субъекта формирования повестки дня или как массмедиа как политической технологии для формирования политической повестки дня [18],

но границы между медиа и средствами массовой коммуникации уже не существует. К примеру, ряд исследователей анализируют внепредвыборную активность депутатов в Twitter не как одноканальный способ передачи информации, а как рационально-критическую дискуссию [31].

Как справедливо отметил американский исследователь Джозеф Най, ключевой особенностью современной информационной революции является перераспределение политической власти от государств и крупных корпораций к неправительственным акторам и неформальным объединениям, появляющимся для решения конкретной задачи [32]. В этом мы и видим принципиальную особенность современной информационной революции. Дело, действительно, не в скорости и масштабах происходящих изменений, а в изменении качества социума.

Увеличивающийся информационный поток, все большая доступность механизмов решения проблем «в один клик», возможность немедленно организовать или присоединиться к любой общественно-политической дискуссии или выйти из нее исключает мотивацию к созданию постоянно действующих общественных союзов. Само по себе общественное объединение как иерархичный официально оформленный институт гражданского общества полностью исчезает из политического бытия. Ему на смену приходят, как совершенно точно отметил Джозеф Най, неформальные объединения *ad hoc* (появившиеся для решения конкретной задачи и по ее решению также быстро исчезающие). Кроме России, США и ряда других стран Европейского Союза, аналогичные процессы отмечены также и на территории Украины [5]. Так что мы имеем дело не с российской исключительной спецификой, а с давно наметившейся общемировой тенденцией.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 6; 7; 9; 13; 15; 16; 24; 26; 29].

Однако при всей широте разработанности темы, в отечественных исследованиях недостаточно внимания уделено перспективам новых форматов государственно-гражданского и муниципально-гражданского взаимодействия, которые складываются в современной российской практике.

Местное самоуправление в массовом сознании. Мы можем уверенно предположить, что причиной такого, уже российского, перехода виртуального контента в реальную политическую структуру является близость и понятность вопросов местного значения для граждан. Если в вопросах «большой политики» многие люди сами себя определяют просто как сторонников или противников отдельных политических деятелей и сил, то для определения качества городских дорог и решения вопроса нужен забор во дворе или нет совершенно необязательно становиться сторонником конкретных политиков и ждать, когда они предложат свои варианты решения проблемы.

По многим местным вопросам у горожан (1) уже есть своя позиция и здесь они уже могут выступать как акторы политического процесса.

Соответственно, действующая модель местного самоуправления явно не отвечает общественно-политическим тенденциям и неспособна обеспечивать качественное развитие России в целом. Как правильно было отмечено А.В. Новокрещеновым, существующая система местного самоуправления России в своей основе имеет «советские» корни [21]. Сейчас сущность конфликта между властью и обществом в области вопросов местного значения как раз и заключается в том, что власть старается привычно следовать советской логике вертикали власти вплоть до местного уровня, а общество начинает осознавать себя самостоятельным субъектом. Достаточно легко «пробудить» народный гнев самим обнародованием факта принятия решения по вопросам местного значения вопреки мнению и интересам граждан. А уж если администрация муниципалитета провела «тайные» публичные слушания, то это уже является основанием для гражданской протестной деятельности.

Однако, и полностью отказываться от действующей системы местного самоуправления в угоду весьма туманным перспективам «светлого будущего» было бы серьезным просчетом. К тому же, не стоит забывать о наличии многочисленного класса консервативно настроенных российских граждан, которые вряд ли с энтузиазмом воспримут любые радикальные политические реформы. Сама по себе революционная смена концепций функционирования отдельных институтов публичной власти или обсуждение таких концепций приведет к поляризации общества – значит подобные планы подлежат однозначному исключению из обсуждения как вероятностных сценариев политического развития российского общества.

Между тем, вовлечение населения в непосредственное осуществление местного самоуправления является актуальной проблемой, учитывая постоянно возникающие в разных регионах страны активные протестные действия по отдельным исключительно местным вопросам. В существующей практике организации местного самоуправления это сделать крайне затруднительно. Основным препятствием является, как ни странно, оторванность органов местного самоуправления от народа. Проблема появилась давно. Трудно не согласиться с позицией С.М. Миронова, который справедливо утверждал еще в 2007 г., что во многих случаях бездумное расширительное понимание городского округа и отсутствие внутригородских муниципальных образований в городах-миллиониках привело к девальвации самой цели местного самоуправления – приближения власти к народу [17]. Глава администрации крупного городского округа в России действительно, по характеру своей деятельности, больше похож на регионального чиновника, да и сам вряд ли позиционирует себя как представитель и исполнитель интересов и желаний «подчиненных» граждан. Невозможно создать

прямое местное самоуправление на территории с численностью населения в сто тысяч человек и более.

Возникает «старый» вопрос о восстановлении двухступенчатой системы местного самоуправления городами. Но мы, все же, считаем неправильным воссоздавать этот институт в новых реалиях.

Во-первых, сама идея представительной демократии на таком уровне, где население составляет десятки тысяч человек и менее, нам представляется неправильной: для созданий представительного органа на профессиональной основе слишком большие расходы, а формирование муниципального совета в виде очередного клуба местных бизнесменов лишь еще больше отстранит население от принятия власти и усугубит и без того прослеживающуюся тенденцию падения легитимности власти.

Во-вторых, уровень развития средств массовой коммуникации настолько велик, что вечерние онлайн-обсуждения жизни района, по накалу страстей и осведомленности в происходящем, делают бессмысленным создание специализированного органа по выявлению проблем, их обсуждению и принятию решений. Характерным примером являлся проект «Яндекс. Район» [33], который фактически был открытой площадкой для обсуждения вопросов городского микрорайона. Сейчас аналогичные функции выполняют телеграм-чаты. Сами по себе технологии, способные обеспечить прямое волеизъявление граждан по локальным вопросам, уже давно вошли в повседневную практику. Осталось только придать им надлежащий юридический статус и не мешать развиваться дальше.

Изменения в общественном сознании настолько значимы, что они начинают становиться предметом осмысления со стороны действующих чиновников разного уровня. К сожалению, многим госслужащим пока тяжело преодолеть укоренившийся подход к оценке сформировавшихся явлений исключительно как политтехнологий. К примеру, среди базовых причин роста протестных настроений в Екатеринбурге относительно перспектив строительства нового храма чиновники видят «широкомасштабное медийное освещение конфликта» [22. С. 145].

Однако, нам данная точка зрения кажется недостоверной. Масштабная медийная поддержка может лишь ускорить эскалацию конфликта между властью и обществом, но не быть его причиной. Причем подобная «ускоренная» эскалация конфликта является положительным для государственного аппарата процессом, т.к. социальные противоречия перестают существовать латентно, становятся очевидными для представителей публичной власти на ранней стадии и подлежат оперативному урегулированию без каких-либо тяжелых социально-политических последствий, что, собственно, и произошло в Екатеринбурге весной 2020 г.

Причиной является отсутствие осознанной потребности в профессиональной и систематизированной работе публичной власти в новых условиях,

а главной проблемой – острый кадровый дефицит соответствующих компетентных специалистов на всех уровнях российской публичной власти.

Возлагать всю вину за такое положение дел на государственных и муниципальных служащих некорректно. Наука, как потенциальный флагман любых политических реформ и практической управленческой деятельности, до сих пор не имеет четкого понимания как же надо управлять современным российским обществом. В научной среде нередко можно увидеть хорошее осмысление произошедших «цифровых» изменений как политических технологий, без структурированного подхода к ним как к основам политического процесса управления обществом [30]. Деятельность по захвату и удержанию власти не может являться базовой в практической управленческой деятельности, она не развивает общество и не нацелена на достижения значимых результатов, потому что сама по себе является бесцельной. Подход к управлению обществом с ориентацией на политические технологии приводит лишь к дискредитации и вырождению последних. Да и болезненное всевластие политтехнологов в нашей стране в 1990-х гг. никоим образом не повлияло положительно на прогресс их же собственной деятельности и не стало причиной прорывного развития государства. Неминуемым результатом подобного «политтехнологического» подхода к политическому управлению является моральный износ власти – «латентное ослабление общественной поддержки правящего политического режима, невзирая на его видимую устойчивость и прежние достижения» [31. С. 9]. Правда, «латентность» таких процессов весьма условна и могла быть вполне явна для политической элиты на самых ранних стадиях, если бы не изложенный подход к практической управленческой деятельности. Исходя из вышеописанного, возникает справедливый вопрос: какая практическая ценность от подобных научных исследований для политического управления обществом?

Делиберативная демократия в местном самоуправлении. Незрелость механизмов влияния общества на муниципальную власть и необходимость развития таких институтов уже осознана в науке [20]. Осталось понять какие именно нововведения будут востребованы обществом, способны отражать его реальные потребности. К сожалению, в умах российских государственных и общественных деятелей до сих пор главенствует либеральный подход. Согласно данному подходу, политическая деятельность – это борьба за власть, а успех определяется одобрением граждан [14. С. 12]. Такое понимание уже привело к кризису демократии. Ирландский исследователь Питер Майер вполне однозначно и неоспоримо указал на отсутствие у населения интереса к политическому процессу, а интерес к политическому классу находится между точек безразличия и враждебности [12. С. 20-22]. Именно поэтому самым просматриваемым политическим контентом является оппозиционный или же «провластный»,

но сопряженный с критикой оппозиции, – все в границах от безразличия до враждебности ко всем политикам без исключения.

Со стороны «либерального» мышления политиков и журналистов в этом можно увидеть борьбу за симпатии избирателей, попытки манипуляции сознанием того же электората и т.д. Группы российского политического класса настолько увлечены борьбой друг с другом, что не пытаются взглянуть на происходящее с позиции общества и понять общую направленность общественного мнения против них всех. Люди интересуются политикой, поскольку она влияет на их жизнь, но они не хотят быть вовлеченными в политический процесс борьбы за власть. Им он безразличен.

Значит и в основу процесса взаимодействия общества и власти должно быть положено такое понимание. Именно оно дает возможность увидеть в происходящем не очередной цивилизационный кризис России или «решающий» исторический момент, а постепенное планомерное и необратимое развитие общества. Политическая система и право должны «подстраиваться» под такие перманентные изменения и достоверно отражать их сущность.

Заслуживает особого внимания позиция д.ю.н., профессора Липчанской М.А. по осмыслению публичных выступлений граждан как способа самозащиты прав [11]. Отметим, что здесь уже публичные выступления воспринимаются не как результат использования политических технологий и не как их проявление, а как самостоятельный неправовой способ выражения своей позиции гражданами, в том числе посредством интернет-ресурсов, и направленный на самозащиту от несправедливости сложившихся жизненных обстоятельств или принимаемых публичной властью решений. Фактически мы говорим о признании публичных выступлений граждан (в том числе и высказываний на интернет-ресурсах) новой формой совещательной демократии, требующей надлежащего правового регулирования и внедрению в практику деятельности государственных и муниципальных служащих.

Концепцию негосударственных выборов разрабатывает Н.В. Перевышин [23] как новую совещательную демократическую практику [22]. Идея расширения понимания выборов заслуживает внимание и позволяет взглянуть на избирательный процесс со стороны общества.

Делиберативная демократия в принципе является попыткой взглянуть на политику глазами общества, а современный этап развития информационно-коммуникационных технологий может привести к формированию «новой модели демократии, которая основывается на синтезе двух концепций: кибердемократии, выдвинутой М. Постером, и совещательной...» [3]. Часть нововведений можно реализовать уже сегодня.

Согласно ст. 28 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» для обсуждения проектов

муниципальных правовых актов по вопросам местного значения с участием жителей муниципального образования представительным органом муниципального образования, главой муниципального образования могут проводиться публичные слушания. Публичные слушания проводятся в форме очного мероприятия, информация о котором подлежит заблаговременному открытому размещению.

Схожие предложения по внедрению онлайн-процедур проведения публичных слушаний уже высказывались в науке [19]. Однако, пока публичные слушания воспринимаются как форма принятия решений в условиях прямой демократии, а онлайн-обсуждения – как неправовой механизм. Мы полагаем такую точку зрения ошибочной.

Российская практика проведения публичных слушаний показала системные проблемы в этом институте, влекущие к неспособности публичных слушаний быть действенным механизмом прямой демократии. Фактически существующая модель публичных слушаний является для общества неэффективным инструментом взаимодействия с публичной властью, а для публичной власти – бесполезной процедурной нагрузкой в процессе принятия решений. Сейчас, гораздо более востребованными ресурсами общественных обсуждений, воздействия на публичную власть и обратной связи публичной власти с обществом являются онлайн-обсуждения, мобилизация граждан посредством виртуальной коммуникации.

Воспринимать онлайн-обсуждения как факультативный, менее значимый по сравнению с публичными слушаниями, социально-политический институт нецелесообразно. Наоборот, правильнее юридически и политически структурировать уже существующие общественные отношения в виртуальной среде по обсуждению вопросов местного значения.

Важным полагаем отличать публичные слушания и ТОС как институты развития совещательной демократии в местном самоуправлении и фактор развития культуры гражданственности в обществе от понимания публичных слушаний и ТОС как института прямой демократии и, соответственно, их роли в качестве своеобразной «школы демократии» [4].

В изложенных условиях деятельность должностных лиц органов местного самоуправления перестанет ими восприниматься как просто осуществление властно-распорядительных полномочий, а в самой науке исчезнут понимание цели существования власти как борьбы с цивилизационным кризисом [8]. Современная российская цивилизация не испытывает кризиса, есть новый этап в ее развитии.

Не являются изложенные предложения и «колониальными» намерениями внедрения в самобытную российскую цивилизацию западного уклада общественной жизни, что отмечается как неправильная концепция В.И. Спиридоновой [27. С. 9-11]. Существующие на современном этапе развития российского общества цивилизационные особенности необходимо

учитывать при разработке «дорожной карты» внедрения новых форм социального управления, а искать «особый» путь в местном самоуправлении не следует. Есть универсальный путь – соотношение форм, структуры и деятельности институтов местного самоуправления фактическому развитию и особенностям общества на данном историческом этапе.

Идеологические или цивилизационные установки имеют свое косвенное значение в нравственной направленности деятельности политических сил, на этом их практическое положительное влияние заканчивается. А стремление «заморозить» социальные процессы строго в рамках возобладавших в умах отдельных политических деятелей цивилизационных «скреп» или идеологических доктрин приводит к предсказуемому противодействию, лишь ускоряя процессы изменений в обществе, причем, видимо, уже с негативными тенденциями. В этом несомненный вред любого идеологического или цивилизационного подхода как доминанта в деятельности, «удобства» действовать из личных пристрастий политика или чиновника. К слову, К.М. Тахтарев, еще столетие назад, более чем убедительно обосновал стремление к стагнации существующих порядков обычным удобством в практической деятельности безотносительно к реально существующим потребностям [28. С. 1, 2].

Возобладавшая почти повсеместно формально немецкая модель местного самоуправления [10] с нанимаемым сити-менеджером или прямыми выборами глав муниципальных образований с ограниченными полномочиями не нашли должного отклика среди россиян.

Заключение. Местное самоуправление, в нашем современном понимании, подразумевает свое разделение «полномочий» между обществом и муниципальной властью: народ на основе прямых выборов избирает главный орган муниципального самоуправления, высказывает недовольство или предлагает общую направленность желаемых им действий в форме многочисленных публичных онлайн-слушаний, а уже на основе этого профессиональный бюрократический аппарат сам разрабатывает и принимает соответствующие нормативные акты, организует и руководит текущей хозяйственной деятельностью с учетом позиций наиболее активных групп граждан, существующих в форме территориального общественного самоуправления (ТОС) и их союзов.

Конечно, при таком варианте местного самоуправления, муниципальным служащим невозможно в своей деятельности подчиняться только указаниям главы администрации городского округа, но это эффективный механизм создания политической стабильности как процесса управления обществом. При таком варианте обеспечивается прямая взаимосвязь и взаимообусловленность в деятельности органов публичной власти и наиболее деятельных активистов в лице руководителей ТОС или объединений ТОС. Сохранение «советской» модели местного самоуправления как конечной

точки иерархии государственной власти, ведет к дальнейшей утрате управления обществом и противоречит принципам политической стабильности.

К тому же тут, на муниципальном уровне, устраняется фактически существующий имущественный ценз в сфере представительной демократии – нет необходимости формировать бюджет на предвыборную агитацию в целях избрания депутатом совета городского района. Для избрания руководителем ТОС или союза ТОС необязательно формировать предвыборный штаб из узких специалистов или вести затратную агитацию, а сама система косвенной представительной демократии через лидеров ТОС и их объединений предполагает не наличие в представительном органе близких к местной власти предпринимателей, а граждан, действительно выражающих волю населения и заинтересованных в ее реализации. Появляются предпосылки для формирования хорошего кадрового резерва государственного аппарата.

Такая модель местного самоуправления, изначально всего лишь предполагающая совещательную демократию, гораздо ближе к демократическим стандартам, чем попытки реформировать или создать модели с прямой демократией – они всегда обречены или на декоративную формализацию таких институтов, или на использование интересов и потребностей общества в продвижении личных политических амбиций отдельных общественных деятелей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Местное самоуправление в сельской местности пока еще достаточно инертно и не требует нововведений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абрашин И.И.* Роль института сельских старост в развитии местного самоуправления // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 5 (93).

2. *Антонов А.С.* Становление местного самоуправления в регионах России в период с 1990 по 2000 годы как малоизученный пласт исторической науки // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 3 (96).

3. *Барахоев Р.И.* Стратегии сотрудничества общества и власти в условиях делиберативной кибердемократии: концепция и перспективы ее реализации // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. № 1 (7).

4. *Букалова С.В., Меркулова К.Г.* «Демократия малых пространств»: эволюция института местного самоуправления в России в контексте идей А.И. Солженицына // Власть. 2020. № 4.

5. *Васильева Н.В.* Вовлечение гражданского общества в украинских городах (на примере бюджета участия) // Публічне урядування. 2016. № 4 (5).

6. *Власов М.Я.* Перспективы Атомограда, Моногорода и Проектограда: влияние новых концепций на будущее урбанизации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 7 (100).

7. *Воропанов С.А.* Проблемы реализации механизмов непосредственной демократии на местном уровне в современной России // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 4 (92).

8. *Дамаскин О.В.* Государство и право в условиях кризиса современной цивилизации // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 2 (16).

9. *Костина Т.А.* Факторы, влияющие на формирования государственной политики Российской Федерации в сфере местного самоуправления // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 5 (98).

10. *Красильщиков Г.Г., Сабиров А.А.* Основные тренды в организации моделей местного самоуправления в России, Австрии, ФРГ и Швейцарии: сравнительный анализ // ARS ADMINISTRANDI. 2012. № 2.

11. *Липчанская М.А.* «Институт публичных выступлений граждан как способ самозащиты прав и свобод» // Вестник Поволжского института управления. 2020. Том 20. № 3.

12. *Майр П.* Управляя пустотой: размывание западной демократии / пер. с англ. Д. Маткиной, А. Новикова, И. Соболевой, В. Степановой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.

13. *Максимов М.В.* Опыт формирования системы местного самоуправления в России в исторической перспективе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 5 (98).

14. *Марков Б.В.* В поисках другого / Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001.

15. *Медведев Н.П.* Публичное управление: политико-правовые проблемы региональных и муниципальных органов власти (по материалам публикаций в научных журналах) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 2 (95).

16. *Медведев Н.П.* В фокусе исследований региональные и муниципальные проблемы (по материалам актуальных публикаций 2022 года в научных журналах) // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2023. Т. 10. № 1 (30).

17. *Мионов С.М.* Проблемы и перспективы местного самоуправления: взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления // Управленческое консультирование. 2007. № 1.

18. *Митрохина Т.Н.* Политическая повестка дня: понятие, специфика, факторы формирования // Дискурс-Пи. 2019. № 1 (34).

19. *Мухачев И.В., Адамоков Б.Б.* Онлайн обсуждение проекта устава муниципального образования, его изменений и дополнений // Общество и право. 2012. № 4 (41).

20. *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Местное самоуправление и муниципальная публичная политика: особенности и проблемы развития на современном этапе в России (по материалам социологического исследования) // Социально-политические исследования. 2019. № 3.

21. *Новокрещенев А.В.* От местных советов к местному самоуправлению и обратно // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 1 (82).

22. *Перевышин Н.В.* Территориальные общественные праймериз как основа российского парламентаризма // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1 (19).

23. *Перевышин Н.В.* Общественные выборы как основа демократизации в России // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 1 (27).

24. *Попов С.И., Гришин О.Е., Нестерчук О.А.* Тенденции трансформации инструментария проведения выборов в органы государственной власти и местного самоуправления // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 10-1 (98-1).

25. *Попцов Д.А.* Новые медиа в контексте формирования общественного мнения // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10309.

26. *Слизовский Д.Е., Амиантов А.А., Береснева В.А.* Общие принципы организации местного самоуправления: новый федеральный закон в фокусе старых и новых противоречий // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2022. Т. 9. № 2 (27).

27. *Спиридонова В.И.* Предпосылки и логика российских трансформаций. Современное государство, социум, человек: российская специфика [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФРАН, 2010.

28. *Тахтарев К.М.* От представительства к народовластию: К изучению новейших стремлений политического развития современного общества. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015.

29. *Тропынин И.В., Ястржембский А.С.* Исследование взаимодействия муниципальной власти с населением в рамках деятельности Администрации города Красноярск // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 3 (84).

30. *Федорченко С.Н.* Новые технологии работы с электоратом: цифровизация демократии и проблемы политической легитимации // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 3 (17).

31. *Шатилов А.Б.* «Моральный износ» власти как фактор дестабилизации политических режимов // Власть. 2020. № 4.

32. *Нье Joseph S.* The Information Revolution and Soft Power // Current History. 2014. № 113 (759).

33. <https://local.yandex.ru/>.

N.D. FATIXOV

*Member of the Precinct Election Commission No. 292,
electoral lawyer, independent researcher,
Ufa, Russia*

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF DELIBERATIVE DEMOCRACY IN THE SYSTEM OF URBAN LOCAL SELF-GOVERNMENT OF RUSSIA

The subject of the research in the scientific article is the problems of functioning of the system of urban local self-government in Russia in the conditions of the information society. In the article analyzes the current state of social communications, taking into account existing research in the field of citizen's participation in political activities. The main problems in the development of municipal government in urban districts and their impact on the protest activity of citizens are highlighted. Methods of developing democratic procedures based on deliberative democracy are proposed.

Key words: *deliberative democracy, public hearing, local self-government, territorial self-government bodies, political communications.*

Х.З. ОКУДЖАВА

*аспирантка кафедры российской политики
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва*

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ (НА МАТЕРИАЛАХ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматриваются вопросы цифровой трансформации системы регионального управления на примере Московской области. Актуальность темы обусловлена необходимостью повышения качества и оперативности работы органов региональной и муниципальной власти, роста удовлетворенности населения их деятельностью. Цель работы – на основе обобщения передового опыта Московской области выявить особенности применения цифровых технологий в региональном управлении.

В работе охарактеризовано современное состояние регионального управления в цифровой реальности, проанализированы ключевые документы и информационные системы Московской области. Особое внимание уделено Региональной географической информационной системе (РГИС) и «Доброделу», показана их роль в повышении эффективности регионального управления и улучшении коммуникации между органами власти и гражданами. Сформулированы рекомендации по дальнейшему развитию процессов, связанных с цифровизацией, предложен проект стратегии «Цифровое управление Московской областью 2030», призванный решить задачи по переводу государственных и муниципальных услуг в цифровой формат, внедрению технологий искусственного интеллекта в управлении, созданию единой цифровой экосистемы взаимодействия граждан и представителей бизнеса с органами власти. Реализация проекта предусматривает 3 этапа: на первом планируется разработка стратегии, запуск пилотных цифровых платформ. Второй этап предполагает тиражирование успешных решений для их дальнейшего масштабирования. Третий этап предусматривает внедрение технологий искусственного интеллекта в ключевых сферах жизнедеятельности, предоставление широкого доступа для оказания государственных услуг населению. Реализация предполагаемого плана-проекта позволит Московской области сохранить лидирующие позиции

в России по уровню цифровизации государственного управления и качеству оказания электронных услуг жителям региона.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, цифровые технологии, региональное управление, информационные системы, государственное управление, Московская область.*

Введение. В условиях стремительного развития цифровых технологий их интеграция в государственное и муниципальное управление приобретает особое значение. Переход на цифровые технологии в региональном управлении является объективной необходимостью, которая во многом определяет конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность территорий. В связи с этим, проведение комплексного анализа процессов цифровой трансформации регионального управления становится актуальным как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Вопросам внедрения цифровых технологий в систему государственного управления посвящено достаточно много исследований. В их числе можно выделить труды таких авторов, как В.Д. Маркова [8], И.В. Краковецкая [7], Л.В. Лаптева [15] и др. Однако большинство работ носят преимущественно теоретико-методологический характер и не затрагивают практических аспектов реализации лучших практик в региональном управлении.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе ключевых направлений, инструментов и результатов цифровой трансформации системы управления Московской областью как одного из наиболее динамично развивающихся субъектов РФ.

Цель работы – на основе анализа опыта Московской области выявить особенности внедрения цифровых технологий в региональном управлении.

Задачи:

- охарактеризовать современное состояние и тенденции цифровой трансформации системы государственного управления в РФ;
- проанализировать нормативно-правовую базу и стратегические документы Московской области, касающиеся применения цифровых технологий к задачам территориального управления;
- выявить основные информационные системы и цифровые сервисы, используемые для решения задач регионального управления в Московской области;
- оценить практические результаты и эффекты от цифровой трансформации системы государственного управления Московской области;
- сформулировать рекомендации по дальнейшему развитию и совершенствованию процессов цифровизации регионального управления.

Методы исследования – анализ нормативно-правовых и стратегических документов, обобщение статистических данных и лучших практик, сравнительный анализ, систематизация имеющихся сведений.

Теоретическая значимость работы заключается в выявлении основных направлений и инструментов реализации цифровой трансформации на примере Московской области.

Практическая значимость состоит в возможности использования результатов исследования для повышения эффективности процессов цифровой трансформации в других регионах РФ. Сформулированные рекомендации могут послужить основой для разработки стратегий и «дорожных карт» цифрового развития региональных органов исполнительной власти.

Теоретико-методологические основы цифровой трансформации регионального управления. Согласно исследованию В.Д. Марковой [9. С. 114], процесс цифровизации государственного управления развивается в трех основных направлениях:

1. Цифровая трансформация внутренних процессов государственного управления.

Происходит за счет внедрения автоматизированных информационных систем, цифрового документооборота и др. Результатом становится значительное сокращение трудозатрат и повышение эффективности структур государственной власти и местного самоуправления.

2. Повышение качества и доступности государственных и муниципальных услуг.

Достигается за счет перевода услуг в электронную форму, создания единых цифровых платформ, мобильных приложений и других электронных каналов получения услуг. Население становится менее зависимым от территориального расположения органов власти, сокращается время для посещения государственных учреждений и ожидания ответов.

3. Интеллектуализация государственных управленческих решений на базе машинного обучения, искусственного интеллекта, больших данных и расширенной аналитики.

Позволяет повысить скорость реагирования властей на возникающие проблемы и угрозы, обосновать принятие управленческих решений, оптимизировать бизнес-процессы в сфере государственного и муниципального управления.

Органы исполнительной власти в регионах заинтересованы внедрять цифровые технологии, поскольку это способствует к повышению эффективности управления. Разрабатываются региональные стратегии цифрового развития, создаются «цифровые правительства», реализуются пилотные проекты, выделяются финансовые и кадровые ресурсы на решение задач цифровой трансформации.

Как отмечает исследователь Л.В. Лаптева [15], цифровая трансформация работы региональных органов власти оказывает комплексное влияние на различные области деятельности. В их числе:

- оптимизация бизнес-процессов в структурах государственной исполнительной власти и органах местного самоуправления;
- повышение качества разработки стратегий, долгосрочных программ и планов развития региона на основе комплексной аналитики больших данных;
- повышение оперативности принятия управленческих решений;
- повышение информационной открытости органов власти, организация общественного контроля;
- снижение административных барьеров и коррупционных рисков;
- повышение удовлетворенности населения качеством работы государственных и муниципальных органов власти;
- улучшение инвестиционного климата и качества бизнес-среды в регионе.

С учетом изложенного, под цифровой трансформацией регионального управления следует понимать комплекс организационных и технологических преобразований, направленных на внедрение современных цифровых технологий в деятельность региональных властей с целью повышения ее результативности и эффективности. Стоит отметить, что это – системный процесс, затрагивающий все аспекты работы органов исполнительной власти и местного самоуправления.

Практический опыт Московской области по цифровой трансформации регионального управления. Цифровая трансформация системы государственного управления в настоящее время становится одним из ключевых направлений развития регионов в Российской Федерации. В Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» одним из целевых показателей обозначено обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере.

Среди субъектов страны Московская область занимает лидирующие позиции по уровню внедрения цифровых технологий в систему государственного управления. В регионе принята и реализуется «Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Московской области» – программный документ, комплексно определяющий вектор развития региона. Стратегия охватывает практически все сферы социально-экономического развития и государственного управления региона и нацелена на формирование единого цифрового пространства, повышение качества жизни граждан и эффективности всех ветвей исполнительной власти.

Реализация Стратегии цифровой трансформации Московской области опирается на создание и развитие ряда автоматизированных информационных систем. В их числе: Региональная геоинформационная система (РГИС) [11]. Данная платформа консолидирует пространственные данные о Московской области, поступающие из региональных органов власти. На основе РГИС организовано централизованное хранение и представление актуальной геопропространственной информации о регионе с широкими возможностями по ее анализу и визуализации, что, в свою очередь, позволяет обосновать управленческие решения за счет учета территориальной проекции показателей социально-экономического развития.

Единая государственная информационная система обеспечения контрольно-надзорной деятельности Московской области (ЕГИС ОКНД) повышает эффективность контрольно-надзорной деятельности, но сопряжен с высокой трудоемкостью обновления данных вручную и рисками, связанными со снижением их качества.

Единая автоматизированная информационная система обеспечения социальной защиты и социального обслуживания населения Московской области (ЕАИС СОЦ) обеспечивает оперативный обмен данными в сфере социальной защиты населения, но разработка и эксплуатация подобной крупной отраслевой системы весьма затратна.

Информационная система обеспечения градостроительной деятельности Московской области (ИСОГД) [5] реализует возможности ведения градостроительной деятельности исключительно в электронном виде. В ней формируются и актуализируются все ключевые документы территориального планирования, правил землепользования и застройки, а также проекты планировки и межевания территорий. ИСОГД Московской области позволяет в режиме реального времени оказывать ряд востребованных госуслуг, таких как выдача градостроительного плана земельного участка, согласование архитектурно-градостроительного облика объекта и др.

О масштабах цифровой трансформации регионального управления в Московской области наглядно свидетельствует тот факт, что в настоящее время практически вся градостроительная деятельность осуществляется исключительно в электронном виде. С 2018 года через ИСОГД ежегодно рассматривается свыше 250 тысяч заявок на предоставление различных услуг.

В таблице представлен анализ информационных систем Московской области, где отражены как положительные примеры автоматизации, так и нерешенные проблемы. Это свидетельствует о том, что процессы цифровизации регионального управления не завершены и требуют дальнейшего совершенствования.

Мобильное приложение «Стройка рядом с домом» дает возможность жителям в режиме реального времени получать актуальную информацию

о планируемых работах по строительству или реконструкции объектов в непосредственной близости от их дома.

Наименование ИС	Назначение	Положительные стороны	Отрицательные стороны
Региональная географическая информационная система (РГИС)	Консолидация пространственных данных о регионе	Объединение в одной ИС обширных данных Наглядное картографическое представление Возможности анализа	Большие объемы данных Требуются ресурсы на обновление
Информационная система обеспечения градостроительной деятельности (ИСОГД)	Автоматизация градостроительной деятельности	Ускорение оформления документации Сокращение личных визитов	Обеспечение юридической значимости ЭД Сложная интеграция
Единый портал государственных и муниципальных услуг Московской области (РПГУ)	Доступ к электронным услугам	Единый портал электронных услуг Высокая посещаемость	Не все услуги автоматизированы. Требуется интеграция с ведомствами
Единая государственная информационная система обеспечения контрольно-надзорной деятельности (ЕГИС ОКНД)	Информационное обеспечение контрольно-надзорной деятельности	Повышение эффективности КНД Возможность оценки результативности	Высокая трудоемкость внесения данных Риски снижения качества данных
Единая информационная система социальной защиты населения (ЕАИС СОЦ)	Автоматизация сферы социальной поддержки населения	Оперативный обмен данными Мониторинг адресности выплат	Высокая стоимость Зависимость от корректности данных

Таблица 1. Анализ информационных систем регионального управления Московской области

Сервис анализа спутниковых снимков высокого разрешения «Агроанализ» используется министерством сельского хозяйства и продовольствия Московской области для мониторинга состояния посевов, выявления очагов распространения сорняков и вредителей, определения потребности в удобрениях для каждого поля.

Остановимся более подробно на функциональных возможностях и практической пользе двух наиболее масштабных и успешных проектах цифровой трансформации Московской области – РГИС и платформе «Добродел».

РГИС Московской области представляет собой мощнейший инструмент территориального планирования и управления развитием для региональных органов власти. Основу системы составляет цифровая карта региона в масштабе 1:500, сформированная на базе аэрофотосъемки высокого разрешения. На ней в виде векторных слоев наложена широчайшая база геоданных: земельные участки и объекты недвижимости, документы территориального планирования и градостроительного зонирования, лесные угодья и водные объекты, экологические зоны и многое другое. Такая детализация информационной основы открывает практически безграничные возможности комплексного анализа территории для принятия управленческих решений с учетом всей совокупности факторов.

К примеру, РГИС активно используется профильным министерством для задач муниципального земельного контроля на территории Московской области. Если ранее проверке подвергалось около 4 млн. земельных участков при штатной численности инспекторов порядка 350 чел., то после внедрения системы риск-ориентированного подхода на основе 12 критериев из РГИС, количество ежегодно инспектируемых объектов снизилось до 28 тыс. При этом результативность контрольно-надзорной деятельности возросла на треть.

Еще один яркий пример успешного проекта по цифровой трансформации системы регионального управления – платформа «Добродел», – своего рода «народный контроль» за состоянием территорий муниципальных образований. Любой житель через мобильное приложение может отправить жалобу с геотегом на проблемы городской среды: разбитые дороги, неработающее уличное освещение, несанкционированные свалки мусора и т.п. Информация из приложения поступает в администрацию города, где формируются соответствующие задания для оперативного устранения. Заявитель в режиме реального времени может контролировать ход исполнения своего обращения. Таким образом, данная электронная платформа позволяет максимально эффективно и своевременно решать насущные вопросы городского хозяйства при непосредственном участии граждан.

Развитие информационных технологий в региональном управлении на примере Московской области несомненно принесло целый ряд преимуществ. Однако в ходе реализации масштабных проектов по внедрению

автоматизированных информационных систем в сфере государственного управления возник ряд проблемных вопросов.

В частности, при разработке и эксплуатации РГИС Московской области, консолидирующей обширные пространственные данные о регионе, столкнулись со сложностями обработки больших объемов информации, что замедляет оперативную работу пользователей. Кроме того, для регулярного пополнения и обновления информационной системы требуются квалифицированные кадры с высокой исполнительской дисциплиной.

При автоматизации градостроительной деятельности в рамках созданной ИСОГД одними из основных барьеров стали необходимость обеспечения юридической значимости электронных документов для всех участников данных процессов, а также реализация сложных интеграционных решений со смежными информационными системами.

На фоне безусловных преимуществ Единого портала государственных и муниципальных услуг для жителей Подмосковья выявилось отставание в автоматизации отдельных процессов для оказания некоторых услуг, которые все еще предоставляются вручную в МФЦ, несмотря на явные преимущества пользования РПГУ. Кроме того, возникли проблемы при установлении электронного взаимодействия между поставщиками и потребителями услуг при их переводе в электронный формат.

Существенным вызовом при развёртывании Единой государственной информационной системы обеспечения контрольно-надзорной деятельности (ЕГИС ОКНД) стала высокая трудоемкость внесения в нее сведений о результатах контрольных мероприятий в ручном режиме, а также риски снижения качества данных в связи с «человеческим фактором».

Внедрение комплексных отраслевых платформ вроде Единой информационной системы социальной защиты населения (ЕАИС СОЦ) сопровождается крайне высокими финансовыми затратами на их разработку и последующее сопровождение. При этом качество собираемых и обрабатываемых данных напрямую зависит от степени ответственности участников процессов на каждом из уровней предоставления услуг.

По мнению Н.В. Куртяник, министра государственного управления, информационных технологий и связи: «В ближайшие годы мы продолжим системную работу по цифровой трансформации всех сфер управления и социально значимых отраслей региона [16]. Одним из ключевых направлений станет внедрение технологий искусственного интеллекта». Для реализации этих масштабных задач в Подмосковье уже создан специальный «Центр развития технологий ИИ». Его роль будет заключаться в разработке и внедрении инновационных цифровых сервисов для органов власти, а также широкого спектра приложений для образования, здравоохранения, городского хозяйства и других областей на базе технологий машинного обучения и искусственного интеллекта.

Подводя итоги, важно отметить лидерство Московской области в области цифровизации регионального управления. В регионе практически полностью автоматизирован документооборот в сфере территориального планирования и градостроительства. Ежегодно через ИСОГД проходит более 250 тысяч обращений за получением госуслуг. Растет популярность регионального портала предоставления государственных услуг, его аудитория уже превышает 8 миллионов человек. Активно развивается платформа «Добродел», позволяющая гражданам сообщать о городских проблемах. Реализуются проекты по цифровизации различных аспектов социальной сферы. Активно применяются телемедицинские консультации, электронные медкарты, запись к врачу через портал госуслуг. В образовании внедряются цифровые сервисы дистанционного обучения.

Важной тенденцией является повсеместное распространение технологий искусственного интеллекта. На их основе создаются интеллектуальные помощники для взаимодействия с гражданами (роботы «Светлана» в здравоохранении и «Евгений» – в жилищно-коммунальном хозяйстве), автоматические системы анализа обращений и многие другие решения, кардинально меняющие скорость и качество принятия управленческих решений.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы: цифровая трансформация регионального управления приобретает приоритетное значение для развития субъектов РФ, что обусловлено необходимостью повышения результативности и качества работы органов государственной власти и местного самоуправления. Данный процесс охватывает три основных направления: оптимизацию внутренних бизнес-процессов, перевод государственных услуг в электронный вид и повышение эффективности принятия управленческих решений на базе цифровых технологий.

Московская область занимает лидирующие позиции в области цифровой трансформации системы регионального управления, что подтверждается масштабом реализованных проектов и достигнутыми практическими результатами. Успешный опыт внедрения РГИС, ИСОГД и цифровой платформы «Добродел» заслуживает детального изучения и тиражирования в других субъектах страны.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка методических рекомендаций по формированию региональных программ цифровой трансформации органов исполнительной власти и оценка их социально-экономической эффективности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абрамов В.И., Андреев В.Д.* Анализ стратегий цифровой трансформации регионов России в контексте достижения национальных целей // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. No 1.

2. *Александров Е.Е.* Применение искусственных нейронных сетей для оценки инвестиционной привлекательности регионов // Умная цифровая экономика. 2023. Т. 3. № 2.
3. *Базарова Э.В., Горюнова Л.А.* Цифровая экономика и социально-экономическое развитие региона // Бизнес. Образование. Право. 2022. No 4 (61).
4. *Ильинов А.В.* Информационно-статистический анализ развития цифровизации в Российской Федерации в условиях неустойчивого развития // Московский экономический журнал. 2023. No 7 // <https://qje.su/wp-content/uploads/2023/06/1inov.pdf>.
5. Информационная система обеспечения градостроительной деятельности Московской области (ИСОГД) // <https://isogd.mosreg.ru>.
6. *Кашинцев Н.П.* Моделирование регионального развития на основе нейросетевых технологий // Молодой ученый. 2015. № 22 (102).
7. *Краковецкая И.В., Чистякова Н.О., Видяев И.Г., Воробьева Е.С.* Проблемы развития региональной инновационной системы на принципах открытых инноваций // Инновации. 2021. No 5 (263) // <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-regionalnoy-innovatsionnoy-sistemy-na-printsipah-otkrytyh-innovatsiy>.
8. *Маркова В.Д.* Многосторонние платформы: проблемы формирования и управления // Сборник тезисов Третьей международной конференции «Управление бизнесом в цифровой экономике». СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2020.
9. *Маркова В.Д.* Цифровизация управления: от АСУ к микросервисам // ЭКО. 2022. No 9. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-9-113-129.
10. *Маринин М.О.* Цифровое регионоведение: к постановке проблемы // Культура и цивилизация. 2023. Том 13. № 5А-6А. DOI: 10.34670/AR.2023.82.34.005.
11. Региональная геоинформационная система (РГИС) Московской области // <https://rgis.mosreg.ru>.
12. Смарттека // <https://smarteka.com>.
13. *Сакоян А.Р., Логвинов И.Е., Пучков В.И.* Трансфер опыта цифровизации в Москве и Московской области для повышения экономической безопасности регионов // Экономические системы. 2023. No 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/transfer-opyta-tsifrovizatsii-v-moskve-i-moskovskoy-oblasti-dlya-povysheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-regionov>.
14. *Устинова Л.Н., Вирцев М.Ю., Шакирова А.И.* Цифровизация экономических систем: проблемы и перспективы // Креативная экономика. 2023. Т. 17. No 3 // <https://creativeconomy.ru/lib/117436>.
15. Цифровизация Российской экономики, особенности и пути развития / Лаптева Елена Владимировна // Эпоха науки. 2019. No 21 // <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-rossiyskoy-ekonomiki-osobennosti-i-puti-razvitiya>.
16. Цифровизация Подмосковья: итоги 2022 и планы на 2023 // <https://d-russia.ru/cifrovizacija-podmoskovja-itogi-2022-i-plany-na-2023.html>.

KH.Z. OKUDZHAVA

*Postgraduate student of the Department
of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

INTRODUCTION OF DIGITAL TECHNOLOGIES INTO REGIONAL MANAGEMENT (BASED ON MATERIALS FROM THE MOSCOW REGION)

The article discusses the issues of digital transformation of the regional management system using the example of the Moscow region. The relevance of the topic is due to the need to improve the quality and efficiency of the work of regional and municipal authorities, and to increase the population's satisfaction with their activities. The purpose of the work is to, based on a generalization of the best practices of the Moscow region, identify the features of the use of digital technologies in regional management.

The work characterizes the current state of regional management in digital reality, analyzes key documents and information systems of the Moscow region. Particular attention is paid to the Regional Geographic Information System (RGIS) and "Dobrodel", their role in increasing the efficiency of regional management and improving communication between authorities and citizens is shown. Recommendations for the further development of processes related to digitalization were formulated, a draft strategy "Digital Management of the Moscow Region 2030" was proposed, designed to solve the problems of transferring state and municipal services to a digital format, introducing artificial intelligence technologies in management, creating a unified digital ecosystem for interaction between citizens and representatives business with authorities. The implementation of the project involves 3 stages: the first stage involves developing a strategy and launching pilot digital platforms. The second stage involves replication of successful solutions for their further scaling. The third stage involves the introduction of artificial intelligence technologies in key areas of life, providing wide access to provide public services to the population. The implementation of the proposed project plan will allow the Moscow region to maintain its leading position in Russia in terms of the level of digitalization of public administration and the quality of provision of electronic services to residents of the region.

Keywords: *digital transformation, digital technologies, regional management, information systems, public administration, Moscow region.*

Р.А. ПОЯРКОВ

аспирант Среднерусского института
управления – филиал (г. Орел), Россия, г. Орел;
учредитель, ООО «Р групп», Россия, г. Москва

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО РОССИИ

В данной статье рассматриваются вопросы необходимости развития цифровых компетенций у государственных служащих России и их роли в повышении эффективности реализации концепции Электронного правительства. Авторы анализируют существующие образовательные программы и материалы, предназначенные для подготовки государственных служащих, и выявляют основные проблемы и препятствия в процессе повышения их цифровой квалификации. Отсутствие национальных стандартов для оценки необходимых цифровых компетенций в рамках Электронного правительства признается ключевым фактором, затрудняющим рост работоспособности и эффективности управленческой деятельности. Подчеркивается важность обновления квалификационных критериев для государственной службы и разработка новых стандартов знаний и навыков, отвечающих требованиям цифровой эпохи.

Ключевые слова: цифровые компетенции, государственная служба, Электронное правительство, образовательные программы, квалификационные критерии, информационно-коммуникативные компетенции, цифровая квалификация, профессиональные стандарты, инновационные технологии, управленческая деятельность.

Введение. Трансформации, связанные с повсеместной цифровизацией, не оставляют в стороне и государственную службу, которая до определенного времени была синонимом стабильности и обеспечением занятости для граждан, осуществляющих профессиональную деятельность в данной сфере.

В 2019 году в России был разработан национальный проект «Цифровая экономика РФ» [15], в рамках которого особое внимание уделяется совершенствованию государственного управления. В этом контексте приобретает важность анализ расширения набора компетенций у государственных

служащих для соответствия новым требованиям цифровой эры, и оценка готовности этих служащих к преобразованиям в этой сфере.

В публичном и научном дискурсе все чаще звучат доводы о том, что уже в ближайшем будущем, переходы между различными должностями, трудности для профессионального роста и подобные проблемы могут стать весьма распространенными в профессиональной среде. Государственные органы в качестве работодателей, благодаря своему масштабу, способны удовлетворить запросы нового поколения трудящихся, предлагая гибкие карьерные траектории, возможности для внутреннего перемещения и создание адаптивных систем проектного менеджмента, что достигается за счет использования ресурсов кадрового резерва для регулирования необходимых умений и реагирования на изменения в объеме рабочих задач. Однако, подобная модель не лишена определенных недостатков, таких как вероятность неполной занятости, уменьшение заработной платы по часам и ухудшение условий труда. Помимо этого, в контексте старения рабочей силы в государственном секторе, консультирование или менторство с гибким графиком может способствовать сохранению ценного опыта старшего поколения и предоставить младшим специалистам возможности для вступления в государственную трудовую сферу.

Исследователи как внутри страны, так и за ее пределами единодушно признают важность освоения государственными служащими знаний в области цифровых технологий управления, начиная с начальных стадий образовательного процесса. В настоящее время для образовательных учреждений, занимающихся подготовкой государственных служащих представлен широкий ассортимент учебных материалов, обеспечивающих освоение элементарных компьютерных умений и программ обучения, направленных на изучение последних инновационных технологий [22].

Многие авторы приходят к выводу о необходимости обновления квалификационных критериев на должности в государственной службе России и для действующих государственных служащих в отношении их информационно-коммуникативных компетенций, выработав новые профессиональные стандарты [22].

Концепция компетентности является дискуссионной, во многих диктуемой взглядами отдельных ученых, и единая позиция в академических кругах по этому вопросу отсутствует [2]. Компетенция описывается как совокупность конкретных знаний и умений, которые необходимы для достижения определенных профессиональных общественно значимых задач, а также профессионально значимых личностных качеств [12; 21].

В России исследователи О.В. Данилова, Е.Т. Яруськина, Л.А. Бершадская и А.В. Чугунов выступили с инициативой разработки унифицированной и ориентированной на практику системы обучения цифровой грамотности для государственных служащих. Повышение квалификации в области

цифровых технологий через непрерывное обучение считается необходимым для большинства государственных служащих, как это отмечено в работах Е.В. Васильевой [4]. Как видно, представляет определенный научный интерес утверждение о том, что умение грамотно использовать цифровые технологии в деятельности органов государственной власти напрямую связано с прогрессом в реализации концепции Электронного правительства.

В процессе исследования был выявлен ключевой фактор, препятствующий повышению цифровой квалификации сотрудников государственных органов – отсутствие национальных стандартов для оценки набора и уровня необходимых цифровых компетенций в рамках Электронного правительства, что негативно сказывается на их работоспособности. Общая эффективность управленческой деятельности возрастает пропорционально уровню развития профессиональных цифровых умений сотрудников, учитывая, что информационные ресурсы Электронного правительства доступны в цифровом виде [10].

Возникает сложная и двойственная ситуация: с одной стороны, от должностных лиц органов государственной власти ожидается усиление их цифровой грамотности, а с другой – требования относительно комплекса необходимых умений для эффективной работы в современной цифровой среде для них не всегда детализированы. В целях выявления важнейших навыков для государственных служащих, связанных с использованием цифровых технологий, были изучены квалификационные стандарты для госслужащих, установленные на уровне законодательства.

Анализ зарубежного опыта, в частности, программ для обучения государственных служащих из стран-лидеров в области цифрового развития, показывает, что особое внимание уделяется обучению в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), включая темы, связанные с безопасностью, руководством и коммуникациями в цифровую эпоху. Данные направления обучения рекомендуется включать в образовательные программы, направленным на формирование цифровых компетенций государственных служащих в России [17].

Министерство труда РФ определило основные квалификационные параметры, касающиеся цифровых компетенций, для всех работников, и введено дополнительные, более строгие критерии для руководящего звена [15]. Должностные лица, которые нацелены на интеграцию цифровых технологий в государственные организации, обладают определенным уровнем профессиональных знаний в сфере информационных технологий.

Сегодня основная задача сотрудников государственной службы заключается в том, чтобы точно и четко различать получаемые данные и обеспечивать население проверенной информацией [19]. Работа каждого служащего должна быть целиком сосредоточена на достижении результатов, которые способствуют общественному благополучию, что требует не только

наличия специализированных знаний для успешной работы в рамках цифрового государственного управления, но и приверженности определенным целям и ценностям, которые формируют профессиональный и моральный облик государственного служащего.

Основываясь на многочисленных теоретических исследованиях, можно утверждать, что понятия «цифровые навыки» (Digital skills) и «цифровые компетенции» в современном обществе признаны на международном уровне. Это предполагает, что в ближайшем будущем возможно будет закрепить через законодательство исчерпывающий перечень цифровых компетенций, необходимых в рамках профессиональных стандартов [8].

В рамках государственной службы в XXI веке потребность в определенных категориях цифровых навыков у государственных служащих возрастает, в связи с этим можно выделить несколько ключевых направлений, в которых данные навыки будут особенно актуальны:

1. Навыки применения цифровых технологий и методик исследования в сфере государственного и муниципального управления, что способствует разработке важнейших управленческих решений.

2. Навыки, способствующие вовлечению граждан в процесс создания высококачественных услуг, в частности, умение общаться в деловом стиле, осуществлять управление социальными медиа, проводить анализ потребностей пользователей и давать обратную связь по услугам.

3. Навыки сетевого взаимодействия, которые позволяют координировать процессы управления качеством услуг: умение сотрудничать и формировать общую концептуальную базу, эффективное коммуникативное взаимодействие, взаимные обязательства. В этом контексте актуальны социальные инновации, использование платформ открытого правительства, создание партнерств, на основе открытых данных и системный подход.

Цифровые компетенции включают в себя следующие составляющие [16]:

1. Знания: Осведомленность о существующих и развивающихся цифровых технологиях, понимание основных принципов их работы и влияния на общество и бизнес. Это также включает знание правил и норм, регулирующих использование цифровых средств и данных, а также понимание цифровой безопасности и защиты данных.

2. Умения: Способность применять цифровые инструменты и сервисы для выполнения специфических задач. Это означает умение управлять данными, использовать программное обеспечение для анализа и обработки информации, создавать и редактировать цифровой контент, а также использовать интернет для исследований и обучения.

3. Навыки: Практическое владение цифровыми технологиями, в том числе навыки программирования, работы с базами данных, облачными

сервисами, а также способность к быстрой адаптации к новым инструментам и платформам.

4. Способности: Гибкость мышления, способность к инновационному подходу при решении задач с использованием цифровых технологий, умение видеть перспективы и риски, связанные с цифровизацией процессов.

5. Профессионально значимые качества: Навыки командной работы, лидерские качества в цифровой среде, этичное поведение при работе с информацией и данными, ответственность за результаты, получаемые с помощью цифровых технологий, и их влияние на общество.

Эти компетенции необходимы для реализации ключевых направлений деятельности, таких как разработка стратегий цифрового преобразования, понимание и удовлетворение потребностей пользователей государственных услуг, и являются фундаментальными для эффективного функционирования государственного служащего в цифровую эпоху.

Эти навыки значимы для пяти ключевых сфер направления деятельности:

1) возможности цифрового преобразования: выработка понимания того, как цифровые технологии и данные могут удовлетворять запросы граждан;

2) понимание нужд потребителей государственных услуг: умение выявлять потребителей государственных услуг и оценивать, насколько их потребности удовлетворены;

3) ответственное использование данных и технологий: эффективное управление информацией и обеспечение информационной безопасности;

4) основанная на данных политика: осознание роли данных в рутинной деятельности и предоставление государственным служащим инструментов для сбора данных, их анализа и определения соответствующих показателей для оценки эффективности, результатов и влияния.

Исследователи из России акцентируют внимание на том, что стандартные профессиональные нормативы, интегрированные в общесистемный уровень квалификаций, содержат базовые критерии для оценки навыков и знаний в области цифровых технологий [18]. Они указывают на то, что эти стандарты не полностью отображают уникальные аспекты работы государственных служащих в эпоху непрерывных цифровых трансформаций, функционирования электронного управления и разработки интегрированной информационной системы для государственной службы.

Руководитель Центра обучения руководящих кадров в сфере цифровой трансформации Высшей школы государственного управления РАНХиГС К. Ткачева подчеркивает значимость наличия экспертов с уникальными квалификациями в современную эру технологических изменений. Такие специалисты должны обладать способностью к скорейшему освоению компетенций, что станет ключевым фактором для поддержки динамичного прогресса [7].

Определим ключевые компетенции для госслужащих:

- анализ потребностей пользователей цифровых сервисов;
- управление процессами;
- знание гибких методологий;
- обработка данных, включая анализ и машинное обучение [3].

Автор в своем исследовании выделяет цифровые навыки и системное мышление, в качестве ключевого условия профессиональной деятельности государственного служащего, но отмечает препятствия в повышении квалификации:

- формализованная оценка навыков;
- низкая цифровая культура;
- сопротивление инновациям;
- отсутствие мотивации к саморазвитию [7].

А.В. Чичварова поднимает вопрос о прогрессе, достигнутом Центром обучения лидеров цифровой трансформации при Высшей школе государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы за 2019 год, когда было обучено более 13 тысяч чиновников из всех российских регионов, и подчеркивает важность адаптации кадров к новым реалиям в условиях эволюции государственного управления в направлении увеличения его «цифровизации» и повышения уровня взаимодействия с гражданами. Он акцентирует внимание на необходимости обладания чиновниками, отвечающими за цифровые преобразования, набором навыков и компетенций [22].

Пандемия COVID-19 стала не только серьезным вызовом для здравоохранения, но и значительно ускорила процесс цифровой трансформации в различных сферах, включая государственный сектор. Чиновники по всему миру были вынуждены адаптироваться к новой реальности, где цифровые технологии и удаленная работа стали новым стандартом [1]. Данная ситуация потребовала от государственных структур гибкости и способности быстро внедрять инновации.

Вследствие пандемии многие государственные учреждения перешли на дистанционный режим работы. Это позволило снизить риск распространения вируса и обеспечить непрерывность государственного управления и предоставления услуг гражданам. Служащие столкнулись с необходимостью освоения новых инструментов для видеосвязи, совместной работы над документами, электронного документооборота и безопасного доступа к информационным системам из дома.

Сокращение кадрового состава госаппарата, происходящее в некоторых странах в рамках реформ государственного управления, добавило дополнительные вызовы. Оставшимся сотрудникам пришлось брать на себя больше обязанностей и работать более эффективно, используя цифровые инструменты.

В ходе своего анализа Ю.Р. Луканина пришла к выводу, что для гармоничного развития и становления компетенций работников государственной службы, соответствующих их профессиональному самоопределению, требуется обновление и усовершенствование системы постоянного профессионального образования [6].

В этой связи представляется, что современный государственный служащий, профессиональная деятельность которого связана с цифровыми инициативами и переносом процессов в цифровую среду, должен быть ориентирован не столько на техническое исполнение обязанностей, сколько на сотрудничество с коллегами для анализа и точного выявления ожиданий и потребностей общества от цифровых сервисов и органов государственного управления в целом. Такой профессионал должен играть ключевую роль в преобразованиях, направленных на повышение удобства использования цифровых технологий и удовлетворение потребностей граждан, а также на улучшение их жизни. Важно, чтобы государственные служащие были вовлечены в обновленную профессиональную культуру, являющуюся неотъемлемой частью успешной цифровой трансформации [11].

Современная практика внедрения цифровых компетенций в деятельность государственных служащих России включает в себя ряд инициатив и проектов. Например, реализуются программы повышения квалификации служащих в области информационных технологий [9], проводятся тренинги и семинары по освоению новых цифровых инструментов [5]. Органы государственной власти внедряют электронные системы управления делами [13], цифровые платформы для взаимодействия с гражданами и предоставления государственных услуг онлайн [20]. Также разрабатываются и внедряются информационные системы для облегчения внутренних процессов и повышения эффективности работы органов государственного управления. Кроме того, идет активная работа по созданию единой цифровой среды для государственных и муниципальных служащих, включая образовательные и методические материалы для развития цифровых навыков.

Выводы. Подводя итоги настоящего исследования, необходимо подчеркнуть важность включения цифровых компетенций в профессиональный стандарт государственного служащего России. Цифровые компетенции могут быть определены как совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для эффективного использования цифровых технологий в административных процессах. Это включает в себя понимание и применение цифровых технологий, а также способность адаптироваться к новым цифровым инструментам и сервисам в динамичной информационной среде.

Структура цифровых компетенций может быть разделена на несколько ключевых компонентов. Первый – техническая грамотность, которая означает владение базовыми навыками работы с компьютером и другими цифровыми устройствами. Второй – информационная грамотность, то есть

способность поиска, оценки и использования информации в цифровом формате. Третий – коммуникативная компетенция, подразумевающая эффективное взаимодействие в цифровой среде и использование цифровых технологий для сотрудничества и обмена информацией. Четвертый компонент – критическое мышление и решение проблем в контексте цифровых технологий, включающее в себя аналитический подход к оценке данных и цифрового контента.

Полагаем, что в условиях цифровизации управленческой деятельности и развития концепции Электронного правительства, профессиональные цифровые компетенции государственных служащих становятся решающим фактором для повышения общей эффективности государственного управления. Отсутствие национальных стандартов для оценки цифровых компетенций сотрудников государственных органов является препятствием, которое необходимо преодолеть для улучшения их работоспособности. Рекомендуется разработка и внедрение четких квалификационных критериев и обучающих программ, направленных на систематическое обновление и улучшение цифровых компетенций на всех уровнях государственной службы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Более 13 тысяч госслужащих прошли обучение в Центре подготовки руководителей цифровой трансформации // Официальный интернет-ресурс Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // <https://digital.gov.ru/ru/events/39606/>.

2. *Большакова З.М., Тулькибаева Н.Н.* Компетенции и компетентность // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2009. № 24 (157) // <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentsii-i-kompetentnost>.

3. *Бороненко Т.А., Кайсина А.В., Пальчикова И.Н., Федоркевич Е.В., Федотова В.С.* Основы цифровой грамотности и кибербезопасности: учеб. пособие. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021.

4. *Васильева Е.В.* Компетентностный подход в государственной службе // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 4.

5. *Васильева Е.В.* Компетентностный подход в государственной службе: какие знания и навыки выбирают госслужащие? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyu-podhod-v-gosudarstvennoy-sluzhbe-kakie-znaniya-i-navyki-vybirayut-gossluzhaschie>.

6. Государство как платформа: люди и технологии / под ред. Шклярук М.С. М.: РАНХиГС, 2019 // <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-01/16-01-2019-GovPlatform.pdf>.

7. Директор Центра цифровой трансформации ВШГУ РАНХиГС Ксения Ткачева – о путях подготовки специалистов // https://www.ranepa.ru/news/direktor-tsentra-tsifrovoy-transformatsii-vshgu-rankhigs-kseniya-tkacheva-o-putyakh-podgotovki-spets/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com.

8. *Ермак А.С.* ИКТ-компетенции в сфере государственного управления: вызовы современности / А.С. Ермак, Е.А. Кутергина // Интернет и современное общество: труды XXI Междунар. объедин. научн. конф., Санкт Петербург, 21-23 июня. 2017 г.: сб. тез. докл. СПб, 2018.

9. ИТ – курсы повышения квалификации по всей России // <https://rostbk.com/catalog/povyshenie-kvalifikacii/pk-informacionnye-tehnologii/>.

10. *Колесниченко Е.А., Рудакова О.В., Плахов А.В.* Эффективность государственного управления: Россия на фоне мировых тенденций // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-gosudarstvennogo-upravleniya-rossiya-na-fone-mirovyh-tendentsiy>.

11. *Луканина Ю.Р.* Развитие компетенций государственных служащих как условие формирования их профессиональной идентичности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 4 (32).

12. *Мирончук Е.В., Мирончук Д.Э.* Понятия «компетентность» и «компетенция» в системе педагогического и общенаучного знания // Наука и школа. 2022. № 5 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-kompetentnosti-i-kompetentsiya-v-sisteme-pedagogicheskogo-i-obshchenauchnogo-znaniya>.

13. *Мишина П.С.* Внедрение цифровых технологий в сферу государственного и муниципального управления // StudNet. 2021. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-tsifrovyyh-tehnologiy-v-sferu-gosudarstvennogo-i-munitsipalnogo-upravleniya>.

14. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС «Консультант Плюс Проф».

15. Рекомендации по включению в нормативные акты государственных органов, которыми утверждены квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения государственными гражданскими служащими должностных обязанностей, требований к знаниям и навыкам в области информационно-коммуникационных технологий (утв. Минтрудом России) // СПС «Консультант Плюс Проф».

16. *Симарова И.С., Алексеевичева Ю.В., Жигин Д.В.* Цифровые компетенции: понятие, виды, оценка и развитие // Вопросы инновационной экономики. 2022. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-kompetentsii-ponyatie-vidy-otsenka-i-razvitie>.

17. *Синягина Н.Ю.* Личностно-ориентированный подход в управлении личностно-профессиональным развитием и карьерным ростом // Техническое творчество молодежи. 2018. № 6 (112).

18. *Сладкова Н.М., Степаненко А.А., Ильченко О.А., Шапошников В.А.* Квалификационные требования к государственным служащим в модели цифровых компетенций // Государственная служба. 2020. № 6 (128) // <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsionnye-trebovaniya-k-gosudarstvennym-sluzhaschim-v-modeli-tsifrovyyh-kompetentsiy>.

19. *Сорокина Ю.В.* Основные методы и критерии оценки служебного профессионализма в государственных учреждениях // РСЭУ. 2022. № 1 (56) // <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-metody-i-kriterii-otsenki-sluzhebnoy-professionalizma-v-gosudarstvennykh-uchrezhdeniyah>.

20. *Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е., Синятулина Л.Х.* Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-tsifrovyye-platformy-ot-kontsepta-k-realizatsii>.

21. *Токарева Ю.А.* Мотивация трудовой деятельности персонала: комплексный подход: монография / Ю.А. Токарева, Н.М. Глухенькая, А.Г. Токарев; Урал, федер. ун-т им. Б.Н. Ельцина, Шадр. гос. под. ун-т. Шадринск: ШГПУ, 2021.

22. *Чичварова А.В.* Современные практики переподготовки государственных служащих с применением инновационных технологий // Профессиональная ориентация. 2018. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-praktiki-perepodgotovki-gosudarstvennykh-sluzhaschih-s-primeneniem-innovatsionnykh-tehnologiy>.

R.A. POYARKOV

Post-graduate student, Central Russian Institute of Management – branch (Orel), Orel, Russia; founder, R Group LLC, Moscow, Russia

DIGITAL COMPETENCIES AS A KEY ELEMENT OF THE PROFESSIONAL STANDARD FOR CIVIL SERVANTS IN RUSSIA

This article discusses the issues of the need to develop digital competencies among Russian civil servants and their role in improving the effectiveness of implementing the concept of E-Government. The authors analyze existing educational programs and materials designed to train civil servants and identify the main problems and obstacles in the process of improving their digital qualifications. The lack of national standards for assessing the necessary digital competencies within the framework of E-Government is recognized as a key factor hampering the growth of work efficiency and management effectiveness. The importance of updating qualification criteria for the civil service and developing new knowledge and skills standards that meet the requirements of the digital era is emphasized.

Key words: *digital competencies, civil service, E-Government, educational programs, qualification criteria, information and communication competencies, digital qualifications, professional standards, innovative technologies, management activities.*

М. ЖЕРОКОВ

аспирант Славяно-Греко-Латинской
Академии, Россия, г. Москва

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И СИСТЕМЫ МЕР ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ В ШКОЛАХ

В данном материале рассматриваются способы совершенствования образовательной системы и системы мер по предотвращению террористических актов в школах. Прежде всего, в этой работе выделяется значимость ответственности школы за воспитание детей. Целью работы является выявление недостатков существующих систем и рассмотрение способов их компенсации. Итогом материала является рекомендационный перечень мер по совершенствованию систем для предотвращения террористических актов.

Ключевые слова: общество, государство, безопасность, эффективность, управление, террористические акты, образовательная система.

1. Анализ влияния террористических актов в школах на современное общество. Террористический акт – это незаконное использование насилия или угрозы насилия для достижения политических, религиозных или идеологических целей. Предотвращение террористических актов в школах является важным и актуальным вопросом в настоящем мире. Школы – это места, где дети и подростки проводят большую часть своего времени и получают образование. Школа играет решающую роль в формировании личности ребенка и в его интеллектуальном, эмоциональном и социальном развитии. Она предоставляет возможность для учеников взаимодействовать с окружающим миром, развивает социальные навыки и укрепляет ценностные ориентиры. В школе дети получают не только знания, но и учатся быть членами общества, принимать решения и развивать навыки, необходимые для успешного существования в современном мире [1. С. 41-45]. Пребывание в учебных заведениях должно быть безопасным и способствовать нормальному развитию и росту молодого поколения. Если школы станут объектами террористических актов, это создаст риск серьезных последствий для безопасности детей и людей, которые обеспечивают в школе их

обучение: они могут получить травмы, как физические, так и психологические, которые могут сказаться на их здоровье и развитии. Террористические акты в школах влекут за собой разрушение их нормальной деятельности. Предотвращение террористических актов в школах до их совершения способствует сохранению социальной стабильности. В школах формируются ценности, навыки и знания, необходимые для развития демократического общества. Терроризм, особенно в школах, всегда направлен на разрушение этой стабильности и создание страха.

Экстремизм и терроризм во всех их проявлениях представляют собой разрушительные явления в обществе, так как изначально нацелены на уничтожение основных ценностей общества и государства, а также препятствуют развитию личности индивида, участвующего в экстремистских и террористических активностях, ослабляя его социализацию и возможность успешной жизни в обществе [2. С. 77-79].

Основные внутренние факторы, которые приводят к возникновению и распространению терроризма в Российской Федерации, включают в себя межнациональные, межконфессиональные и другие социальные разногласия. Также стимулом для террористической активности служат предпосылки экстремистски настроенных личностей и групп, а также недостаточная эффективность правоохранительных и административно-правовых мер по противодействию терроризму. Недостаточный контроль над распространением радикальных идей, а также пропагандой насилия и жестокости в информационном пространстве России также способствуют этому явлению [6].

Совершенствование образовательной системы и системы мер предотвращения террористических актов в школах играет наибольшую важность в обеспечении безопасности несовершеннолетних, так как практика показывает и доказывает, что системы не совершенны.

Терроризм в школах можно назвать одним из самых страшных видов терроризма, так как, помимо уже перечисленных выше причин, терроризм в школах создает огромную тревогу у родителей, учащихся и общества в целом. Это разрушает чувство безопасности, которое должно существовать в образовательной среде.

Так, в школе Брянска 7 декабря 14-летняя девочка с отцовским дробовиком в руках открыла стрельбу по одноклассникам и покончила жизнь самоубийством. В результате погибла еще одна ученица, а также пятеро детей получили травмы. У ученицы также был при себе нож и в рюкзаке бутылка с растворителем и несколько зажигалок. Во всяком случае, по информации из средств массовой информации, восьмиклассница без труда пронесла свое ружье в учебное заведение в закрытом тубусе. Рамка металлоискателя, установленного на входе в школу, не работала. В школе также никогда не было турникетов и камер наблюдения. С 2010 года на должности охранника

школы работала пожилая женщина, которая иногда по разным причинам не посещала рабочее место. Предварительной причиной инцидента считается буллинг со стороны сверстников [11].

Данный инцидент в очередной раз доказал, что в образовательной системе и системе мер по предотвращению террористических актов в учебных заведениях есть недочеты – от технических и кадровых до психологических.

2. Психологические факторы предотвращения террористических актов в учебных заведениях. Проанализировав террористические акты в школьных заведениях, можно выявить факт, что чаще всего их устраивают ученики или выпускники тех школ, в которых и произошли террористические акты [10]. Данный факт показывает недостаточность психологического регулирования детей и подростков на наличие экстремистских и/или террористических наклонностей.

Ребенок может быть мотивирован к устройству террористического акта в школе из-за сочетания различных факторов, включая психологические, социальные и обстоятельств семейной жизни.

Психологические факторы могут включать в себя наличие психических расстройств, например, депрессии, шизофрении или других нарушений психики, которые могут повлиять на способность ребенка рационально мыслить и контролировать свои эмоции. Также, ребенок может быть подвержен влиянию экстремистских идей или пропаганды, что может исказить его восприятие реальности и моральные устои.

Социальные факторы могут включать воздействие радикальных групп или окружения, в котором ребенок воспитывается. Например, если ребенок ощущает себя отвергнутым или изолированным в школе или в обществе, это может усилить его желание причинить вред другим.

Семейные обстоятельства также могут оказать влияние на мотивацию ребенка к организации террористического акта. Например, наличие насилия в семье или недостаточной поддержки и заботы со стороны родителей может повлиять на психическое состояние и мировоззрение ребенка.

Целый ряд научных исследований подтверждает [3. С. 36-40], что сочетание этих факторов может создавать опасный паттерн поведения у детей, и в крайних случаях, приводить к таким ужасным последствиям, как террористические акты в школах. Решение таких проблем требует комплексного подхода, включая психологическую помощь, социальную поддержку и обращение к закону.

2.1. Влияние учебных заведений на предотвращение появления экстремистских и террористических наклонностей у ребенка. Наиболее важной в данном случае является деятельность общеобразовательных учреждений по предотвращению возникновения экстремистских и террористических наклонностей среди учеников. Она должна включать несколько аспектов:

– Психологическое обслуживание: образовательные учреждения должны иметь квалифицированных психологов и консультантов, которые должны работать с учениками индивидуально на постоянной основе, выявляя и разрешая проблемы, стимулирующие экстремистские и террористические наклонности. Работа с психологами помогает учащимся найти альтернативные способы разрешения конфликтов и выражения своих убеждений.

В данном аспекте также было бы актуально ввести отдельную аккредитацию психологов для работы в учебных учреждениях. Диплом о получении высшего образования, и справка об отсутствии судимости не должны быть единственными документами, которые проверяют при трудоустройстве школьных психологов на работу.

Работа школьного психолога очень важна в современном мире, и если допустить к работе неквалифицированного должным образом специалиста, то могут быть негативные последствия, которые отразятся в первую очередь на поведении несовершеннолетних.

Диагностика экстремистских и/или террористических наклонностей у детей и подростков на ранних стадиях, и качественная психологическая работа по их искоренению в сознании учащихся может значительно уменьшить распространение подобных идей в обществе несовершеннолетних. Для полноценной диагностики пагубных наклонностей среди несовершеннолетних индивидуальная работа со школьным психологом должна стать неотъемлемой и постоянной частью обучения детей в школе.

– Образовательные программы: в учебных планах необходимо продолжать проводить на постоянной основе различные уроки, посвященные темам гражданственности, социальной ответственности, религиозного толерантности и межкультурному взаимопониманию. Эти уроки могут помочь ученикам развить критическое мышление и оценивать информацию, которую они получают, а также обсуждать сложные темы в безопасной обстановке.

– Воспитательная работа: педагоги играют ключевую роль в воспитании детей, так как они не только передают знания и навыки, но и помогают формировать характер, ценности, убеждения и поведение учеников. Воспитательная функция педагогов состоит в том, чтобы помогать детям развивать навыки саморегуляции, социальной адаптации, чувство ответственности, уважение к окружающим, толерантность и другие важные качества. Педагоги также обеспечивают поддержку эмоционального, психологического и социального развития детей, помогая им стать самостоятельными, уверенными и осознанными членами общества [7]. Школы должны активно противодействовать пропагандированию экстремистских и террористических идей среди своих учеников. Это включает в себя формирование положительных ценностей, укрепление доверия к закону и уважение к различию взглядов.

– Партнерство с родителями и обществом: учреждения должны работать с родителями и местными общностями, чтобы создать благоприятную среду поддержки и взаимодействия вокруг учащихся.

Главной целью этих действий является создание комфортной и безопасной учебной среды, которая обращена на профилактику экстремистских и террористических тенденций среди несовершеннолетних, а также развитие их гражданского долга и безопасности для общества.

2.2. Влияние семьи на предотвращение появления экстремистских и террористических наклонностей у ребенка. Исследования показывают [5], что семейная среда играет важную роль в формировании мировоззрения и ценностей у детей. Для того чтобы дети не склонялись к экстремизму или терроризму, родители должны четко регулировать жизнь ребенка и должным образом следить за их воспитанием.

В семьях обязательно должна быть:

– Поддержка ребенка, обсуждение его чувств и эмоций, так как создание благоприятной атмосферы для обсуждения важных тем помогут уменьшить вероятность радикализации.

– Поощрение критического мышления и способности анализировать информацию поможет ребенку осознавать и отвергать экстремистские и радикальные идеи.

– Содействие развитию этических ценностей. Обучение детей уважению к различиям, поощрение инклюзивности и толерантности способствуют формированию этических ценностей, которые препятствуют радикализации.

– Участие в онлайн-безопасности и обучение различным аспектам цифрового мира поможет ребенку различать информацию, избегать пропаганды экстремистских групп и участвовать в конструктивных дискуссиях.

– Установление доверительных отношений ребенок-родитель. Важно, чтобы ребенок чувствовал, что может обсудить с родителями любые вопросы или проблемы, связанные с мировоззрением, чтобы родители могли оказать своевременную поддержку и направление.

Ребенок, выросший в заботливой и поддерживающей семье, обычно развивает эмоциональную устойчивость, способность к адаптации и умение устанавливать здоровые отношения с окружающими. Это в свою очередь уменьшает вероятность того, что ребенок будет подвержен воздействию экстремистских и террористических идей.

3. Технические факторы предотвращения террористических актов в учебных заведениях. В соответствии с положением статьи 41 пункта 8 части 1 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [4], образовательное учреждение обязано обеспечивать защиту и безопасность детей во время их нахождения в учебном заведении.

Министерство образования в своих методических рекомендациях [8] по созданию единой системы обеспечения безопасности образовательных учреждений Российской Федерации рекомендует региональным властям учитывать следующие меры при приемке школ к новому учебному году:

- наличие вечернего и ночного освещения на территории образовательного учреждения и ограждения вокруг;
- обеспечение охраны службами безопасности, вневедомственной охраной органов при органах внутренних дел на договорной основе, частными охранными предприятиями;
- наличие средств инженерной безопасности (сигнализация для охраны от пожаров, тревожная сигнализация, система видеонаблюдения и контроля);
- установка входных дверей из материалов, обеспечивающих надежную защиту от несанкционированного проникновения посторонних лиц;
- наличие управляющих документов, обеспечивающих контроль доступа, внутриобъектовый режим, содержащих информацию о процедурах обучения персонала действиям в чрезвычайных ситуациях, а также соответствующие инструкции для персонала;
- назначение должностного лица, ответственного за принятие мер по антитеррористической защите образовательного, научного учреждения или организации.

3.1. Влияние технического оснащения на предотвращение террористических актов в учебных заведениях. Рассматривая инцидент, произошедший в Брянской школе, можно выявить также еще один из наиболее важных недостатков технической сферы системы мер предотвращения террористических актов. Глобальнейшей ошибкой в данном случае стало отсутствие технического оснащения для предоставления безопасности внутри школы.

Техническое оснащение школ в отношении безопасности должно быть приоритетом не только для самих школ, но и для руководства городов, регионов и страны в целом. Необходимо вводить четкое регулирование соблюдения этих мер и наказаний в случае их несоблюдения, так как от этого напрямую зависит безопасность общества.

3.2. Влияние деятельности охраны на предотвращение террористических актов в учебных заведениях. Также необходимо разработать регламент аккредитации охранников для работы именно в учебных заведениях.

Нахождение на должности охранника учебного заведения пожилых женщин, как это было в школе Брянска, где произошла стрельба, должно быть недопустимо. Несмотря на то, что возраст и пол не должны быть основанием для отказа в трудоустройстве, важно учитывать физические и психологические особенности, которые могут влиять на работоспособность и выполнение обязанностей охранника. Пожилые женщины могут иметь ограниченную физическую выносливость и быстроту реакции, что может

быть критично в случае возникновения чрезвычайной ситуации, требующей быстрой и эффективной реакции. Более того, некоторые учебные заведения могут быть объектами потенциальной опасности, и охранник должен быть способен обеспечить безопасность всех присутствующих. Поэтому, при рассмотрении кандидатов на работу охранником, важно учитывать их физическую подготовку, профессиональные навыки и способность эффективно реагировать на различные угрозы.

Требования к охранникам учебных учреждений, чтобы не допускать террористических актов, должны быть определены с учетом различных аспектов, таких как физическая подготовка, профессиональные навыки, знание профилактики террористических угроз, и психологическая устойчивость.

Охранник должен обладать хорошим физическим состоянием, уметь эффективно использовать оборудование для обеспечения безопасности и реагировать на угрозы. Также важно, чтобы охранник обладал знаниями о методах проведения террористических актов и умением распознавать подозрительные лица и предметы. Дополнительно, важной составляющей является психологическая устойчивость охранника, что позволит оставаться спокойным и принимать обоснованные решения даже в стрессовых ситуациях. Охранник также должен обладать навыками коммуникации, чтобы уметь эффективно взаимодействовать с персоналом и посетителями учебного учреждения. Охранник должен быть подготовлен для работы в экстренных ситуациях, уметь действовать согласно установленным регламентам и иметь навыки первой помощи. Эффективная система обучения и регулярное обновление навыков также должны быть ключевыми составляющими требований к охраннику в контексте предотвращения террористических актов в учебных учреждениях.

Введение жестких требований на отбор охранников в школьные учреждения обусловлено тем, что охранники в школах несут ответственность за безопасность детей, учителей и другого персонала. Их профессиональные навыки, физическая подготовка и психологическая стабильность имеют решающее значение для обеспечения безопасной обстановки в учебном заведении. Охранники в школе могут столкнуться с различными ситуациями, требующими быстрой и эффективной реакции. Необходимость владения специальными навыками и знаниями, в том числе в области первой помощи, обращения с оружием и распознавания угроз, делает важным введение жестких требований на отбор персонала.

3.3. Влияние мер безопасности в сети Интернет на предотвращение террористических актов в учебных заведениях. Предотвращение возникновения экстремистских и террористических наклонностей среди несовершеннолетних через Интернет также имеет огромное значение. Исследования показывают [12. С. 10-16], что дети и подростки часто подвергаются влиянию онлайн-материалов, пропагандирующих противоправное

поведение. Различные группы, используя платформы в Интернете, активно пропагандируют свои взгляды среди молодежи. Это может привести к радикализации молодых людей и их последующему присоединению к экстремистским организациям. В подростковый период мозг находится в стадии активного развития, и подростки более склонны к подражанию и принятию новых идей. Подростки также могут быть более уязвимы к экстремистской пропаганде из-за недостатка жизненного опыта и понимания последствий своих действий.

Наиболее опасной тенденцией является то, что Интернет предоставляет анонимность и доступ к контенту без каких-либо ограничений, что делает его особенно привлекательным для пропагандистов экстремизма.

Важно предотвращать возникновение экстремистских и террористических наклонностей среди несовершеннолетних через Интернет, чтобы защитить их от негативного влияния и предоставить им безопасную и здоровую среду для развития. Предотвращение возникновения экстремистских и террористических наклонностей среди несовершеннолетних в сети Интернет требует комплексного подхода, включающего различные аспекты, такие как образовательные программы, технические меры и социальные и психологические интервенции.

Один из подходов состоит в обучении несовершеннолетних критическому мышлению и развитию навыков анализа информации. Это позволяет критически оценивать информацию, которую несовершеннолетние получают в Интернете, и различать между достоверными и искаженными данными, в том числе между адекватной информацией и экстремистским контентом. Такие образовательные программы могут проводиться как в качестве обязательных баннеров на онлайн-страницах, на уроках в школах, так и в рамках семейного обучения.

Технические меры также играют немаловажную роль в предотвращении распространения экстремистского и террористического контента среди несовершеннолетних. Это может включать в себя фильтрацию интернет-трафика или использование программного обеспечения для мониторинга и блокирования доступа к определенным сайтам и ресурсам.

Предотвращение распространения контента, который может побуждать к экстремизму или терроризму в сети Интернет является сложной задачей, требующей комплексного подхода. Одним из методов, которые могут быть использованы для этой цели, является применение технологий и методов анализа контента, основанных на искусственном интеллекте. Использование алгоритмов машинного обучения, нейронных сетей и других методов искусственного интеллекта позволяет автоматически обнаруживать и фильтровать контент, который нарушает правила платформ и/или может быть потенциально опасным. Для предотвращения распространения экстремистского контента также должна стать более тесная совместная

работа с правоохранительными органами и другими государственными учреждениями для выявления и блокирования такого контента.

Также важным аспектом является мониторинг поведения пользователей и использование систем аналитики для выявления подозрительного активности или попыток распространения экстремистского контента. Это позволяет быстро реагировать на возможные угрозы и предотвращать их распространение.

Таким образом, предотвращение экстремистских и террористических наклонностей среди несовершеннолетних в сети Интернет требует совокупных усилий, включая образовательные, технические и социальные меры. С учетом этих факторов, превентивные меры, такие как образовательные программы, контроль доступа к определенным сайтам и контенту, и развитие критического мышления у несовершеннолетних, могут значительно снизить риск радикализации через Интернет.

4. Подходы совершенствования системы образования и системы мер безопасности для предотвращения террористических актов в учебных заведениях. В первую очередь необходимо обратить внимание на образовательную систему. Необходимо разработать новые алгоритмы взаимодействия персонала образовательных учреждений с детьми, между собой, а также с родителями детей.

Необходимо разработать новый алгоритм допуска психологов к работе с детьми в школах, порядок взаимодействия школьных психологов с учениками и ответственность родителей за воспитание детей, у которых выявлены наклонности экстремистского или террористического характера.

Дополнительный контроль квалификации школьных психологов на умение выявлять и предотвращать экстремистские и террористические наклонности среди несовершеннолетних также поможет предотвратить становление детей террористами и экстремистами на ранних стадиях.

Также важно установить четкий порядок взаимодействия школьных психологов с учениками. Наиболее выгодным для общества будет, если занятия с психологом на индивидуальной основе будут обязательными и постоянными. Это способствует постоянному контролю уровня напряжения в обществе внутри школы, класса, группы несовершеннолетних друзей. При условии, что уровень напряжения среди школьников будет низким, снизится риск импульсивных действий школьников на основе злости, обиды, гнева, которые могут привести к возникновению желания мести, экстремистским и террористическим наклонностям.

Введение более жестких наказаний за недосмотр родителями за детьми, у которых появились и проявились на практике экстремистские и террористические наклонности, поможет призвать родителей лучше обращать внимание на поведение несовершеннолетних. Прорабатывание этих проблем

внутри семьи в начале их появления также помогут снизить риск возникновения терроризма в школах.

Также требуются дополнительные меры по обязательной работе психологов с педагогами и классными руководителями, помимо персональной работы с детьми. Учительский состав должен понимать, что воспитание ребенка – это также ответственность школы, а не только семьи.

Необходимо также регулирование особой ответственности классных руководителей по работе с детьми. Именно классный руководитель должен работать с детским коллективом по разбору и недопущению конфликтных ситуаций. Классный педагог должен иметь репутацию человека, к которому ребенок может обратиться для обсуждения, решения и поддержки в любой школьной или жизненной ситуации. Должна быть прямая связь с родителем каждого ребенка на постоянной основе для оперативного решения ситуаций, а также по созданию комфортной атмосферы в классе, школе и работе по недопущению буллинга.

Также для обеспечения в первую очередь социальной безопасности школьную программу дополнить предметами по развитию у детей эмоционального интеллекта, коммуникативных навыков, обучение методам критического анализа информации, воспитанию и эстетике (в музыке, танцах, искусстве и пр.). Дополнительное образование играет важную роль в формировании характера и мировоззрения ребенка, поскольку оно расширяет его кругозор, помогает развить личностные качества и формирует ценностные ориентации [9. С. 33-40]. Дополнительное образование также способствует формированию личностных качеств у ребенка, таких как самодисциплина, упорство, ответственность, коммуникабельность и творческий потенциал. Регулярные занятия помогают развивать вышеперечисленные качества, тем самым формируя характер несовершеннолетнего.

Изменение в системе образования также требуются и в высших учебных заведениях. Подготовка учительских кадров должна проходить с выделением в приоритет программ по воспитанию, психологии и этике. Должное уделение внимания этим компетенциям должно повысить качество квалификации учителей для работы по формированию противотеррористских и противоекстремистских убеждений среди несовершеннолетних.

Также для совершенствования системы мер предотвращения террористических актов в школах, необходимо ввести ряд регулирующих нормативно-правовых актов. В частности, должны четко регулироваться техническое оснащение образовательных учреждений устройствами обеспечения безопасности, допуск квалифицированных специалистов к работе в охране учебных учреждений.

Четкий и постоянный контроль технического оснащения образовательных учреждений устройствами обеспечения безопасности поможет строго контролировать попадание опасных предметов на территории учебных

заведений. Данная мера может значительно снизить риски возникновения террористических ситуаций в учебных заведениях за счет недопущения на территорию подозрительных личностей с помощью турникетов, выявления опасных предметов, таких как оружие, в том числе ножи, сабли, пистолеты, биты, кастеты, цепи, а также взрывчатые и огнеопасные вещества, с помощью специальных «рамок» на входе.

Введение дополнительных условий допуска охранников на работу в образовательные учреждения помогут уменьшить количество ситуаций, когда охранник не смог предотвратить опасную ситуацию до ее начала или же помочь с ее предотвращением уже после ее возникновения. Важно оценивать физические, коммуникативные и психологические факторы при выборе человека на должность охранника учебного заведения.

Создание отдельных контролирующих органов и постоянных проверок также поможет снизить риск возникновения экстремистских и террористических ситуаций в учреждениях образования.

Заключение. Важным и актуальным вопросом на данный момент является предотвращение террористических актов в школах. Походы в учебные заведения должны быть безопасными и способствовать успешному взрослению молодого поколения. В случае, если учебные заведения станут объектами террористических актов, это может привести к серьезным последствиям для безопасности детей и людей, которые их обучают: они могут получить травмы различной степени тяжести, как физические, так и психологические, которые могут негативно сказаться на их здоровье и развитии.

В целях обеспечения безопасности несовершеннолетних, наиболее важным является совершенствование образовательной системы и системы мер по предотвращению террористических актов в школах. Это обусловлено тем, что практика показывает и доказывает, что существующие системы не идеальны.

Прежде всего, для того, чтобы повысить эффективность систем, следует обратить внимание на систему образования. Требуется разработать дополнительные методы взаимодействия сотрудников образовательных учреждений с учащимися, друг с другом, а также с родителями.

Необходимо ввести дополнительную квалификацию психологов по работе с детьми в школах, порядок взаимодействия школьных психологов с учениками, учителями и родителями.

Также необходимо дополнить школьную программу предметами по развитию у детей эмоционального интеллекта, коммуникативных навыков, обучение методам критического анализа информации, воспитанию и этике (в музыке, танцах, искусстве и пр.). Изменение в системе образования также требуются и в высших учебных заведениях. Подготовка учительских кадров должна проходить с выделением в приоритет программ по воспитанию, психологии и этике.

Также необходимо принять ряд регулирующих нормативно-правовых актов.

В частности, должны четко регулироваться техническое оснащение образовательных учреждений устройствами обеспечения безопасности, допуск к работе в охране учебных учреждений квалифицированных специалистов, а также ответственность родителей за воспитание детей, у которых выявлены наклонности экстремистского или террористического характера.

Меры безопасности, которые включают в себя использование технических средств для предотвращения распространения экстремистских и террористических материалов в Интернете, также имеют большое значение для предотвращения распространения такого контента среди несовершеннолетних пользователей сети. Например, это может включать в себя фильтрацию интернет-трафика или использование специального программного обеспечения для мониторинга и ограничения доступа к определенному сайту или ресурсу.

Учреждение отдельных контрольных служб и осуществление регулярных проверок в совокупности с созданием обособленных контролирующих органов позволит снизить риск возникновения экстремистских и террористических ситуаций в образовательных учреждениях.

Необходимо также отметить важность, что все правила после их введения должны действовать на постоянной основе, а не только в критических ситуациях. Полное соблюдение правил и норм обеспечения безопасности в учебных заведениях является важнейшим аспектом, поскольку это обеспечивает защиту и благополучие всех участников образовательной среды. Правила и нормы обеспечения безопасности разрабатываются на основе существующих практик и методов, и их соблюдение помогает предотвратить различные чрезвычайные ситуации, обеспечивает эффективное реагирование в случае чрезвычайных ситуаций, а также способствует формированию здоровой и безопасной атмосферы для всех участников образовательного процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Взаимодействие школы и семьи в воспитании ребенка / Смирнова И.П. // Вестник образования. 2016. № 2.

2. Долгушев Е.В., Рачковская Н.А., Ефименко В.Н. Выявление экстремистских и террористических проявлений в поведении подростков, и профилактическая деятельность в школе // Мир науки, культуры, образования. № 5 (84).

3. Егорова Л.И. Предпосылки вовлеченности подростков в терроризм: социально-педагогический аспект // Современное педагогическое образование. 2019. № 2.

4. Закон Российской Федерации «Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012 г., с изм. и допол. в ред. от 24 июня 2023 г.

5. *Кондратюк О.Е., Цветкова Н.А.* Роль семьи в формировании системы жизненных ценностей современных подростков // Проблемы современной науки и образования. 2015.

6. «Концепция противодействия терроризму в РФ» от 5 октября 2009 года // Российская газета. 2009 г. № 198 (5022).

7. *Лазыко Н.В.* Роль педагога в нравственном воспитании детей старшего дошкольного возраста // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013.

8. Письмо Минобрнауки РФ ««О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями для общеобразовательных организаций по обеспечению комплексной безопасности»)» от 4.06.2008 № 03-1423 2008.

9. *Пономарева Д.И.* Психологическая профилактика агрессивного поведения обучающихся в системе дополнительного образования // Социология. 2021. № 3.

10. Случаи нападений в российских учебных заведениях // РБК // <https://www.rbc.ru/photoreport/07/12/2023/5a5c71cd9a79471e68e88dfc?from=copy>.

11. «Тихая отличница». Что известно о девочке, расстрелявшей в Брянске одноклассников // ГАЗЕТА.RU // <https://www.gazeta.ru/social/2023/12/07/17978425.shtml?updated>.

12. *Шляпкина О.В., Паршин Н.М.* Влияние Интернета на формирование противоправного поведения в подростково-молодежной среде // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 2.

M. ZHEROKOV

Graduate student of Slavic-Greco-Latin
Academy, Moscow, Russia

IMPROVING THE EDUCATIONAL SYSTEM AND SYSTEMS OF MEASURES TO PREVENT TERRORIST ACTS IN SCHOOLS

This material discusses ways to improve the educational system and the system of measures to prevent terrorist attacks in schools. First of all, this work highlights the importance of the school's responsibility for raising children. The purpose of the work is to identify the shortcomings of existing systems and consider ways to compensate for them. The result of the material is a recommended list of measures to improve systems for preventing terrorist acts.

Key words: *society, state, security, efficiency, management, terrorist attacks, educational system.*

А.А. АШМАРИНА

кандидат политических наук,
старший преподаватель ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
Россия, г. Нижний Новгород

«БИОБЕЗОПАСНОСТЬ» И «БИОЗАЩИЩЕННОСТЬ» В РОССИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ³

В статье рассматриваются понятия «биобезопасность», «биозащищенность» в контексте цифровизации в России. Автор анализирует биологические угрозы российскому обществу, возникающие вследствие воздействия внешних и внутренних факторов. Центральное место в данной работе занимает фактор развития цифровых технологий, оказывающий огромное влияние на все сферы жизнедеятельности человека. Под влияние цифровизации попадает медицина, сельское хозяйство, государственное управление. Автор делает вывод, что цифровизация способствует развитию биотехнологий и становится источником возникновения биоугроз, в том числе превращает человека в объект политики на различных уровнях.

Ключевые слова: национальная безопасность, биологическая безопасность, биозащищенность, биологическая угроза, биополитика, Россия.

«Biosecurity» и «biosafety»: западный и российский взгляд. Понятие биологической безопасности обычно употребляется наряду с другими терминами с приставкой «био»: биополитика, биовласть, биозащищенность. В этой цепочке следует выделить пару «биобезопасность» (biosecurity) и «биозащищенность» (biosafety). Обозначенные определения приобретают особую актуальность в зарубежном и отечественном дискурсе в связи с нестабильностью мировой политики, развитием новых технологий (биологических, медицинских, цифровых) и постепенным превращением человека в объект политического управления.

Зарубежные специалисты на примере американских исследований представляют «биобезопасность» как стратегический подход к анализу и управлению рисками для жизни человека, животных, растений и окружающей среды. То есть, опасные элементы могут быть использованы

³ Исследование выполнено в рамках гос. задания Н-024-0_2023-2025 (FSWR-2023-0033).

случайно или намеренно не по назначению и нанести вред человеку. «Биозащищенность» же связывается с безопасным *обращением и сдерживанием* опасных микроорганизмов и биологических материалов (бактерий, вирусов, грибков и др.) [6]. Тем не менее, западные исследования не только настаивают на междисциплинарном характере вопросов биобезопасности и биозащищенности, но и включают в данную сферу темы нераспространения оружия массового уничтожения, поддержания общественного здравоохранения и охраны окружающей среды [5].

Наиболее продвинутые в данном отношении западные державы, к примеру, США и Великобритания, включили биологическую безопасность в структуру национальной безопасности стран и разработали стратегические нормативно-правовые документы, обеспечивающие выработку политического курса в отношении защиты государств от биологических угроз: National Biodefense Strategy, UK Biological Security Strategy. Следует подчеркнуть ключевые темы данных документов.

Соединенные Штаты Америки существенно обновили законодательство после пандемии COVID-19, сделав Национальную стратегию биозащиты центральным элементом Видения Президента по созданию мира, свободного от биологических катастроф [8]. В документе фигурирует понятие «биозащита» («*biodefence*») – действия по противостоянию биологическим угрозам, снижению биологических рисков, подготовке и оперативному реагированию, и восстановлению после биологических катастроф. Международный аспект проблемы в нормативно-правовой базе США занимает далеко не последнее место. Поэтому в классификации биоугроз американское правительство выделяет три основные группы: естественно возникающие биоугрозы (как реакция окружающей среды на действия человека); случайные биоугрозы (аварии в лабораториях); умышленные биоугрозы (тайное создание биологического оружия другими странами, достижения синтетической биологии, которые могут использоваться другими акторами международных отношений). При анализе документа можно сделать вывод, что центральной темой Стратегии становится глобальное управление рисками для обеспечения национальных интересов США, в том числе, укрепления международных позиций и сохранения авторитета в мировой политике.

Великобритания в 2023 году выпустила обновленную Стратегию биологической безопасности. В качестве основного термина используется понятие «*biological defence*» – биологическая защита. В целом, достижение мирового лидерства по биотехнологиям является одной из ключевых целей Великобритании. Согласно документу, к 2030 году государство станет мировым лидером в биотехнологических инновациях и укрепит свою устойчивость к целому спектру биоугроз. Кроме того, в Стратегии заявляется о большой вероятности химической, биологической, радиационной

или ядерной атаки со стороны террористической группировки к 2030 году. В качестве новых технологий британские власти планируют запустить радар биологических угроз, институционализировать структуру биобезопасности, создав должность министра по стратегии биологической безопасности и руководящего совета, проводить регулярные национальные и международные учения [9].

Российская Федерация, в свою очередь, дополнила национальное законодательство. Политический курс государства в области биобезопасности содержится в «Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности». Одним из ключевых нормативно-правовых актов является Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации». Согласно ему, «биологическая безопасность» – это *состояние защищенности* населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска, а «биологическая защита» – *комплекс мер по обеспечению биологической безопасности*, осуществляемых в целях предотвращения или ослабления неблагоприятного воздействия опасных биологических факторов на человека, животных и растения [4].

Биобезопасность и биозащищенность связаны между собой, но существенно различаются в зависимости от политических и правовых режимов. По мнению западных специалистов, эти два явления предназначены для предотвращения разных рисков. Если биозащищенность обеспечивает реализацию политики и практик для предотвращения ненамеренного выброса конкретных биологических агентов или токсинов, то биобезопасность служит для предотвращения ненамеренного или намеренного высвобождения биологических материалов, а также распространения знаний, инструментов, методов, которые могут причинить вред при использовании [7].

Как мы можем заметить, зарубежная и отечественная трактовки связывают оба понятия с фигурой и деятельностью человека, при этом зарубежные исследователи делают основной акцент на бережном хранении и использовании биологических агентов в лабораторных условиях. Российские ученые расширяют понятие биобезопасности, обращая внимание и на различия биологических рисков и угроз населению страны [2]. Так, биологические риски, представляющие собой вероятность причинения вреда человеку и окружающей его флоре, и фауне, зависят от наличия соответствующих опасных биологических факторов.

Согласно действующему законодательству, подобными факторами могут являться *событие, условие, свойство*, эпидемический (прогрессирующее распространение заболевания в обществе), эпизоотический (возникновение и распространение инфекций среди животных), эпифитотический (массовые инфекционные болезни, распространяющиеся среди растений)

процессы или их комбинация, являющиеся причиной возможного воздействия патогенных биологических агентов (в данном случае совпадает с западной терминологией), паразитических организмов и содержащих их объектов, которые способны нанести вред здоровью человека, животным и (или) растениям, продукции животного и (или) растительного происхождения и (или) окружающей среде [4].

Биологические угрозы и факторы их возникновения. Возвращаясь к российской политике в области биобезопасности, следует отметить, что наличие биологических угроз (биоугроз) зависит от воздействия на человека, флору и фауну различных факторов. Статья 8 закона о биобезопасности перечисляет основные биоугрозы, при анализе которых можно сделать определенные выводы об антропогенном характере воздействия (не во всех случаях). То есть, факторы, влияющие на возникновение и развитие биоугроз, являются, по большей части результатом деятельности человека, намеренной или ненамеренной.

В качестве примера приведем конкретные биологические угрозы: «... *занос и распространение редких и (или) ранее не встречавшихся на территории Российской Федерации инфекционных и паразитарных болезней...*»; «*проектирование и создание патогенов с помощью технологий синтетической биологии*»; «*распространение инфекций, связанных с оказанием медицинской помощи*, и инфекций, связанных с *осуществлением ветеринарной деятельности*, а также возможность возникновения профессиональных заболеваний вследствие *выполнения работ с использованием патогенов*»; «*возникновение аварий, осуществление террористических актов и (или) диверсий на объектах, где находятся источники биологической угрозы (опасности) и (или) проводятся работы с использованием патогенов*»; «*распространение резистентности*»; «*распространение иммунодефицитных состояний организма человека...*»; «*осуществление террористических актов и (или) диверсий с использованием патогенов, применение биологических технологий и иных смежных технологий для разработки, производства и использования патогенов в качестве биологического оружия*, а также *бесконтрольное осуществление опасной техногенной деятельности*, в том числе с использованием генно-инженерных технологий» [4].

В свою очередь, факторы можно разделить на внутренние (на территории РФ) и внешние (за пределами РФ). Междисциплинарность данной темы обусловлена также влиянием на биологическую безопасность и защищенность небиологических факторов глобального характера: всестороннее развитие цифровых технологий и роботизации, нестабильность в международных отношениях и необходимость защиты государственного суверенитета и позиций на мировой арене, угроза террористической деятельности, а также правовой аспект биополитики, о котором автор упоминает в начале статьи.

Нестабильность в мировой политике. Биотерроризм. Еще до распространения пандемии COVID-19 российские военные эксперты высказывали предположения о грядущем использовании биологического оружия в войнах и противостояниях на мировой арене как средства достижения собственных целей: регуляция мирового населения, подчинение себе противника, упрочение своих позиций или выход на лидерство в международных отношениях с возможностью влиять на политику других стран и регулировать мировой порядок. В этом плане потенциал биологического оружия значительно опережает атомное и ядерное: большая концентрация направленности, меньшие затраты на разработку, возможность сокрытия лабораторной работы в тайне. Та система международных отношений, основанная на ядерном превосходстве великих держав, начинает перестраиваться, уступая научным инновациям в биотехнологиях. В этих условиях возрастает опасность использования передовых технологий не только государствами друг против друга, но и террористическими группировками.

Эксперт по оборонной научно-технической политике Юрий Бобылов высказывает предположение о том, что международной угрозой становится большая вероятность наступления «геноцидных биологических войн с тайными диверсионными ударами по-военному и гражданскому населению на основе созданных новых видов биологического оружия» [1]. Особое внимание уделяется оружию на основе бактерий и вирусов с высоким уровнем инфекционности и смертности.

Цифровые технологии и роботизация как фактор возникновения биоугроз. Современная реальность, будь то глобальный, региональный или локальный уровни, формируется с учетом постоянного развития технологий. Четвертая промышленная революция ознаменовала качественно новый этап в развитии человечества. Биологические, цифровые, медицинские и кибертехнологии становятся частью обыденной жизни и влияют на все сферы жизнедеятельности общества. Процессы цифровизации привнесли новые возможности для развития, и одновременно стали источниками возникновения биологических угроз. Далее мы приведем ряд факторов и потенциальных биоугроз, возникающих вследствие их влияния.

Одним из факторов является работа над созданием искусственного интеллекта (ИИ). Его возможный функционал сейчас малоизучен, и в случае успешного создания трудно прогнозировать вероятность эффективного взаимодействия ИИ с человеком, тем более, обеспечить всестороннее управление искусственным интеллектом со стороны последнего. В данный момент существуют «нейросети», которые уже демонстрируют определенные навыки самообучения и становятся частью человеческой жизни (ChatGPT), но они не являются искусственным интеллектом на данный момент.

В настоящее время широко распространены технологии идентификации, включающие биометрические, оптические, аудиологические,

радиочастотные технологии, а также чип-карту и магнитную карту [3]. Данные аккумулируются в базы, доступные, к примеру, государственным структурам. Использование таких баз данных существенно упрощает бюрократические процессы и становятся одним из инструментов государственного управления. В дальнейшем планируется создание единой прозрачной платформы для взаимодействия человека и государства, однако существует огромный риск использования биометрических баз данных в преступных целях хакерами или террористами. Кроме того, биометрия становится постепенно средством манипуляции и управления человеком как объектом политики, ведь все данные о нем доступны государству и тем, кто имеет непосредственный доступ к информации.

Технологии «мозг-компьютер» (нейрокомпьютерный интерфейс) в перспективе имеют большой потенциал: человек в конвергенции с компьютером может достигнуть качественно новых результатов познания, но вместе с тем становится уязвимой мишенью для преступных хакерских групп, которые, взломав компьютер, могут получить доступ к мозгу и телу человека.

Технологии перехода к «интеллектуальному» сельскому хозяйству (биопестициды, нанобиотехнологическая ремедиация воды и почвы, интегрированные системы контроля агропроизводства) при видимом улучшении производительности и урожайности могут нанести непоправимый ущерб окружающей среде.

Недалекое будущее развития нейротехнологий (к примеру, нейрофитнес и модуляция памяти); передовые медицинские технологии (искусственные нейрорегулируемые конечности и дополнительные органы чувств, возможность коррекции мозга) способны привнести новое дыхание в жизнь мало-мобильных, тяжело больных и пожилых людей, изменить качество жизни человека в целом. Но при этом данные технологии будут стоить дорого, будут доступны не всем. Остается неизученной реакция организма на высокотехнологичные «дополнения».

Таким образом, биобезопасность и биозащищенность приобретают особую актуальность в контексте развития биологических, цифровых, медицинских технологий. Биологические угрозы становятся глобальными и несут опасность всему человечеству. Для России становится важной задачей обеспечить биологическую безопасность и защищенность населения от опасных биологических факторов, принесенных извне. Достижение этих задач возможно, в первую очередь, при увеличении финансирования соответствующих исследований; углубление институционализации и организации специализированных структур, занимающихся выработкой политики в сфере биобезопасности. Немаловажным аспектом является мониторинг ситуации на международном уровне с учетом агрессивной политики недружественных для РФ стран и активной работы западных держав в области создания биологического оружия массового поражения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бобылов Ю.А.* О биобезопасности населения России. Качественная клиническая практика. 2023. № 1 // <https://DOI.org/10.37489/2588-0519-2023-1-55-65>.
2. *Карцхия А.А.* Правовые механизмы биобезопасности // Социальные новации и социальные науки. Москва: ИНИОН РАН, 2020. No 1.
3. Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года // <http://ukros.ru/wp-content/uploads/2017/05/strategy.pdf>.
4. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/400156868/>.
5. *Bielecka A., Mohammadi A.A.* State-of-the-Art in Biosafety and Biosecurity in European Countries. Arch. Immunol. Ther. Exp. 62. 2014 // <https://DOI.org/10.1007/s00005-014-0290-1>.
6. Biosafety vs. Biosecurity. Louisiana State University // <https://lsu.edu/ehs/research-safety/biosafety.php>.
7. Board on Life Sciences; Division on Earth and Life Studies; Committee on Science, Technology, and Law; Policy and Global Affairs; Board on Health Sciences Policy; National Research Council; Institute of Medicine. Potential Risks and Benefits of Gain-of-Function Research: Summary of a Workshop. Washington (DC): National Academies Press (US); 2015 Apr 13. 5, Potential Risks: Biosafety and Biosecurity // <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK285575/>.
8. National Biodefense Strategy and Implementation Plan for countering biological threats, financing pandemic preparedness, and achieving global health security // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Biodefense-Strategy-and-Implementation-Plan-Final.pdf>.
9. UK Biological Security Strategy // https://assets.publishing.service.gov.uk/media/64c0ded51e10bf000e17ceba/UK_Biological_Security_Strategy.pdf.

A.A. ASHMARINA

Candidate of Political Sciences

Senior lecturer at IMOMI of Lobachevsky State University,

Nizhny Novgorod, Russia

“BIOSAFETY” AND “BIOSECURITY” IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES

The article discusses the concepts of “biosafety” and “biosecurity” in the context of digitalization in Russia. The author analyzes biological threats to Russian society arising from the influence of external and internal factors. The central place in this work is occupied by the factor of development of digital technologies, which has a huge impact on all spheres of human life. Medicine, agriculture, and public administration are falling under the influence of digitalization. The author concludes that digitalization contributes to the development of biotechnologies and becomes a source of biothreats, including turning a person into an object of politics at various levels.

Key words: *national security, biosecurity, biosafety, biological threat, biopolitics, Russia.*

Л.А. ЛИТВИН

кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и регионалистики Луганского государственного педагогического университета, Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск

РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время электронное правительство становится неотъемлемой частью современного государственного управления. Электронное правительство – сложная технология, которая позволяет решить несколько задач и оказать множество различных услуг населению. Основной задачей электронного правительства является информирование граждан и оказание государственных и муниципальных услуг через сеть Интернет для наиболее быстрого и качественного обслуживания населения. В связи с этим в нее включены основные элементы национальной инфраструктуры. В настоящий момент выделяют пять таких элементов. Они в целом представляют собой единую информационно-технологическую и телекоммуникационную систему электронного правительства. На пути внедрения такой масштабной системы, как «Электронное правительство», в социально-экономическую действительность любой страны могут возникнуть различные проблемы, которые условно можно подразделить на следующие основные группы: организационно-правовые проблемы, технологические проблемы, методологические проблемы, информационные проблемы, финансовые. Особое внимание в работе уделено анализу рисков и перспектив развития «электронного правительства» в России. Были выделены как потенциальные риски, такие как угрозы информационной безопасности, уязвимости системы электронного правительства к кибератакам, так и возможности, перспективы, связанные с повышением эффективности и качества государственного управления, улучшением услуг для населения и бизнеса, уменьшением бюрократических процедур и повышением прозрачности государственных процессов. Также выделены некоторые перспективные направления развития электронного правительства в России.

Ключевые слова: *электронное правительство, цифровое правительство, трансформация, государственное управление, цифровые технологии, риски и вызовы, портал «Госуслуги», информационная безопасность.*

В настоящее время цифровые технологии стремительно развиваются во всех сферах жизни общества. Уже сейчас множество товаров и услуг можно получить «онлайн», например, заказать еду, купить обувь, одежду, бытовую технику, прослушать лекции, семинары, вебинары, мастер-классы, получить консультации на разные темы. За последние годы цифровая сфера сделала серьезный рывок, а ситуация, вызванная мировой пандемией коронавируса, еще более ускорила процесс цифровизации абсолютно во всех сферах и отраслях общественной жизни, так как возникла необходимость работать удаленно и получать целый комплекс услуг различного характера, не выходя из дома.

Сфера государственного и муниципального управления также движется в ногу со временем и предоставляет сегодня целый комплекс цифровых услуг как в онлайн, так и офлайн формате. До недавнего времени в системе государственного и муниципального управления многие процессы получения информации и услуг населением могли затягиваться на неопределенный срок или оказывались не в полном объеме. Решением этой проблемы стало создание в России «Электронного правительства» [2. С. 65].

Сегодня «Электронное правительство» представляет собой механизм функционирования государственных и муниципальных органов, основанный на широком применении информационных технологий и максимально ориентированный на предоставление услуг гражданам и организациям, в том числе посредством сети Интернет и специальных сервисов.

Данный элемент системы государственного и муниципального управления позволяет гражданам не только постоянно следить за работой государственных и муниципальных служб в разных областях деятельности, узнавать о новых мероприятиях, которые проводят Правительство РФ и органы власти различного уровня, но и получать широкий спектр государственных и муниципальных услуг в электронном виде, а также оставлять свои рекомендации, пожелания и требования на официальном сайте [2. С. 65].

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [3; 4; 7; 8; 10; 11; 12; 13; 15; 18; 21; 26; 28; 29].

Проблематика цифровизации государственного управления так или иначе просматривается в работах таких российских ученых как А.С. Аношина, А.Е. Городецкий, А. Данилин, А.Е. Мамай, М.В. Паршин, Т.К. Чернышова и другие. Исследователи поднимают такие вопросы как реализация концепции e-Government в условиях перехода к цифровой экономике, особенности сервисного государства, архитектура электронного управления,

специфика цифрового правительства в Российской Федерации. Однако проблему эффективности «Электронного правительства» как важного элемента системы государственного управления в России нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности. Незавершенным является анализ рисков и вызовов реализации электронного правительства в России.

Целью данного исследования является анализ рисков и перспектив внедрения электронного правительства в контексте трансформации государственного управления в Российской Федерации.

Можно выделить следующие основные аспекты «Электронного правительства»: установление безопасной интрасети правительства и центральной базы данных для более эффективного взаимодействия между правительственными агентствами; предоставление услуг онлайн; использование электронной торговли для более качественной и быстрой правительственной транзакционной работы; цифровая демократия и большая прозрачность политики правительства.

Главная задача «Электронного Правительства» – удовлетворение потребностей граждан РФ в виде предоставления качественных государственных услуг посредством информационных технологий и сети Интернета.

Функции «Электронного Правительства»: повышение качества предоставляемых государственных услуг, ориентация на пользователей; сокращение времени обслуживания клиентов; расширение перечня предоставляемых государственных услуг в электронном виде; рост вовлеченности граждан в демократические процессы [17].

Внедрение данного инструмента в систему государственного и муниципального управления направлено на осуществление тех же самых услуг населению, какие были раньше, только уже более быстрым, качественным и надежным способом.

При этом можно отметить, что наиболее востребованным элементом Электронного правительства является портал государственных услуг РФ. Число зарегистрировавшихся на данном портале к 2019 г. достигло 100 млн. чел. При том, что в 2017 г. количество пользователей составляло 65 млн. чел., а в 2018 г. – 86 млн. чел. С каждым годом их число увеличивается примерно на 20 млн. чел. Этот рост вызван явно неадминистративным фактором, а именно потребностью населения [22].

Количество оказанных услуг на данном портале также растет (с 38,5 млн. услуг в 2017 г. до 60 млн. услуг в 2018 г. и более 152 млн. услуг в 2019 г.). Общее число пользователей портала госуслуг на конец 2019 г. составило 103 млн. человек, что составляет 70,16% от общей численности населения страны.

В I квартале 2020 г. добавились следующие сервисы:

– «Одноклассники» совместно с Единым порталом госуслуг запустили внутри соцсети приложение, с помощью которого люди смогут воспользоваться популярными государственными сервисами, не покидая соцсеть;

– в России выдали первые заграничные паспорта, оформленные в криптобиокабине, в рамках тестирования комплекса в многофункциональных центрах оказания государственных и муниципальных услуг;

– «ДОМ.РФ» запустил на базе портала «Домой.ру» сервис для электронной регистрации сделок с недвижимостью, с помощью которого пользователи могут составить онлайн-заявление и направить в Росреестр комплект документов в электронном виде;

– с середины апреля Пенсионный фонд приступает к проактивной выдаче сертификатов материнского капитала. После появления ребенка материнский капитал будет оформлен автоматически, и семья сможет приступить к распоряжению средствами, не обращаясь за самим сертификатом. Все необходимые сведения Пенсионный фонд запросит сам;

– органам соцзащиты предоставлено право доступа к сведениям о доходах физических лиц, составляющим налоговую тайну. Данная мера позволит исключить для граждан необходимость сбора документов, подтверждающих уровень их дохода;

– реализована возможность с 1 июля 2020 г. назначать пособие на детей от 3 до 7 лет включительно без каких-либо справок от граждан;

– налоговые органы смогут информировать налогоплательщиков о наличии недоимки и задолженности по пеням, штрафам, процентам с помощью СМС-сообщений или электронной почты не чаще одного раза в квартал;

– Минкомсвязь и АНО «Цифровая экономика» при поддержке крупнейших российских Интернет-компаний запустили порталы, на которых собрана информация о цифровых сервисах и услугах для граждан, находящихся в режиме изоляции в связи с распространением коронавируса. Информация на «Все онлайн» сгруппирована по различным типам потребностей и жизненным ситуациям – от заказа еды и продуктов питания до обучения и получения медицинских консультаций онлайн и др. [16. С. 30].

Необходимо отметить, что тренд на оказание государственных услуг в электронном виде стал драйвером развития российской ИТ-сферы. В июле 2012 г. все регионы и муниципалитеты начали планомерный переход на электронное межведомственное взаимодействие. Для этого была разработана и успешно реализована Государственная программа «Информационное общество (2011-2020 годы)», наряду с другими региональными и ведомственными программами, что оказало существенное влияние на уровень использования информационно-коммуникационных технологий в стране и привело к ощутимым результатам.

Именно государственные инициативы во всем мире являются основным двигателем развития информатизации в стране. И здесь

Россия – не исключение. В октябре 2018 г. замминистра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ на IV Всероссийском форуме центров государственных и муниципальных услуг представил концепцию цифровизации государственного управления на 2018-2024 годы – «Сервисное государство 2.0», основным принципом которой является отсутствие физических документов, кроме удостоверения личности гражданина [25].

Рассмотрим основные этапы развития Электронного правительства в РФ.

1. Возникающее веб-присутствие – создается официальный сайт органа, который выполняет исключительно информационную функцию.

2. Продвинутое веб-присутствие – создается раздел «Новости», который регулярно обновляется.

3. Интерактивное веб-присутствие – появляется возможность общения с органом государственной власти.

4. Транзакционное веб-присутствие – появляется возможность осуществить полный цикл получения электронной государственной услуги.

5. Полностью интегрированное веб-присутствие – трансформации государственных процессов: развитие сервисов для вовлечения граждан в процессы разработки и принятия государственных решений.

Можно сделать вывод, что электронное правительство в нашей стране находится на пятом этапе развития. В настоящее время возможно в режиме онлайн проводить референдумы, голосование, давать консультации гражданам и т.д. (например, впервые в России жители Москвы и Нижегородской области смогли проголосовать онлайн за поправки к Конституции с использование портала «Госуслуги» 01 июля 2020 г., а москвичи это сделали через mos.ru).

Больше всего граждан обращалось на сайты различных ведомств и портал государственных услуг, чтобы оплатить налоги и штрафы, узнать данные официальной статистики, а меньше всего заходили на сайты, чтобы оформить патент, получить разрешение на охоту/рыбалку.

Государство с помощью электронных средств быстро и качественно обеспечивает предоставление услуг населению, бизнес-структурам, совершенствует взаимодействие между правительственными структурами.

Международная консалтинговая компания BS Consulting провела опрос более 13 тысяч человек в 30 странах об использовании ими цифровых госуслуг, данные показали, что Россия заняла третье место в мире по темпам роста использования цифровых госуслуг и вошла в топ-10 стран по интенсивности их использования [24. С. 480].

По оценке ООН, Россия относится к числу лидеров по развитию цифровых госуслуг. В 2018 г. ООН провела исследование, в ходе которого г. Москва заняла первое место в мире по развитию Электронного правительства. Оценка онлайн-порталов производилась по 60 разным индикаторам,

например, технические моменты, информационное наполнение местных сайтов госуслуг, применение электронных сервисов и инициатив. При этом в Москве имеется 55 из 60 показателей развитости электронного правительства [24. С. 481].

При преобразовании государственных услуг в электронный формат встает вопрос цифрового неравенства граждан, так как не у всех есть возможность выхода в интернет. Преобразования всех государственных услуг на всех уровнях управления в электронный вид по причине недостаточного взаимодействия между ведомствами, низкого спроса на электронные услуги со стороны граждан.

Кроме того, возникают сложности при регистрации на портале и предоставлении электронных документов, а также технические ошибки, устранение которых занимает много времени.

На пути внедрения такой масштабной системы, как «Электронное правительство», в социально-экономическую действительность любой страны могут возникнуть различные проблемы, которые условно можно подразделить на следующие основные группы: организационно-правовые проблемы, технологические проблемы, методологические проблемы, информационные проблемы, финансовые.

К правовым проблемам следует в первую очередь отнести несовершенство нормативного регулирования отношений в рассматриваемой области, а также недостаточное понимание самих текстов правовых актов (существующие нормы еще полностью не позволяют заменить управленческие документы в бумажной форме электронными, имеющими такую же юридическую силу).

Следующая группа проблем связана с низкой документированностью технологий, отсутствием описания многих технологических процессов, слабой проработкой технологических переходов. Более того, в настоящее время наблюдается отсутствие высококвалифицированных специалистов-технологов, что однозначно приводит к недостаточному пониманию предназначения информационных технологий [1. С. 340-341]

Информационные проблемы охватывают государственную регистрацию информационных ресурсов, а также формат и функции государственного регистра. Оценка сайтов органов исполнительной власти свидетельствует о ненадлежащем уровне качества этого информационного ресурса, что также требует усиления методического обеспечения.

Финансовые проблемы обычно связаны с затратами на информатизацию, предусмотренными на капитальные вложения, приобретение средств вычислительной техники, программных и технических средств, обучение специалистов, эксплуатацию информационных систем. При этом в ряде случаев за рамками остается приобретение информационных ресурсов, надлежащее обучение пользователей, затраты на эксплуатацию. Поэтому

требуется доработка бюджетной классификации с точки зрения доходов от информатизации и расходных статей. Также следует отметить необходимость максимально открытого проведения конкурсов на поставку оборудования, программного обеспечения и иных видов работ.

Еще одна не менее важная проблема связана с неудовлетворительным уровнем квалификации государственных служащих в процессе построения и функционирования «электронного правительства». В условиях информатизации государственных структур и перехода к электронному документообороту особую значимость приобретает профессиональная подготовка сотрудников органов публичного управления в сфере использования современных информационно-коммуникационных технологий и методика оценки их квалификации [30. С. 30].

Использование информационно-коммуникационных технологий в деятельности исполнительных органов власти без изменения принципов организации административных процессов не может принести ожидаемых позитивных последствий. В этой связи за исключением традиционных полномочий, необходимых для исполнения повседневных должностных обязанностей, вовлеченные в проекты создания «Электронного правительства» государственные служащие должны обладать и иными полномочиями в различных областях (гармоничное управление развитием всех звеньев системы «Электронного правительства»; моделирование основных административных процессов с целью их анализа, оптимизации и определения информационных потребностей; управление проектами создания и внедрения решений «Электронного правительства»; управление рисками, связанными с применением в деятельности информационных технологий).

Проанализировав результаты внедрения, видно, что из шести компонент новой технологической платформы (облачные технологии, «большие данные» и аналитика, мобильность, социальные коммуникации, «интернет вещей», информационная безопасность) «Электронным правительством» реализуются пока две – облачные технологии и информационная безопасность [5. С. 429].

Исследование проблем и причин недостаточной развитости электронного правительства показало, что необходима разработка концепции «цифрового правительства», в котором будет сделан акцент на информацию и данные. Отличие понятий «электронного» и «цифрового» правительств заключается не столько в их формулировке, сколько в подходах и способах реализации. В основе концепции «цифрового правительства» может быть использован «Системный проект электронного правительства Российской Федерации», разработанный Министерством коммуникации и связи по поручению президента России [19].

Необходимо пересмотреть и преобразовать все административные процессы для обеспечения тезиса «по умолчанию цифровые», при этом

не нужно переносить старые неэффективные процессы на новую платформу. Реинжиниринг бизнес-процессов в сфере государственного управления должен проводиться таким образом, чтобы издержки на содержание госаппарата и поддержание его деятельности сократились в десятки раз за счет уменьшения избыточных, дублирующих и неэффективных функций. Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют это сделать.

Безусловно, переход на новую концепцию потребует построения новой инфраструктуры и дополнительных инвестиций, в связи с чем необходим поиск путей сокращения затрат и источников получения доходов. Например, строительство центров обработки данных, потребляющих большое количество электроэнергии, следует осуществлять в регионах с дешевой электроэнергией. Дополнительным источником дохода при создании государственных баз данных, по мнению заместителя директора Информационно-технического центра Федеральной антимонопольной службы России А.А. Горбачева, может служить продажа данных, не являющихся государственной тайной. Требуется также повышение уровня цифровой грамотности населения и доступности услуг «цифрового правительства» [5. С. 428].

В результате исследования были выявлены риски и перспективы развития «электронного правительства» в Российской Федерации. Среди основных рисков можно выделить недостаток квалифицированных кадров в сфере информационных технологий, высокую стоимость внедрения и поддержки электронных систем, а также недостаток доверия со стороны населения. Однако, несмотря на эти проблемы, существует значительный потенциал для развития электронного правительства в России. Преимущества включают более эффективное и быстрое предоставление государственных услуг, улучшение прозрачности и доступности государственных органов, а также повышение уровня вовлеченности граждан в процесс принятия решений. В целом, развитие электронного правительства может стать важным шагом в повышении эффективности государственного управления в России.

В России в настоящее время происходит активное развитие и осмысление первого практического опыта применения цифровых подходов и технологий в государственном управлении. Результаты проведенного исследования показывают, что создание единой цифровой информационной платформы и использование сквозных цифровых технологий могут способствовать улучшению государственного управления путем горизонтальной интеграции и эффективного взаимодействия между государственными органами.

В целом развитие цифровых технологий может привести к переходу от модели «сервисного управления» к модели «объединенного

правительства», более соответствующей глобальным вызовам и рискам развития экономики и политического процесса России.

В связи с этим стратегической целью цифровой трансформации институтов государственного управления должно стать не только внедрение технологий совершенствования деятельности институтов управления, но и повышение качества государственного управления для эффективной реализации национальных проектов и программ, способствующих устойчивому росту и конкурентоспособности экономики России.

Можно сделать вывод, что совершенствование электронного правительства требует комплексного подхода и принятия соответствующих мер. Для достижения наилучших результатов в этой области, следует уделить внимание нескольким путям изменения к лучшему.

Во-первых, необходимо развивать информационно-коммуникационную инфраструктуру, обеспечивая доступность высокоскоростного интернета во всех регионах страны. Также требуется модернизировать государственные информационные системы, улучшать их функциональность и безопасность, а также обеспечивать их взаимодействие для более эффективного предоставления государственных услуг.

Во-вторых, важно активно вовлекать граждан в процессы принятия решений и формирования политики через использование электронных платформ и механизмов электронной демократии. Это позволит гарантировать прозрачность и открытость государственного управления, а также повысить доверие граждан к властным структурам.

В-третьих, необходимо обеспечить обучение и развитие кадров, способных эффективно работать в сфере электронного правительства. Это включает подготовку квалифицированных специалистов по информационным технологиям, а также обучение государственных служащих основам электронного правительства и управления цифровыми процессами.

Наконец, важно проводить систематический мониторинг и оценку результатов внедрения и развития электронного правительства, чтобы выявлять проблемные моменты и корректировать стратегию развития. Регулярное обновление и модернизация электронного правительства поможет адаптироваться к быстро меняющимся технологиям и потребностям граждан.

В целом, совершенствование электронного правительства является важным направлением для улучшения государственного управления в Российской Федерации. Путем развития информационной инфраструктуры, участия граждан в принятии решений, подготовки кадров и систематического мониторинга мы можем изменить электронное правительство к лучшему, обеспечивая эффективность, прозрачность и удобство взаимодействия между государством и гражданами.

Электронное правительство имеет большой потенциал для улучшения эффективности государственного управления. Оно способствует автоматизации и оптимизации бюрократических процессов, улучшению доступности и качества государственных услуг, а также повышению уровня прозрачности и открытости государственного аппарата. Это позволяет гражданам более эффективно взаимодействовать с государством, сокращает временные и финансовые затраты на обращение в органы власти, а также способствует более широкому участию граждан в принятии решений и формировании политики.

Однако внедрение электронного правительства также сопряжено с определенными рисками и вызовами. Важно учитывать вопросы информационной безопасности, защиту персональных данных граждан, а также обеспечивать равный доступ к электронным услугам для всех слоев населения, включая людей с ограниченными возможностями и жителей отдаленных регионов. Также необходимо обеспечивать надежность и стабильность электронных систем и платформ, чтобы предотвратить возможные технические сбои или кибератаки.

Для устранения рисков и реализации перспектив развития электронного правительства в России следует принять ряд мер. Важно разрабатывать и внедрять эффективные стратегии цифровой трансформации государственного управления, обеспечивая интеграцию и согласованность между различными органами власти и уровнями государственной системы. Также необходимо совершенствовать законодательную базу, регулирующую электронное правительство, с учетом международных стандартов и передовых практик.

Более того, для успешного развития электронного правительства важно инвестировать в развитие информационной инфраструктуры, обеспечивать подготовку квалифицированных кадров в области информационных технологий и цифрового управления, а также активно вовлекать граждан в процессы принятия решений и формирования политики через использование электронных платформ и механизмов электронной демократии.

Итак, электронное правительство представляет собой значимую и перспективную область развития государственного управления в РФ. Результаты исследования и рекомендации, представленные в данном исследовании, могут служить основой для разработки и реализации эффективных стратегий и мер по совершенствованию электронного правительства в стране.

Как отечественные, так и зарубежные системы мониторинга развития «Электронного правительства» не отражают всех аспектов оценки «цифрового правительства», поэтому нужно создать эффективные методики оценки и системы мониторинга развития «цифрового правительства».

Таким образом, можно выделить некоторые перспективные направления развития электронного правительства в России: построение общенациональной системы управления данными. При этом увеличится эффективность использования информации о предоставлении государственных и муниципальных услуг и функций; внедрение передовых технологий, например, блокчейн, машинное обучение, искусственный интеллект, для более результативного предоставления услуг; построение цифровых экосистем – платформ, объединяющих деятельность всех институтов государства и общества; Разработка целевых моделей по оказанию государственных и муниципальных услуг и создание дорожных карт цифровой трансформации. В данных документах должны быть представлены перспективы развития Электронного правительства в системе государственного управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аль-Габри В.* Электронное правительство: его перспективы, возможности и угрозы // Молодой ученый. 2016. № 15 (119).
2. *Аношина А.С.* Электронное правительство в России: реализация и перспективы развития // Экономика нового мира. 2020. № 1-2 (17).
3. *Выходец Р.С.* Роль технологий искусственного интеллекта в обеспечении информационно-психологической безопасности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 5 (98).
4. *Голубева Т.С.* Влияние цифровой трансформации экономики и социальной жизни на формирование карьерных стратегий студенческой молодежи // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 1 (47).
5. *Городецкий А.Е.* Государственное управление и экономическая безопасность. О дисфункциях государственного управления // Аудит и финансовый анализ. 2016. № 6.
6. *Данилин А.* Архитектура и стратегия: «инь» и «янь» информационных технологий предприятия / А. Данилин, А. Слюсаренко. М.: Интернет-университет Информационных технологий, 2019.
7. *Добрынина Е.Я.* «Цифровая революция» и ее последствия для современности (взгляд Энтони Гидденса) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 7 (100).
8. *Залысин И.Ю.* Проблемы цифровизации российского образования // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 10 (103).
9. *Занин А.* Обзор новостей электронного правительства за 1 квартал 2020 г. // ECM-journal // <https://ecm-journal.ru/material/Obzor-novostejj-ehlektronnogo-pravitelstva-za-1-kvartal-2020-goda>.

10. *Иванов С.Г.* Политика цифровизации: опыт управления, приоритеты и риски // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 10-2 (98-2).

11. *Калакутский А.В.* Влияние технологий информационного обеспечения на российский политический процесс // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 2 (95).

12. *Ковальчук А.Г.* Развитие государственно-гражданского взаимодействия в современной России: федеральные и региональные программы // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 10-1 (98-1).

13. *Мальшев Н.А., Медведев В.Н.* Особенности осуществления контрольно-надзорной деятельности органов публичной власти в условиях действия Постановления Правительства РФ № 336 (на примере Калининградской области) // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2023. Т. 10. № 2 (31).

14. *Мамай Е.А.* Электронное правительство в России: проблема определения критериев эффективности и достижения показателей // Legal Concept. 2018. Vol. 17. № 4.

15. *Мартышкин С.А., Рассадин А.А., Омелькович А.В.* Цифровая реальность в государственной политике и менеджменте // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 5 (98).

16. *Мельникова Т.С.* Электронное правительство: Учебно-методическое пособие / Т.С. Мельникова, Э.Ф. Абубикерова; Саратовский социально-экономический институт РЭУ им. Г.В. Плеханова. Саратов, 2018.

17. Место и роль «Электронного правительства» в системе государственного управления // <https://articlekz.com/article/12374>.

18. *Новосельский С.О., Сморчкова В.П., Морозова И.Г.* Характеристика цифровизации науки и образования // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 5 (51).

19. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ // <https://digital.gov.ru/ru/ministry/common/>.

20. Официальный сайт Электронного Правительства России // <http://government.ru/rugovclassifier/719/events/>.

21. *Петров Д.Ю.* Социальная политика в условиях трансформации цифрового медиа пространства // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 4 (50).

22. Россияне назвали самые востребованные цифровые госуслуги // <https://www.rbc.ru/society/13/03/2019/5c87d2ae9a794743baad4ef6>.

23. РОЦИТ: официальный сайт // <https://rocit.ru/>.

24. *Рябинина Н.И.* Место и роль «электронного правительства» в системе государственного и муниципального управления / Н.И. Рябинина, Е.В. Винцкевич // Вестник Адыгейского государственного университета. 2020. № 1.

25. Паршин М.В. Сервисное государство 2.0. // Цифровое государственное управление // https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/10/03_parshin.pdf.

26. Поярко *Р.А.* Применение больших данных и искусственного интеллекта в цифровой трансформации государственной службы // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 10-1 (98-1).

27. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена распоряжением Правительством Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-п) // <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.

28. Чебан *А.А.* Особенности модели современного этапа цифровизации политического процесса в Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 3 (96).

29. Чепелюк *С.Г.* Практики формирования цифрового правительства: зарубежный и отечественный опыт // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 4 (97).

30. Чернышова *Т.К.* Реализация концепции e-Government в условиях перехода к цифровой экономике в Российской Федерации // Научные записки молодых исследователей. 2018. № 6.

L.A. LITVIN

*PhD in Political science, Associate Professor
for the Department of Political and Regional science,
Lugansk State Pedagogical University,
Lugansk, Luhansk People's Republic, Russia*

RISKS AND PROSPECTS OF E-GOVERNMENT IMPLEMENTATION IN THE CONTEXT OF PUBLIC ADMINISTRATION TRANSFORMATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Currently, e-government is becoming an integral part of modern public administration. E-government is a complex technology that allows you to solve several tasks and provide many different services to the public. The main task of e-government is to inform citizens and provide state and municipal services via the Internet for the fastest and highest quality public services. In this regard, it includes the main elements of the national infrastructure. Currently, there are five such elements. They generally represent a unified information technology and telecommunications system of electronic government. On the way of introducing such a large-scale system as «Electronic Government» into the socio-economic reality of any country, various problems may arise, which can be conditionally divided into the following main groups: organizational and legal problems, technological problems, methodological problems, information problems, financial problems. Special attention is paid to the analysis of risks and prospects for the development of «electronic government» in Russia. Potential risks, such as threats to information security, vulnerability of the e-government system to cyberattacks, as well as opportunities and prospects related to improving the efficiency and quality of public administration, improving services for the public and businesses, reducing bureaucratic procedures and increasing transparency of government processes were highlighted. Some promising areas of e-government development in Russia are also highlighted.

Key words: *e-government, digital government, transformation, public administration, digital technologies, risks and challenges, portal «Public Services», information security.*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2024.101.1.014

УДК 32

А.С. СМИРНОВА

*младший научный сотрудник научно-исследовательского
отдела (военно-гуманитарных исследований)
Военного университета, соискатель кафедры политологии
Московского государственного лингвистического университета,
Россия, г. Москва*

ТЕНДЕНЦИИ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Концепция гуманитарной безопасности была создана в XX веке. С момента ее формирования до практического применения прошло более 50 лет, за которые она обрела много сторонников среди научных деятелей, продвигающих и развивающих ее в наше время. Для выявления актуальности концепции автор анализирует руководящие документы ООН, работы латиноамериканских и европейских ученых и выделяет три тенденции гуманитарной безопасности: диверсификация, институализация и адаптация. Диверсификация выражается в создании и продвижении латиноамериканскими учеными концепции HUGE (human, gender and environmental security), институализация – в создании и развитии целевого фонда ООН по гуманитарной безопасности; адаптация – в преломлении концепции гуманитарной безопасности под реалии конкретной страны или региона. Автор также выделяет и рассматривает две значимые угрозы гуманитарной безопасности – глобализацию и цифровизацию.

Ключевые слова: гуманитарная безопасность, тенденции, адаптация, диверсификация, институализация, Латинская Америка, ООН.

Введение. Создание концепции гуманитарной безопасности вызвало широкий интерес у ученых на рубеже XX и XXI века. Европейские исследователи активно обсуждали тему гуманитарной безопасности, пытались определить понятие, сузить его, разработать методы внедрения принципов гуманитарной безопасности в систему мирового порядка. Их работы способствовали формированию и развитию концепции, благодаря чему мы можем сейчас говорить о трех видимых тенденциях развития гуманитарной безопасности.

В своей работе «Human Security: Paradigm Shift or Hot Air?» [10] Пэрис Роланд проводит анализ написанного по теме гуманитарной безопасности и дает положительную оценку разработанной концепции, чем и объясняет ее широкий отклик у ученых. Размытость понятия гуманитарной безопасности в определенной степени затрудняет ее практическую реализацию, однако само существование данного понятия уже является отправной точкой для конкретных шагов в этом направлении, так как оно способствует привлечению внимания академического сообщества и более широких кругов к данной проблеме.

В работах западных авторов часто фигурирует мысль, что гуманитарная безопасность формирует и укрепляет моральные, этические и идеологические основы политики и тем самым поддерживает многосторонние гуманитарные усилия мирового сообщества. Кроме того, считается, что концепция гуманитарной безопасности органично входит в состав национальной и международной безопасности, но не заменяет их. В ее рамках могут быть подготовлены и реализованы на практике конкретные мероприятия для преодоления гуманитарных кризисов и предотвращения возможных конфликтов. При этом необходимо обращать внимание на то, чтобы содержание и направленность гуманитарных мероприятий не подрывали другие виды безопасности, а также национальную и международную безопасность в целом.

Работы европейских ученых задавали канву для развития концепции гуманитарной безопасности, что легло в основу двух тенденций: институционализации и адаптации. В то же время исследования латиноамериканских ученых привели к созданию модернизированного варианта гуманитарной безопасности, что дает нам возможность говорить о третьей тенденции – диверсификации, с которой мы и начнем.

Первая тенденция гуманитарной безопасности. Сущность тенденции к диверсификации заключается в том, что в процессе развития классической концепции гуманитарной безопасности произошло выделение из нее более всеобъемлющей концепции, под условным названием «большая гуманитарная безопасность» (HUGE – human, gender, environment), которая включает гуманитарную, гендерную и экологическую безопасность и была представлена в 2009 году. Латиноамериканские ученые приходят к выводу, что в рамках гуманитарной безопасности происходит выработка параметров благосостояния, здоровья, питания и других аспектов; в то же время гендерная безопасность находит свое отражение в равенстве, а также преодолении насилия и дискриминационных процессов в области образования, занятости, государственной службы, политического участия, культуры и т.д. Гендерная безопасность касается также обеспечения равноправия женщин, представителей коренных народов и меньшинств, т.е. уязвимых групп, находящихся в невыгодном положении по сравнению с остальной частью

общества. Это неравенство стало чем-то вроде нормы благодаря многовековым механизмам дискриминации, поэтому ценности справедливости и самобытности в настоящее время находятся под угрозой [9]. Французский философ Мишель Фуко считал, что в гендерных вопросах система дискриминации является особенно устойчивой и живучей, что негативно сказывается на состоянии гуманитарной безопасности. Концепция HUGE ставит под сомнение традиционное распределение ролей и порядок подчинения. Она предлагает преодолеть дискриминацию женщин и борьбу за власть между мужчинами и женщинами путем мирных переговоров на благо человечества.

Теоретическое конструирование экологического компонента концепции осуществлялось в четыре этапа: а) исследование воздействия и последствий войн, наносящих ущерб окружающей среде [12]; б) изучение дефицита и загрязнения природных ресурсов и их влияния на возникновение и поддержание вооруженных конфликтов [8]; в) международные междисциплинарные исследования международной минерально-сырьевой базы; и г) выработка предложений по урегулированию и ликвидации последствий вооруженных конфликтов, адаптации к меняющейся социальной среде, повышению устойчивости государств и внедрению HUGE. Вода играет важную роль в обеспечении экологической безопасности [6], так как она влияет на многие другие сферы общественной жизни [5]. Дело в том, что она во многом определяет состояние животного и растительного мира и способствует поддержанию экологического баланса. Здоровая природная среда создает благоприятную атмосферу для отдыха, сохраняет условия для многих видов деятельности человека и, таким образом, напрямую влияет на гуманитарную безопасность. Наличие водных ресурсов в достаточном количестве способствует развитию промышленности и тем самым вносит вклад в обеспечение экономической безопасности. Вода является определяющим фактором развития сельского хозяйства и производства продовольствия. Только таким образом все население получает питательные вещества, необходимые для поддержания сбалансированной диеты. Кроме того, чистая вода имеет важное значение для здоровья человека.

Обобщив вышесказанное, можно сказать, что HUGE фокусируется на равенстве, справедливости и устойчивом развитии через социальную организацию, государственную политику, этические частные инвестиции и верховенство права, которое вовлекает в участие в общественных делах уязвимые группы населения. Данная концепция также продвигает демократию и гражданское общество, ставит в центр общественной дискуссии защиту прав человека, первую очередь, социальных, что является особенно важным в условиях оскудения природных ресурсов и загрязнения окружающей среды. Сформированная латиноамериканскими учеными концепция

продвигает западные ценности, такие как солидарность, устойчивое развитие, мир, равенство и уважение прав человека.

Ученые, продвигающие концепцию большой гуманитарной безопасности, дополнительно выдвигают экологическую и гендерную безопасность, хотя они уже являются частью гуманитарной безопасности. Это может быть вызвано интерпретацией гуманитарной безопасности в регионе, которая воспринимается больше как личная безопасность. Возможно авторы выделили две наиболее острые проблемы и подчеркнули необходимость их разрешения. Гендерное неравенство – проблема, которая ярко выражена в индустриальных странах, но обсуждается по всему миру. Учитывая активное выдвижение женщин на руководящие должности, освоение женщинами ранее мужских профессий [2], а также особое внимание к насилию над ними, можно сказать, что на пути к решению этой проблемы уже предпринято множество шагов и по своей значимости она точно уступает проблеме бедности.

Авторы концепции большой гуманитарной безопасности делают большой акцент на необходимость доступа к чистой воде. Экологическая безопасность признается составной частью гуманитарной безопасности и занимает важное место в документах развития: развитие источников зеленой энергии многими видится как способ борьбы с загрязнением мира. Примером служит программа целей в области возобновляемых источников энергии в Европе.

Итого большая гуманитарная безопасность представляет собой модернизированную версию гуманитарной безопасности, в которой два уже имеющихся аспекта особенно выделяются, несмотря на их дублирование. Автор считает данную концепцию интересной в том плане, что гендерная и экологическая безопасность сейчас действительно активно обсуждаются, и в отношении них принимаются конкретные шаги в программах развития. Автор полагает, что концепция большой гуманитарной безопасности в наибольшей степени подходит для латиноамериканского региона в плане практической реализации, так как в ней выделены самые отстающие сферы, в наибольшей степени требующие принятия неотложных действий. Автор считает, что в своем изначальном варианте гуманитарная безопасность является высшей идеей, к которой необходимо стремиться. Варианты концепций для отдельных регионов также имеют большое значение, поскольку в них выделяются особо проблемные зоны, и правительству стран будет более ясно, на что обратить внимание. Автор предполагает, что было бы неплохо разработать такие концепции и для других регионов, и даже возможно, что где-то придется дополнительно выделить другую сферу безопасности, которая требует безотлагательных действий.

Вторая тенденция гуманитарной безопасности. Второй тенденцией развития гуманитарной безопасности является институционализация.

В 1999 году был создан Целевой фонд ООН по гуманитарной безопасности (далее ЦФООНГБ), который занимается финансированием гуманитарных мероприятий ООН. Он руководствуется принципами 1) защиты и расширения прав и возможностей людей; 2) ориентированности на людей; 3) всеобъемлющего характера деятельности; 4) учета конкретных условий; и 5) ориентированности на профилактику. Фонд финансирует комплексные и целевые меры реагирования, которые охватывают все сектора, адаптированы к местным условиям, устраняют коренные причины уязвимости и осуществляются в партнерстве со всеми заинтересованными сторонами для полной реализации Повестки дня на период до 2030 года [7].

В фонд направляются заявки на проекты в области гуманитарной безопасности, которые затем проходят отбор, и победители затем получают финансирование и реализуются под эгидой ООН. Будучи каталитическим фондом, ЦФООНГБ занимается привлечением ресурсов государств, международных организаций, транснациональных корпораций, объединение которых в одном бюджете позволяет финансировать по-настоящему крупные проекты. Такой подход способствует более широкому охвату уязвимого населения гуманитарными программами и повышает вероятность того, что не будет обойден ни один человек, нуждающийся в помощи.

Для практической реализации программы гуманитарной безопасности был разработан алгоритм, который позволяет отнести ту или иную проблему к определенной категории, после чего определить способы ее решения. Типовая программа действий состоит из пяти этапов: проведение ситуационного анализа; сопоставление потребностей, уязвимостей и возможностей; разработка стратегии защиты и расширения прав и возможностей уязвимых групп; реализация программы большим количеством участников; оценка влияния проделанной работы на гуманитарную безопасность [4].

На протяжении более двух десятилетий Целевой фонд ООН по гуманитарной безопасности поддерживает местные инициативы, каждая из которых была реализована группой учреждений ООН и их партнерами в правительствах, гражданском обществе и, в некоторых случаях, в частном секторе. Взяв за основу многоуровневый подход, разные организации ООН сотрудничали с местными властями, помогая им решать местные проблемы. Как было сказано ранее, силами одной организации невозможно проанализировать все аспекты проблемы, поэтому только совместными действиями можно найти способ решения комплексной проблемы. Участниками скоординированной деятельности нередко выступают десятки организаций, от органов местного самоуправления до международных организаций. Данные инициативы, в основном, рассчитаны на помощь бедным слоям населения или тем, кто в силу отсутствия возможностей не может самостоятельно решить проблему. Помощь оказывается в более, чем 100 странах

мира, что, по мнению автора, свидетельствует о высокой жизнеспособности данной модели комплексного решения проблем. Большинство из этих программ осуществлялось в нестабильных условиях, в общинах и с людьми, которым наилучшим образом можно помочь посредством скоординированного планирования, учитывающего «тройную взаимосвязь» гуманитарной помощи, миротворчества и долгосрочного развития.

Существует несколько способов поиска решения той или иной проблемы, но все они начинаются со сбора и анализа информации. Этот анализ, проводимый в том числе участниками гуманитарной и миротворческой деятельности, а также операторами проектов развития, обеспечивает основу для гармонизации подходов с общей целью снижения рисков и уязвимостей, а также повышения возможностей. Он состоит из следующих трех этапов [11]:

- совместный анализ рисков и угроз на разных уровнях;
- совместный анализ воздействия рисков и угроз на людей и учреждения;
- определение потребностей, уязвимостей и возможностей.

В дополнение к описанию рисков и угроз важно понимать их многогранное и часто каскадное воздействие на людей и учреждения. Такой анализ помогает составить карту последствий по всем аспектам гуманитарной безопасности, точно определяя наиболее проблемные области, которые могут препятствовать государственному реагированию. Это позволяет сосредоточиться на самых важных проблемах, которые часто требуют совместного вклада нескольких участников. Проведение такого анализа будет способствовать эффективному сотрудничеству в определении приоритетов и роли, которую может сыграть каждый участник, исходя из его сильных сторон.

Автор считает, что институционализация является естественным этапом развития проекта, который во многом свидетельствует о его успехе. Создание Целевого фонда было очевидным решением, так как он стал связующим звеном между спонсорами и получателями помощи, предоставив в их распоряжение свои компетенции в области гуманитарного сотрудничества. Стоит обратить внимание и на создание алгоритма действий. Он представляет собой одно из ключевых звеньев практической реализации концепции: очевидно, что случаи, где людям необходима помощь на международном уровне, имеют сходство между собой, соответственно нужно было выработать алгоритм действий, что облегчило бы решение той или иной проблемы.

Третья тенденция гуманитарной безопасности. Третья выделенная тенденция – адаптация. Здесь речь может идти как о приспособлении положений концепции к тем или иным региональным или местным условиям, так и о вычленении из всей совокупности положений некоторого количества особо важных или наиболее достижимых, чтобы сосредоточиться, в первую очередь, на их реализации. Главным достижением в этой области можно назвать создание программы «Повестка для в области устойчивого развития

на период до 2030 года». В ее основу заложены цели устойчивого развития (далее ЦУР), которые направлены на создание более справедливого, устойчивого и свободного от насилия мира, в котором никто не будет брошен на произвол судьбы. И действия, предпринимаемые с 2015 года для продвижения к ЦУР, направлены на то, чтобы люди, планета, процветание, мир и партнерские отношения всегда были в центре приоритетов.

Новые цели и задачи носят комплексный и неделимый характер и обеспечивают сбалансированность всех трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического. 25 сентября 2015 года 193 страны приняли следующие 17 глобальных целей [1]:

1. Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах.
2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства.
3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте.
4. Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех.
5. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек.
6. Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарные условия для всех.
7. Обеспечение доступа к недорогим, надежным, стабильным и современным источникам энергии для всех.
8. Содействие постоянному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех.
9. Создание прочной инфраструктуры, содействие обеспечению всеохватной и устойчивой индустриализации и внедрению инноваций.
10. Снижение уровня неравенства внутри стран и между ними.
11. Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости городов и населенных пунктов.
12. Обеспечение рациональных моделей потребления и производства.
13. Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями.
14. Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития.
15. Защита, восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное пользование лесами, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия.

16. Содействие построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях.

17. Укрепление средств достижения устойчивого развития и активизация работы механизмов глобального партнерства в интересах устойчивого развития.

То есть, эти 17 целей были созданы для достижения Устойчивого развития, которое неразрывно связано с гуманитарной безопасностью. Сама же гуманитарная безопасность, конкретизируя свои цели в соответствии с условиями конкретной страны, трансформируется в гражданскую, или личную, безопасность. Соответственно, получается, что гуманитарная безопасность является необходимой предпосылкой достижения устойчивого развития.

Целевой фонд ООН по гуманитарной безопасности разработал документ «Гуманитарная безопасность и цели устойчивого развития», связав эти два понятия. В нем, в частности, говорится: «Вторя принципам гуманитарной безопасности, Повестка дня на период до 2030 года подчеркивает необходимость создания «мира, свободного от нищеты, голода, болезней и нужды... свободного от страха и насилия... со справедливым и всеобщим доступом к качественному образованию, здравоохранению и социальной защите... к безопасной питьевой воде и санитарным условиям жизнедеятельности... где еды достаточно, она безопасна, доступна по цене и питательна... где места обитания безопасны, стабильны и устойчивы... и где существует всеобщий доступ к недорогой, надежной и неиссякаемой энергии» [13]. Это говорит о том, что гуманитарная безопасность реализуется в программе Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Также примерами адаптации гуманитарной безопасности к местным условиям могут служить ранее разработанные доктрины, например, «A Human Security Doctrine for Europe» [3]. Данный документ рассматривает потребности отдельных людей в зонах конфликтов и не ограничивается в этом вопросе традиционными институциональными или геополитическими рамками. В этом документе предлагается создать новые инструменты для обеспечения гуманитарной безопасности с упором на совместную работу военных, полиции и гражданских лиц для обеспечения соблюдения законности и предотвращения войн. В документе утверждается, что таким угрозам, как оружие массового уничтожения или терроризм, можно противостоять только в том случае, если будет решена проблема защиты людей во всех частях мира от насильственных угроз меньшего масштаба. Многие люди в мире живут в условиях постоянной угрозы для своей жизни и здоровья. В большей части Африки, на Балканах, в Центральной Азии и на Ближнем Востоке люди ежедневно живут в страхе перед уличным насилием, похищениями, изнасилованиями, вымогательством, грабежом

или торговлей людьми. Наличие стратегических вооружений не помогает решить эти проблемы. «A Human Security Doctrine for Europe» содержит в себе новое понимание существующих мировых процессов и предлагает новые подходы к безопасности. В него также входят пять региональных исследований (по Балканам, району Великих озер, Ближнему Востоку, Южному Кавказу и Западной Африке); четыре исследования различных аспектов политики безопасности ЕС, включая правовую базу, роль женщин, операционные принципы и роль новых государств-членов; и четыре исследования о возможностях, ресурсах и институциональном внедрении.

В рамках адаптации концепции гуманитарной безопасности к европейским условиям был разработан ряд программ и законов, касающихся прав и свобод человека, его социального статуса, верховенства закона, изменения климата, развития здравоохранения и т.д.

Автор считает данную тенденцию свидетельством широкого распространения концепции гуманитарной безопасности в мире и ее актуальности для решения насущных проблем во многих регионах. Поскольку в повестку дня на период до 2030 года заложены принципы гуманитарной безопасности, то все изменения, которые происходят в странах в рамках программы, являются адаптацией концепции.

Россия является одним из наиболее ярких примеров адаптации концепции гуманитарной безопасности к местным условиям. Дело в том, что, будучи разработанной, в первую очередь, на Западе, эта концепция в значительной степени отражает западные ценности и имеет леволиберальную направленность. Леволиберальная составляющая концепции идет вразрез с российскими традиционными ценностями и по этой причине неприемлема для нашей страны. Однако все полезные элементы концепции, касающиеся расширения доступа к образованию и здравоохранению для населения, защиты окружающей среды, активно реализуются в Российской Федерации.

Факторы, влияющие на реализацию концепции гуманитарной безопасности. Отдельно стоит упомянуть о влиянии глобализации на реализацию концепции гуманитарной безопасности. С одной стороны, это влияние носит позитивный характер. В условиях снятия барьеров для циркуляции информации в мире люди больше узнают об общечеловеческих ценностях, правах человека и стандартах достойной жизни. Это оказывает мощное трансформирующее воздействие на такие страны, как, например, Индия, где существует кастовая система, и люди низших каст до сих пор не имеют некоторых базовых прав. То же самое можно сказать и о коренных народах латиноамериканских стран, чьи права и свободы игнорируются правительствами, примером чего служат племена джунглей Амазонки, места естественного обитания которых правительства продают нефтяным компаниям, тем самым лишая этих людей возможности вести традиционный образ жизни. Предполагается, что в условиях глобализации принципы

гуманитарной безопасности будут все глубже проникать в государственные институты, и все люди будут получать одинаковое уважение и одинаковые права на жизнь в соответствии со своими представлениями. Однако у глобализации есть и темная сторона, которая связана с унификацией жизненных стилей, стиранием национальных границ и всеобщей индивидуализацией, что ведет к ослаблению семейных, родственных и общинных связей, размыванию национальной идентичности, разрушению ценностей и устоев.

Кроме того, одними из главных выгодоприобретателей глобализации являются транснациональные корпорации, которые ведут свою деятельность поверх государственных границ. Так как их деятельность направлена на извлечение прибыли, они в большинстве случаев бывают безразличны к гуманитарным потребностям людей, подрывают экономический базис их существования и загрязняют окружающую среду. Обладая большими финансовыми ресурсами, они имеют возможность лоббировать в правительствах выгодные для себя решения, невзирая на мнения и интересы простых людей, что нередко приводит к социальным потрясениям. Так, в Гаити открытие миротворческой миссии ООН сопровождалось массовым приходом транснациональных корпораций, которые начали активно эксплуатировать местное население, что в конечном итоге привело к народным волнениям, сворачиванию миссии и высылке всего международного контингента. Такая специфика деятельности ТНК препятствует развитию местного производства, что ослабляет экономику и негативно влияет на уровень жизни в стране.

Автор считает, что знакомство с правами человека и другими общечеловеческими ценностями должно позитивно сказываться на населении всех стран, но при этом недопустимо подрывать устои конкретного общества, стирая традиции и заменяя укоренившиеся обычаи набором леволиберальных штампов. Автор также негативно относится к идее господства транснациональных корпораций, которые претендуют на мировое господство, подрывая экономику и политику стран. По мнению диссертанта, тонкая грань между улучшением положения человека в результате внедрения более высоких социальных стандартов, с одной стороны, и стиранием традиций и устоев общества, с другой стороны, не должна быть нарушена.

Автор выделяет еще один двоякий фактор гуманитарной безопасности – цифровизацию. Цифровые технологии занимают все более важное место в жизни людей. Они во многом способствуют укреплению гуманитарной безопасности, расширяя свободы человека, повышая производительность и облегчая реагирование человечества на текущие вызовы. Достаточно привести пример мобильных телефонов с расширенными мультимедийными возможностями, которые позволяют людям осуществлять многие привычные социальные действия в дистанционном режиме. Цифровые технологии развиваются совместно с ценностями и социальными практиками и, таким

образом, оказывают косвенное влияние на свободу действий людей. Эти технологии также существенно облегчают взаимодействие граждан с органами государственной власти и государственными учреждениями, в частности, получение обратной связи от граждан.

Поскольку цифровые технологии все шире используются в торговле, управлении и социальной жизни, они создают новые проблемы для гуманитарной безопасности. Респонденты, участвовавшие в опросе Всемирного экономического форума, отнесли к числу наиболее серьезных цифровых угроз цифровое неравенство, кибератаки, мошенничество, похищения данных, а также концентрированная цифровая власть. Как правило, влияние цифровых технологий оцениваются через призму национальной безопасности, однако, в данном случае мы рассматриваем его с точки зрения простого человека. Например, кибератаки на коммуникационные сети влияют не только на национальную безопасность, но и на доступ людей к информации и нарушают их право на объединения. Цифровые технологии могут способствовать причинению вреда людям, такого как издевательства, домогательства, мошенничество и дезинформация. Другая угроза гуманитарной безопасности, вызванная цифровыми технологиями, связана с ограниченной способностью некоторых групп населения, в частности, старшего поколения к овладению ими, что может привести к дополнительному взаимному отчуждению «отцов и детей». Таким образом, цифровые технологии одновременно и способствуют, и угрожают развитию гуманитарной безопасности, что требует создания законодательства, усиливающего положительный эффект их внедрения и предотвращающего негативные последствия.

Выводы. Обобщив вышесказанное, мы можем выделить три тенденции развития гуманитарной безопасности: институционализация, диверсификация и адаптация. Параллельно существуют и два внешних фактора, определяющего динамику этого явления – глобализацию и цифровизацию. Автор считает, что наличие этих тенденций свидетельствует об актуальности концепции гуманитарной безопасности для человечества и ее динамичном характере, а также уверен, что в рамках данных тенденций будет разработано больше программ для практической реализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Повестка дня в области устойчивого развития // The UN // <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/>.

2. Сошникова И. Проблема семейно-бытового насилия над женщинами в России и возможные пути ее решения // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» // <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-semeyno-bytovogo-nasiliya-nad-zhenschinami-v-rossii-i-vozmozhnye-puti-ee-resheniya/viewer>.

3. A Human Security Doctrine for Europe // European Parliament // https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/human_security_report_/human_security_report_en.pdf.
4. A Thematic Guidance Note for Regional and National Human Development Report // <https://hdr.undp.org/system/files/documents/humansecurityguidancenoter-nhdrs.pdf>.
5. *Brauch H.G.* Conceptual Quartet: Security and its Linkages with Peace, Development, and Environment, en Hans Günter Brauch et al. (eds.) // *Globalization and Environmental Challenges: Reconceptualizing Security in the 21 Century.* 2009.
6. *Dalby S.* Security and Environment Linkages Revisited // *Globalization and Environmental Challenges. Hexagon Series on Human and Environmental Security and Peace.* Berlin. 2008. Vol 3. Springer.
7. Guidelines for the United Nations Trust Fund for Human Security // The UN // <https://www.un.org/humansecurity/wp-content/uploads/2022/08/FINAL-UNTFHS-Guidelines-Annex-Revision-Nov-2022.pdf>.
8. *Homer-Dixon T.E.* Environmental Scarcity and Violent Conflict: Evidence from Cases // *International Security.* 1994. Vol. 19. No. 1.
9. *Oswald S., Eréndira S.* The Impossibility of Securitizing Gender vis a vis Engendering Security, in Hans Günter Bruch et al. (Eds.) // *Facing Global Environmental Change: Environmental, Human, Energy, Food, Health and Water Security Concepts,* Berlin-Heidelberg, Springer. 2009.
10. *Roland P.* Human Security: Paradigm Shift or Hot Air?
11. Realizing the triple nexus: Experiences from implementing the human security approach // The UN // https://www.un.org/humansecurity/wp-content/uploads/2022/03/FINAL-Triple-Nexus-Guidance-Note-for-web_compressed.pdf.
12. *Westing A.H.* *Ecological Consequences of the Second Indochina War,* Taylor&Francis, 1975.
13. United Nations Trust Fund for Human Security, Human Security and Agenda 2030 // <https://www.un.org/humansecurity/wp-content/uploads/2017/10/Human-Security-and-the-SDGs.pdf>.

A.S. SMIRNOVA

*Junior Researcher of the Research Department
(Military-Humanitarian Studies) Military University, postgraduate
student of the Department of politology, Moscow State
Linguistic University, Moscow, Russia*

TRENDS OF HUMAN SECURITY IN THE MODERN WORLD

The concept of human security was created in the twentieth century. From the moment of its formation to its practical application, more than 50 years have passed, during which it has gained many supporters among scientists who promote and develop it in our time. To identify the relevance of the concept, the author analyzes the UN guiding documents, the work of Latin American and European scientists and identifies three trends in human security: diversification, institutionalization and adaptation. Diversification is represented in the creation and promotion by Latin American scientists of the concept of HUGE (human, gender and environmental security), institutionalization – in the creation and development of the UN trust fund for human security; adaptation – in the refraction of the concept of human security to the realities of a particular country or region. The author also identifies and examines two significant threats to human security – globalization and digitalization.

Key words: *human security, trends, adaptation, diversification, institutionalization, Latin America, UN.*

АНЬ НАНЬ

магистрант кафедры международных отношений
Белорусского государственного университета,
Беларусь, г. Минск

КУЛЬТУРНОЕ И ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН ШОС

В статье рассматриваются вопросы, связанные с культурным и гуманитарным сотрудничеством стран ШОС. Цель исследования – изучить вопросы сотрудничества стран в рамках ШОС в сфере культурного и гуманитарного взаимодействия, выявить основные особенности и черты. Основные методы исследования: метод анализа, сравнения, принятия решений, логического рассуждения и многие другие. Рассмотрены приоритетные задачи для развития культурного и гуманитарного обмена между странами-участниками ШОС. Изучены основные приоритетные направления для культурного и гуманитарного сотрудничества стран ШОС до 2025 года. Определено определение понятия «механизм управления культурными и гуманитарными процессами» Изучен механизм управления культурными и гуманитарными процессами стран-партнеров в рамках ШОС. Автором статьи подчеркивается важность законодательного регулирования культурного и гуманитарного развития стран-участников ШОС. Образовательные учреждения играют важную роль в формировании культурной осведомленности и развитии творческого потенциала. Школы и университеты должны предоставлять студентам не только знания и навыки, но и способствовать развитию критического мышления и творческого мышления, что поможет им стать активными участниками культурной жизни. Также важно обратить внимание на взаимосвязь культуры и экономики, так как культурные процессы часто стимулируют экономический рост и инновационное развитие. Некоммерческие организации и культурные институты также вносят вклад в управление культурной жизнью в обществе. Они организуют различные культурные мероприятия, поддерживают молодых талантливых художников и ученых, и предоставляют доступ к культурным ресурсам для всех слоев населения.

Цель: Цель исследования – изучить вопросы сотрудничества стран в рамках ШОС в сфере культурного и гуманитарного взаимодействия, выявить основные особенности и черты.

Методы: Основные методы исследования: метод анализа, сравнения, принятия решений, логического рассуждения и многие другие.

Результаты: Изучены вопросы сотрудничества стран в рамках ШОС в сфере культурного и гуманитарного взаимодействия. Выявлены основные особенности и черты.

Выводы: Важную роль в механизме управления культурными и гуманитарными процессами стран-участниц ШОС играет общественность и сама культурная среда. Участие общества в развитии культуры способствует многогранному взаимодействию и обмену идеями. Формирование общественной дискуссии, публичное мнение и культурные тренды являются ключевыми факторами, определяющими развитие культуры в целом. Таким образом, механизм управления культурными процессами стран ШОС включает в себя участников и множество инструментов, которые сотрудничают для обеспечения развития культуры. Государство, образовательные учреждения, некоммерческие организации, культурные институты и общественность играют важную роль в формировании и развитии культурных процессов. Взаимодействие между всеми участниками обеспечивает обмен идеями, инновации и сохранение культурного наследия, что способствует развитию общества и его состоянию благополучия.

Ключевые слова: культура, гуманитарное сотрудничество, страны ШОС, общение, обмен, взаимодействие.

Введение. Актуальность темы исследования заключается в том, что культурное и гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС имеет важное стратегическое значение для развития культуры стран, активного взаимодействия и сотрудничества с целью обеспечения национальных интересов на международной арене, снижения рисков экономической безопасности и т.д. Гуманитарные связи позволяют поддерживать диалог между странами, укреплять отношения в период экономических кризисов и спадов в экономике. В настоящее время Шанхайская Организация Сотрудничества позволила объединить участников различных стран для совместного культурного и гуманитарного взаимодействия, став единым крупным центром для делового сотрудничества и коммуникационного общения. Это позволило решать необходимые задачи на международном рынке, достигать поставленных целей и планировать деятельность на перспективу. Следовательно, необходимо дальнейшее развитие в области культурного и гуманитарного сотрудничества стран ШОС.

Материалы и методы. При проведении исследования использовались труды российских и зарубежных ученых. При проведении данного исследования были использованы следующие методы: анализа, сравнения, принятия решений, логического рассуждения и многие другие.

Литературный обзор. Следует подчеркнуть, что в работах российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 8; 11; 12; 13; 17; 18; 20; 21; 22; 23; 24].

Вопросы, касающиеся культурного и гуманитарного сотрудничества стран ШОС рассматривали многие ученые такие, как А.А. Маслов, Ю.А. Морозов, Е.С. Горбашко и другие.

Однако проблему культурного и гуманитарного сотрудничества стран ШОС нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Считаем, необходимым продолжить исследование в данном направлении и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

Результаты. Основной целью культурного обмена стран-партнеров ШОС является интеграция общих интересов, социальное развитие в регионах, экономический рост, повышение уровня благосостояния населения и т.д. Культура выступает связующим мостиком между различными странами в условиях нарастания политических и экономических разногласий между государствами. Она призвана решить задачу модернизации страны на основе инновационных подходов и инструментов управления. Таким образом, развитие культурного и гуманитарного сотрудничества предполагает развитие и поддержание прямых связей между странами-участниками ШОС, общественными организациями, фондами, предпринимательскими структурами. Религиозными организациями и т.д.

Учитывая, что страны-участницы ШОС имеют разные культурные корни, традиции, обычаи, богатую историю это открывает новые возможности для развития диалога цивилизаций. То есть способствует единству и сплочению народов, формированию общих взглядов и ценностей в обществе. Формирование культурного и гуманитарного сотрудничества ставит перед собой следующие приоритетные задачи:

- 1) расширение обмена знаниями, опытом и навыками в области культурного и гуманитарного взаимодействия;
- 2) развитие экономического сотрудничества;
- 3) укрепление собственной позиции стран-участниц ШОС;
- 4) развитие искусства и образования;
- 5) формирование дружественных отношений, укрепление международных связей;
- 6) снижение рисков экономической безопасности;
- 7) повышение эффективности деятельности стран-участниц ШОС;
- 8) организация деятельности на перспективу и т.д.

Важно отметить, что основным документом, регулирующим культурное взаимодействие между странами в рамках ШОС является Соглашение

о сотрудничестве подписанное 16 августа 2007 года. С этого периода времени на регулярной основе проводятся фестивали искусств, форумы, выставки и другие мероприятия культурной направленности. Кроме того, также проводятся «Недели образования», на которых организуются конференции, круглые столы, выступления различных представителей науки [5].

Китай является одной из стран-участниц ШОС и принимает активное участие в культурном и гуманитарном сотрудничестве. По мнению китайских представителей очень важно развивать данное направление взаимодействия с целью дальнейшего роста, продвижения, чтобы обеспечить свободное передвижение художников, писателей, музыкантов. Ежегодно Китай принимает участие в кинематографах, фестивалях, спортивных соревнованиях и выставках.

Россия и Китай в рамках ШОС активно развивают культурное и научное сотрудничество, обмен опытом и знаниями. Это помогает обоим государствам лучше понимать друг друга и находить общие решения во многих сферах деятельности. Россия и Китай активно проводят обмен студентами и культурными программами, что способствует укреплению дружбы между народами двух стран [19. С. 24].

Основными приоритетными направлениями для культурного и гуманитарного сотрудничества стран ШОС до 2025 года являются следующие:

- 1) создание памятников архитектуры и культурного наследия;
- 2) реставрация основных памятников культуры;
- 3) проведение научных исследований в области искусства и культуры;
- 4) изучение духовного наследия различных стран;
- 5) осуществление музейного проектирования;
- 6) проведение экспертизы в области искусства и культуры;
- 7) укрепление международного культурного и гуманитарного сотрудничества.

Важно отметить, что механизм управления культурными и гуманитарными процессами стран-партнеров в рамках ШОС представляет собой систему инструментов, методов и процедур, которые используются для управления и регулирования культурных процессов в обществе. Этот механизм включает в себя организационные структуры, законодательство, политику, финансирование, образовательные программы, искусство и массовые медиа. Он предназначен для определения и поддержки культурных ценностей, насущных потребностей и интересов общества, а также для стимулирования и развития культурной жизни. Механизм управления культурными процессами общества позволяет обеспечивать социальное согласие, сохранение и передачу культурного наследия, развитие и поддержку творческой деятельности, а также содействовать формированию личности и созданию условий для самореализации граждан.

Роль механизма управления культурными и гуманитарными процессами между странами в рамках ШОС состоит в следующем:

1. Формирование и поддержание культурных ценностей и идентичности. Механизм управления культурными и гуманитарными процессами помогает определить и продвинуть культурные ценности и идентичность общества. Он способствует сохранению и пропаганде национальной, этнической и культурной специфики.

2. Регулирование и защита культурного разнообразия. Механизм управления культурными и гуманитарными процессами осуществляет регулирование и защиту культурного разнообразия, помогая предотвращать унификацию и однородность культурной жизни в обществе. Он устанавливает институциональные рамки и механизмы для поддержки и развития различных культурных выражений, гуманитарных ценностей и традиций.

3. Развитие культурных индустрий. Механизм управления культурными и гуманитарными процессами способствует развитию культурных индустрий, таких как искусство, литература, музыка, кино и др. Он создает условия для поддержки творческих и культурных инициатив, а также для коммерческого использования культурных продуктов.

4. Поддержка образования и исследований в области культуры. Механизм управления культурными и гуманитарными процессами осуществляет поддержку образования и исследований в области культуры. Он создает условия для формирования культурной компетенции и позволяет исследователям и специалистам в области культуры развивать свои знания и навыки.

Таким образом, механизм управления культурными и гуманитарными процессами играет важную роль в формировании, сохранении и развитии культуры в обществе. Он помогает определить культурные ценности и идентичность, регулировать и защищать культурное разнообразие, развивать культурные индустрии и поддерживать образование и исследования в области культуры [15. С. 10].

Важную роль в системе управления культурными и гуманитарными процессами играет законодательное регулирование. К основным законам с помощью которых осуществляется регулирование можно отнести следующие:

1. Закон об авторском праве: этот закон защищает права создателей культурных произведений, таких как литература, музыка, изобразительное искусство и др. Он определяет, что только автор имеет право использовать и распространять свое произведение, а другие могут делать это только с его разрешения или при наличии лицензии.

2. Законы о культурном наследии: эти законы регулируют сохранение и защиту культурного наследия, таких как памятники архитектуры, исторические места, традиции, ремесла и предметы искусства. Они могут включать в себя различные меры, например, создание музеев,

финансирование реставраций и налогово-возвратные схемы для поддержки культурных организаций.

3. Законы о многоязычии: в некоторых странах существуют законы, которые признают и защищают права людей на использование и изучение собственного языка и культуры в общественных сферах. Это может включать обязательное обучение родному языку в школах и установление официального статуса для определенных языков.

4. Кодексы этики и поведения в искусстве: в различных сферах культуры, таких как кино, театр, музыка и телевидение, могут существовать кодексы этики и поведения, которые регулируют содержание и форму культурных произведений. Например, в рамках таких кодексов могут быть установлены ограничения на использование жестокости, насилия, политической пропаганды или дискриминации.

5. Законы о защите культурного разнообразия: некоторые страны вводят законы, направленные на поддержку и защиту культурного разнообразия. Они могут включать предоставление субсидий и грантов для разнообразных культурных проектов, создание фондов для сохранения уникальных культурных выражений и обеспечение равенства доступа к культурным средствам.

Важно отметить, что культура и культурные процессы являются динамичными и постоянно изменяющимися, поэтому законы и нормы должны адаптироваться к социальным, политическим и технологическим изменениям.

Культурные и гуманитарные процессы стран-участниц ШОС являются отражением коллективной идентичности народов, пронизывают все сферы жизни и оказывают глубокое влияние на формирование ценностей, норм и традиций общества. Поэтому формирование и реализация культурной политики и гуманитарных ценностей становится стратегически важной целью развития.

Для достижения стратегических целей в области культуры различных стран-участниц ШОС используются основные методы воздействия на общество. Они нацелены на формирование и развитие культурного пространства, стимуляцию творческой активности, поддержку культурных деятелей и развитие индустрии развлечений.

Один из методов воздействия при формировании и реализации культурной политики и культивации гуманитарных ценностей – учреждение культурных центров и институтов. Такие центры становятся площадками для обмена идей и опытом, они способствуют созданию и распространению новых культурных продуктов, а также созданию условий для повышения качества образования и развития творческого мышления.

Еще один метод – развитие культурного туризма. Привлечение туристов стимулирует развитие инфраструктуры, сохранение

культурно-исторического наследия и повышение культурного уровня общества. Люди, приезжающие в новое место, интересуются его культурой, и это создает возможность для презентации национальной культуры и наследия [10].

Важным методом воздействия на общество является проведение культурных мероприятий, таких как фестивали, выставки, концерты и премьеры. Они способствуют повышению общественного интереса к культуре, развитию творческого потенциала и созданию благоприятных условий для межкультурного диалога. Кроме того, такие мероприятия позволяют различным группам населения взаимодействовать и обмениваться опытом, что способствует формированию более толерантного и открытого общества.

В современном мире социальные сети и интернет играют значительную роль в формировании общественного сознания и культурного контекста. Поэтому воздействие на общество через цифровые платформы является важным методом в реализации культурной политики и формировании гуманитарных ценностей. Они способствуют расширению доступа к культурным материалам, обмену идеями и позволяют задействовать большую аудиторию.

Обсуждение. Методы воздействия на общество при формировании и реализации культурной политики и гуманитарных ценностей разнообразны. Они включают создание культурных центров, развитие культурного туризма, проведение культурных мероприятий, а также воздействие через цифровые платформы. Они позволяют не только формировать и развивать культурное пространство для стран-участниц ШОС, но и способствуют укреплению идентичности общества [9]. Государственная поддержка, частное финансирование и использование фондов и ассоциаций – это лишь несколько методов, которые могут обеспечить развитие и активное участие общества в культурной сфере. Комбинирование различных подходов и форм финансирования может способствовать созданию более устойчивой и разнообразной культурной среды, которая окажет позитивное воздействие на общество в целом.

Заключение. Можно сделать вывод, что культурное и гуманитарное сотрудничество стран ШОС имеет стратегически важное значение для развития межкультурного взаимодействия, совместного достижения поставленных целей и задач, планирования будущего развития.

Механизм управления культурными и гуманитарными процессами между странами в рамках ШОС представляет собой сложную и многогранную систему, которая влияет на эволюцию и развитие культуры в целом. Культура и гуманитарные процессы развития являются неотъемлемой частью общества и играют ключевую роль в формировании его идентичности, ценностей и социальных норм. Управление культурными и гуманитарными процессами направлено на поддержание и развитие культурного

наследия стран-участниц ШОС, стимулирование творческой деятельности и обеспечение доступа к культурным благам для всех членов общества.

Современный механизм управления культурой и гуманитарными процессами стал более децентрализованным и включает в себя широкий спектр участников: государственные органы, образовательные учреждения, некоммерческие организации, культурные институты и общественность. Новые технологии и социальные сети играют важную роль в обмене информацией, позволяя различным культурным акторам и сообществам сотрудничать и взаимодействовать друг с другом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бредихин А.В.* Культурное сотрудничество на пути интеграции Монголии в ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 6 (99).

2. *Васецова Е.С., Чжэн И.* Саммит ШОС в Самарканде: сотрудничество по преодолению новых вызовов // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 5 (93).

3. *Гао Юе.* Особенности информационной политики Шанхайской организации сотрудничества // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 9-1 (97-1).

4. *Горбашко Е.С.* Россия и Китай: взгляд на ШОС // Россия в глобальной политике. М.: Фонд исследований мировой политики. 2019. № 4.

5. Гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1731424/.

6. *Железняк О.Н.* Культурная политика на современном этапе // Страны наших дней. М.: ИДВ РАН, 2021. № 2 (8).

7. *Животовский Г.Г.* Дух Шанхая – это равноправие и доверия // Финансы. 2021. № 6.

8. *Зазулина М.Р.* Евразия как социокультурное пространство и особенности его трансформации в условиях глобализации // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 5 (45).

9. Концепция Университета ШОС // <https://studyabroad.mpei.ru/rus>.

10. Культурно-гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС // <http://infosco.biz/ru/?pageId=231>.

11. *Ли Явэнь.* Развитие сотрудничества между Китаем и Россией в области образования и культуры (на примере межгородских обменов г. Нижний Новгород и г. Цзинань) // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 5 (93).

12. *Магадиев М.Ф.* ШОС в современной системе международных отношений: актуальные проблемы и тенденции развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 8 (101).

13. *Магадиев М.Ф.* ШОС как инструмент внешнеполитической деятельности России и Китая: взаимные интересы и основные направления

сотрудничества // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 5 (51).

14. *Маслов А.А.* Проект Университета ШОС можно признать безусловно успешным // Инфо-ШОС. 2011. № 3.

15. *Морозов Ю.А.* Сотрудничество стран ШОС в гуманитарной сфере: проблемы и возможные пути их решения // Центральная Азия и Кавказ. 2019. № 4.

16. *Мочалова Я.В.* Стратегия развития малого и среднего бизнеса в регионах РФ // Пространственное развитие территорий. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. 2018.

17. *Сюй Хун.* 22-й саммит ШОС – новый импульс для интеграционных проектов ЕАЭС и «Один пояс, один путь» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 9 (90).

18. *Фань Ханьци, Цуй Хэн.* Достижения и опыт политического сотрудничества в Шанхайской организации сотрудничества // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 9 (102).

19. *Фу Минсин.* Высокий уровень стратегического партнерства // Китай. М.: Жэньминь Хуабао, 2010. № 10.

20. *Хо Дун.* Влияние современных политических взаимоотношений КНР и РФ на деятельность Шанхайской организации сотрудничества // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 2 (95).

21. *Цзун Гуансин.* Китай и Центральная Азия: новый формат сотрудничества // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 9 (102).

22. *Цзян Ланьхуэй.* Китайско-российское сотрудничество с точки зрения Китая // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 4 (97).

23. *Чу Чэнчэн.* Сравнительный анализ гуманитарной политики России и Китая в сфере образования в Центральной Азии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 3 (96).

24. *Ян Юе.* Образовательная деятельность и гуманитарное сотрудничество между Россией и Китаем на протяжении 70 лет // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 7 (88).

CULTURAL AND HUMANITARIAN COOPERATION OF THE SCO COUNTRIES

The article discusses issues related to cultural and humanitarian cooperation between the SCO countries. The purpose of the study is to study the issues of cooperation between the countries within the SCO in the field of cultural and humanitarian interaction, to identify the main features and features. The main research methods are the method of analysis, comparison, decision-making, logical reasoning and many others. Priority tasks for the development of cultural and humanitarian exchange between the SCO member states are considered. The main priority areas for cultural and humanitarian cooperation of the SCO countries until 2025 have been studied. The definition of the concept of “mechanism for managing cultural and humanitarian processes” is defined. The mechanism for managing cultural and humanitarian processes of partner countries within the framework of the SCO is studied. The author of the article emphasizes the importance of legislative regulation of cultural and humanitarian development of the SCO member states. Educational institutions play an important role in the formation of cultural awareness and the development of creative potential. Schools and universities should provide students not only with knowledge and skills, but also promote the development of critical thinking and creative thinking, which will help them become active participants in cultural life. It is also important to pay attention to the relationship between culture and economics, as cultural processes often stimulate economic growth and innovative development. Non-profit organizations and cultural institutions also contribute to the management of cultural life in society. They organize various cultural events, support young talented artists and scientists, and provide access to cultural resources for all segments of the population.

Purpose: *The purpose of the study is to study the issues of cooperation between the countries within the framework of the SCO in the field of cultural and humanitarian interaction, to identify the main features and features.*

Methods: *The main research methods: the method of analysis, comparison, decision-making, logical reasoning and many others.*

Results: *The issues of cooperation between the countries within the SCO in the field of cultural and humanitarian interaction have been studied. The main features and features are revealed.*

Conclusions: *The public and the cultural environment itself play an important role in the mechanism of managing the cultural and humanitarian processes of the SCO member states. The participation of society in the development of culture promotes multifaceted interaction and the exchange of ideas. The formation of public discussion, public opinion and cultural trends are key factors determining the development of culture as a whole. Thus, the mechanism for managing the cultural processes of the SCO countries includes participants and many tools that cooperate to ensure the development of culture. The State, educational institutions, non-profit organizations, cultural institutions and the public play an important role in the formation and development of cultural processes. The interaction between all participants ensures the exchange of ideas, innovation and the preservation of cultural heritage, which contributes to the development of society and its state of well-being.*

Key words: *culture, humanitarian cooperation, SCO countries, communication, exchange, interaction.*

Р.Д. ГРЕБНЕВ

кандидат юридических наук, профессор
Академии военных наук Российской Федерации; старший научный
сотрудник факультета глобальных процессов МГУ
имени М.В. Ломоносова Россия, г. Москва
<http://orcid.org./0000-0003-2966-521X>

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ МИРА ИСЛАМА В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА

Актуальность заявленной темы обоснована акцентированной на создание всемирной уммы (от араб. – общины, нации) внешнеполитической деятельностью Исламской Республики Иран под руководством Президента Ибрахима Раиси в условиях дифференциации глобализационных политических процессов, а также эскалацией палестино-израильского конфликта, который в контексте заявленной темы может быть рассмотрен как фактор, содействующий консолидации Мира ислама в целях совместного противостояния мусульманский государств геополитическому проекту США на Ближнем Востоке.

Целью исследования является выявление обуславливающих друг друга внутренних и внешних факторов влияния на прагматичную внешнюю политику Ирана, направленную на достижение статуса регионального лидера и потенциального центра формирующегося полюса многополярного мира, соотносимого с концепцией «Мир ислама».

Методологическую основу исследования сформировали метод глобального политического прогнозирования, а также системный, акторный, геополитический и геоэкономический методологические подходы. При проведении исследования были также применены лингво-правовой метод при толковании конституционно-правовых норм, устанавливающих принципы государственного устройства и приоритеты внешней политики Исламской Республики Иран, а также сравнительный метод при исследовании подходов Ирана, Турции и Саудовской Аравии к вопросам регионализации политических процессов и участия в развитии полицентричной системы международных отношений.

В статье определены контуры Мира ислама как формирующегося коллективного полюса многополярного мира. В этой связи Мир ислама рассматривается как концепция, способная в будущем объединить Персидский, Арабский и Тюркский миры в рамках сетевого политического образования.

Указанный подход predetermined необходимость исследования внешнеполитической концепции Ирана в сравнительном аспекте. С применением методологии компаративных исследований были выявлены внутренние факторы влияния на стратегию внешней политики Ирана, которые возникают вследствие особенностей политической системы и коллективной идентичности Ирана, а также проанализированы стратегические направления внешней политики Ирана в сравнительном аспекте с Турцией и Саудовской Аравией.

В результате исследования были обоснованы следующие основные выводы. Политическое единство Мира ислама может быть обеспечено союзом Ирана, Турции и Саудовской Аравии, совместно выполняющих функции центра геополитического влияния в структуре полюса многополярного мира. Кибернетический характер политической системы, коллективная идентичность Ирана, а также свойство срединности «ишиитского полу-месяца» predetermined одно из ключевых значений внешней политики Исламской Республики Иран в консолидации уммы и формировании Мира ислама в контексте концепции многополярности.

Ключевые слова: регионализация политических процессов, глобализация политических процессов, многополярность, полицентричность, Мир ислама, Иран.

Введение. Актуальные тенденции дифференциации глобализационных политических процессов характеризуются развитием полицентричной системы международных отношений в условиях противодействия ряда могущественных государств геополитическому проекту США. Указанную дифференциацию также характеризует смена оснований систематизации международных отношений с геополитических, понимаемых в контексте баланса сил в его военном аспекте, на геоэкономические основания, подразумевающие формирование экономического баланса в мире. При этом геополитический проект США находится в стадии своего развития, о чем свидетельствует уточнение подхода американцев к вопросам регионального контроля, так, например, геополитика АУКУС подразумевает переход от регионального контроля, осуществляемого «чужими руками», к непосредственному участию США в обеспечении регионального баланса сил.

В условиях поляризации системы международных отношений в современном мире формируется новый баланс сил и экономический баланс, обеспеченный ключевыми акторами регионализации политических процессов, с одной стороны, и США с политически зависимыми от них государствами, с другой стороны. В связи с развитием статуса региональных лидеров и держав в глобальном измерении [4] обуславливающие друг друга концепции многополярности и полицентричности представляются наиболее

релевантными для обозначения кардинальных изменений системы международных отношений в XXI веке.

Будущая конфигурация многополярного мира является открытым вопросом научной дискуссии. Например, в соответствии с цивилизационным подходом представляется возможным выделить двенадцать локальных цивилизаций [1. С. 9], обладающих потенциалом для формирования архитектуры многополярного мира. А практический анализ геополитической субъектности (понимаемой как способность государства распространять политическое влияние на зарубежные государства и осуществлять экспансию любого вида, а также противостоять внешним регуляторам) региональных держав и государств, претендующих на такой статус, позволяет прогнозировать формирование восьми ключевых центров полицентричной системы международных отношений, а в перспективе – восьми сфер влияния и полюсов многополярного мира соответственно. При этом оба из указанных методологических подходов рассматривают мусульманскую цивилизацию или Мир ислама в контексте ее или его потенциала выступать в качестве полюса в формирующемся многополярном мире.

Актуальность настоящего исследования возникает, во-первых, вследствие основанной на концепции созидательного взаимодействия внешней политики Исламской Республики Иран под руководством Президента Ибрахима Раиси, системно проявляющейся в присоединении Ирана к БРИКС. Некоторые результаты внешней политики Ирана, акцентированной на формирование региональной системы регулирования международных отношений, проявляются в установлении политического влияния персидского государства на Йемен, а также Ирак, Сирию и Ливан, что в некоторых источниках обозначается термином «шиитский полумесяц». Во-вторых, актуальность исследования обоснована вероятной эскалацией палестино-израильского конфликта, который может рассматриваться как фактор-катализатор консолидации Мира ислама.

В контексте концепции созидательного взаимодействия очевидно, что предпосылками восстановления дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией при посредничестве Китая в 2023 г. являются не только глобальные интересы Китайской Народной Республики, но и региональные интересы Исламской Республики Иран, во-первых, по созданию условий для мирного достижения лидерства по обе стороны Персидского залива, а в перспективе – по консолидации Мира ислама.

Смежность актуальных внешнеполитических интересов Ирана и других акторов регионализации политических процессов в части противодействия геополитическому проекту США и формирования полицентричной системы международных отношений предопределяет положительную перспективу системного развития отношений между Ираном и Россией, которые в настоящее время характеризуются, с одной стороны, многосторонней

поддержкой Ираном Специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины, а с другой стороны, беспрецедентными инвестициями России, составляющими более половины всех иностранных инвестиций в экономику Ирана [6].

Вместе с тем отношения Российской Федерации с Турцией и Саудовской Аравией, также претендующих на статус государств-лидеров в формирующейся региональной системе международных отношений, характеризуются некоторыми активными дружественными действиями, направленными на реализацию взаимных внешнеполитических интересов. Инвестиции России в строительство газового хаба в Турции и поддержка Саудовской Аравией политики добровольного ограничения добычи нефти в рамках ОПЕК+ свидетельствуют о высоком уровне развития международных отношений России, наряду с Исламской Республикой Иран, как минимум, с двумя другими региональными центрами Мира ислама как формирующегося полюса многополярного мира.

Наличие определенных внутренних и внешних факторов формирования стратегии внешней политики Ирана позволяет прогнозировать ключевую роль Исламской Республики в консолидации Мира ислама, однако очевидно, что Турции и Саудовской Аравии в силу ряда объективных причин, о которых будет сказано ниже, также предстоит сыграть историческую роль в процессах консолидации уммы.

Контуры Мира ислама как формирующегося полюса многополярного мира. Концепция Мира ислама основана на представлениях о географическом и социокультурном единстве исламской цивилизации. Одним из основных источников концепции является наследие Праведного халифата, теократического политического образования, положившего начало могущества Арабского халифата. Историческая память о расцвете Арабского халифата, распространившего политическую власть от Индии до Испании, находит свое отражение в трудах основоположников исламской геополитической теории. Ядро исламского геополитического дискурса формирует географическая теория Гамалея Хамдана, в соответствии с которой география Мира ислама имеет очертания полумесяца или лука на политической карте мира. Географии Мира ислама соответствует концепция Малека Беннаби о социокультурном единстве мусульман «от Танжера до Джакарты» [20. С. 153]

Возникновение исламского мировоззрения, основанного на догмате «тоухид» и отрицающего политеизм, в свое время привело к новому цивилизационному возрождению и объединению территорий от Испании до Индии в рамках нового единого политического порядка. Всего за несколько лет мусульмане установили политическую власть на территориях, некогда объединенных Александром Македонским, и стали соседями с индийской и римской цивилизациями [18. С. 92].

На современном историческом этапе положительная перспектива консолидации Мира ислама возникает в случае формирования политических основ для социокультурной общности Персидского, Тюркского и Арабского мира, мусульман Юго-Восточной Азии и Мира ислама Северной Африки, а также мирного разрешения существующих политических разногласий между ними. Мир ислама как формирующийся полюс многополярного мира может рассматриваться в контексте «культурно-социальной системы» [10. С. 20], политическая организация которой характеризуется сетевой формой взаимодействия государств-лидеров Персидского, Тюркского и Арабского мира, а также мусульманских государств Юго-Восточной Азии и Северной Африки, определяющих структуру региональной системы международных отношений.

Политическое единство Мира ислама может быть обеспечено союзом Ирана, Турции и Саудовской Аравии, совместно выполняющих функции центра геополитического влияния в структуре формирующегося полюса многополярного мира на принципах «геополитической взаимодополняемости» [29]. При этом цивилизационные, культурные, религиозные и прочие различия Персидского, Тюркского и Арабского мира предопределяют необходимость соблюдения принципов кластерного подхода к организации региональной системы регулирования международных отношений.

В силу политических амбиций Турции и Саудовской Аравии выполнять ключевую политическую роль в Мире ислама, внешняя политика Ирана, направленная на консолидацию уммы, способную обеспечить глобальное измерение Мира ислама, концептуально осложнена реализацией геополитических проектов по формированию Тюркского и Арабского мира соответственно [31. С. 11], подлежащих рассмотрению исключительно в региональном измерении. В этой связи обосновано считать, что процесс консолидации уммы возможен только в результате перехода Ирана, Турции и Саудовской Аравии к концепции совместного регулирования международных отношений в Мире ислама. Вместе с тем политическая система и социальная идентичность Ирана имеют некоторые особенности, предопределяющие возможность распространения политического влияния Ирана в Мире ислама в долгосрочной перспективе.

Особенности политической системы современного Ирана. Современный Иран играет особую роль в истории исламского конституционализма. Конституция Ирана 1979 г. была первой успешной попыткой (после неудачных аналогичных дебатов в Пакистане) подготовить текст конституции, в которой гармонично сочетаются принципы ислама, современного государственного устройства и права человека. Одна из ключевых характеристик Конституции Исламской Республики Иран возникает вследствие конституционно-правового предписания правительству осуществлять внешнюю политику, направленную на «экспорт» ислама. При этом методы

«экспорта» исламской революции могут быть разнообразными: от силовых средств, например, с опорой на Армию Махди, до прагматичной внешней политики в соответствии с концепцией созидательного взаимодействия, которой придерживается современный Иран. В соответствии с толкованием имама Хомейни указанное конституционно-правовое предписание следует понимать как «экспорт» исламской культурной революции не силовыми методами [3. С. 28].

Как следует из самого названия Исламской Республики Иран, теократические и республиканские принципы правления находят институциональное выражение в государственном устройстве Ирана, подразумевающим взаимодействие теократических и республиканских органов государственной власти [15. С. 201]. В отличие от монархической формы правления Саудовской Аравии, республиканская форма правления современного Ирана подразумевает более строгую конституционно-правовую ответственность государства перед обществом за реализацию государственной социальной политики. Соблюдение принципов социального равенства способно обеспечить высокий уровень общественной поддержки политики современного государства.

В свою очередь, теократические основы Исламской Республики Иран определяют некоторые преимущества политической системы Ирана над Турцией, которая является светским государством. Государственное устройство, государственная идеология, государственная политика и социальные нормы современного Ирана детерминированы нормами шариата. Ислам шиитского толка выполняет стабилизирующую роль в политической системе Ирана, определяя ликвидацию возникающих противоречий и коллизий между ее элементами в соответствии с приоритетными принципами ислама. Для ликвидации «пробелов» регулирования общественных отношений, в том числе международного публичного характера, в Конституции Ирана предусмотрен особый порядок толкования Корана и Сунны наделенными таким правом факихами. Подчиненность всех элементов политической системы Исламской Республики Иран нормам ислама, т.е. буквально, другой системе принципов и норм, характеризует ее как кибернетическую модель политической системы.

Кибернетическая модель политической системы Ирана подразумевает, что ислам выполняет функции управляющей системы, а политическая система в контексте российского академического подхода к ее пониманию является зависимой частью сложной системы. Кибернетизм политической системы Ирана проявляется в саморазвитии и саморегулировании сложной системы, свойстве, возникающим холистическим образом при наложении двух систем. Указанное свойство содействует ликвидации пробелов и противоречий в процессе государственного строительства, реализации политической деятельности и регулирования общественных отношений.

Кибернетический характер политической системы Ирана оказывает положительное влияние на формирование политической определенности и поддержание политической стабильности в государстве, а также обеспечивает суверенное развитие государства без вмешательства внешних регуляторов во внутренние дела Ирана.

Кибернетизм политической системы Ирана находит свое отражение во всех подсистемах политической системы, в частности, в системе социальных норм. Наряду с правовыми нормами, регулирующими общественные отношения граждан Ирана, источниками социальной определенности в Иране являются предписания (фетва) Рахбара (высшего руководителя исламской революции), муфтиев и других религиозных лидеров. Фетва понимается как официальное толкование норм ислама, устанавливающих должное и возможное поведение верующих, соблюдение которых обеспечено духовным долгом мусульманина. Таким образом, наряду с правовыми нормами фетва выполняет превентивные, императивные и диспозитивные функции в регулировании общественных отношений и разрешении возникающих споров и конфликтов на основании религиозных норм.

Свойство завершенности политической системы Ирана во многом возникает вследствие официального толкования принципов ислама шиитского толка, а именно: догматов «тоухид» (нет иного Бога, кроме Аллаха), «адл'» (божественная справедливость), «нобовват» (пророческая миссия Мухаммеда), «ма'ад» (страшный суд) и «имамат» (сочетание духовной и светской власти). Вследствие кибернетизма политической системы Ирана, при возникновении такой необходимости, открывается перспектива государственного управления, основанного на абсолютизации тех или иных принципов веры. Так, например, при абсолютизации принципа «ма'ад», в соответствии с фетвой, предписывающей «джихад», подразумевающий освобождение от «страшного суда», возникает перспектива формирования идеологии шахидизма.

Традиционные ценности Ирана, защищенные нормами мусульманского права, сформировали культурную идентичность Исламской Республики. Система ценностей Ирана отвергает экспансию ценностей Западной цивилизации, заявленных Англосаксонским миром как универсальные и подлежащие распространению во всем мире. Культурная самобытность Ирана и требовательность в вопросах признания права на сохранение культурной самобытности выражаются в публичных интересах государства, закрепленных в конституционно-правовых нормах и подзаконных актах, устанавливающих основы внешней политики Исламской Республики. Публичные интересы Ирана являются предпосылками активного противостояния Ирана внешнеполитическому вектору США и их сателлитов.

Стратегические направления внешней политики Ирана в контексте концепции Мира ислама. Реализация геополитического проекта США

связана с выполнением двух стратегических задач в Мире ислама, которые можно условно назвать «война против мусульманских государств» и «война между ними» [14. С. 130]. Стратегия США по управлению конфликтами между региональными лидерами имеет своей целью сдерживание консолидационных процессов в Мире ислама. Тот факт, что Саудовская Аравия, на территории которой расположена Мекка – «колыбель» ислама, находится на полном военно-техническом обеспечении США и Великобритании, заинтересованных в развитии суннитско-шиитского конфликта по обе стороны Персидского залива [28. С. 143], демонстрирует природу англосаксонской геополитики. С точки зрения США, их военные базы в Бахрейне, Ираке, Иордании, Катаре, Кувейте, Турции, Саудовской Аравии, Сирии, ОАЭ и Омане имеют стратегическое значение – сдерживание процессов консолидации Мира ислама.

Размещением военного контингента США на территории ряда государств Ближнего Востока обеспечено совершение Израилем множественных военных преступлений на территории Палестины. Вместе с тем палестинно-израильский конфликт может сыграть ключевое значение в преодолении существующих разногласий между мусульманскими странами и значительно ускорить процессы консолидации Мира ислама. Первые признаки консолидации мы можем наблюдать уже сегодня. Несмотря на членство Турции в НАТО, Тюркский мир демонстрирует политическую поддержку Палестины. В то время как Персидский мир в лице Ирана проводит мобилизацию всех возможных ресурсов «Шиитского полумесяца» для будущего освобождения Палестины. Активную позицию в защиту Палестины пока не может занять только ряд арабских государств в силу военной, политической и экономической зависимости от США.

В отличие от Саудовской Аравии, находящейся на военно-техническом обеспечении США и Великобритании, и Турции, которая является членом НАТО и пользуется правом совместного обеспечения безопасности, суверенитет Ирана не ограничен присутствием иностранного военного контингента на своей территории. Суверенная политика Ирана предопределяет смежность некоторых внешнеполитических интересов Ирана, России и Китая по противодействию геополитическому проекту США.

Геополитический проект Турции по формированию Тюркского мира входит в противоречие с геополитическими интересами современной России в Средней Азии. Безусловно о некоторых успехах геополитического проекта Турции можно судить по переходу Казахстана, Узбекистана и Азербайджана на латиницу, но указанные обстоятельства являются лишь следствием российского политического поворота на Запад и экономического упадка России в 1990-х годах [14. С. 35], негативный опыт которых был учтен при выработке внешней политики современной России. Несмотря на тот факт, что торговые отношения между Китаем и Ираном имеют значительно

более высокие показатели развития, чем между Россией и Ираном, в связи с российско-иранским ядерным сотрудничеством и выступлениями России против санкционной политики в отношении Ирана, на Западе сформировалось устойчивое мнение, что именно Россия, а не Китай, является главным союзником Ирана [23. С. 46].

Участие Ирана в инициативе КНР «Один пояс – один путь», связанное с рисками усиления экономического влияния Китая на Иран, может быть рассмотрено в контексте восстановления исторической роли Исламской Республики на Шелковом пути [33. С. 984]. В свою очередь, торговые отношения между Ираном и Индией, осложненные пакистанским элементом, находятся в состоянии развития, хоть и основаны на тонком балансе геоэкономических и геополитических интересов, а также политических расчетов государств [13. С. 517]. Все указанное предопределяет стратегических характер развития отношений Ирана с Россией, Китаем и Индией.

Присоединение Ирана к БРИКС является важнейшим шагом, направленным на формирование особого статуса Ирана в полицентричной системе международных отношений в целом и в структуре Мира ислама в частности. Межгосударственное объединение БРИКС было создано по инициативе Российской Федерации в противовес «группе семи» в целях формирования более справедливого мироустройства, что в целом соотносится с внешнеполитической концепцией Ирана, основанной в том числе на мусульманской дихотомии «обездоленные – высокомерные» [8. С. 279]. Очевидно, что после решения Россией вопросов обеспечения региональной безопасности в Восточной Европе и дипломатического разрешения территориальных споров между Китаем и Индией, лидеры которых в 2023 г. обеспечили безусловную общественную поддержку своей политики, БРИКС приобретет статус межгосударственного объединения, определяющего глобальную политическую повестку. Присоединение Ирана к лидерам формирующегося многополярного мира в формате БРИКС+ открывает для Исламской Республики перспективу активного участия в децентрализованном глобальном регулировании международных отношений в многополярном мире и поддержки Ирана в вопросах консолидации Мира ислама ключевыми акторами регионализации политических процессов.

Присоединение Ирана к БРИКС является следствием неизменного с 1979 г. политического курса Исламской Республики, направленного на обеспечение и развитие интегрального суверенитета государства, который в соответствии со ст. 9 Конституции Ирана понимается в целостном единстве политической, культурной, экономической и военной независимости, а также территориальной целостности страны [36].

Односторонний выход США из ядерной сделки был осуществлен в расчете на то, что дальнейшее соблюдение Ираном Соглашения по ядерной программе будет обеспечено участием Китая, России, Великобритании,

Франции и Германии. Последовавшее за выходом США из ядерной сделки ужесточение «карательной» санкционной политики против Ирана имело своей целью усиление экономической блокады Исламской Республики. «Выход США из СВПД и обострение социально-экономических проблем в стране значительно ослабили положение правительства Х. Роухани, т.к. практически свели на нет его заслуги по достижению соглашения с мировым сообществом и усилили позиции резко критикующих политику президента консерваторов» (Дунаева 2020: 17). Однако политические теории, на которых основана санкционная политика Запада в отношении Ирана, не учитывают, что догмат «тоухид» исключает возможность капитуляции Ирана в каких-либо иных обстоятельствах, кроме полного поражения в войне против тех народов, победа над которыми дарована иранцам самим Аллахом. Приостановка выполнения Ираном ключевых пунктов ядерной сделки стала вынужденным ответным решением развивать потенциал стратегического сдерживания в условиях ограниченной международной конкурентоспособности.

Находясь перед лицом реальных и потенциальных угроз военного вмешательства США и их сателлитов во внутренние дела государства, правительство Ибрахима Раиси демонстрирует готовность к нормализации и развитию отношений с Саудовской Аравией и Турцией, а также в ответ на реализацию геополитического проекта США развивает военно-техническое сотрудничество и военную торговлю с другими центрами военной силы формирующегося многополярного мира. Встреча министра иностранных дел Ирана Хосейна Амира Абдоллахиана и принца Саудовской Аравии Фейсала бен Фархана Аль Сауда, которая состоялась 6 апреля 2023 г. в Пекине, стала первым публичным мероприятием с участием официальных лиц Ирана и Саудовской Аравии за семилетний период приостановки дипломатических отношений. Также в 2023 г. в Москве состоялись переговоры с участием министров обороны и руководителей ведомств внешней разведки Ирана и Турции по вопросам сохранения территориальной целостности Сирии. Указанные факты свидетельствуют о некоторых подвижках в вопросах формирования инклюзивной системы безопасности в Ближневосточном регионе и формирующемся Мире ислама. Развитие международного военного сотрудничества содействует не только обеспечению военной безопасности самого Ирана, но и формированию будущей системы региональной безопасности в Мире ислама, которая очевидно будет обеспечена размещением стратегического вооружения в труднодоступных для потенциальных противников иранских и арабских пустынях [37. С. 33].

Возможное размещение стратегического ракетного вооружения в пустынях, удаленных от другой военной и гражданской инфраструктуры, способно нивелировать ядерную угрозу США, в официальный «расстрельный»

список целей ядерного оружия которых помимо исторических противников американцев входят как минимум Иран и Ирак [35. С. 59]. Не смотря на тот факт, что в отличие от Ирана, в терминологии внешней политики США – «государства-изгоя», Саудовская Аравия не входит в традиционную «географию вражды» США [32. С. 28], указанное обстоятельство может начать меняться после доклада Госдепартамента США о соблюдении прав человека в Саудовской Аравии и Йемене по требованию сенаторов Криса Мерфи и Майка Ли в Конгрессе США в 2023 г. И как показывает история Ирана, поддержка США не способна гарантировать политическую стабильность в мусульманском государстве и не исключает возможность упразднения монархии [21. С. 130].

История также показывает, что санкционная политика США и концепция «государств-изгоев» имеют обратный эффект и стимулируют развитие внешнеэкономических связей с государствами, которые проводят не зависимую от США внешнюю политику [34. С. 191]. Санкционная политика коллективного Запада, направленная на сдерживание экономического роста Исламской Республики Иран, в свою очередь, повлияла на развитие экономических партнерских связей Ирана и других центров формирующихся региональных систем международных отношений, в том числе с Россией, Китаем и Индией. Развитие экономического сотрудничества Ирана с другими акторами регионализации политических процессов содействует формированию статуса Ирана как одного из системообразующих структуру Мира ислама государств.

В условиях регионализации политических процессов внешнеполитическая стратегия Тегерана может быть охарактеризована стремлением «наладить эффективный диалог с внешним миром», «сохраняя основы правления в самой Исламской Республике Иран» [11. С. 335]. На основании изложенного представляется обоснованным сделать промежуточный вывод о том, что стратегическими задачами внешней политики Ирана в современных условиях, решение которых предполагается посредством развития международных отношений с ключевыми акторами регионализации политических процессов, являются: 1) формирование системы региональной безопасности, содействующей укреплению государственного суверенитета Ирана, и 2) достижение статуса регионального лидера.

Географические предпосылки роли Ирана в консолидации Мира ислама. Иран изначально обладает выгодным географическим положением для решения указанных стратегических задач, образуя географический «коридор» между Европой, Африкой, Южной Азией и Юго-Восточной Азией [27. С. 75]. Выход Ирана к Каспийскому морю обеспечивает развитие беспешинной и военной торговли с Россией. Оманский залив Индийского океана открывает морские пути из Ирана в ЮАР и Индию, энергетическая безопасность которой вплоть до принятия решения о строительстве

нефтяного и газового портового хаба в Даске в 2021 г. в большей степени была обеспечена сухопутным транзитным путем из Ирана через Пакистан [30. С. 30]. Пакистан, в свою очередь, наряду с Бахрейном, Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами и Индией рассматривается Ираном как союзник и потенциальный участник военно-морского альянса для обеспечения коллективной безопасности в Индийском океане. Сухопутная граница Ирана с Турцией и выход в Персидский залив обеспечивают возможность развития международных отношений Ирана с центрами Тюркского и Арабского мира, а «шиитский полумесяц» обладает срединным положением в формирующемся Мире ислама.

В трудах П.Н. Савицкого [7] и Ф. Науманна [5. С. 34] была обоснована положительная перспектива формирования «больших пространств» и автаркий вокруг государств, обладающих срединным географическим расположением. Свойство срединности политического образования содействует формированию геополитической субъектности, выражающейся в возможности распространять политическое влияние, осуществлять экспансию любого вида и противостоять экспансии других государств.

Успехи внешней политики Ирана по установлению политического влияния на Ирак, Йемен, Ливан и Сирию в актуальном состоянии ограничены «неразвитыми связями внутри шиитского блока, а также недостаточными экономическими и военными ресурсами для позиционирования себя на мировой арене в качестве коллективного актора» [9. С. 102]. Однако формирование «шиитского полумесяца» может рассматриваться в перспективе далеко не только с точки зрения противодействия Ирана в достижении целей США по установлению дружественного Штатам режима нефтедобычи, который в итоге вытеснит саудовцев с поста основного «регулятора колебаний» цен на нефть в рамках ОПЕК [22. С. 49], но и в контексте концепции срединности политического образования. Государства «шиитского полумесяца» находятся между Тюркским и Арабским миром, а также мусульманскими государствами Юго-Восточной Азии.

Концепция «шиитского полумесяца» имеет исторические предпосылки, заложенные в начале XVI в. Шахом Исмаилом, основавшим Сефевидское государство. Политизация шиизма в Сефевидской Персии имела своей целью объединение народов, исповедующих ислам шиитского толка, и формирование могущественного политического образования, способного противостоять экспансии суннитских сил Османской империи и Узбекского ханства. Исторический опыт реализации потенциала религиозной идентичности для достижения внешнеполитических задач Сефевидского государства очевидно мог быть использован при разработке концепции «шиитского полумесяца», которая вместе с особенностями политико-правового режима современного Ирана открывает перспективу для дальнейшей консолидации Мира ислама. По всей видимости указанная цель послужила причиной

уточнения внешнеполитической стратегии Ирана в период «арабской весны» и временного военного союзничества Исламской Республики с США в Ираке [12. С. 458]. Также необходимо отметить, что в силу разнообразия этнического состава проживающих на территории «шиитского полумесяца» народов, срединность Ирана может пониматься в контексте свойства воспринимающего политического сознания, подразумевающего гармонизацию социальных норм мусульман Персидского, Арабского и, в перспективе, Тюркского мира.

Срединность как свойство воспринимающего политического сознания и расположение на всемирной коммуникационной магистрали позволяют Ирану развивать международные отношения не только с Россией, Китаем и Индией, сотрудничество с которыми обосновано геополитическими интересами Тегерана по формированию антиамериканской коалиции государств [17. С. 32], но и отдельными инокультурными государствами. В частности, несмотря на, несомненно, важное значение религиозной идентичности Ирана, геополитические «гравитационные» силы, роль истории и культурных связей являются предпосылками добрососедских отношений между Исламской Республикой и Арменией [26. С. 108], подавляющее большинство населения которой принадлежит Армянской апостольской церкви.

Потенциал Исламской Республики Иран как одного из системообразующих элементов в структуре Мира ислама усиливается перспективами установления влияния в мусульманских государствах Юго-Восточной Азии, которые не могут в полной мере характеризоваться как государства, включенные в экономические процессы Китая, Индии, Японии или других экономик опережающего развития. На примере истории Индонезии можно сделать вывод о том, что вследствие тех или иных форм колониального контроля со стороны Китая, Индии, Голландии и Японии, религиозная идентичность Индонезии является наиболее перспективной основой для развития взаимовыгодных международных отношений с мусульманскими странами соответственно [16. С. 23].

В силу своего географического расположения относительно Турции и Саудовской Аравии Иран является наиболее вероятным региональным лидером Мира ислама, способным решить стратегическую задачу по обеспечению выхода формирующегося коллективного полюса многополярного мира к Тихому океану. Очевидно, что срединностью Тихого океана в многополярном мире будет обеспечено развитие международных торговых отношений и военного сотрудничества между формирующейся латиноамериканской автаркией, Россией, Китаем и Индией, а также Северной Кореей как центром военной силы полицентричной системы международных отношений. В этом контексте для мусульманских государств Юго-Восточной Азии открывается перспектива формирования собственного статуса

в многополярном мире, связанного с организацией ключевых транзитных зон Мира ислама.

Потенциал иранской идентичности в формировании уммы. Несмотря на политизацию шиизма в Иране, в соответствии со ст. 11 Конституции Исламской Республики Иран, согласно священному аяту, все мусульмане представляют собой единую нацию – умму. Концепция уммы отчасти созвучна с православной соборностью, подразумевающей единство всех православных верующих во Христе. Оба из указанных концепта подразумевают более полную реализацию потенциала человеческих сообществ, живущих в условиях мира и справедливости [25. С. 2]. Концепция единства исламской нации, закрепленная в тексте Конституции Ирана, подразумевает право приверженцев всех течений ислама беспрепятственно осуществлять религиозные обряды согласно своим религиозным нормам. Более того, в Конституции Ирана закреплено право на свободу вероисповедания зороастрийцев, иудеев и христиан [36]. Из содержания указанного выше священного аята, включенного в текст Конституции, также следует, что самоопределение граждан Ирана не ограничено этногенетическим подходом к пониманию нации. «Национальная» идентичность Ирана характеризуется установкой на формирование уммы, проживающей на территории Дар аль-Ислам, политическая организация которой может рассматриваться как полнос многополярного мира.

Языковая идентичность Ирана также имеет интегральный характер. В силу того обстоятельства, что Коран и Сунна изложены на арабском языке, система школьного образования Ирана предусматривает обязательное изучение арабского языка наряду с персидским, на котором говорят сами иранцы. Несмотря на тенденцию роста иранского (персидского) национализма и рисков эскалации конфликта между Ираном и странами Персидского залива вследствие войны в Йемене [24. С. 46], доступность содержания персидских и арабских первоисточников может рассматриваться как фактор, содействующий формированию социокультурной общности Ирана и Арабского мира и дальнейшей консолидации уммы в долгосрочной перспективе.

В силу своей предрасположенности к консолидации Мира ислама идентичность Исламской Республики Иран характеризуется как геополитическая идентичность. Геополитическая идентичность Ирана формируется кумулятивным образом из интегральной совокупности всех форм коллективной идентичности, в том числе религиозной, культурной и языковой идентичности, но не ограничиваясь этим. Онтологические характеристики геополитической идентичности Ирана соответствуют декларируемой в Конституции цели политической власти Ирана по обеспечению политического, экономического и культурного единства Мира ислама [36].

Заключение.

1. В контексте взаимообуславливающих друг друга концепций многополярности и полицентричности Мир ислама предлагается понимать как формирующийся полюс многополярного мира, представляющий собой культурно-социальную систему, политическая организация которой характеризуется сетевой формой взаимодействия государств-лидеров Персидского, Тюркского и Арабского мира, определяющих основу структуры региональной системы международных отношений.

1.1. В контексте стратегии внешней политики Исламской Республики Иран формирование Мира ислама как полюса многополярного мира является этапом всемирной исламской культурной революции, ожидаемым результатом которого является моделирование системы глобального управления, основанного на принципах ислама.

2. Положительная перспектива консолидации Мира ислама возникает в случае перехода Ирана, Турции и Саудовской Аравии к концепции совместного регулирования международных отношений в Мире ислама в формате политического союза трех государств, основанного на принципах сетевого взаимодействия и кластерного управления региональной системой международных отношений. До возникновения соответствующих условий для формирования политического союза Иран, Саудовская Аравия и Турция будут развивать лидерство в международных отношениях и стремиться к установлению политического влияния в Мире ислама, в целом содействуя формированию потенциала полюса многополярного мира.

3. Стратегическими задачами внешней политики современного Ирана, решение которых предполагается посредством развития международных отношений с ключевыми акторами регионализации политических процессов, являются: 1) формирование системы региональной безопасности, содействующей укреплению государственного суверенитета Ирана, и 2) достижение статуса регионального лидера в Мире ислама.

4. Акцентированность внешней политики Исламской Республики Иран на установление политического влияния в формирующемся полюсе многополярного мира обеспечена:

- свойством завершенности политической системы Ирана, возникающим вследствие ее кибернетического характера;

- геополитической идентичностью (понимаемой как интегральная совокупность всех видов социальной идентичности) Ирана, характеризующейся установкой на формирование уммы, проживающей на территории Дар аль-Ислам;

- свойством срединности «шиитского полумесяца», содействующим формированию геополитической субъектности Ирана и воспринимающего политического сознания, подразумевающего возможность гармонизации

социальных норм мусульман Персидского, Арабского и, в перспективе, Тюркского мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Акаев А.А., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н.* Моделирование и прогнозирование экономического развития локальных цивилизаций. СПб.: СПбГПУ, 2011.

2. *Дунаева Е.В., Сажин В.И.* Исламская Республика Иран в условиях новых вызовов // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 5.

3. *Дружиловский С.Б.* Трансформация внешнеполитического курса Ирана и ее влияние на российско-иранские отношения // *Обозреватель*. 2017. № 3.

4. *Ильин И.В., Леонова О.Г.* Факторы динамики глобальных политических процессов // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2022. № 9 (119).

5. *Науманн Ф.* Срединная Европа. Петроград: Огни, 1918.

6. Россия стала страной номер один по инвестициям в Иран // *Ведомости* // <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/03/24/967929-rossiya-stala-stranoi-nomer-odin-po-investitsiyam-v-iran>.

7. *Савицкий П.Н.* Евразийство // *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология*. М.: Наука, 1993.

8. *Чикризова О.С.* Дихотомия «обездоленные – высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2017. № 2.

9. *Чикризова О.С., Ивкина Н.В.* Проблема существования «шиитского полумесяца» на Ближнем и Среднем Востоке: опыт количественного анализа // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. № 1.

10. *Чумаков А.Н.* Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст // *Межцивилизационный диалог как фактор сохранения этнокультурного многообразия России в условиях глобализации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией Ю.Н. Абдулкадырова*. Махачкала: Типография Алеф, 2022.

11. *Юртаев В.И.* Особенности реализации внешней политики Исламской Республики Иран (1979-2010 гг.). М.: РУДН, 2012.

12. *Ahmadian H.* Iran and the New Geopolitics of the Middle East: In Search of Equilibrium // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2021. № 23.

13. *Ahmed Z.S.* The India-Iran-Pakistan Triad: Comprehending the Correlation of Geoeconomics and Geopolitics // *Asian Studies Review*. 2018. № 42.

14. *Billon P.* The Geopolitics of Resource Wars: Resource Dependence, Governance and Violence. Abingdon: Frank Cass, 2005.
15. *Chehabi H.E., Schirazi A.* The Islamic Republic of Iran // Journal of Persianate Studies. 2012. № 5.
16. *Clad J., McDonald S.M., Vaughn B.* The Borderlands of Southeast Asia: Geopolitics, Terrorism, and Globalization. Washington, D.C.: National Defense University Press, 2011.
17. *Cohen S.B.* Geopolitics: The Geography of International Relation. Lanham: Rowman & Littlefield, 2015.
18. *Dallmayr F., Kayapinar M.A., Yaylaci I.* Civilizations and World Order: Geopolitics and Cultural Difference. Plymouth: Lexington Books, 2014.
19. *Eder T.S.* China-Russia Relations in Central Asia: Energy Policy, Beijing's New Assertiveness and 21st Century Geopolitics. Wien: Springer VS, 2014.
20. *El-Shinqiti M.E.* From Tangier to Jakarta: The Unity of Meaning and Structure in the Islamic World Between Ibn Battuta and Gamal Hamdan // Global Journal Al-Thaqafah. 2022. № 1.
21. *Falk R.A.* The Declining World Order: America's Imperial Geopolitics. NY: Routledge, 2004.
22. *Graham S.* Cities, War, and Terrorism: Towards an Urban Geopolitics. Malden: Blackwell Publishing, 2004.
23. *Lo B.* Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2008.
24. *Maashi H.A.* From Security Governance to Geopolitical Rivalry: Iran-GCC Confrontation in the Red Sea and the Indian Ocean // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2017. № 11:4.
25. *Martin G.T.* The I, the WE, the IT and the Third Estate // Academia Letters. 2021. № 4333.
26. *Mirzoyan A.* Armenia, the Regional Powers, and the West: Between History and Geopolitics. NY: Palgrave Macmillan, 2010.
27. *Moradi F.* Iran ambitious for regional supremacy: the great powers, geopolitics and energy resources // Journal of the Indian Ocean Region. 2011. № 7:1.
28. *Mullerson R.* Dawn of a New Order: Geopolitics and the Clash of Ideologies. London: I.B. Tauris & Co Ltd, 2017.
29. *Omidi A., Özdağ H.O.* Analyzing the Mutual Geopolitical and Security Complementarity of Iran and Turkey: Border, Energy, and Water // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2023. № 25.
30. *Overholt W.H.* Asia, America, and the Transformation of Geopolitics. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
31. *Scholvin S.* The Geopolitics of Regional Power: Geography, Economics and Politics in Southern Africa. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2014.
32. *Shapiro M.J.* Cinematic Geopolitics. NY: Routledge, 2009.

33. *Shariatnia M.* Iran and the Belt and Road Initiative: Amid Hope and Fear // *Journal of Contemporary China*. 2021. № 28.

34. *Slater D.* Geopolitics and the Post-colonial Rethinking North-South Relations. Malden: Blackwell Publishing, 2004.

35. *Solomon H.* Challenges to Global Security: Geopolitics and Power in an Age of Transition. London: I.B. Tauris & Co Ltd, 2008.

36. The Constitution of the Islamic Republic of Iran // *Constitute* // https://www.constituteproject.org/constitution/Iran_1989?lang=en.

37. *Zellen B.C.* Arctic Doom, Arctic Boom: The Geopolitics of Climate Change in the Arctic. Westport: Greenwood Publishing Group, 2009.

R.D. GREBNEV

*Candidate of judicial sciences, Professor
of the Russian Federation Academy of Military Sciences, senior
researcher at the Faculty of Global Studies of Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia
<http://orcid.org./0000-0003-2966-521X>*

WORLD OF ISLAM BACKGROUND (IN THE CONTEXT OF IRANIAN FOREIGN POLICY)

The relevance of the stated topic is justified by the emphasis on the creation of a global ummah (from Arabic - community, nation) by the foreign policy activities of the Islamic Republic of Iran under the leadership of President Ibrahim Raisi in the context of differentiation of globalization political processes, as well as the escalation of the Palestinian-Israeli conflict, which in the context of the stated topic may be considered as a factor promoting the consolidation of the World of Islam in order to jointly confront Muslim states with the US geopolitical project in the Middle East.

The purpose of the study is to identify internal and external factors influencing each other on Iran's pragmatic foreign policy, aimed at achieving the status of a regional leader and a potential center of the emerging pole of a multipolar world, correlated with the concept of the "World of Islam".

The methodological basis of the study was formed by the method of global political forecasting, as well as systemic, actor-based, geopolitical and geo-economic methodological approaches. When conducting the study, the linguistic-legal method was also used in the interpretation of constitutional and legal norms establishing the principles of government and foreign policy priorities of the Islamic Republic of Iran, as well as a comparative method in studying the

approaches of Iran, Turkey and Saudi Arabia to the issues of regionalization of political processes and participation in development of a polycentric system of international relations.

The article defines the contours of the World of Islam as an emerging collective pole of a multipolar world. In this regard, the World of Islam is considered as a concept that can in the future unite the Persian, Arab and Turkic worlds within the framework of a network political entity. This approach predetermined the need to study Iran's foreign policy concept from a comparative perspective. Using the comparative research methodology, internal factors influencing Iran's foreign policy strategy, which arise because of the peculiarities of the political system and collective identity of Iran, were identified, and the strategic directions of Iran's foreign policy were analyzed in a comparative aspect with Turkey and Saudi Arabia.

As a result of the study, the following main conclusions were substantiated. The political unity of the World of Islam can be ensured by the union of Iran, Turkey and Saudi Arabia, jointly performing the functions of a center of geopolitical influence in the structure of the pole of a multipolar world. The cybernetic nature of the political system, the collective identity of Iran, as well as the middle "Shiite crescent" predetermine one of the key meanings of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran in the consolidation of the ummah and the formation of the World of Islam in the context of the concept of multipolarity.

Key words: *regionalization of political processes, globalization of political processes, multipolarity, polycentricity, World of Islam, Iran.*

А.А. СВИРИДОВ

аспирант факультета глобальных процессов
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

АРКТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ПОЛИТИКИ РФ

Статья посвящена реализации политики Российской Федерации в Арктическом регионе. Раскрывается термин «арктическое государство», секторальный и конвенциональный принципы делимитации границ. Исследуется деятельность Арктического Совета и международное сотрудничество в рамках этой организации. Интерес представляет особый статус архипелага Шпицберген: история вопроса и современное положение дел. Большое внимание уделяется основным положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 года – таким понятиям, как: внутренние и исторические воды, территориальное море, исключительная экономическая зона, континентальный шельф. Рассматриваются действия России по обеспечению своих национальных интересов в регионе, в том числе заявки в ООН на подтверждение своего суверенитета на хребет Ломоносова. Изучается Концепция внешней политики РФ 2023 года, а также деятельность по развитию инфраструктурных проектов в Арктике (особенно Северного морского пути), разработке месторождений полезных ископаемых. Проводится анализ целей и противоречий разных стран в регионе.

Ключевые слова: арктическое государство, секторальный и конвенциональный принципы, архипелаг Шпицберген, Арктический Совет, национальные интересы, Северный морской путь, полезные ископаемые.

Арктикой называют часть земной сферы, центром которой является Северный географический полюс, а границей по окраинам – Северный полярный круг. Так как Арктика очень удалена от человеческой цивилизации и имеет суровый климат, исторически она была мало интересна в экономическом и политическом плане. Но постепенно, когда стала развиваться полярная морская навигация и технологии добычи полезных ископаемых, а также усилился дефицит легкодоступных ресурсов, регион приобрел стратегическую значимость. По данным геологоразведки, разведанные запасы нефти в регионе составляют 90 млрд баррелей (6% мировых). Разведанные запасы природного газа в Арктике составляют 1669 трлн куб. футов (24%

мировых) [7]. Помимо этого, здесь находятся цветные металлы: никель, кобальт, титан, цинк, свинец, медь, молибден, олово, вольфрам; благородные металлы: золото, серебро, платина, палладий; редкие: ниобий, тантал, литий; редкоземельные металлы: апатит-нефелиновые руды, лопаритовые руды, карбонатиты; а также запасы алмазов, фосфатов, урана [6]. Кроме того, Арктика интересна также биологическим разнообразием, пресной водой и как транспортный маршрут. По оценкам ученых в этой части планеты содержится около пятой части всех запасов пресной воды. Немаловажна также экология региона. Ледники тают, и глобальный уровень океана повышается, а арктическая экосистема очень уязвима. Живые организмы, от бактерий и до млекопитающих, постоянно борются за свое выживание в суровых арктических условиях, таких как: вечная мерзлота, сильные морозы и ледяные пустыни. Поэтому, любые дополнительные нагрузки серьезно воздействуют на экосистему региона, и даже небольшие катаклизмы могут негативно влиять на экологию. Из-за этих факторов политическое и экономическое взаимодействие стран касается в основном делимитации области (Делимитация границ – описание в договоре и обозначение на карте границы между сопредельными государствами путем переговоров), энергетических проектов и экологических вопросов.

Термин «арктическое государство» имеет два толкования. Согласно первой версии, побережье арктического государства должно выходить к Северному Ледовитому океану, а также этой стране следует иметь территориальное море, внутренние воды, континентальный шельф и исключительную экономическую зону. В эту группу входят Россия, США, Канада, Дания (с островом Гренландия) и Норвегия. Второе определение относит к арктическим государствам страны-члены Арктического совета, территорию которых пересекает Северный полярный круг. Помимо вышеперечисленной пятерки стран, сюда добавляются Исландия, Финляндия и Швеция [10].

В арктическом регионе функционируют международные программы, организации и форумы, наподобие Совета министров Северных стран, Северного совета, «Северного измерения», Совета Баренцева/Евроарктического региона. Но, самое тесное взаимодействие осуществляется на площадке Арктического совета. Его прообразом стал Рованиемский процесс, который организовали в ответ на предложение Финляндии привлечь внимание к проблемам экологии региона в 1989 году.

В 1991 году провели первую конференцию делегатов СССР, США, Канады, Дании, Норвегии Финляндии, Швеции и Исландии в финском городке Рованиеми. В результате переговоров удалось принять Стратегию защиты окружающей среды Арктики, создать рабочие коллективы по мониторингу состояния и охраны природных систем, а также учредить

Арктический Совет. В 1990-е годы произошло окончательное оформление его деятельности.

На данный момент Совет представляет собой межправительственный форум высокого уровня, который рассматривает проблемы государств и коренных народов Арктики (коряки, чукчи, эвенки, эвены, долганы, якуты, юпики, алутиик, юиты, калааллиты, инупитаты, алеуты, карелы, саамы, ханты, манси, самодийцы, ненцы, энцы, нганасаны, селькупы, юагаиры и др.). Деятельность органа осуществляют шесть рабочих групп. Главной целью Совета является защита окружающего мира.

К примеру, в 1997 году разработали Правила морской нефтегазовой деятельности в Арктике, которые закрепляли более строгие критерии деятельности по разработке месторождений. В сентябре 2014 года создали Арктический экономический совет. Однако, из-за противоречий интересов, возникающих вследствие разных подходов к территориальным вопросам, использованию природных ресурсов и защиты окружающей среды, маловероятно основание какой-либо всеобъемлющей организации в области.

В регионе есть архипелаг Шпицберген, который обладает особым международно-правовым статусом. На протяжении длительного времени он не принадлежал никакому государству, но в 1871 году Шведско-Норвежское правительство обратилось к России и ряду других западноевропейских государств с дипломатической нотой, которая была посвящена желанию шведско-норвежской унии распространить свои права на эту территорию. Последующие переговоры закончились заключением Соглашения между Россией и Швецией-Норвегией 1872 года. По его условиям, ни одно из государств не распространяло свой суверенитет на Шпицберген, но данный архипелаг фактически перешел в общее пользование всех стран, потому что был установлен равный для граждан и компаний из всех уголков мира режим предпринимательства в данном районе.

В начале двадцатого столетия, когда промышленность бурно развивалась, и стал возникать дополнительный спрос на уголь, Шпицберген снова стал привлекать к себе внимание. Возникла потребность в дополнительном регулировании экономической и правовой деятельности на архипелаге, тем более что Шведско-Норвежская уния распалась, и стал актуальным вопрос принадлежности северных островов.

В 1919-1920 годах состоялась Парижская конференция, на которой подписали Парижский договор (Шпицбергенский трактат). Он закрепил следующие положения: остров Медвежий и любой остров, который может образоваться из-за геологической активности между меридианами 10 и 35 ВД, параллелями 74 и 81 СШ, юридически является частью архипелага; все налоги, которые собираются на Шпицбергене, здесь же и остаются; Норвегия несет полную ответственность за экологическую безопасность

региона; все стороны равно допускаются к экономической деятельности на данной территории; архипелаг является демилитаризованной зоной и т.д.

Договор был подписан 42 государствами, но самое активное участие в разработке полезных ископаемых Шпицбергена принял СССР. На данный момент на нем расположены 6 городов, половина норвежских, и половина российских – Грумант, Пирамида и Баренцбург, который является самым активным из этих трех, с населением в 500 человек. Остальные два фактически законсервированы. В 1990-е годы рядом с бухтой Петунья обнаружили несколько нефтегазовых месторождений, что повысило интерес к архипелагу. Возможно, поэтому Россия старается сохранить свою активность в регионе, что противоречит норвежским интересам усилить суверенные права на данную территорию [5].

Спецификой арктических вод является изолированность их ледниками, поэтому не все страны считают данный регион элементом мирового океана. На данный момент есть две позиции по поводу делимитации территорий.

В рамках секторального подхода правовой статус Арктики рассматривается не по универсальным правилам морского права. Деление морских зон следует проводить секторально: от северной границы до полюса. Эту позицию продвигают страны с самым протяженным побережьем в Северной Ледовитом океане, т.е. Канада и Россия.

Второй принцип приравнивает Арктику к остальным частям Мирового океана, поэтому нужно соблюдать Конвенцию по морскому праву 1982 года. На данный момент именно этот подход используют арктические государства (в том числе Россия и Канада).

По морскому праву, делимитация проходит с помощью выделения зон с различными статусами. Территории этих зон отсчитывают от определенной исходной линии, которой обычно является линия самого большого отлива от берега. Данная исходная линия считается нормальной. Но при сложном расположении берега линию прочерчивают по конкретным точкам на побережье. Это будет прямая исходная линия.

Внутренние морские воды находятся между берегом и исходной линией. Их статус приравнивается к статусу наземной территории страны. По морскому праву чужое судно не может входить на эту территорию без разрешения, то есть в этих водах не действует право мирного прохода.

Исторические воды и заливы наделяют таким же статусом, как и внутренние, но определяют при помощи исторических оснований. К данным основаниям относят владение этими водами государством в течении длительного временного периода, географическое расположение и конфигурацию вод, военную и экономическую ценность вод для страны.

Территориальное море располагается от исходной линии до 12 морских миль в противоположном направлении от берега. Дно, недра и воздушное пространство над этими водами находится под исключительным

суверенитетом страны. Любое судно может использовать право мирного прохода, т.е. заходить в порт или выходить из него, и пересекать эту территорию. Останавливаться оно будет только в случае чрезвычайной ситуации, либо, чтобы помочь другому судну в такой ситуации.

Исключительной экономической зоной (ИЭЗ) называют регион в размере 200 морских миль от исходной линии, который находится вне территориальных морей. В этой зоне дно, недра и водные ресурсы находятся под суверенитетом прибрежной страны, которая имеет право также создавать искусственные острова и другие сооружения, а также защищает экологию и обладает юрисдикцией проводить научную деятельность. В ИЭЗ любое государство может осуществлять судоходство, прокладывать трубопроводы и кабели, но это не должно противоречить суверенитету прибрежной страны.

Континентальным шельфом называют морское дно и недра, которые находятся вне территориального моря. Он может располагаться за пределами исключительной экономической зоны, но только если подводная граница материка находится на расстоянии от 200 до 350 морских миль от исходной линии, и от 100 до 2500-метровой изобаты. Делимитацию шельфа проводит Комиссия ООН по границам континентального шельфа. Бывают ситуации, когда один континентальный шельф может находиться на территории двух или более двух стран, то решение принимают в процессе переговоров или по постановлению Международного трибунала по морскому праву (или Международного суда ООН). Прибрежная страна распространяет свой суверенитет в границах континентального шельфа для разработки месторождений или рыболовства. Но данное государство должно платить взносы за освоение неорганических резервов континентального шельфа за границей в 200 морских миль от исходной линии. Если эта страна является развивающейся и импортирует определенное полезное ископаемое (которое добывают на шельфе), то она не обязана платить отчисления. Вопросами таких взносов занимается Международный орган по морскому дну (МОМД).

Наша страна официально не стала отказываться от секторального принципа разграничения Арктики, но в 1997 году ратифицировала Конвенцию по морскому праву. В 2001 году РФ обратилась к ООН с предложением продлить свою границу континентального шельфа, т.е. фактически согласилась с условиями Конвенции 1982 года. Это вызвало некоторую критику, так как специалисты посчитали, что Россия уменьшает уровень претензий на свой арктический шельф. Заявку РФ не приняли, но и не отклонили. В 2015 году наша страна подала уже пересмотренную и расширенную заявку: продлить границы континентального шельфа на 1,2 млн. кв. км. Комиссия предварительно одобрила заявку в 2019 году, а в 2023 г. экспертный совет подтвердил уместность большей части требований России [3]. Но процесс закрепления своих прав для Российской Федерации еще не окончен.

Претензии российской стороны направлены на хребет Ломоносова, который также является объектом притязаний Канады и Дании. Для того, чтобы доказать свои права на хребет, российское правительство инициировало ряд научных экспедиций, например, экспедицию «Арктика-2007» под руководством Артура Чилингарова. В ходе нее использовались глубоководные батискафы «Мир-1» и «Мир-2», а на дне Северного Ледовитого океана установили российских флаг (что спровоцировало негативную международную реакцию).

В 2013 году Канада подавала заявку в ООН о расширении своей территории шельфа, но отозвала ее. В 2019 году она расширила свои претензии, в том числе и на Северный полюс.

Данию интересует весь хребет Ломоносова, включая российскую исключительную экономическую зону [1].

В концепции внешней политики РФ от 31.03.2023 Арктика занимает второе место в списке региональных направлений внешней политики нашей страны. Целями Российской Федерации являются: мирное разрешение всех проблем, возникающих между арктическими государствами в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву от 10.12.1982; противодействие попыткам недружественных стран милитаризовать регион; недопущение ущемления суверенитета РФ, и защита правового статуса ее внутренних морских вод; сотрудничество с неарктическими государствами, занимающими дружественную позицию в отношении Российской Федерации и готовыми сотрудничать с ней [4].

Россия старается реализовывать инфраструктурные и нефтегазовые проекты на своей территории. По оценкам главы Федерального агентства по недропользованию «Роснедра» Е. Петрова, в российском секторе сосредоточены 17 млрд тонн нефти и 85 трлн кубометров газа. Себестоимость добычи барреля нефти на шельфе в российской Арктике оценочно колеблется в пределах 40-50 долл., на суше дешевле на 5-10 долл. [8].

В 2012 году учредили Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики. В следующем году В.В. Путин заявил, что развитие этих регионов – национальный приоритет на весь двадцать первый век. В 2017 году учредили Проектный офис развития Арктики (ПОРА). Сегодня в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) реализуются около 460 проектов, которые связаны с развитием производственной, транспортной и общественной инфраструктуры. Размер государственных вложений – примерно 1,3 трлн рублей. В результате планируется создание 30 тыс. рабочих мест [9]. Резиденты преференциального режима арктической зоны уже инвестировали около 10 млрд рублей, что обеспечило работой более 2,3 тыс. человек [11].

Такие корпорации, как «Газпром», «Роснефть», «Юралс Энерджи» и «Новатэк» разрабатывают залежи в Баренцевом и Карском морях.

Перспективным энергетическим проектом является деятельность на месторождении «Приразломное». Также создается мощность по добыче природного газа и его сжижению «Ямал СПГ» на основе ресурсов Южно-Тамбейского месторождения. Рядом с берегами Певека (который является самым северным городом нашей страны) запустили первую на планете гражданскую плавучую АЭС «Академик Ломоносов», которая компенсирует мощности закрываемой Билибинской АЭС (станцию закрывают в связи с ее нерентабельностью).

Огромное значение Москва придает Северному морскому пути (СМП). Навигация по нему становится проще из-за глобального потепления и оттаивания льдов. В обозримом будущем станет возможна, и круглогодичная навигация по этой транспортной артерии. По итогам 2022 года объем перевозок составил 34,1 млн тонн. В январе-октябре 2023 года по СМП всего перевезено 31,4 млн тонн грузов, на 6% больше, чем за тот же период прошлого года. Выступая на Двенадцатом Международном форуме «Арктика настоящее и будущее, Владимир Панов, заместитель председателя госкомиссии по развитию Арктики, отметил, что к 2030 году планируется увеличить объем перевозок до 150 млн тонн за счет строительства новых ледоколов. На данный момент Россия располагает 7 действующими атомными ледоколами: «Ямал», «50 лет Победы», «Таймыр», «Вайгач», «Арктика», «Сибирь», «Урал», и одним атомным контейнеровозом «Севморпуть».

Развитие Северного морского пути рассматривается выгодным, так как он может облегчить логистику для поставок товаров между Европой и Азией. Протяженность здесь меньше, отсутствуют «пробки», которые характерны для Суэцкого канала, а также нет угрозы пиратства.

Помимо этого, Россия стремится усилить военную группировку в Арктике, так как регион имеет стратегическое значение.

США в последнее время взяли курс на милитаризацию региона и разрыв отношений с Россией. Для этого американцы стараются усилить свою группировку в регионе, а также задействовать потенциал союзников по НАТО. Одобрение заявок Финляндии и Швеции на вступление в Североатлантический альянс является логическим продолжением этой недружественной к России политики. Например, советник Госдепа по внешней политике Дерек Шолле заявил, что 70% всех проблем в Арктике возможно решить без участия РФ. Но есть и другие мнения. Директор российского отдела в совете нацбезопасности США Крис Кофрон считает, что Россия и США должны сотрудничать в регионе, сравнив Крайний Север с космосом.

Арктический сектор **Канады** по размерам меньше только российского. Эту страну интересует, в основном, перспектива добычи ресурсов, которые могут обеспечивать государство на протяжении столетий. Однако, так как Оттаве не хватает технологий для безопасного бурения, одна треть

разведанных залежей не эксплуатируется. Месторождения, которые разрабатываются компаниями Imperial, ExxonMobil, Shell Canada и ConocoPhillips, расположены в районе северо-западного побережья примерно в 200-250 км от Аляски. На Арктическом архипелаге углеводороды на данный момент не извлекаются. Кроме того, существуют также другие полезные ископаемые, в том числе металлы и уран.

Значимой проблемой для Канады является ее суверенитет над арктическим архипелагом. США считают, что этот архипелаг соединяет два открытых океана, поэтому он соответствует правовым требованиям международного пролива, и иностранные суда имеют полное право проходить через него в любое время. Оттава настаивает, что эта территория является внутренними водами (если использовать секторальный подход), и суда должны подпадать под юрисдикцию Канады и запрашивать проход. Однако, канадское правительство крайне непоследовательно и несколько раз меняло свою официальную позицию.

Также к проблемам относятся маленькая численность населения Севера (всего 100 тыс. человек на 40% сухопутной территории страны) и недостаточно развитая инфраструктура.

Государство старается развивать свои северные территории через реализацию разных программ. В 2007 году приняли стратегию «Северное видение: сильный север и лучшая Канада», в 2009 – «Наш север, наше наследие, наше будущее», в 2014 – «Северное видение: строительство лучшего севера». Общий смысл состоит в защите суверенитета и экологии, а также в улучшении социально-экономического положения и поддержке самоуправления северных районов.

У **Норвегии** накоплен большой управленческий, технологический и финансовый потенциал, который требуется, чтобы разрабатывать глубокие залежи в зоне Крайнего Севера, но резервы Северного моря исчерпываются. Страна сочетает в своей деятельности научно-технический, экологический и инновационный элементы.

В 2006 году правительство приняло Стратегию на Крайнем Севере, задачами которой являются: усилить суверенитет в исключительной экономической зоне, способствовать развитию науки, защищать окружающий мир, разрабатывать углеводородные запасы в Баренцевом море и сохранять образ жизни коренного населения.

В 2009 году власти подготовили новую программу под названием «Новые обоснования арктической политики. Следующий этап политики правительства на Крайнем Севере». Доклад содержит несколько принципов: изучение климата и природной среды, наблюдение за морскими пространствами, чтобы ликвидировать чрезвычайные ситуации и обеспечивать судоходство, строительство инфраструктуры, стимулирование предпринимательской

деятельности (включая нефтедобычу), защита суверенных прав, культуры и традиционного уклада коренного народа и т.д.

У Норвегии нет никаких территориальных претензий в арктическом регионе. Государство не отказывалось от секторального принципа, но и не подавало заявки на признание суверенитета над недрами в этой области. Это объясняется боязнью утратить свои права на ресурсы из-за положений Парижского соглашения 1920 года.

Дания старается удержать свой суверенитет над Гренландией вместе со статусом арктического государства и имеет претензии на хребет Ломоносова. Национальная нефтяная компания Гренландии НУНОЙЛ опубликовала предварительные данные в 2001 году, согласно которым можно найти обильные нефтяные залежи к северо-востоку от острова, но с 2010 года не получилось найти ни одного месторождения. Кроме этого, страна озабочена проблемами защиты окружающего мира.

Исландия является членом Арктического совета и позиционирует себя в качестве арктического государства. Ее северный континентальный шельф содержит богатые запасы углеводородов. Страна активно сотрудничает с китайскими корпорациями, которые осуществляют разведку и разработку месторождений. Исландия надеется укреплять партнерство с Китаем, так как хочет получить доступ к восточноазиатскому нефтегазовому рынку и рынку рыбного промысла. Рыболовство приносит значительную прибыль ее экономике, поэтому страна заинтересована в защите природного мира.

У **Финляндии** отсутствуют территориальные претензии в арктическом регионе, однако страна отличается большой инициативностью. Финны способствовали претворению в жизнь стратегии Северного измерения политики ЕС. Страна участвовала в создании Совета Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), а также была одним из учредителей Арктического совета (о котором упоминалось ранее). В 2010 году была опубликована Арктическая стратегия, которая способствовала решению проблем в экологической сфере, а также в области безопасности, науки и экономического развития.

По отношению к Российской Федерации Хельсинки занимает недружественную позицию и поддерживает введенные против нее санкции. Более того, в 2022 году Финляндия отказалась от своего нейтрального статуса и подала заявку на вступление в НАТО (4 апреля 2023 года страна официально стала 31 членом НАТО), что еще более осложнило отношение с Москвой. Появление военных сил враждебно настроенных по отношению к России стран не способствует конструктивному диалогу, а лишь ведет к невыгодной и опасной милитаризации региона.

У **Швеции** нет непосредственного выхода в арктические воды и развитых технологий шельфового бурения. Вступление страны в НАТО, по мнению шведского правительства, укрепит ее позиции в арктическом регионе (По состоянию на 29 ноября 2023 года, все страны НАТО, кроме Турции

и Венгрии, ратифицировали вступление Швеции в НАТО.) Однако, данное решение, как и в случае с Финляндией, несет в себе риски превращения Арктики в зону нестабильности и конфронтации.

Китайская Народная Республика (КНР) не имеет прямого выхода к Арктике, но проявляет огромный интерес к этому региону. Пекин старается обеспечить здесь свое присутствие при помощи реализации различных инициатив. В 1999 году страна провела в Арктике научную экспедицию, а также организовала научную станцию на Шпицбергене в 2004 году. Китайское правительство вкладывает средства в развитие проектов в Гренландии и Исландии, а также строит несколько атомных ледоколов.

Китай придумал для себя термин «приарктическое государство» и выдвинул идею «Полярного шелкового пути» на базе Северного морского пути.

Что касается Российской Федерации, то наша страна не была сильно заинтересована в сотрудничестве с китайцами в Арктике до ухудшения отношений с Западом и последовавших за этим санкций в 2014 году. Но, на данный момент КНР активно инвестирует в энергетический бизнес в данном регионе (например, это государство выкупило 20% долю акций завода по производству сжиженного природного газа на Ямале), но не стремится реализовывать инфраструктурные проекты развития нашего СМП [2].

Таким образом, Арктика представляет собой очень интересный регион, богатый различными полезными ископаемыми, энергетическими резервами и запасами пресной воды. Поэтому в обозримом будущем ожидается жесткая конкуренция между разными странами за доступ к ресурсам, и нашей стране необходимо усиливать свою деятельность по обеспечению национальных интересов, в том числе и за счет усиления военного присутствия в регионе. Необходимо своевременно реагировать на вызовы и угрозы, исходящие от недружественных стран, и укреплять суверенитет над российской частью Арктики. Разработка месторождений представляется выгодным проектом, так как себестоимость добычи ресурсов в регионе постепенно снижается за счет развития и внедрения новых технологий. Развитие Северного морского пути, проход по которому становится возможным круглый год, может принести значительные дивиденды в наш бюджет. Поэтому Российская Федерация прилагает все усилия для защиты региона и его рационального использования, и нашей стране следует продолжать свою политику по отношению к Арктике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ашик И.М., Балясников С.Б., Соколов В.Т. Крупнейшее событие в исследованиях высокоширотной Арктики – экспедиция «Арктика-2007» // Морская биржа. 2007. № 4 (22).

2. Бойко А.А. Международная энергетическая безопасность. М.: МАКС Пресс, 2020.

3. Комиссия ООН одобрила заявку России на морское дно Северного Ледовитого океана // <https://ru.arctic.ru/geographics/20230220/1015439.html?ysclid=lpqrimp18e139541536>.

4. Концепция внешней политики Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229), пункт 50.

5. Международно-правовой статус Шпицбергена – Международное право (библиотека) // <https://isfic.info/mpb/damid36.htm>.

6. Минеральное богатство Арктики – GoArctic.ru – Портал о развитии Арктики // <https://goarctic.ru/news/mineralnoe-bogatstvo-arktiki/>.

7. Минеральные ресурсы и будущее Арктики // <https://mining-media.ru/ru/article/newtech/15541-mineralnye-resursy-i-budushchee-arktiki>.

8. Нефть. Газ. Арктика. Каковы перспективы добычи углеводородов за полярным кругом? // <https://nprom.online/trends/nyeft-gaz-arkteeka-kakovi-ryerspyekteevi-dobichee-uglyevodorodov-za-polyarnim-krugom/?ysclid=lpqbf6bcgt129690471>.

9. Перспективы развития крупных инвестиционных проектов в российской Арктике в условиях санкций // https://zavtra.ru/books/perspektivi_razvitiya_krupnih_investitcionnih_proektov_v_rossijskoj_arktike_v_usloviyah_sankcij?ysclid=lpkbb14gqu90136190.

10. Понятия «Арктика» и «арктические государства» // Lib.Sale // <https://lib.sale/mejdunarodnoe-pravo-besplatno/ponyatiya-arktiki-arkticheskie-30934.html>.

11. Arctic Russia – Первая сотня // <https://arctic-russia.ru/project/pervaya-sotnya/?ysclid=lpk9kmixa432429609>.

A.A. SVIRIDOV

*Graduate student of the Faculty of Global Processes
Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

ARCTIC VECTOR OF RUSSIAN POLICY

The article is devoted to the implementation of the policy of the Russian Federation in the Arctic region. The term «Arctic state», sectoral and conventional principles of delimitation of borders are disclosed. The activities of the Arctic Council and international cooperation within the framework of the organization are being studied. Of interest is the special status of the Spitsbergen archipelago: the history of the issue and the current state of affairs. Great attention is paid to the main provisions of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea – such concepts as: internal and historical waters, territorial sea, exclusive economic zone, continental shelf. The actions of Russia to ensure its national interests in the region, including applications to the United Nations to confirm its sovereignty over the Lomonosov Ridge, are considered. The Concept of Russian Foreign Policy 2023 is studied, as well as activities on the development of infrastructure projects in the Arctic (especially the Northern Sea Route), development of mineral deposits. The objectives and contradictions of different countries in the region are analysed.

Key words: *Arctic state, sectoral and conventional principles, Spitsbergen archipelago, Arctic Council, national interests, Northern Sea Route, minerals.*

А.А. СУЧКОВА

*кандидат исторических наук, доцент
кафедры иностранных языков Новосибирского государственного
университета экономики и управления,
Россия, г. Новосибирск*

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ И НОВОЙ ЗЕЛАНДИЕЙ

Данная статья посвящена анализу двух основных этапов развития корейско-новозеландских отношений: 50-80-е годы XX в. и 90-е гг. XX – начало XXI вв. Первый период взаимоотношений, был охарактеризован последовательными инициативами обеих сторон в политической и торгово-экономической сферах, которые стали основой для перспективного сотрудничества как на двусторонней, так и многосторонней основах, несмотря на беспокойную ситуацию в мире и на полуострове, в частности. Вторым периодом, когда мир перестраивался с биполярной системы международных отношений на многополярную, обозначен не только интенсификацией взаимодействия между государствами в сфере политики и экономики, но и активизацией контактов в гуманитарной сфере. Двустороннее сотрудничество в конце XX – начале XXI вв. значительно обогатилось взаимодействием между Республикой Кореей и Новой Зеландией в области культуры, образования, науки, что позволяет говорить о формировании полномасштабных межгосударственных отношений на современном этапе.

Ключевые слова: *АТР, двусторонние отношения, Республика Корея, Новая Зеландия, этапы сотрудничества, политическое сотрудничество, торгово-экономическое сотрудничество, гуманитарное сотрудничество.*

A.A. SUCHKOVA

*Associate Professor of the Department
of Foreign Languages, candidate of Sciences in History
Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia*

STAGES OF BILATERAL RELATIONS BETWEEN THE REPUBLIC OF KOREA AND NEW ZEALAND

The development of the Korea-New Zealand relations can be divided into two stages: the 1950s – 1980s and the 1990s – the early 21st century. The first period of the bilateral relations was characterized by successive steps from both sides in the political and economic spheres, that became the basis for promising cooperation both within the bilateral and multilateral framework. The second stage, when the world's bipolar system was transforming into multipolar one, is marked not only by intensification of interaction between states in the political and economic areas, but also by active development of humanitarian contacts. Bilateral cooperation in the late 20th century – early 21st century is being enriched by collaboration between Republic of Korea and New Zealand in the sphere of culture, education and science which means establishment of full-scale interstate relations at the present stage.

Key words: *the Asia-Pacific Region, bilateral relations, Republic of Korea, New Zealand, cooperation stages, trade and economic cooperation, political cooperation, humanitarian cooperation.*

The history of bilateral relations between New Zealand and the Republic of Korea goes back more than half a century. Interstate cooperation was marked by the intensity and stability of contacts in various areas, despite the tense situation in the region and on the Korean peninsula in particular.

The development of relations between these two states can be divided into two stages, closely related to changes in the international arena. The first period – 1950-1980s of the XX century – dates back to the time of the global military-political confrontation, called the “Cold War”, when the content of international relations depended largely on the two superpowers; the second period – the 1990s of the twentieth and the beginning of the twenty-first centuries – is a time of transformation of international relations: the transition from a bipolar system to a new world order, that causes numerous disputes.

Political, trade and economic relations between New Zealand and the Republic of Korea were actively developing during the 1950-1980s of the 20th century, in the context of a difficult situation in the world and in the Asia-Pacific region. Of course, being dependent on the international and domestic political situation, these states, having overcome a number of difficulties, managed to build and develop their political relations in the following areas: high-level visits, exchanges through specific ministries, the Parliament of New Zealand and the National Assembly of the Republic of Korea, the practice of holding special consultations at different levels and through the Ministries of Foreign Affairs annually. It is important to say, that in political interstate relations the emphasis was placed on the development of common foreign policy orientation. Special attention was paid to the situation in North Korea, its domestic and foreign policy. In addition, the possibility of reunification of the two parts of the peninsula was regularly discussed, which, according to many researchers, could destroy the hotbed of war. In this way, it would be possible to guarantee a comparatively stable situation in the Asia-Pacific region.

The period of the 1970s and 1980s was marked by the intensification of trade and economic relations, the legal basis of which were such documents as the Fisheries Agreement between the Government of New Zealand and the Government of the Republic of Korea (1978), the agreements on the supply of New Zealand fruits and vegetables to South Korea (1989) etc. For South Korea, New Zealand was primarily a supplier of high-quality agricultural products (fruits, meat and dairy products), fisheries and forestry products. New Zealand has become an importer of rolling stock, ships, iron, steel, and electronic products for the Republic of Korea. It must be recognized that by the end of the 1980s, the importance of partnerships for both countries had increased, and effective cooperation in the GATT and then the WTO played an important role in their interaction.

Since 1978, a bilateral Business Council has been operating on the basis of an agreement between both states, where the state of business relations between the countries was discussed annually.

The first stage of Korean-New Zealand relations was marked by the extended range of ties and their stabilization. The rapprochement process between these states has consistently moved towards creating and maintaining favorable conditions for the development of bilateral trade, economic and political relations. The interests of both sides were undoubtedly mutual, which considerably facilitated this process. Both South Korea and New Zealand have found profitable export markets in each other, reliable partners for cooperation in the field of construction, engineering, etc. Moreover, there was no ideological or political barrier between the states. Obviously, the democratic development way chosen by the Republic of Korea has brought it to the international relations

arena as a promising partner for many countries and as a serious competitor in the economic sphere.

The second stage of the Korean-New Zealand relations development – the 1990s of the 20th – the beginning of the 21st centuries. This is the period of transition from a bipolar system to a multipolar one, the time of the common economic spaces formation, the time of rapid migration processes, the time of intensification of international cooperation in the field of security and environmental protection, the time of a single global information space formation. The rigid global power structure has grown into an open, flexible and more complex one, where interactions between different nations take place.

Political contacts between New Zealand and South Korea, based on mutual trust and understanding of the prospects for bilateral cooperation, during this period are characterized by the intensification of bilateral and multilateral cooperation. Since the 1990s of the 20th century the number of contacts at both the ministerial and parliamentary, as well as at the highest levels, has been increasing and meetings of heads of State and their Governments have become regular. During those visits, as a rule, the problems of regulating trade and economic ties, problems of cooperation in the fields of science, education and tourism, and the problem of security on the peninsula and in the region as a whole were discussed. One of the main achievements of these initiatives, of course, was the signing of the Free Trade Agreement in March 2015, which was designed to strengthen mutual trust and expand cooperation between the two states.

At the present stage, South Korea and New Zealand actively support cooperation in the work of the Korean Peninsula Energy Development Organization (KEDO), created jointly by South Korea, the United States, and Japan in 1997. The declared goal of this organization was to prevent the development and proliferation of nuclear weapons.

In addition, both sides actively cooperate in international and regional organizations such as the UN General Assembly, ASEAN, South Pacific Forum and many others on issues related to the fight for the non-proliferation of nuclear weapons and the prohibition of nuclear tests, the creation of a nuclear-weapon-free zone in the South Pacific, and environmental protection.

The second stage is a new, dynamic and promising period for trade and economic relations between New Zealand and South Korea. The 1990s of the 20th century and the beginning of the 21st century is the time after the end of the Cold War, when the majority of the states of the world community determined the democratic world order, based on mutual respect for the interests of its members and the absence of hegemony in international relations.

By the beginning of the 21st century, the system of international relations had changed significantly. Common economic spaces, including dozens of states, have developed. Cooperation in ensuring international stability and security, solving environmental problems and many others has become a condition

for the continued existence of mankind. The development of the radio and telecommunications system and the Internet has led to the emergence of a single, global information space. The Asia-Pacific region has become the largest center of international trade, financial resources and modern production.

Such a situation in the region undoubtedly favors the stable development of bilateral relations between New Zealand and South Korea, which, in turn, are actively transforming both domestic and foreign policy, that strengthens their positions in the international arena.

Analyzing the data on trade and economic cooperation between the two states during the 1990s – the beginning of the first two decades of the 21st century, it is necessary to note a significant growth of bilateral trade: in 1997 it was about \$1 billion [5], and in 2018, due to the liberalization of export markets, it reached \$4.7 billion [2]. A powerful impetus for the growth of trade turnover was, of course, the signing in 2015 of a Free Trade Agreement between New Zealand and the Republic of Korea, the purpose of which is to set up the governments of the states to be “open” to the outside world, to assist the development of foreign trade and, in general, to be “friendly” to Asia-The Pacific region [1. P. 19].

The modern period of bilateral relations has been significantly enriched by the growth of mutual interest in the field of culture, education, and science. The states support development of interuniversity relations, which open up new opportunities for the exchange of pedagogical and research experience. The prestigious universities of the two countries have established strong academic ties with each other. For several years in a row, there has been a steady increase in the number of Korean students at New Zealand universities, that attract attention with their relatively inexpensive but high-quality educational programs.

Unfortunately, the interest of New Zealanders in this area is still significantly lower than the interest of Koreans in Aotearoa “The Land of the Long White Cloud”. There are, of course, those who study the Korean language and Korean culture, but often the reason for this is a passion for modern music (K-pop) and the Korean cinematography. Nevertheless, the Korean Government is taking steps to create a comfortable environment to attract more New Zealand students and teachers.

Special attention is given to bilateral contacts in such areas as ecology, biotechnology, nanotechnology, renewable energy sources, etc. In 2004, a New Zealand delegation of scientists and officials headed by Pete Johnson arrived in Korea. The purpose of this visit was to create a solid base for cooperation between Korea Science and Engineering Foundation (KOSEF) and the New Zealand’s Foundation for Research, Science and Technology (FRST). Six months after this event, the first stage of negotiations between these two funds began, which ended with the signing of an agreement in September 2005. The Agreement became the basis for further regular exchange of visits by scientific delegations of the two countries.

Summarizing the above, it can be argued that the accumulated experience of Korean-New Zealand interstate contacts is a reliable basis for further promising development of cooperation in all areas. This is certainly important not only for the development of bilateral mutual interest. At the present stage, New Zealand and the Republic of Korea have intensified their participation in the integration processes in the Asia-Pacific region, which has become a strategic direction of their foreign economic policy, which allows us to talk about the strength of the positions of both states in the Asia-Pacific region.

REFERENCES:

1. *Farell R.* New Zealand's Trade Policy Strategy: "A multi-track approach" Roger Farell. MFATR. 1994. No 10. Apr. Vol. 2.

2. New Zealand Foreign Affairs and Trade/ Republic of Korea (South) // <https://www.mfat.govt.nz/en/countries-and-regions/asia/republic-of-korea-south/>.

3. *Olejnikov I.V., Puzynja N.N., Suchkova A.A.* Novaja Zelandija i strany Vostochnoj Azii: vzaimootnoshenija v sfere politiki, jekonomiki i kul'tury: monografija [New Zealand and states of East Asia& relations in sphere of politics, economy and culture]. Nauch. red. V.P. Otrazhevskij, Irkutsk, Izd-vo IGU, 2014. (In Russian).

4. *Suchkova A.A.* Novaja Zelandija i Respublika Koreja v regional'noj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij. Diss. kand. ist. nauk, [New Zealand and the Republic of Korea in the regional system of international relations. PhD thesis (History)] IGU, Irkutsk, 2006. (In Russian).

5. 주오클래드드 대한민국 분관. 한-뉴 관계. 오클래드드 소식. 교육 규모 // http://overseas.mofa.go.kr/nz-auckland-ko/brd/m_2680/view.do? seq=1108512&srchFr=&srchTo=&srch Word=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=18P.

СЮЙ МЭНЧЖУ

аспирант кафедры глобалистики

МГУ имени М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

Научный руководитель:

О.А. АЛЕКСЕЕНКО

доктор политических наук, доцент

кафедры глобалистики МГУ имени М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

МЯГКАЯ СИЛА КИТАЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С РОССИЕЙ

Статья посвящена формированию идеологических основ мирового порядка, на которых намерено строиться лидерство современного Китая. Опираясь на партийные и государственные документы, выступления государственных деятелей Китайской Народной Республики, в частности Си Цзиньпина, в статье анализируется ряд теоретических новшеств, «китайских решений», которые Пекин предлагает мировому сообществу для решения накопившихся проблем. Среди них – концепция «общности единой судьбы человечества», инициатива «глобального развития», «глобальной безопасности», разрешение украинского конфликта и т.д. Этими предложениями Пекин, с одной стороны, подтверждает статус Китая как ответственной мировой державы, выступающей за мир, заботится о судьбе всего человечества, с другой стороны – закладывает теоретические основы нового «справедливого мирового порядка», который должен прийти на смену нынешнему господству Запада. Китайское руководство рассматривает это господство, основанное на политике давления, неравенства и односторонней выгоды, как противоречащее традиционным ценностям поднебесной, потребностям ее современного развития, а также интересам значительной части человечества, активным представителем и представителем которого сегодня является Китай.

Ключевые слова: *международные отношения, российско-китайское сотрудничество, глобальные инициативы, внешнеполитический курс России, развитие России и Китая.*

Введение. В последние годы много писали и говорили об экономическом наступлении Китая. Но очень мало об идеологическом. Тем временем он в самом разгаре. Война идеологий, которая после замораживания «холодной войны» стала, как многим казалось, анахронизмом, сегодня развернулась с небывалым размахом. С конца первого десятилетия XXI века Китай начал генерировать и представлять мировому сообществу свои собственные идеи и предложения в области миропорядка, а с середины второго – впервые со времен «Культурной революции» – активно и разнообразно, были продвижения на различных международных платформах.

Многие скептически относятся к этим китайским идеям и концепциям, ссылаясь на их аморфность, декларативность, расплывчатость и идеализм. Однако с таким же скептицизмом можно воспринимать назидания и постулаты Конфуция, Мэнцзы, Чжуанцзы и других китайских философов, которые, однако, не только на века стали опорой китайского общества, но и оказали огромное влияние на развитие всего человечества культурный и цивилизационный ареал Восточной Азии. Я далек от того, чтобы ставить в один ряд идеи современных китайских лидеров и его далеких предшественников, хотя первые, безусловно, вытекают из опыта последних.

Просто нужно иметь в виду, что Китай неоднократно демонстрировал в своей истории такую мощь «мягкой силы», такую силу культурного, политического и экономического влияния на важную для него периферию, что сегодня, в период радикальных преобразований в мире, это будет очень важно. Недальновидно недооценивать эту силу и, тем более, что, следуя древним традициям, внешняя политика Китайской Народной Республики становится все более символичной, основанной на наборе образов/символов, которые систематически создают, предлагают и продвигают в мировом политическом пространстве теория внешней политики, политическое руководство и дипломатия Китайской Народной Республики. Ключевыми словами/символами в их лексиконе являются слова «мир», «развитие», «открытость», «справедливость», «сотрудничество».

Следует подчеркнуть, что в работах российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 13; 14; 15; 16; 17; 18].

Однако проблемы развития российско-китайского сотрудничества и глобальных инициатив Китая в международном сотрудничестве нельзя назвать однозначно исчерпанными. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Основная часть. Инициатива, предложенная в сентябре 2020 года на международном симпозиуме «интеллектуальная собственность

использовать цифровые возможности и стремиться к общему развитию», – сказал министр иностранных дел Китая Ван, и предложения китайского правительства мировому сообществу были вполне официальными. Достижение глобальной цифровой безопасности приравнивается к построению «мирного, безопасного, открытого, кооперативного и упорядоченного сообщества общей судьбы в киберпространстве». Инициатива завершилась призывом ко всем странам поддержать и подтвердить обязательства, взятые в документе в договорах двусторонним или региональным, а также международному сообществу для заключения международных соглашений по этому вопросу.

Развитие – это ключ к решению всех проблем; безопасность – необходимое условие развития; развитие Китая открывает новые возможности для всего мира – эта формула является основой внутренних концепций развития страны, а также для внешнеполитических концепций современного китайского руководства. Неудивительно, что она нашла свое воплощение в конкретных инициативах, которые она предлагает международному сообществу и которые вызвали бурную реакцию, особенно в развивающихся странах.

21 сентября 2021 года во время общих дебатов на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций Си Цзиньпин призвал международное сообщество «работать вместе для управления глобальным развитием» и предложил шесть принципов, известных как «инициатива глобального развития».

- рассматривать развитие как главный приоритет;
- ставить интересы, благополучие и безопасность всех людей на земле в центр этого развития;
- полагаться на инновации для создания открытой, справедливой, равноправной и недискриминационной среды для развития науки и техники;
- стремиться к гармонии между человеком и природой;
- сосредоточить внимание на результатах, особенно в таких областях, как борьба с бедностью, продовольственная безопасность, борьба с COVID-19, финансирование развития, изменение климата и экологичное развитие, индустриализация, цифровая экономика и взаимосвязанность.

Эти предложения были представлены не как абстрактная идея, а как конкретные шаги по достижению «повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года». Таким образом, инициатива Си Цзиньпина размещена на веб-сайте ООН 24 июня 2022 года, председательствуя на диалоге высокого уровня по глобальному развитию, организованном с помощью видеоконференции в кулуарах XIV саммита БРИКС в Пекине, Си Цзиньпин подтвердил приверженность Китая.

Глобальная инициатива в области развития определила восемь областей, в которых Пекин намерен активно сотрудничать с другими странами

(сокращение масштабов нищеты, продовольственная безопасность, реагирование на пандемии и вакцины, финансирование развития, изменение климата и экологичное развитие, индустриализация, Цифровая экономика и возможности подключения в эпоху цифровых технологий). Приложение было создано! Существует 32 конкретных вида деятельности (программы, проекты, конференции, фонды, инициативы, соглашения), которые китайские лидеры намерены реализовать «в сотрудничестве с партнерами для поддержки глобального развития».

В начале 2022 года Пекин удвоил усилия по усилению роли Китая в вопросах глобальной безопасности. Идея «новой архитектуры безопасности в Азии», впервые озвученная 27 сентября 2010 г. на российско-китайском саммите в Пекине, и получившая дальнейшее развитие в мае 2014 г. на четвертом саммите Сопровождающего по взаимодействию и мерам укрепления доверия в Азии (СВМДА), витала в воздухе. СМИ, западные эксперты отметили, что инициативы Си Цзиньпина в области безопасности в то время можно было бы резюмировать двумя словами: диалог и развитие, чего явно было недостаточно для получения поддержки в мире и даже в регионе. Однако в последние годы, как показывают текущие инициативы, Китай добился значительного прогресса в этой области.

В январе 2022 года Пекин предложил свою «концепцию мирного развития на Африканском Роге», одной из горячих точек Африканского континента. По словам Ван И, его цель – «избавить страны региона от вмешательства великих держав и взять их судьбу в свои руки».

8 марта 2022 года в видеоподобном интервью с президентом Франции Эммануэлем Макроном и канцлером Германии Отто Шольцем Си Цзиньпин выразил обеспокоенность возобновлением войны в Европе и предложил формулу разрешения конфликта вокруг Украины. По его мнению, для прекращения войны «необходимо уважать суверенитет и территориальную целостность всех стран, уважать цели и принципы Устава Организации Объединенных Наций, учитывать законные интересы безопасности всех стран и поддерживать все усилия, способствующие мирному урегулированию конфликта. Очень скоро эти предложения китайского лидера были оформлены в традиционном китайском стиле в схему «четыре обязательных» которая впоследствии неоднократно повторялась самим китайским лидером, ее регулярно транслировали китайские дипломаты, политики и ученые.

В ходе беседы Си Цзиньпин также призвал своих собеседников «активно выступать за общую, всеобъемлющую, основанную на сотрудничестве и устойчивую концепцию безопасности». Полтора месяца спустя эти предложения были преобразованы в Китайскую инициативу по обеспечению глобальной безопасности, представленную Си Цзиньпином 21 апреля 2022 года на азиатском форуме в Боаосе. Таков был план Китая по решению

проблем международной безопасности и достижению долгосрочного мира и стабильности во всем мире.

Инициатива глобальной безопасности (ИГБ) базируется на «шести устоях».

- Приверженность общей, всеобъемлющей, совместной и устойчивой безопасности.
- Уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран.
- Приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций.
- Учитывать законные интересы безопасности всех стран.
- Мирное разрешение споров и разногласий между странами посредством диалога и консультаций.
- Общее планирование и управление безопасностью в традиционных и нетрадиционных областях.

Лето 2022 года – это еще одна инициатива Пекина, связанная с кризисом вокруг Украины и демонстрирующая статус Китая как ответственной мировой державы: инициатива по международному сотрудничеству в области продовольственной безопасности. Она была представлена от имени Китая Ван И на встрече министров иностранных дел G20 8 июля.

В конце февраля 2023 года Пекин предпринял ряд впечатляющих шагов, чтобы придать инициативе конкретное содержание. 21 февраля Министерство иностранных дел Китая опубликовало концептуальное видение ИГБ. В документе говорится, что глобальная инициатива в области безопасности «направлена на устранение коренных причин международных конфликтов, совершенствование управления глобальной безопасностью, поощрение согласованных международных усилий по обеспечению большей стабильности и большей определенности в нестабильную и меняющуюся эпоху и на содействие миру и устойчивого развития во всем мире». Все эти цели полностью соответствуют и развивают основополагающие принципы международных отношений, которые китайское руководство решительно продвигает и защищает: нерушимость национального суверенитета и территориальной целостности государств, невмешательство во внутренние дела других стран, соблюдение международного права и соблюдение международных норм.

23 февраля министр иностранных дел Китая Цинь Ган выступил с речью на открытии международной конференции под названием «Глобальная инициатива в области безопасности: китайское предложение по решению проблем безопасности». Перечисляя 20 основных областей международного сотрудничества в области безопасности, Цинь Ган сказал, что концепция ИГБ «предлагает идеи и принципы, разъясняет механизмы сотрудничества, подчеркивает ответственность и твердую решимость Китая защищать мир во всем мире».

А 24 февраля 2023 года, в годовщину начала Россией спецоперации на Украине, он представил состоящие из 12 пунктов предложения по прекращению войны на Украине: уважение суверенитета всех стран; отказ от менталитета холодной войны; прекращение военных действий; возобновление мирных переговоров; урегулирование гуманитарного кризиса; защита гражданских лиц и военнопленных; безопасность атомных электростанций; снижение стратегических рисков; содействие экспорту зерна; прекращение односторонних санкций; поддержание стабильности промышленных цепочек и цепочек поставок; помощь в постконфликтное восстановление Украины.

Далеко не все свои операции на фронте идеологической борьбы с Западом Пекин сразу называет «инициативами». Некоторые из них представляют собой тихое завоевание плацдармов на вражеской территории. В частности, Пекин тщательно перехватывает знамя защитника универсальных ценностей Запада. На пресс-конференции по итогам XX съезда КПК Си Цзиньпин сформулировал содержание ценностей, которые сегодня отстаивает Китай. «Мы будем работать с народами всех стран, чтобы продвигать общие ценности мира, развития, справедливости, демократии и свободы для всего человечества, обеспечивать мир во всем мире и способствовать развитию во всем мире, а также продолжать вносить свой вклад в создание сообщества общей судьбы человечества», – сказал китайский лидер.

По состоянию на март 2023 года эти ценности полностью воплощены в новой «глобальной инициативе» Си Цзиньпина – «цивилизация», главной идеей которой китайский лидер назвал преодоление цивилизационных барьеров, равенство, развитие и диалог всех цивилизаций мира, сохранение и развитие, «инновационное развитие» их культурного наследия. В то же время «модернизация в китайском стиле» «объявляется новой формой человеческой цивилизации». При таком широком лобовом наступлении Китая неудивительно, что «полем битвы» становится территория, которую Запад, казалось бы, незыблемо оккупировал: демократия и права человека.

Китайское руководство не ограничивается упоминанием о существовании положений о «правах человека» и «демократических правах» в государственных и партийных документах, в частности в Конституции Китайской Народной Республики и уставе КПК. Он активно продвигает «китайский путь развития прав человека», который «соответствует веяниям времени и национальным условиям» Поднебесной, а с трибуны ООН приглашает другие страны и народы: 1) придерживаться путей развития прав человека, соответствующих реалиям каждой страны; 2) поощрять и защищать все права человека без исключения; 3) придерживаться принципов международной справедливости; 4) поддерживать диалог и сотрудничество.

Активную наступательную дипломатию, или, как ее часто называют сами китайские политики, «дипломатию борьбы», а западные

недоброжелатели – «дипломатию Волков-воинов», Пекин развернул во второй половине 2010-х. Идеологической борьбой с западными представлениями о мировом устройстве и продвижением китайских инициатив руководил лично Си Цзиньпин, используя, прежде всего, свое личное обаяние, авторитет, образованность, умение слушать и убеждать собеседников. По оценкам Китая, за последние десять лет Председатель Китайской Народной Республики совершил 42 официальные зарубежные поездки, посетил 69 стран на пяти континентах и принял более 100 глав государств и правительств. И почти на каждой встрече он затрагивал те или иные новшества в мировой политике, которые предлагает Китай.

В 2022 году, после почти трех лет затворничества из-за политики «нулевой терпимости» китайских лидеров перед лицом вспышки Covid-19, Си Цзиньпин возобновил личные контакты с мировыми лидерами. В течение года Председатель Китайской Народной Республики принял участие в более чем 10 международных конференциях, встретился с более чем 60 иностранными лидерами и руководителями международных организаций, а также провел телефонные и видеointервью почти с 30 иностранными лидерами.

Участие Си Цзиньпина в трех мероприятиях осени 2022 года, которые Ван И назвал «тремя великими путешествиями», свидетельствует о текущих приоритетах Пекина. Речь шла о совете глав государств Шанхайской организации сотрудничества в Самарканде (15-16 сентября); саммите лидеров G20 на Бали (15-16 ноября) и неформальной встрече лидеров АТЭС в Бангкоке (19 ноября); двух саммитов в Эр-Рияде: саммите G20 в Самарканде (15-16 сентября) и саммите G20 в Бангкоке (19 ноября). первый саммит «Китай-Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива» и саммит «Китай – арабский мир» (9 декабря). Практически на каждом из этих мероприятий Си Цзиньпин озвучивал те или иные идеи внешнеполитической повестки дня Китая, выражал эти идеи в двусторонних и многосторонних документах, которые он подписывал.

Развивающиеся страны стали основным объектом пекинских инициатив и политики. Китай «окажет всестороннюю помощь развивающимся странам и развивающимся странам в их независимом развитии», говорится в Белой книге по международному сотрудничеству, опубликованной в январе 2021 года. И именно в этом мире Пекин активно продвигает свои концепции и идеи и ищет поддержку и сторонников.

Помимо словесной риторики, Китай пытается сплотить сторонников своей глобальной повестки дня. Это делается в разных направлениях, на разных платформах, с разной интенсивностью и разными результатами. Консолидация китайских концепций и идей происходит в процессе развития двусторонних отношений на платформе международных организаций, в частности ООН, на межпартийном уровне, а также на уровне народной дипломатии, экономической помощи и гуманитарного сотрудничества.

Главное направление – межгосударственные отношения и отношения Китая с крупными регионами мира. Вскоре после провозглашения инициативы «Единая судьба человечества» Си Цзиньпин начал представлять ее как основу взаимодействия Китая со странами и целыми регионами мира. В марте 2013 года во время визита в Танзанию Председатель Китайской Народной Республики заявил, что «Китай и Африка всегда были сообществом судьбы», поскольку их связывает общая история, цели развития и общие стратегические интересы. Темой азиатского форума Боао 2015 года и речей Си Цзиньпина было «новое будущее Азии: на пути к сообществу с единой судьбой». На Хайнане Председатель Китайской Народной Республики изложил основные принципы, которых должны придерживаться члены этого сообщества: взаимное уважение и равное отношение ко всем странам; взаимовыгодное сотрудничество и общее развитие; общая, всеобъемлющая, основанная на сотрудничестве и устойчивая безопасность; инклюзивность, терпимость и обмен между цивилизациями.

К концу десятилетия двусторонние отношения Китая с развивающимися странами начали приобретать форму построения «сообществ единой судьбы». В апреле 2019 года, в частности, на втором форуме «Один пояс, один путь», был подписан «План действий по созданию сообщества единой судьбы между Китаем и Камбоджей». Посол Китая в Камбодже назвал его «программным документом, направляющим развитие всеобъемлющего китайско-камбоджийского стратегического партнерства».

В последние годы положения о «совместных усилиях по созданию сообщества единой судьбы человечества» были внесены в совместные заявления по итогам переговоров лидеров Китая с Тихоокеанскими островами, Кипром, Туркменистаном, Филиппинами и дважды – с Беларусью. Цель построения сообщества единой судьбы была изложена в текстах трех резолюций, представленных Комитету по разоружению и международной безопасности (первому комитету) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций и принятых этим Комитетом 1 и 3 ноября 2022 года.

Наряду с этим идея создания Китаем «сообществ одной судьбы» со странами и регионами обросла пылью. В разгар пандемии – в декабре 2021 года – формула создания «китайско-латиноамериканского сообщества единой судьбы» появляется в диалоге Китая со странами Латинской Америки.

Во второй половине 2022 года, с восстановлением дипломатической активности Китая, продвижение идеи «единой судьбы человечества» в отношениях Китая с развивающимся миром получило новый импульс. С мая по ноябрь «сообщество единой судьбы» в качестве трамплина к построению «сообщества единой судьбы человечества» Пекин договорился о создании (согласно хронологии подписанных документов) с Исламабадом, Астаной, Джакартой, Ташкентом, Гаваной Улан-Батором и Пномпенем. Цель построения «китайско-африканского общества единой судьбы»

изложена в документах форума по китайско-африканскому сотрудничеству и в результатах переговоров с Танзанией. Тот же курс, но на построение» китайско-арабского сообщества единой судьбы в новую эпоху, закреплен в «Эр-риядской декларации первого саммита Китая и арабских государств». В ноябре 2022 г. по итогам китайско-тайских и китайско-лаосских переговоров Си Цзиньпин подписал с премьер-министром Таиланда Праютом Чан-Оча и президентом Лаоса Тхонглун Сисулитом Совместные заявления, в названиях которых прямо говорится об их нацеленности на строительство «сообществ единой судьбы» с Таиландом и Лаосом.

Что стоит за созданием этих межрегиональных и двусторонних сообществ, Си Цзиньпин продемонстрировал в своем выступлении на церемонии открытия первого саммита Китай-арабские государства в декабре 2022 года. Председатель Китайской Народной Республики назвал восемь областей, которые должны стать «первым шагом на пути к построению единой экономики, китайско-арабское сообщество с общим будущим»: поддержка развития, продовольственная безопасность, здравоохранение, зеленые инновации, энергетическая безопасность, диалог между цивилизациями, развитие молодежи, безопасность и стабильность.

В то же время подобные ссылки на «сообщество одной судьбы» отсутствуют в совместном заявлении с Вьетнамом, хотя китайская сторона провела опрос своих партнеров на предмет поддержки этой инициативы.

Аналогичным образом Пекин нашел сторонников и для других инициатив. В декабре 2021 года положения, касающиеся поддержки африканскими странами инициативы Китая в области глобального развития, появились в дакарском китайско-африканском плане действий, в коммюнике по итогам саммитов и встреч на высшем уровне с СЕЛАК (сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна) в феврале 2022 года. с Аргентиной, Эквадором, Кыргызстаном, Монголией, Пакистаном и Папуа-Новой Гвинеей, а в марте с Алжиром.

В марте 2021 года Министерство иностранных дел Китая и Секретариат Лиги арабских государств выступили с инициативой о сотрудничестве в области цифровой безопасности, призвав все страны «вместе создать сообщество единой судьбы в киберпространстве».

Во второй половине 2021 года представительство Китая при Организации Объединенных Наций инициировало создание «Группы друзей инициативы глобального развития». Его первая встреча состоялась в Нью-Йорке 20 января 2022 года. По данным Министерства иностранных дел Китая, в мероприятии приняли участие более 100 государств, в том числе 80 постоянных представителей при ООН.

Второе заседание группы в режиме видеоконференции состоялось 9 мая. Министр иностранных дел Китая Ван И, выступая на нем, заявил, что более 100 стран выразили свою поддержку этой инициативе Китая и что 53

страны присоединились к «группе друзей». Он также пообещал в ближайшее время принять «ряд практических мер, направленных на содействие скорейшей реализации Глобальной инициативы в области развития», таких как: 1) активизация консультаций с развивающимися рынками и развивающимися странами; 2) увеличение инвестиций в развитие; 3) содействие созданию библиотеки проектов глобальной инициативы в области развития с участием всех заинтересованных сторон; и 4) своевременная публикация доклада о мировом развитии.

В третьем совещании, которое состоялось в Нью-Йорке 20 сентября 2022 года под председательством Ван И, приняли участие представители 60 стран, в том числе заместители премьер-министров четырех стран, и министры иностранных дел более 30 стран, а также около десятка крупных международных организаций. Заявление, с которым они выступили перед прессой, свидетельствует как о четкой ориентации группы на развивающиеся страны, так и о ведущей роли Китая.

После объявления Си Цзиньпином глобальной инициативы в области безопасности упоминание о ней появилось в международных документах, подписанных Пекином в рамках Глобальной инициативы в области развития. Летом 2022-го – в начале 2023 года поддержка обеих инициатив партнерами Китая в развивающемся мире была зафиксирована в двусторонних заявлениях Китая с пятью центральноазиатскими государствами: Беларусью, Камбоджей, Кубой, Пакистаном, Таиландом, Индонезией и Китаем, Танзанией, Филиппинами и арабскими государствами. И почти с обязательным упоминанием о том, что они были выдвинуты Китаем или Си Цзиньпином.

Не все инициативы и идеи, выдвинутые Пекином за последнее десятилетие, были встречены и поддержаны международным сообществом, и Китай чутко отреагировал на их международную оценку. В частности, идея «великого возрождения китайской нации, «хотя и воспринимается как» полезная для развития и процветания – не только для Китая, но и для его соседей и даже для всего мира» не навязывается этим соседям.

В «Эр-рядской декларации первого саммита Китая и арабских государств», в которой закреплена приверженность сторон построению «сообщества единой судьбы», предложена упрощенная формулировка «помощь в возрождении каждой нации».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бояркина А.В.* Осмысление «дипломатии великой державы с китайской спецификой»: общее и особенное // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3.

2. Ван Цзясюй. Научное содержание, основные характеристики и ценностные последствия нового пути модернизации в китайском стиле // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 7 (100).
3. Гао Юе. Китай: от региональной ШОС к мегапроекту «Один пояс – один путь» // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 7 (95).
4. Жарков А.А. «Имиджелогическая» парадигма в комплексе «мягкой силы» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 8 (101).
5. Лаврентьев А.С. Влияние крупных китайских компаний на развитие экономики РФ в период современной геополитической напряженности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 4 (50).
6. Лю Ци. Россия и Китай в эпоху глобализации: стратегическое партнерство в информационных войнах современности // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 6-2 (94-2).
7. Лян Вэйи. Развитие и возможности китайско-российского сотрудничества в области образования // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 7 (95).
8. Магадиев М.Ф. ШОС как инструмент внешнеполитической деятельности России и Китая: взаимные интересы и основные направления сотрудничества // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 5 (51).
9. Медведев Н.П., Слизовский Д.Е. К вопросу о теоретических аспектах и перспективах международных отношений (по материалам актуальных публикаций) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 3 (96).
10. Международное сотрудничество Китая и России в условиях трансформации глобальных политических процессов 2019-2022 гг. // <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-kitaya-i-rossii-v-usloviyah-transformatsii-globalnyh-politicheskikh-protsessov-2019-2022-gg>.
11. «О международных договорах Российской Федерации» // <http://www.kremlin.ru/acts/news/52979>.
12. Список российско-китайских отношений.
13. Сунь Шичао. Анализ фактического хода восточного поворота России: выбор между Россией, Китаем и противостояние с Западом // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 9 (102).
14. Тянь Шуци. Сотрудничество России и Китая в сфере реализации проекта «Один пояс, один путь» // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 6 (52).
15. Цзун Гуансин. Китай и Центральная Азия: новый формат сотрудничества // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 9 (102).

16. Чжан Чэньи. Китайская дипломатия в контексте решений 20 съезда КПК // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 1 (94).

17. Чжао Жуйци. Преображение китайско-российских отношений: теоретический анализ и перспективы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 5 (51).

18. Чу Чэнчэн. Сравнительный анализ гуманитарной политики России и Китая в сфере образования в Центральной Азии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 3 (96).

XU MENGZHU

*Postgraduate student, Department of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

SCIENTIFIC SUPERVISOR:

O.A. ALEKSEYENKO

*Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Department of Global Studies, Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia*

CHINA'S SOFT POWER: GLOBAL INITIATIVES AND INTERACTION WITH RUSSIA

The article is devoted to the formation of the ideological foundations of the world order that the leadership of modern China intends to build. Based on party and state documents, speeches by Chinese statesmen, especially Xi Jinping, the article analyzes a number of theoretical innovations, “Chinese solutions” that Beijing offers to the world community to regulate the accumulated problems. Among them are the concept of the “community of the common destiny of mankind”, the initiative of “global development”, “global security”, the resolution of the Ukrainian conflict, etc. With these proposals, Beijing, on the one hand, confirms China’s status as a global responsible power that cares about the fate of all mankind, on the other hand, lays the theoretical foundations of a new “just world order” that should replace the current dominance of the West. Chinese leaders view this dominance, based on a policy of forceful pressure, inequality, unilateral benefits, as contrary to the traditional values of the Celestial Empire, the needs of its modern development, as well as the interests of most of humanity, whose active representative and leader China claims to be today.

Key words: *international relations, Russian-Chinese cooperation, global initiatives, Russia’s foreign policy course, Development of Russia and China.*

А.А. ТУШКОВ

доктор исторических наук, доцент
Военной академии Ракетных войск стратегического
назначения им. Петра Великого, Россия, г. Москва

Л.А. АЛЯЕВА

кандидат исторических наук, доцент
Военной академии Ракетных войск стратегического
назначения им. Петра Великого, Россия, г. Москва

Ю.А. БУХАРОВА

кандидат исторических наук
Военной академии Ракетных войск стратегического
назначения им. Петра Великого, Россия, г. Москва

Д.О. ПУЧЕНКОВ

студент факультета социальных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
Россия, г. Москва

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ В МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Комплекс проблем, касающихся исследования русской цивилизации, ее формирования и развития остается по-прежнему актуальной темой, как среди отечественных, так и зарубежных ученых. Уникальность русской цивилизации ни у кого не вызывает сомнений. Но вместе с тем, поиск ответов на множество вопросов, имеющих отношения к ее развитию, остаются без ответов. Данная статья затрагивает некоторые методологические аспекты в исследовании данной темы. В частности, авторы данной статьи сделали попытку осветить некоторые подходы в исследованиях ряда авторов.

Ключевые слова: *российская цивилизация, кросс-темпоральные теории, формальный подход, Западная цивилизация, восточно-христианский мир.*

В первой четверти XXI века проблематика, касающаяся развития российской цивилизации, у отечественных ученых приобрела особую значимость. Рубеж, отделяющий Россию от последнего десятилетия ушедшего столетия, для ученых стал этапом осмысления особенностей ее цивилизационного развития. Но триггером для всплеска публикаций стало исследование С. Хантингтона [22. С. 603], (вводит термин «православная цивилизация»), которая была неоднозначно воспринята ученым сообществом. Надо признать, что данная проблематика в исследованиях ученых, как отечественных, так и зарубежных, не нова. Но работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» дала новый импульс в осмыслении предложенной им проблематики [22. С. 603].

Ключевым подходом С. Хантингтона стал *формальный подход*, выстраивающий дихотомию: «западная – незападные» цивилизации, что нас не может устроить при исследовании российского цивилизационного развития по определению. Используя апофатический метод, он выделяет характеристики, свойственные только западной локальной цивилизации, но при этом отсутствующие, по его мнению, в других цивилизациях, в том числе российской. Он считает, что в православной культуре практически отсутствуют западные демократические ценности, которые характеризуют западное общество. К таким ценностям С. Хантингтон причисляет индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, свободный рынок, отделение церкви от государства и др. При этом он утверждает, что Россия является «расколотой страной». По его мнению, для нее характерна ситуация, когда «их правительства, как правило, хотят «вскочить на подножку поезда» и примкнуть к Западу, но история, культура и традиции этих стран ничего общего с Западом не имеют» [22. С. 603].

С. Хантингтон пишет, что значительная часть ученых в своих исследованиях, характеризуя православную цивилизацию с центром в России, утверждают, что ее истоки лежат в византийских корнях, татарском иге и наличии безусловного бюрократического деспотизма. Кроме того, цивилизационное развитие России было ограничено полным отсутствием влияния на нее периода позднего средневековья. Это – эпоха Возрождения, период европейской Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место в западной политической культуре и социальной жизни [15. С. 110-112]. Примерно такое же толкование по истокам цивилизационного развития России высказывал ранее в своих работах Н. Данилевский [16. С. 179-329].

Сложившаяся точка зрения на цивилизационное развитие России убедительно диктует переосмысления значительного числа устоявшихся взглядов на истоки ее формирования. Так, А. Дж. Тойнби (1) доказывал, что основным

вызовом, определившим развитие русской цивилизации, является непрерывное внешнее давление [20. С. 369-381]. Поэтому попытки Западной цивилизации навязать другой свои представления вызывают насильственные протестные формы, что подтверждает сегодняшнее состояние международных отношений. В частности, острое противостояние Западной с двумя другими – Исламской и Русской локальной цивилизациями [5]. Надо сказать, что концепцию цивилизаций Тойнби подвергали серьезной критике Р. Коллингвуд, Л. Февр, П. Сорокин, К. Поппер, Е. Косминский, Н. Конрад, Л. Гумилев и другие.

Причина враждебности Запада к России и славянству, по мнению А.Д. Степанова, состоит в том, что Россия и родственные ей по духу и крови славянские и неславянские народы являют собой особый тип цивилизации, отличный от Запада, романо-германской цивилизации [17]. Идея славянофилов И.В. Киреевского и А.С. Хомякова о том, что Россию отличает от Запада иной типа духовной традиции и иные традиции государственности. Славянофилами было дано фундаментальное обоснование идеологеме «Православие – Самодержавие – Народность», сформулированной в 1832 году министром народного просвещения графом С.С. Уваровым, которую позднее развил Н.Я. Данилевский в своем основополагающем труде «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Романо-германскому» (1869) [2. С. 514]. Но у противостояния Запада с Россией есть не только цивилизационные причины. В данном случае работают еще и глубокие «генетические» различия. Как показывает исследование А.А. Клесова, найти их можно в том числе и в генотипе двух Метакультур. Это взаимодействие двух видов культур, отличающихся своими соседними галлогруппами. Исследование галлогрупп и связь их с цивилизационными и культурными различиями лишь только начались. Но уже сейчас абсолютно ясно, что они имеют глубокое влияние на противостояние Запада и России. Именно от нее в районе 20 000 лет назад возникли две близкие (но разные по ментальности) галлогруппы – R1a и R1b [18]. В этой связи нельзя игнорировать еще один непреложный фактор, дающий основания предметно говорить о существовании «русской локальной цивилизации», как основы ареала восточно-европейской компоненты цивилизационного развития России.

В «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона ключевой мыслью при характеристике России служит христианская составляющая славян, что не позволяет нам в полной мере охарактеризовать российское цивилизационное развитие. Так, по мнению К. Леонтьева, в общем характеризующем материале России отсутствует формообразующая религия. Или религии, как «универсального выражения», которое пронизывало бы весь духовный строй славянских народов. Но в поликонфессиональной России, где есть православные и приверженцы католицизма, существует лишь племенная

общность «славянства», но нет общей национальной идеи «славянизма». Все это является прямым свидетельством того, что «славянской цивилизации» в широком смысле не существует [8]. Мы можем соглашаться или нет с Леонтьевым, но эсхатологическая идея Третьего Рима предполагает быть России хранительницей истинной веры – неповрежденного нововведениями Православного Христианства. Идея Третьего Рима – идея антиреволюционная, поскольку мировой революции может противостоять только Россия, об этом и писал Ф.И. Тютчев. Идея, позволяющая в течение многих веков сохранять единство государства и народа.

Как с этим быть, рассматривая взгляды К. Леонтьева?

Еще одним направлением отечественных ученых первой четверти XXI века при исследовании российского цивилизационного развития получили так называемые *кросс-темпоральные теории*, которые метафорически выражали ее сущностные признаки. Это – «русский ген» В. Пастухова, «раздаточная экономика» О. Бессоновой, «российская колея» А.А. Аузана, концепция «русской власти» А.И. Фурсова и Ю.С. Пивоварова, «русская система» В. Макаренко и В. Ковалева. Аналогичные проблемы рассматривали известные отечественные политические философы: Э.А. Паин, Н.Н. Клямкин, Н.С. Розов и т.д. Именно после опубликования данных исследования актуализируется дискурс, касающийся проблематики российского цивилизационного развития в исторической ретроспективе. При этом исследовательским аспектом являлось обоснование тех отличительных черт, которые показывают ключевые характеристики развития двух цивилизаций – российской и западной (по А. Подберезкину). Авторы статьи исходят из того, что периодизация российской цивилизации, которую предложил историк С. Платонов, наиболее полно отражает ее особенности и своеобразие. Он, на основе «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, выделил следующие этапы российской истории: от славянских племен до Ивана III, который он назвал «древний»; от Ивана III до Петра Великого – «средний» и от Петра Великого до начала XIX века С. Платонов назвал «новый» этап развития России [4. С. 457].

Ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН А. Рябов применяет такую категорию, как «архаика». Он считает, что данный фактор является проявлением неких архетипических социальных практик, заимствованных из исторических образцов прошлого. Главным образом феодальной эпохи, т.е. общества аграрного типа. А. Рябов утверждает, что архаика присутствует не только в прошлом, но и в настоящем. В современных обществах архаика создает институциональные структуры, воспроизводящие именно феодальный архетип.

Рассматривая подходы к исследованию российской цивилизации, авторы чаще всего связывают ее отличие от Запада с *национальным менталитетом, цикличностью, повторяемостью процессов* в истории России [9].

С. 448]. Подобный взгляд у большинства авторов остается превалирующим и по сей день [12. С. 84]. Русский путь и русская власть в этих работах рассматриваются скорее, как метафорически взаимосвязанная и интерпретированная реальность, многосоставная и сложная система, основанная на принципах, тесно связанных с установками русского менталитета. В частности, это – приоритет легитимного насилия присущего русской власти, принудительный характер взаимодействий внутри общества, образы «порядка», «сильной руки» и др. Но при этом общей остается точка зрения, что схема взаимодействия системы «общество – власть» циклически воспроизводится на каждом новом витке российского цивилизационного развития [13. С. 114]. По мнению ученых Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, русская власть это – высшее напряжение, густота, интенсивность подавления, распределения, укрощения и пр. Власть в России, как и вся российская цивилизация, имеет коренное, качественное отличие от всех возможных мировых систем управления [14. С. 37].

Исследуя проблему российской цивилизации, нельзя обойти вопросы, касающиеся модернизационных процессов развития России в исторической ретроспективе. В своих работах В. Лапкин [6. С. 54-63] и В. Пантин [11. С. 93-112] отмечали, что проблема развития лежит в области возможности успешной модернизации политической системы, при котором единственный механизм выживания сложных систем является *модернизационный разворот*. Но при этом важнейшим фактором, влияющим на возможность модернизаций, это – готовность общества к изменениям, а также способность элиты проводить модернизацию в целом [7]. Вся история России показывает, что данные процессы имели свои особенности, что в свою очередь приводило и приводит к переосмыслению их через новые теоретические модели. Для понимания ранее не выявленных закономерностей и феноменов необходимо формирование терминологической базы нового образца. Цивилизационная идентичность России, пространство, темпоральные измерения, смыслы и противоречия, возникающие в связи с этими феноменами – далеко не полный перечень проблем в исследовании цивилизационного подхода в российской науке.

Согласно А.Н. Окара, общие корни западной и восточно-христианской цивилизации заложили некую универсальность или «претензии на универсальность и общезначимость тех социальных инноваций, которые способны породить православные страны. Это ресурс возможностей восточно-христианского мира [10. С. 33]. Восточно-христианская цивилизация, по его мнению, не является в полном смысле востоком и не тождественна западу. Это новое, до конца не осознанное образование. Россия же одна из тех стран, кто определяет сущность восточно-христианской цивилизации. Проблемы универсалистского проекта, роли и месте российской цивилизации в данном проекте исследует Н. Козин: не отрицая принцип универсальности

развития человечества в целом и наличия общего пространства, автор все же замечает, что Россия является формой *локального воплощения христианского цивилизационного универсума*.

В своей статье Е.И. Буркова [1. С. 555] «Цивилизационная идентичность в обществе риска: экологическое измерение концепции русской цивилизации», пишет, что уникальность России заключается в особенности размещения населения в пространстве. Малонаселенные территории с низкой плотностью населения, располагают к более терпимому отношению и миролюбию. Сам принцип общинности предполагает не только приспособление мира под себя, но изменения себя вместе с этим миром. Этим же объясняется интроверсная направленность культурного развития русского народа. Однако у такого подхода мало основательных доказательств, так как отсутствие, условно говоря, агрессии по отношению к внешнему миру, не означает отсутствия агрессии и разрушительных практик внутри самих сообществ. Таких примеров русская крестьянская община, и русская история показывает не мало. Опять же из картины идеализированного мира (по Е.И. Бурковой) выпадают такие феномены, как крепостничество, гражданская война и современная приоритетность частных интересов над коллективными. Поэтому можно сделать вывод, что российская цивилизация явление более противоречивое, как принято считать исходя из стереотипов о «мирном» характере русских [21. С. 5-6].

О сложности в отношениях России с Евроатлантической цивилизацией говорит и Е.П. Каргаполов [3. С. 15]. По его мнению, навязывание комплекса неполноценности и представления ее отсталой культурой с догоняющим типом развития, одна из стратегий Запада на фоне все большей утраты влияния над «дикими народами». Синтез традиционных и глобальных ценностей единственный возможный выход для подвластных стран или стран, постепенно выходящих из-под влияния западной системы ценностей.

В качестве новейшего проекта для развития российской цивилизации исследователь А.И. Субетто видит в таком явлении как «цивилизационный социализм». Под данным термином подразумевается особая система ценностей, основная на правилах социальной справедливости, приоритету ценности труда, универсальной модели единства внутри общества. При этом ноосферный характер существования российской цивилизации признается определяющим. По мнению автора, дуализм в духовности российском цивилизационном развитии обусловлен взаимодействием евразийского и славянского начала, то есть соединение социалистического принципа с ноосферным предполагает изменение социальной и материальной основы существования [19. С. 10]. Несмотря на склонность данной концепции к утопизму, рациональное основание и необходимость изменения идеологического контекста и реальных политических действий в сторону коллективных интересов и социального развития неоспоримо присутствует

в данный момент и будет актуален в исторической перспективе для России еще длительное время.

Как считает исследователь О.К. Шиманская, в существовании российской цивилизации сомневаться не приходится, основная задача на современном этапе понять, что происходит с этой цивилизацией. Сегодняшний кризис, в котором находится Россия, будет разрешен успешно только в случае, когда внутрицивилизационная динамика придет в норму и возникнет новая социокультурная идентичность [23. С. 53].

Реплицируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что российская цивилизация – это особый механизм, включающий комплекс поведения и мышления сформировавшийся исторически, на определенном географическом пространстве, под влиянием политического и социального опыта. Имеющий способы саморегуляции, а также обмена с окружающей средой и представленный различными подсистемами, в том числе экономической, социальной и культурной, которые цикличны в своем развитии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Теория и история цивилизаций, терминология А.Дж. Тойнби вошли в ментальность XX в. Например, бифуркационная модель «Вызова-и-Ответа» (Прим. авт.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Буркова (Глушенкова) Е.И. Цивилизационная идентичность в обществе риска: Экологическое измерение концепции русской цивилизации // Евразийский информационно-аналитический консорциум большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество/Ежегодник. М., 2019. Часть 2. Выпуск 2.

2. Данилевский Н.Я. «Россия и Европа». Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. Издание шестое. СПб.: Издательство «Глаголь», Издательство С.-Петербургского университета, 1995.

3. Каргаполов Е.П. Российская цивилизация: теории и практика // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 12 (434). Философские науки. Вып. 54.

4. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Полное издание в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011.

5. Кузарь В. Борьба цивилизаций. Интервью проректора МГИМО А.И. Подберезкина газете «Красная звезда» // <http://www.redstar.ru/index.php/news-menu/vesti/tablo-dnya/item/21844-bo...><http://рос-мир.рф/node/2298>.

6. Лапкин В.В., Пантин В.И. Ценностные размежевания и социально-политическая дифференциация в современной России // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 4.

7. *Лапкин В.В.* Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // Полис: Политические исследования. 2005. № 3.

8. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // <http://knleontiev.narod.ru/texts/vizantizm.htm>.

9. *Макаренко В.П.* Русская власть (теоретико-социологические проблемы). Ростов н/Д: Издательство СКНЦ ВШ, 2013.

10. *Окара А.Н.* Восточно-христианская цивилизация как субъект мирового развития в XXI веке // «Ценности и смыслы». 2010. № 6 (9).

11. *Пантин В.И.* Историческая роль России между Западом и Востоком // История и современность. 2012. № 2.

12. *Петухов В.В., Бараин Р.Э.* Русские и «Русский мир»: исторический контекст и современное прочтение // Полис. Политические исследования. 2014. № 6.

13. *Пивоваров Ю.С.* Русская мысль, Система русской мысли и Русская система (опыт критической методологии) // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 1.

14. *Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* «Русская Система» как попытка понимания русской истории // Полис. Политические исследования. 2001. № 4.

15. *Страда В.* Хронотоп России // Новая Юность. 1997. № 5-6.

16. *Страхов Н.Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 1. Материалы для жизнеописания Ф.М. Достоевского.

17. *Степанов А.Д.* Противостояние Запада и Славянства в мировой истории Доклад на юбилейном Всеславянском съезде, Москва-Санкт-Петербург, 26 мая – 2 июня // https://ruskline.ru/analitika/2017/07/2017-07-21/protivostoyanie_zapada_i_slavyanstva_v_mirovoj_istorii/.

18. *Сухонос С.И.* Европа и Россия. Борьба двух цивилизаций, и борьба двух мета-культур // <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001h/5230-shn.pdf>.

19. *Субетто А.И.* Научные сообщения основания и императивы стратегии цивилизационного развития России в XXI // Астраханский вестник экологического образования. 2013. № 3 (25).

20. *Тойнби А.Дж.* Византийское наследие России / пер. с англ. И.Е. Киселевой // Цивилизация перед судом истории: сборник. 3-е изд. М.: Айрис-пресс, 2006.

21. *Трофимов В.К.* Цивилизации как локальные культурно-исторические типы общества и цивилизационная принадлежность // России теория и практика общественного развития. 2012. № 6 (16).

22. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

23. *Шиманская О.К.* Цивилизационный кризис России и десекуляризации/контресекуляризация как вариант его разрешения // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 2 (20).

A.A. TUSHKOV

*Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Military Academy of Strategic Missile Forces named after
Peter the Great, Moscow, Russia*

L.A. ALYAEVA

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Military Academy of Strategic Missile Forces named after
Peter the Great, Moscow, Russia*

YU.A. BUKHAROVA

*Candidate of Historical Sciences
Military Academy of Strategic Missile Forces named after
Peter the Great, Moscow, Russia*

D.O. PUCHENKOV

*Student of the Faculty of Social Sciences
National Research University Higher School of Economics (HSE),
Moscow, Russia*

ON THE QUESTION OF SOME APPROACHES IN THE METHODOLOGY OF THE STUDY OF RUSSIAN CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT

The complex of problems related to the study of Russian civilization, its formation and development remains an urgent topic among both domestic and foreign scientists. The uniqueness of the Russian civilization is beyond anyone's doubt. But at the same time, the search for answers to many questions related to its development remains unanswered. This article touches upon some methodological aspects in the study of this topic. In particular, the authors of this article have made an attempt to highlight some approaches in the research of a number of authors.

Key words: *Russian civilization, cross-temporal theories, formal approach, Western civilization, Eastern Christian world.*

Н.А. ТЮКОВ

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела глобальных проблем Института научной информации
по общественным наукам РАН, доцент кафедры политологии
Института истории и политики
Московского педагогического государственного
университета, Россия, г. Москва*

В.Л. ШАПОВАЛОВ

*кандидат исторических наук, доцент кафедры
сравнительной политологии, научный сотрудник Исследовательской
лаборатории «Политические процессы в системе отношений
центр-регионы» Московского государственного института
международных отношений (Университета) Министерства
иностраннных дел Российской Федерации,
Россия, г. Москва*

Е.Р. НИКУЛИН

*эксперт АНО «Центр общественно-политических
проектов и коммуникаций»,
Россия, г. Москва*

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ЦЕННОСТНОГО СПЕКТРА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СМЫСЛЫ, ПЕРСОНЫ И СЛОВА-КОНЦЕПТЫ⁴

Статья посвящена выявлению трактовок ценностного спектра молодёжи россиянами. Научным интересом авторов настоящего исследования является определение смыслового наполнения перечня ценностей, персонализированного семантического ядра и пула слов-концептов с помощью гибридной методики, включающей в себя массовый опрос и социально-медийный анализ.

⁴ Статья подготовлена в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ в ИНИОН РАН, тема: «Восприятие традиционных ценностей российской молодёжью: проблемы коммуникационных разрывов», № 123091200061-5.

Ключевые слова: интерпретационная модель, ценностный спектр, молодежь, пользователь, семантическое ядро, ценностная ориентация.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью выявления смысловых особенностей трактовок ценностного спектра молодыми россиянами и концептуальной составляющей ценностного дискурса в российском сегменте сети для повышения эффективности стратегии воспитания молодых россиян в рамках традиционных ценностей.

Теоретическим объектом исследования является структура ценностной установки и специфика ее трансформации.

Предмет исследования – особенности восприятия российской молодежью интерпретационных моделей ценностного спектра и их собственных трактовок ценностных установок.

Эмпирический объект исследования включает в себя пул анкет респондентов в возрасте моложе 25 лет (64 интервьюируемых) и релевантный цифровой поток весом 118 тыс. сообщений, собранный в период с 01.06. по 01.11.2023 года.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении пула интерпретационных моделей ценностного спектра российской молодежи с их концептуальным компонентом (персонифицированным семантическим ядром и словами-концептами).

Теоретическая база исследования состоит из двух блоков работ. Первый посвящен структуре ценности и ее содержательному (смысловому) компоненту. В рамках этого блока нами были изучены работы В.А. Ядова [12], Д.А. Леонтьева [7], Н. Гартмана [6], Н. Лумана [8], М. Вебера [3], Дж.К. Хоманса [11], G.W. Allport, P.E. Vernon, G. Lindsey [13], S. Thomas, F. Znaniecki [14]. Второй блок работ связан с выявлением особенностей трактовки ценностного спектра россиянами различных возрастных групп и состоит из исследований Я.В. Волобуева [5], Е.В. Бродовской, А.Ю. Домбровской [2], А.Б. Ананченко, Е.Р. Никулина, А.С. Хардиковой А.С. [1], И.В. Васениной, Г.Б. Прончева [4], А.В. Орловой, Х.С. Шагбановой [9].

Методика сбора эмпирической базы исследования включает в себя глубинное интервью и социальной медийных анализ.

Глубинное интервью состоит из нескольких блоков. Первый их них посвящен портретированию интервьюируемого (возраст, пол, место рождения и продолжительного проживания). Второй-выявлению трактовок ценностного спектра, сформулированного в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (п. 4 Общих положений) [10], и дифференциации полученных ответов

респондентов. Третий – определению визуально приемлемой интерпретации ценности из предложенного спектра, отобранного в рамках социально-медийного анализа.

Социально-медийный анализа представляет собой изучение контента, сформированного персонифицированными пользователями в период с 1 июня по 1 ноября 2023 г. в российском сетевом пространстве в рамках релевантного цифрового потока. Нами определен пул персон и слов-концептов, характерных для контента авторов выделенных нами возрастных сегментов.

Методы обработки собранной эмпирической базы: кросс-табуляционный, контент- и дискурс-анализ.

Результаты исследования:

При интерпретации жизни (как ценности) подавляющее большинство интервьюируемых отмечали ее важность и подчеркивали свое отношение к ней как источнику радости и наслаждения.

В контексте достоинства большая часть молодых россиян отмечала сильную взаимосвязь ценности с поведением, определяя его ключевые сценарии: взаимное уважение и отстаивание своих принципов и взглядов.

Человечность является одним из самых распространенных определений ценностей гуманизма и милосердия. Однако если милосердие в подавляющем большинстве случаев трактовалось через одну категорию (жалость, прощение), то гуманизм рассматривается молодыми россиянами как совокупность ценностей, необходимых для развития общества.

В рамках общения о справедливости интервьюируемые отмечали субъективный характер ценности (справедливость у каждого своя), подчеркивая, однако, что она невозможна без равенства, честности и непрядвзятого отношения.

Признавая исключительную важность взаимопомощи, опрашиваемые отмечали следующую взаимосвязь: помог ты – помогут тебе.

		Визуальный ряд	Комментарий
Жизнь	Высшая ценность		«проживать каждый день и понимать, что ты жив и можешь радоваться этому. Жизнь одна и ее нужно прожить так, как хочется»
	Получение удовольствия		
	Борьба		
	Благотворительность		

		Визуальный ряд	Комментарий
Дост-во	Достойное поведение		«то, что есть у человека, и что можно потерять»
	Уважение к себе и другим		
	Умение отстоять свои взгляды и принципы		
Гуманизм	Человечность		«не притеснять человека по расе, полу, ориентации и национальности»
	Ценности, важные для общественного развития и гармоничных взаимоотношений		
	Взаимопонимание и взаимопрощение		
	Отсутствие притеснений человека по каким-либо признакам		
Милос-ие	Поддержка окружающих и помощь им		«любовь к ближнему»
	Человечность		
	Жалость		
	Прощение		
	Сострадание		
Справ-сть	Равенство и честность		«Справедливость между слабыми и сильными»
	Справедливость у каждого своя		
	Непредвзятое и беспристрастное отношение		
	Отношение к человеку по делам		
Вз-щъ	Помог ты – помогут тебе		«мир во всем мире»
	Основа мира		
	Уважение к мнению других		
	Бескорыстная помощь		

Таблица 1. Трактовки общечеловеческих ценностей

Интервьюируемые отмечали важность соблюдения прав и свобод граждан, подчеркивая недопустимость вмешательства государства в ряд аспектов жизни человека. Вместе с этим, подавляющее большинство респондентов акцентировали внимание на том, что обязанности и ответственность – ключевые элементы этой ценности.

Патриотизм и служение Отечеству носят в сознании молодых россиян преимущественно демилитаризованный характер: трактовки этих ценностей

сквозь призму военного аспекта либо не встречаются, либо в иерархии трактовок не являются приоритетными.

Гражданственность воспринимается молодежью преимущественно как активизм или как осознание себя частью общества, государства или страны. Примечательно, но эти две популярные в молодежной среде трактовки носят автономный друг от друга характер.

Для трактовок ценности исторической преемственности характерно превалирование восприятия через свою семью, а не через историю страны или народа. Отмечая важность этой ценности в контексте передачи опыта от поколения к поколению, подавляющее большинство респондентов транслировали свое мнение в форме сторителлинга о своих предках, их участии в масштабных политических и социальных событиях (преимущественно в Великой Отечественной войне).

Ценность единства народов России, по мнению молодежи, заключается в равенстве представителей всех этнических и национальных групп. Встречалось также скептическое отношение к ценности из-за невозможности ее реализации.

		Визуальный ряд	Комментарий
Права и свободы	Права – обязанности, свобода – ответственность		«в России этого мало... а так, свобода человека в том, что он делает все, что хочет», «права и свободы человека – это когда ждал появления водительских прав, чтобы с кайфом водить машину, а в итоге ты обязан соблюдать какое-то ПДД»
	Свобода деятельности, ограниченная законом		
	Пустая декларация		
	Неприкосновенность личной жизни		
	Отсутствие ограничителей в деятельности		
Патр-зм	Заботы о Родине и труд в ее благо		«вера в русский народ», «ужасное слово», «любовь к парадам»,
	Вера в русский народ		
	Почитание истории и традиций		
	Защита Родины (воинский долг)		
	Лицемерие и пропаганда		

		Визуальный ряд	Комментарий
Гражд-ть	Участие в жизни страны и общества		«Получение паспорта»
	Осознание принадлежности к стране и обществу		
	Соблюдение прав и обязанностей		
	Лицемерие и пропаганда		
Служение	Забота о стране (сохранение природы, культурного наследия обществе и его традиций)		«как ты отслужишь, так и будешь его защищать», «банальное соблюдение сортировки мусора»
	Участие в политической жизни		
	Защита Родина (воинский долг)		
Ист. память	Опыт прошлых поколений и связь с ними		«Всегда помнить о Родне», «я не вижу в этом необходимости, но в целом это прикольно и полезно для сохранения памяти о прошлом», «Помнить о героях России»
	Знание истории семьи		
	Знание истории страны		
	Сохранение национальной идентичности		
	Обязанность старших уступать место младшим в общественной жизни		
Ед. народов	Равенство народов		«Один за всех, все за одного», «мир во всем мире (России). Хотя я не фанат этого воссоединения»
	Многообразие традиций и праздников		
	Отсутствие остужения традиций иных народов		
	Совмещение несовместимого		

Таблица 2. Трактовки политико-социальных ценностей

Как и гуманизм, высокие нравственные идеалы в сознании интервьюируемых воспринимались как комплекс социально значимых ценностей, но также часто отмечается субъективный характер этих идеалов.

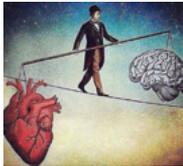
Семья воспринимается молодыми россиянами как круг людей, связанный чувством любви и взаимоуважения, которые всегда поддержат и помогут при необходимости. Интервьюируемые часто подчеркивали полный характер семьи, акцентируя внимание собеседника на семье разных поколений: «я и мои родители» или «я и мои дети». Крайне редко респонденты

отмечали, что семья – механизм достижения определенных успехов в финансовой, социальной или политической жизни.

Созидательный труд для молодых россиян – деятельность, приносящая благо для окружающих или не приносящая вреда им. Формат этого труда и его цели не носили приоритетный характер для интервьюируемых: в редких случаях при уточняющем вопросе респондент упоминал доход или творческую реализацию в качестве важного критерия для себя.

Отмечаются позитивные оценки ценности приоритета духовного над материальным и коллективизма, несмотря на преимущественно саркастическое отношение к ним со стороны молодых людей. Интервьюируемые подчеркивали общественную важность сотрудничества и взаимного уважения, что, по их мнению, улучшает жизнь общества и отдельного человека.

Социальная значимость ценностей справедливости заключается в трактовках справедливого решения. Объективный характер этого решения подчеркивался как важный всеми интервьюируемыми, однако большинство из них также отмечало, что будут считать справедливое решение таковым, если будут с ним согласны. Незначительная часть респондентов отмечала, что будет считать решение справедливым, если оно будет основано на мнении большинства или на законе.

		Визуальный ряд	Комментарий
Нрав-сть	Ценности, важные для общественного развития и гармоничных взаимоотношений		«важнейшие качества человека как честность, верность, уважение к старшим, патриотизм, трудолюбие», «понимание различий между добром и злом»
	Идеалы у всех разные (субъективная оценка ценности)		
	Моральные устои		
	Ограничитель от вредных и опасных действий		
Семья	Поддержка и взаимопомощь		«не распадется, если подует «сильный ветер», «это когда есть мама и папа они живут вместе и любят друг друга, ходят вместе на концерты и всячески помогают друг другу», «моя семья», «мама»
	Любовь и взаимоуважение		
	Полная семья		
	Поколение родителей		
	Поколение детей		
	Механизм роста и поддержки		

		Визуальный ряд	Комментарий
Труд	Создание чего-то во благо людей		«добросовестная качественная работа»
	Создание нового, ничего не разрушая		
	Труд, приносящий доход		
	Творчество		
	Интеллектуальный труд		
Пр. дух.	Скорее согласен (а) с тезисом		«чем краше духовный мир, тем проще смотреть на жизнь», «отрицание капиталистического уклада (аскетизм)»
	Согласен (а) с тезисом		
	Не согласен (а) с тезисом		
	Аскетизм		
	Духовное прозрение		
Кол-зм	Взаимопомощь и сплоченность		«Розовый цвет и не только на себя»
	Отсутствие справедливой оценки труда индивида		
	Социализм		
Справ-сть	Объективное решение		«для кого-то одного – это справедливо, а для кого-то нет, решит суд»
	Решение, с которым согласен я		
	Решение, с которым согласно большинство		
	Решение, с которым согласны все		
	Решение по закону		

Таблица 3. Трактовки социально-общественных ценностей

В рамках релевантного контента, сформированного персонифицированными авторами младшей возрастной категории (моложе 24 лет), преобладают посты или репосты, комментарии представлены незначительной долей (от 17% до 23%), что указывает, вероятно, на включение пользователей, продуцирующих изучаемый контент, в инфраструктуру сетевых агентов, транслирующих интерпретационные модели ценностных ориентаций.

Во всех выделенных нами сегментах авторов лидером по упоминаниям среди персон является В. Путин. Релевантный контент, связанный с В. Путиным, представляет собой преимущественно посты или репосты с его цитатами или освещением событий с его участием, которые посвящены ценностной повестке (в том числе поздравления).

Схожая ситуация и с историческими деятелями и зарубежными политиками: авторами анализируемой возрастной категории они цитируются или упоминаются в рамках обсуждения политических (исторических) процессов, в которых ценностная повестка является актуальной.

Деятели культуры упоминаются анализируемыми авторами в контексте событий или мероприятий. Например, появление Ф. Достоевского в релевантном цифровом потоке связано с «Днями Достоевского».

Отмечается следующая корреляция: чем старше автор, тем более глубоко он погружен в церковную тематику: пользователи моложе 25 лет упоминают Патриарха Кирилла, а старше 25 лет «церковный» сегмент значительно расширяется как в рамках церковных деятелей (появляются А. Ткачев), так и иными церковными тематиками.

Примечательно, что исключительно для пользователей моложе 25 лет характерно наличие сегмента контента, связанного с Вагнером и Е. Пригожиным.

Моложе 18		18-24	
В. Путин	79	В, Путин	141
Д. Байден	8	Петр I	44
Петр I	7	Дж. Роулинг	15
А. Дугин	7	М. Твен	12
И. Сталин	7	А, Пушкин	10
А. Пушкин	6	Фильмы советского кинематографа комедийного жанра	10
Патриарх Кирилл	6	Е. Леонов (актер)	10
Ф. Достоевский	6		

Таблица 4. Персонифицированное ядро: возрастная дифференциация

Авторы мужского пола упоминают преимущественно политиков, а также слова-концепты: («Левак», «Хартленд»). Отметим, что слова-концепты характерны также и для девушек моложе 18 лет (Мордор), которые также упоминают отечественных и зарубежных политиков (обе возрастные категории), однако основу персонифицированного ядра составляют деятели искусства (Ф. Достоевский, А. Пушкин, М. Твен), политологи (Ф. Фукуяма, А. Дугин, Е. Шульман).

Мужской/ Ч/П		Женский/ Ч/П	
В. Путин	107	В. Путин	82
Петр I	23	Петр I	25

Мужской/ Ч/П		Женский/ Ч/П	
А. Пушкин	10	Дж. Роулинг	10
Д. Трамп	8	Фильмы советского кинематографа комедийного жанра	8
Р. Кадыров	8		
Б. Надеждин	7		
Дж. Роулинг	6		
Хартленд	6		

Таблица 5. Персонифицированное ядро: половая дифференциация

На основе проведенного анализа нами сформулированы следующие **выводы:**

– общечеловеческие и общественно-социальные ценности воспринимаются молодыми россиянами сквозь призму плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества («помог ты – помогут тебе»);

– в рамках политико-социальных ценностей интервьюируемыми отмечается ярко выраженный антимилитаристский уклон;

– в сознании интервьюируемых крепкая семья ассоциируется с полной семьей, однако наблюдается дифференциация в поколенческом аспекте: крепкая семья – это «родители и я» или «я и мой партнер (и дети);

– сквозь призму семьи трактуется ценность исторической памяти. Например, в описание ключевых событий отечественной истории интервьюируемые интегрируют в него сторителлинг об участии члена семьи в нем или рассказывают, как оно на него повлияло;

– самой частой упоминаемой персоной в рамках цифрового потока, посвященного ценностной повестке, авторами моложе 25 лет является В. Путин. Формат упоминаний – цитирование или освещение событий (мероприятий), посвященный ценностной тематике;

– для молодых людей моложе 25 лет в рамках ценностного дискурса актуальны Вагнер и Е. Пригожин, что не наблюдается в более старших возрастных категориях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ананченко А.Б., Никулин Е.Р., Хардинова А.С. Специфика цифровой активности и приемлемые сценарии политического поведения российской молодежи: ценностно-идеологические ориентации и географическая дифференциация // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1.

2. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Социально-политические и ценностные профили российской молодежи – пользователей социальных сетей // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2016. Вып. 4.

3. Вебер М. Избранные произведения. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира / Вебер Макс; пер. М.И. Левиной; прим. В.В. Сапова // Избранное. Образ общества. 1994.

4. Васенина И.В., Прончев Г.Б. Виртуальные социальные среды как инструмент мотивации молодежи к общественно-политической деятельности // Социодинамика. 2018. № 4 // https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25972.

5. Волобуев Я.В. Индивидуальные ценности: виды ценностей как критериев выбора // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2.

6. Гартман Н. Систематическая философия в собственном изложении / пер. с нем. Ф. Вьяккерера, В. Волжского // Фауст и Заратустра. СПб., 2001.

7. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992.

8. Лукман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005.

9. Орлова А.В., Шагбанова Х.С. Формирование патриотических чувств молодежи в условиях глобализации // Образование и право. 2022. № 7.

10. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Президент России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.

11. Хоманс Дж.К. Социальное поведение: его элементарные формы // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11: Социология. 2001. № 2.

12. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975.

13. Allport G.W., Vernon P.E., Lindsey G. Study of values. 3rd ed. Boston, 1960.

14. Thomas S., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. N.Y., 1918. Vol. 1.

N.A. TYUKOV

*Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher of the Department of Global Problems of the Institute
of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of
Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science of
the Institute of History and Politics of Moscow Pedagogical
State University, Moscow, Russia*

V.L. SHAPOVALOV

*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Comparative Political Science,
Researcher at the Research Laboratory
“Political Processes in the System of Center-Region Relations”,
Moscow State Institute of International
Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia*

E.R. NIKULIN

*Expert at the Center for Socio-Political Projects
and Communications, Moscow, Russia*

INTERPRETATIVE MODELS OF THE VALUE SPECTRUM OF RUSSIAN YOUTH: MEANINGS, PERSONALITIES AND CONCEPT WORDS

The article is devoted to the identification of interpretations of the value spectrum by young Russians. The scientific interest of the authors of this study is to determine the semantic content of the list of values, a personalized semantic core and a pool of concept words using a hybrid methodology that includes a mass survey and social media analysis.

Key words: *interpretative model, value spectrum, youth, user, semantic core, value orientation.*

А.С. ФАРАХ

*руководитель образовательных проектов
Института финансовых аналитиков, Ливан, г. Бейрут;
аспирант факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

РОЗНИЧНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ, ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВА

Исторически деньги всегда были тесно связаны с динамикой власти, а цифровые валюты центральных банков (ЦВЦБ) представляют собой новую главу в этом взаимодействии. Данная статья фокусируется на потенциальных политических и общественных последствиях введения розничных цифровых валют центральных банков (рЦВЦБ), признавая ведущую роль, которую играет Банк международных расчетов (БМР) в их развитии и стимулировании обмена знаниями. Поднимаются вопросы о возможных рисках чрезмерного вмешательства и манипуляций со стороны государства, связанных с рЦВЦБ, а также подчеркивается необходимость защиты данных и прозрачного управления. Кроме того, рассматривается потенциальное влияние рЦВЦБ на политический ландшафт и социальное неравенство. Понимание политической экономики рЦВЦБ имеет решающее значение для разумного и ответственного использования их потенциала и снижения связанных с ними рисков.

Ключевые слова: *розничные цифровые валюты центральных банков, Банк международных расчетов, управление, контроль, конфиденциальность, финансовая и социальная инклюзия.*

1. По следам власти: этапы эволюции денег. Деньги – это не просто средство обмена; это политический инструмент, встроенный в социальные отношения и структуры власти. От бартерных сетей до бумажных валют, обеспеченных централизованными органами, эволюция денег привела к трансформационным сдвигам в отношениях власти, влияя на политические процессы, формируя социальное неравенство и определяя международные отношения. На протяжении всей истории деньги были зеркалом

и усилителем власти. С появлением стандартизированной чеканки монет централизованные органы захватили власть, выпуская и контролируя валюту, а также формируя торговлю и налогообложение. Возникновение бумажных денег и центральных банков укрепило власть национальных государств, которые использовали денежно-кредитную политику для формирования экономики, в то время как финансовые учреждения процветали параллельно. В цифровую эпоху частные учреждения получили дальнейшее преимущество с быстрым ростом электронных денег и новых финансовых инструментов, хотя инновации сопровождалась опасениями по поводу системного риска и финансовой изоляции. Теперь, когда на горизонте появляются цифровые валюты центральных банков (ЦВЦБ), возникают новые вызовы, связанные с потенциальными рисками еще большего централизованного контроля, утечки конфиденциальных данных, политических манипуляций и снижения социальной инклюзии.

2. Банк международных расчетов: Продвижение развития ЦВЦБ.

Катализатором введения ЦВЦБ выступает Банк международных расчетов (БМР). БМР играет важную роль в стимулировании обмена знаниями и продвижении развития ЦВЦБ через проекты своего Инновационного хаба, исследовательские инициативы и рекомендации. Как следует из Ежегодного экономического отчета БМР за 2021 год, «ЦВЦБ являются идеей, которую пришло время реализовать. Они представляют собой возможность создать технологически продвинутый вид денег центрального банка» [1. С. XVII].

ЦВЦБ делятся на два типа – розничные и оптовые. Розничные ЦВЦБ (рЦВЦБ) будут использоваться для совершения транзакций частными лицами и предприятиями, а оптовые ЦВЦБ (оЦВЦБ) – между финансовыми учреждениями для урегулирования сделок на финансовых рынках [4]. В то время как оЦВЦБ могут улучшить базовую платежную инфраструктуру, рЦВЦБ способны кардинально изменить современное общества. Стоит отметить, что в июне 2023 г. БМР представил доклад с результатами проведенного опроса о деятельности центральных банков, связанной с ЦВЦБ. Согласно опросу, более 90% центральных банков работали над ЦВЦБ в течение 2022 г. Ожидается, что к 2030 г. может быть выпущено 15 рЦВЦБ и 9 оЦВЦБ [7. С. 1].

Вначале рЦВЦБ в основном игнорировались БМР. Банк придерживался позиции, что рЦВЦБ не принесут особых преимуществ по сравнению с существующей системой фиатных валют. Еще в августе 2019 г. Августин Карстенс, генеральный директор БМР, сомневался в необходимости использования рЦВЦБ, предполагая, что оЦВЦБ могут быть лучшим вариантом для рассмотрения [3]. Комитет БМР по платежам и рыночной инфраструктуре (КПРИ) выпустил рабочий документ, в котором были выделены риски, связанные с рЦВЦБ, в том числе более высокая нестабильность депозитного финансирования коммерческих банков, усиление политического

вмешательства в функции центрального банка и повышенный риск киберугроз [6. С. 2-10]. Однако, ситуация вскоре изменилась. В сентябре 2023 г. Карстенс отметил, что рЦВЦБ может предоставить целый ряд преимуществ гражданам, начиная от предложения населению цифровой альтернативы банкнотам и монетам до расширения доступа к финансовым услугам и обеспечения более быстрых, дешевых и простых платежей, особенно в международных транзакциях [5]. Интерес БМР к рЦВЦБ растет, о чем свидетельствуют проекты, реализуемые Инновационным хабом БМР, такие как проект «Augum», в котором был представлен прототип технологии рЦВЦБ, проект «Icebreaker», в котором была опробована новая архитектура для трансграничных рЦВЦБ, проект «Rosalind», в котором исследовались интерфейсы программирования приложений для рЦВЦБ, и другие [4].

В связи с их прямым влиянием на жизнедеятельность людей и работу предприятий, в последующей части этой статьи мы сосредоточимся на рЦВЦБ.

3. Розничные ЦВЦБ: Преобразование структуры власти. Розничные ЦВЦБ имеют важные последствия для управления, политической динамики и социальных структур.

1) Влияние на управление и контроль. рЦВЦБ предоставляют центральным банкам беспрецедентную эффективность в проведении денежно-кредитной политики и доступ к подробным данным о транзакциях. Центральные банки смогут создавать и уничтожать деньги по своему желанию, регулировать процентные ставки и инфляцию, а также вводить налоги или отрицательные ставки [11. С. 1] непосредственно на средства пользователей рЦВЦБ – как физических лиц, так и предприятий. Более того, они могут собирать подробную информацию о каждой транзакции, совершаемой с использованием рЦВЦБ, например, сумму, время, местоположение и личность участников. Это дает им подробное представление об экономической деятельности и финансовом поведении пользователей рЦВЦБ и вызывает опасения по поводу возможного чрезмерного вмешательства государства и манипулирования финансовыми рынками. Центральные банки смогут использовать свою власть для влияния на экономические решения пользователей рЦВЦБ. Они смогут как поощрять, так и наказывать пользователей на основании их политических или социальных позиций. Баланс между эффективностью и удобством цифровой финансовой системы, с одной стороны, и защитой личной конфиденциальности и автономии, с другой стороны, становится таким образом первостепенной задачей. Возможность отслеживать и контролировать каждую транзакцию с использованием рЦВЦБ порождает угрозу массовой слежки и общественного контроля. Централизация данных о персональных транзакциях также может подвергать пользователей рЦВЦБ риску утечки данных, взлома и кражи личных данных [10. С. 12]. Поэтому, для обеспечения безопасности

и конфиденциальности пользователей рЦВЦБ необходимы надежные структуры защиты данных и сильные, независимые механизмы контроля. Структуры защиты данных должны определять правила и стандарты сбора, хранения, обработки и обмена данными о транзакциях, а также права и обязанности как пользователей рЦВЦБ, так и центрального банка. Механизмы контроля должны обеспечивать прозрачность и подотчетность политики и действий центрального банка, а также соблюдение и применение правил и стандартов защиты данных. Механизмы контроля также должны предоставлять пути для возмещения ущерба и средств правовой защиты пользователям рЦВЦБ, столкнувшимся с нарушениями или несправедливостью.

2) Влияние на политический ландшафт и возможность манипулирования. рЦВЦБ можно использовать как инструмент для влияния на поведение избирателей или подавления инакомыслия, поощряя или наказывая за определенный политический выбор или мнение. рЦВЦБ могут позволить центральному банку или правительству провести тщательный анализ финансового поведения отдельных лиц или групп лиц, которые воспринимаются как угроза, предоставив доступ к их полной истории транзакций. Это может позволить выявлять, преследовать или изолировать политических оппонентов или активистов и потенциально вмешиваться в их финансовые ресурсы или транзакции [8]. Например, вклады пользователей рЦВЦБ могут быть заблокированы или аннулированы после их участия в протестах или демонстрациях. Это может создать мощный стимул для пользователей рЦВЦБ согласовать свою политическую позицию с заявленными правительством идеалами.

Защита демократических процессов и обеспечение честных и свободных выборов требует открытого и прозрачного управления политикой и операциями рЦВЦБ. Правовая база, регулирующая использование рЦВЦБ, должна служить общественному благу и не включать элементы, которые могут быть использованы для политической выгоды или принуждения. Законы, касающиеся рЦВЦБ должны стать объектом общественного внимания и обсуждения. Политика, связанная с рЦВЦБ, также должна быть последовательной и предсказуемой, не подверженной произвольным или внезапным изменениям, которые могут подорвать доверие и уверенность в системе.

3) Влияние на социальную инклюзию/эксклюзию. рЦВЦБ могут способствовать финансовой инклюзии [2], которая представляет собой доступ к подходящим финансовым услугам для физических лиц и предприятий. Укрепляя финансовую безопасность, стимулируя предпринимательство, улучшая уровень жизни и сокращая неравенство, финансовая инклюзия расширяет возможности людей и сообществ, способствуя большей социальной инклюзии. рЦВЦБ могут предоставить доступ к финансовым услугам лицам, не имеющим банковского счета и недостаточно обслуживаемым банками, то есть тем, у кого нет или кто не пользуется официальными финансовыми

счетами или услугами. рЦВЦБ могут снизить барьеры и затраты на доступ и использование финансовых услуг, такие как идентификация, документация и физическое расстояние. рЦВЦБ также могут позволить предоставлять инновационные и индивидуальные финансовые продукты и услуги, такие как микрофинансирование и страхование. Тщательно разработанные механизмы распространения могут обеспечить справедливый доступ и расширить возможности маргинализированных сообществ. Механизмы распространения представляют собой каналы и платформы, через которые рЦВЦБ выпускаются и доставляются пользователям, например, мобильные телефоны, смарт-карты или цифровые кошельки. Механизмы распространения должны быть доступными по цене, надежными и безопасными для всех потенциальных пользователей, независимо от их местоположения, дохода или статуса.

Однако, внедрение рЦВЦБ при отсутствии доступа к технологиям и низкой цифровой грамотности может исключить определенные группы из финансовой системы, т.е. может способствовать финансовой эксклюзии и, следовательно, социальной эксклюзии. Технология относится к ранее упомянутым механизмам распространения и инфраструктуре (например, электричеству), необходимой для доступа и использования рЦВЦБ. Цифровая грамотность относится к навыкам и знаниям, которые необходимы для доступа и использования рЦВЦБ, например, умение управлять цифровыми устройствами и платформами, а также устранять их неполадки. Поскольку цифровая грамотность неравномерно распределена среди населения [9. С. 36], некоторые группы, такие как пожилые люди, могут столкнуться с повышенным риском финансовой и социальной эксклюзии после массового внедрения рЦВЦБ.

Заключение: На пути к ответственному цифровому будущему. БМР играет важную роль в стимулировании обмена знаниями и развитии ЦВЦБ посредством своих исследовательских инициатив, рекомендаций и проектов Инновационного хаба. Розничные ЦВЦБ – это больше, чем просто технологическое нововведение; они представляют собой потенциальную реконфигурацию власти и современной социальной динамики. Понимание политической экономии розничных ЦВЦБ и ее последствий имеет решающее значение для использования их потенциала и снижения, связанных с ними рисков. Создание всеобъемлющей правовой базы, которая четко отдает приоритет общественному благополучию и защищает наиболее уязвимые слои населения, необходимо для управления этим преобразующим сдвигом и формирования ответственного цифрового будущего для всех.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Annual economic report // Bank for International Settlements. 2021 // <https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2021e.pdf>.
2. Auer R., Banka H., Boakye-Adjei N.Y., Faragallah A., Frost J., Natarajan H., Prenio J. Central bank digital currencies: a new tool in the financial inclusion toolkit? // Bank for International Settlements. Financial Stability Institute. Publications. 12.04.2022 // <https://www.bis.org/fsi/publ/insights41.htm>.
3. BIS chief warns of 'serious consequences' from retail CBDC // FX-Markets. Technology, Central banking newsdesk. 28.08.2019 // <https://www.fx-markets.com/technology/4442641/bis-chief-warns-of-serious-consequences-from-retail-cbdc>.
4. BIS Innovation Hub work on central bank digital currency (CBDC) // Bank for International Settlements. Innovation. BIS Innovation Hub. Themes // <https://www.bis.org/about/bisih/topics/cbdc.htm>.
5. Carstens A. Legitimacy, privacy, integrity, choice: towards a legal framework for central bank digital currencies // Bank for International Settlements. Media & speeches. BIS management speeches. 27.09.2023 // <https://www.bis.org/speeches/sp230927.htm>.
6. Central bank digital currencies // Bank for International Settlements. Committee on payments and market infrastructures, Market committee. 2018 // <https://www.bis.org/cpmi/publ/d174.pdf>.
7. Kosse A., Mattei I. Making headway – Results of the 2022 BIS survey on central bank digital currencies and crypto // Bank for International Settlements. 2023. BIS Papers, № 136. Monetary and Economic department // <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap136.pdf>.
8. Luther W.J. Will a digital dollar offer financial privacy? // American Institute for Economic Research. 07.10.2022 // <https://www.aier.org/article/will-a-digital-dollar-offer-financial-privacy/>.
9. Sandoval-Hernández A., Osorio-Saez E., Eryilmaz N. Measurement Strategy for SDG Global Indicator 4.4.2 using International Largescale Assessments // UNESCO Institute for Statistics. 2022 // https://tcg.uis.unesco.org/wp-content/uploads/sites/4/2022/02/Measurement_Strategy_SDG_4.4.2_Jan-2022.pdf.
10. Submission to the Bank of England and HM Treasury's joint consultation on a UK digital pound // Big brother watch. 2023 // https://bigbrotherwatch.org.uk/wp-content/uploads/2023/05/BBW-Response_CBDC_Final1.pdf.
11. Wang G., Hausken K. A game between central banks and households involving central bank digital currencies, other digital currencies and negative interest rates // Cogent Economics & Finance. 2022. Vol. 10. № 1 // <https://uis.brage.unit.no/uis-xmlui/bitstream/handle/11250/3026587/A+Game+Between+Central+Banks+and+Households+CEF.pdf?sequence=1>.

A.S. FARAH

*Project lead at the Institute for Financial
Analysts, Beirut, Lebanon; PhD candidate at the Faculty
of Global Processes at the Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

RETAIL CENTRAL BANK DIGITAL CURRENCIES AND THE RESHAPING OF GOVERNANCE, POLITICS, AND SOCIETY

Historically, money has always been closely linked to power dynamics, and central bank digital currencies (CBDCs) represent a new chapter in this interaction. This article focuses on the potential policy and societal implications of the introduction of retail central bank digital currencies (rCBDCs), recognizing the leading role played by the Bank for International Settlements (BIS) in their development and in fostering knowledge sharing. Concerns are raised about the possible risks of excessive government intervention and manipulation associated with rCBDCs, and the need for data protection and transparent governance is emphasized. Moreover, the potential impact of rCBDCs on the political landscape and social inequality is also examined. Understanding the political economy of rCBDCs is critical to leveraging their potential wisely and responsibly and mitigating the risks associated with them.

Key words: *retail central bank digital currencies, Bank for International Settlements, governance, control, confidentiality, financial and social inclusion.*

ЧИ ЦИНЧЖО

*аспирант Высшей школы международных отношений
Гуманитарного института Санкт-Петербургского
политехнического университета имени Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург*

Н.П. КАЛАШНИКОВА

*доктор политических наук, заведующая
кафедрой Ассамблеи народов Казахстана, профессор Евразийского
Национального университета имени Н. Гумилева,
Казахстан, г. Астана*

РОЛЬ КОНГРЕССА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США (КЕЙС ТАЙВАНЯ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА БАРАКА ОБАМЫ)

Отношения между Соединенными Штатами Америки и Тайванем всегда были в центре внимания мировой общественности. Особое внимание к этой проблеме всегда было в США. Соединенные Штаты на основе подписанных соглашений всегда выступали в поддержку независимости и суверенитета Тайваня. Ведущую роль в этой политике играл Конгресс США. Позиция конгрессменов по Тайваньскому вопросу всегда была направлена на поддержку острова. Одним из центральных вопросов в поддержку Тайваня является вопрос обеспечения острова современным вооружением. Президент США Барак Обама в 2010 году представил программу «Стратегия национальной безопасности США», в ней провозглашается новый подход во внешней политики Соединенных Штатов и в частности в отношении Тайваня. Целью этого документа стало углубление участия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Главным стало налаживание позитивных отношений с Тайванем. Самое пристальное внимание к проблеме Тайваня обратил Конгресс США. Сенаторы регулярно ставили вопросы помощи Тайваню. Основные вопросы были: обеспечение безопасности Тайваня и широкая продажа вооружений, участие Тайваня в деятельности различных международных организаций, широкое сотрудничество между США и Тайванем по вопросам торговли, образования и культуры, а также возможность посещения Соединенных Штатов высокопоставленными представителями Тайваня. Такая позиция сенаторов объяснялась, непрклонной политикой Китая в адрес Тайваня. В противовес

политике «одного Китая», сенаторы ставили политику США по отношению к Тайваню – «один Китай, один Тайвань».

Ключевые слова: Тайвань, Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика, Конгресс США, президент, Барак Обама.

В мае 2010 года Барак Обама объявил о «Стратегии национальной безопасности США». Стратегия предусматривала изменения во внешней политике США, в частности в отношении Тайваня [3]. Барак Обама стремился учесть тенденции развития США и углубить участие в Азиатско-Тихоокеанском регионе при этом налаживания отношений с Тайванем.

Начнем с анализа выступлений сенаторов в Конгрессе, резолюций и законопроектов, принятых в период с 2009 по 2017 год. Именно в Конгрессе определяются основные направления во внешней политике США.

С 2009 по 2017 годов сенаторы регулярно рассматривали вопросы, касающиеся Тайваня. Инициатива Конгресса сводилась к следующим положениям: 1. Безопасность Тайваня и продажа ему вооружения; 2. Участие Тайваня в деятельности международных организаций; 3. Сотрудничество Тайваня с США в вопросах торговли, образования и культуры; 4. Посещение США, высокопоставленными представителями Тайваня.

2 февраля 2009 года сенатор Шелли Бекрли предложил резолюцию H.Con. Res.55. В резолюции мир и стабильность на Тайване были связаны с политическими и экономическими интересами США. Политика Соединенных Штатов сводилась к предоставлению Тайваню оружие оборонительного характера. Конгресс принял решение: 1. Подтверждает свою приверженность Закону о взаимоотношениях с Тайванем в качестве главного фактора, определяющего отношения между США и Тайванем; 2. Конгресс заявляет о поддержке демократических институтов Тайваня; 3. Поддерживать всесторонние отношения между США и Тайванем [13].

21 июля 2009 года, сенатор Джон Корнин, предложил не позднее, чем через 90 дней предоставить Конгрессу следующей информации. Во-первых, дать полный отчет о текущем состоянии военно-воздушных сил Тайваня. В частности, 1) количество и типы воздушных судов, 2) возраст воздушных судов, 3) возможности этих воздушных судов. Во-вторых, проанализировать самолеты Тайваня в сравнении с военными самолетами КНР. В-третьих, дать анализ конкретных систем вооружений Тайваня для защиты своим воздушного пространства. В-четвертых, предложить оказание США помощи Тайваню, для самообороны острова [24]. Позиция сенаторов объяснялась угрозой безопасности острова со стороны Китая.

В первый срок президентства Барака Обамы, была принята резолюция H.Con.Res.18. Эта резолюция была принята Конгрессом, в ней высказывалось мнение о необходимости для США, восстановить дипломатические

отношения с Тайванем. Впервые это положение было высказано в 2004 году в резолюции H.Con.Res.440, предложенной сенатором Томасом Танкредо. Год спустя он внес резолюцию H.Con.Res.69, по ней президенту необходимо отойти от политики «одного Китая», а принять политику «один Китай, один Тайвань».

Сенатор Джон Линдер 1 сентября 2009 года внес резолюцию, в которой отмечалось значение Шанхайского коммюнике 1972 года. В коммюнике утверждалось о существовании «одного Китая» [5]. Однако резолюция была принята без консультации с Конгрессом и народом Тайваня. Поэтому Конгресс считает: 1. Президенту необходимо отказаться от «политики одного Китая» и принять «политику одного Китая, одного Тайваня», для обеспечения Тайваню независимости; 2. Президенту необходимо начать процесс восстановления нормальных дипломатических отношений с Тайванем; 3. Представитель США при ООН должен поддерживать участие Тайваня в ООН и в других международных организациях, в которых работает США [19].

В октябре 2009 года, конгрессмен Роб Эндрюс предложил принять резолюцию H.Con.Res.200 о свободе, безопасности Тайваня. По его мнению, существуют серьезные опасения в развертывании КНР баллистических ракет, направленных на Тайвань. По мнению конгрессмена, Президенту следует добиваться от КНР в отказе от применения силы против Тайваня [9].

Продажа Тайваню вооружения оборонительного характера обсуждались в Конгрессе в ноябре и декабре 2009 года. Конгрессмен Джо Бартон предложил резолюцию H.Res.927, посвященную политике США в отношении предоставления оружия Тайваню для обеспечения его самообороны [12].

В период президентства Джорджа Буша-младшего США продавали Тайваню оружие оборонительного и наступательного характера. В первый год президентства Барака Обамы речь шла только об оборонительном вооружении.

В 2008 году состоялись выборы президента Тайваня. Президентом стал Ма Инцзю. В 2009 году сенаторы: Джон Коньерс, Кенни Марчант, Джо Бартон, Эмануэл Кливер, Майкл Хастингс, Петер Роскам, Марио Диас-Баларт, поздравили Ма Инцзю с избранием в Президенты и выразили благодарность за политику по уменьшению напряженности в Тайваньском проливе. Конгрессмены отметили, что политика Ма Инцзю способствовала возобновлению прямых авиаперевозок между Тайванем и материковым Китаем. В целом курс Ма Инцзю был направлен на тесное сотрудничество с правительством США, об этом говорил сенатор Кенни Марчант [20].

В 2010 году вопрос о продаже оружия Тайваню остался одним из самых актуальных. Его поднимали сенаторы: Кей Гренджер, Джон Корнин, Джефф Сешнс и другие. По их мнению, Тайвань обладает устаревшим вооружением,

которое требует не только модернизации, но и поставки более современного оружия, при чем не только оборонительного, но и наступательного характера.

Сенатор Джона Корнина 16 марта 2010 года, в своей речи отметил, что 29 января Государственный департамент одобрил пакет вооружений для Тайваня в размере 6,4 млрд. долл. В пакет входили: противоракетный комплекс «Патриот» – 114, многоцелевые вертолеты «Блэк-Хок» – 60, крылатые ракета «Гарпун», противоминные корабли класса «Оспри». Продажа «Оспри» была сделана на основании закона S.3847 – Security Cooperation Act of 2010 года.

Однако этого вооружения, по словам сенатора, недостаточно. Поэтому Тайвань запросил 66 новых боевых самолетов F-16 C/Ds. Запрос новых самолетов был связан с плохим состоянием ВВС Тайваня, что могло спровоцировать агрессию КНР. Джон Корнин отметил, что 21 января Министерство обороны США предоставило доклад о текущем состоянии ВВС Тайваня. В нем, говорилось о 400 на Тайване боевых самолетов. но они требуют обновления. Тайваньские истребители F-5 являются устаревшими моделями и не подлежат модернизации. 126 истребителей Тайваньского производства не устойчивы к дальним вылетам, а 56 французских истребителей Mirage 2000-5 требуют дорогого технического обслуживания.

Джон Корнин обращает внимание Конгресса, что в прошлом качественное военное преимущество над Китаем позволило Тайваню развиваться по демократическому пути. Из-за увеличения в КНР расходов на оборону, Тайвань значительно отстал в своем вооружении. Об этом говорит годовой отчет Министерства обороны США, о вооруженных силах КНР. В 2002 году Тайвань «на протяжении многих лет пользуется господством над воздушным пространством Тайваньского пролива», а в 2009 году потерял этот статус. В выступлении Джон Корнин приводит слова президента Тайваня Ма Инцзю, о продаже оружия его стране: «Чем больше мы получим, тем безопаснее мы себя чувствуем, тем больше взаимодействия мы можем иметь с материковым Китаем. Новое оружие поможет нам развить международные связи и обеспечить Тайваню решительную защиту и эффективное сдерживание» [26].

США продавали Тайваню в основном оборонительное оружие. Последняя сделка была на 6 млрд. долларов и вызвала негативную реакцию со стороны китайского руководства. По информации американской ежедневной газеты «Нью-Йорк таймс»: «Пекин отреагировал на продажи оружия угрозами торговых санкций, которые ставят под угрозу деятельность некоторых крупных американских компаний, такие как Boeing» [14].

Помимо вооружения в 2010 году в Конгрессе активно обсуждал вопросы развития партнерства между США и Тайванем. 6 мая 2010 года была принята резолюция H.Con.Res.276. В ней Конгресс отметил, что президент

Барак Обама должен способствовать расширению торговых возможностей с Тайванем [10]. В свою очередь Тайвань делает все возможное, чтобы упростить торговые связи с США.

17 мая 2010 года сенаторы уделили большое внимание сотрудничеству штата Юта и Тайваня. 23 июля 2010 года отмечалась 30-я годовщина экономического и политического сотрудничества между странами. По данным на 2010 год: экспорт товаров из штата Юты в Тайвань достиг 727 млн. долл., с 2007 года экспорт товаров вырос более чем на 244% [25].

Конгресс активно выступал за установление связей Тайваня с мировым сообществом. 14 сентября 2010 года Скотт Гарретт предложил резолюцию H.Con.Res.316. В ней отмечалось, что Тайвань заслуживает право получить членство в ООН [16]. Практика внедрения Тайваня в международное сообщество в качестве самостоятельного субъекта продолжается и в 13 сентября 2011 года сенатор Скотт Гарретт представил резолюцию H.Con.Res.77, в которой снова высказывалось мнение о необходимости участия Тайваня в ООН [15].

14 марта 2011 года, сенатор Джерри Коннолли выступил в поддержку участия Тайваня в Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН). Участие Тайваня в статусе неправительственной организации в мероприятиях РКИК ООН недостаточно эффективно. В связи с этим сенатор настаивал на том, чтобы Тайвань принял участие в РКИК ООН официально, поскольку Всемирная ассамблея здравоохранения уже пригласила Тайвань для участия в его деятельности в качестве официального наблюдателя в 2009 и 2010 годах [15]. 13 мая 2011 года сенаторы снова подняли в Конгрессе вопрос о вступлении Тайваня в ООН и получении полного и равного членства во всех ее дочерних организациях, в том числе во Всемирной Организации Здравоохранения [27].

В 2011 году был поднят вопрос о продаже оружия Тайваню. 13 мая 2011 года была опубликована резолюция H.Con.Res.39. В ней Конгресс выражал серьезную озабоченность в связи с развертыванием КНР более 1400 баллистических ракет, направленных на Тайвань. Эта акция угрожала безопасности в Тайваньском проливе. Конгресс призывал Президента США предпринять меры по отказу КНР от применения силы против Тайваня [8]. Президент США должен предпринять шаги для исправления баланса ВВС Тайваня и оперативно перейти к продаже ему новых самолетов F-16 C/Ds и модернизировать существующий флот A/B F-16 [11].

15 апреля 2011 года сенатор Кай Гренджер указала на то, что с 2006 года велись дебаты о необходимости продать Тайваню самолеты F-16 C/Ds. Если в ближайшее время эти планы не будут реализованы, Тайвань найдет другого экспортера, а США понесут финансовые потери и сокращение рабочих мест. Продажа новых F-16 C/Ds имеет важное значение для улучшения экономики Техаса, где производятся данные самолеты.

Конгресс настаивал на продаже новых F-16 C/Ds Тайваню. Но Барак Обама не спешила с поставкой самолетов, потому что против этого категорически выступал Пекин. Президент не хотел обострять отношения с КНР [18]. Конгресс США последовательно добивался принятия решения о поставке новых самолетов на Тайвань. 17 февраля 2012 года сенатор Кенни Марчант поддержать Закон о модернизации ВВС Тайваня H.R.2992. Сенатор Джон Корнин представил сопутствующий законопроект в Сенате. Это законодательство должно было заставить Президента США на разрешение продать Тайваню не менее 66 самолетов F-16 C/Ds [21].

В мае 2012 года в Палате Представителей Конгресса США выходит резолюция H.Con.Res.122, предложенная сенаторами Майклом Макколом, Робертом Эндрюсом. В ней отмечалось, что президенту Бараку Обаме необходимо отказаться от политики «одного Китая», а активнее выступать за «политику одного Китая, одного Тайваня». Тайвань следует признать суверенной и независимой страной отдельно от недемократического правительства КНР.

25 января 2013 году сенаторы Илеана Рос-Лехтинен, Албио Сирес, Марио Диас-Баларт, Джерри Коннолли представили законопроект H. R. 419. Данный законопроект был призван развивать коммерческие, культурные и другие отношения между Тайванем и США. В политическом треугольнике Тайвань-КНР-США продолжают основываться на шести заверениях, зафиксированных в документах в 1982 году [4].

Конгресс уполномочивает Президента США проконтролировать, получение Тайванем все необходимые средства для обороны страны: воздушные, морские и наземные вооружения; а также способствовать партнерству Тайваня с дружественными иностранными военными силами [6].

В 2014 году политика США была направлена на развитие дружественных отношений с Тайванем, в основе которой лежал Закон о тайваньских отношениях. 8 апреля 2014 года на рассмотрение Конгресса поступила резолюцию H.R.3470. В ней Конгресс: 1. подтверждал свою приверженность Закону о тайваньских отношениях как краеугольный камень отношений между США и Тайванем; 2. заявлял о своей поддержке демократических институтов Тайваня; 3 подтверждал, что мир в Тайваньском проливе должен поддерживаться в интересах Азиатско-Тихоокеанского региона; 4. поддерживал приверженность США безопасности Тайваня; 5. подтверждал свою приверженность развитию торговых и инвестиционных отношений между США и Тайванем. В разделе 102 резолюции Конгресс уполномочил Президента передать на продажу ракетные фрегаты типа «Оливер Хазард Перри»: Taylor, Gary, Carr и Elrod в Тайбэйское экономическое и культурное представительство США [23].

Проблема продажи оружия Тайваню, стала важной темой в Конгрессе. 19 мая 2015 года сенатором Джоном Маккейном был опубликован законопроект

S.1376. Он представлял собой «Закон о национальной обороне в 2016 финансовом году», где отдельная глава была посвящена Тайваню. Одновременно Конгресс настаивал на проведении военных учений для Тайваня на территории США, а именно на Аляске и в штате Невада.

О данном законопроекте Сенат высказал мнение. Первое. В соответствии с законом о взаимоотношениях с Тайванем, США должны предоставлять такие услуги Тайваню в области обороны, которые создадут ему достаточный уровень самообороны; Второе. США продолжат поддерживать усилия Тайваня по сбалансированию растущего военного потенциала КНР. Поэтому необходимы поставки быстроходных судов, крылатых ракет прибрежной обороны, системы восстановления взлетно-посадочных полос, мин и подводных лодок; Третье. Военные силы Тайваня должны участвовать в военно-учебных мероприятиях, проводимых США; Четвертое. Тайваню необходимо участвовать в учениях, включающих реальную боевую подготовку по программе «воздух-воздух»; Пятое. Необходимо привлечь Тайвань к участию в переподготовке своих наземных войск [22].

В 2016 году президентом Тайваня стала Цай Инвэнь, представитель Демократической прогрессивной партии. Новый Президент, отказался поддерживать концепцию «одного Китая». КНР при этом остается верна выгодной для нее концепции «одного Китая» [7]. Такое положение дел в Тайваньском проливе приводит к очередному росту напряженности, массированным накоплениям вооруженных сил по обе стороны пролива. Президент Цай Инвэнь неоднократно подтверждала, что «остров не подчинится давлению Пекина».

Конгресс требует, чтобы Министерство обороны США и Государственный департамент совместно сообщили о шагах, предпринятых Соединенными Штатами по транспортировке на Тайвань оружия оборонительного характера в соответствии с Законом о взаимоотношениях с Тайванем [1].

Таким образом, одним из направлений внешней политики Соединенных Штатов Америки [2] в 2009-2017 гг. являлось развитие дружественных отношений с Тайванем, и поддержка его в глазах мирового сообщества в качестве суверенного государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Балуев Д.Г., Грачев С.И. и др.* Историческое влияние выборов на Тайване // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Политика и политические науки. 2016.
2. *Волошина А.В.* Тайваньский вопрос в современных отношениях Китая и США // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2020. № 7.
3. *Лексютин Я.В.* Внутривосточная ситуация на Тайване в 2000-2006 гг. В контексте отношений между двумя сторонами пролива // Вестник

Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2007. Серия 6. Вып. 2. Ч. 1.

4. *Лексютина Я.В.* Политика США по отношению к Тайваню в контексте американо-китайских отношений в начале XXI // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Том 5. № 1.

5. *Лексютина Я.В.* США и политика «Одного Китая» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Том 10. № 5.

6. *Макурин А.И., Возмищева М.А.* Некоторые итоги деятельности Б. Обамы // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 11 // <https://human.snauka.ru/2016/11/17653>.

7. *Турицын И.В., Рау Иоганн.* Тайвань во внешнеполитической стратегии КНР: исторические условия возникновения и трудности решения проблемы // Современная научная мысль. 2019. № 4.

8. *Яковлев П.П.* Президентство Б. Обамы: предварительные итоги // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 3 (7).

9. *Andrews R.* Library of Congress Site. 2009 // <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-concurrent-resolution/200/text>.

10. *Andrews R.* Library of Congress Site. 2010 // <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-concurrent-resolution/276/text>.

11. *Andrews R.* Library of Congress Site. 2011 // <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-concurrent-resolution/39>.

12. *Barton J.* Library of Congress Site. 2009 // <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-resolution/927/text>.

13. *Berkley Sh.* Library of Congress Site. 2009 // <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-concurrent-resolution/55>.

14. *Bowring Ph.* Who Needs Whom More? // The New York Times. 2010 // <https://www.nytimes.com/2010/02/04/opinion/04iht-edbowring.html>.

15. *Connolly G.* Library of Congress Site. 2011 // <https://www.congress.gov/congressional-record/2011/3/14/extensions-of-remarks-section/article/e476-5?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Taiwan%22%5D%7D&r=13>.

16. *Garrett S.* Library of Congress Site. 2010 // <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-concurrent-resolution/316/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22taiwan%22%5D%7D&r=5>].

17. *Garrett S.* Library of Congress Site. 2011 // <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-concurrent-resolution/77/text>.

18. *Granger K.* Library of Congress Site. 2011 // <https://www.congress.gov/congressional-record/2011/4/15/extensions-of-remarks-section/article/e764-1?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Taiwan%22%5D%7D&r=23>.

19. *Linder J.* Library of Congress Site. 2009 // <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-concurrent-resolution/18/text>.

20. *Marchant K.* Library of Congress Site. 2009 // <https://www.congress.gov/congressional-record/2009/5/13/extensions-of-remarks-section/article/e1132>.

21. *Marchant K.* Library of Congress Site. 2012 // <https://www.congress.gov/congressional-record/2012/2/17/extensions-of-remarks-section/article/e226-2?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Taiwan%22%5D%7D&r=4>.

22. *McCain J.* Library of Congress Site. 2015 // <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/1376?r=83>.

23. *Royce E.* Library of Congress Site. 2014 // <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-bill/3470/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22taiwan%22%5D%7D&r=27>.

24. Senate. Library of Congress Site. 2009 // <https://www.congress.gov/congressional-record/2009/7/21/senate-section/article/s7794-1?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Taiwan%22%5D%7D&r=63>.

25. Senate. Library of Congress Site. 2010 // <https://www.congress.gov/congressional-record/2010/5/17/senate-section/article/s3822-1?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Taiwan%22%5D%7D&r=22>.

26. Senate. Library of Congress Site. 2010 // <https://www.congress.gov/congressional-record/2010/3/16/senate-section/article/s1613-2?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Taiwan%22%5D%7D&r=10>.

27. *Towns E.* Library of Congress Site. 2011 // <https://www.congress.gov/congressional-record/2011/5/13/extensions-of-remarks-section/article/e888-4?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Taiwan%22%5D%7D&r=32>.

CHE QINGZHOU

*Postgraduate student, Higher School of International Relations,
The Humanitarian Institute of St. Petersburg
Polytechnic University named after Peter the Great,
St. Petersburg, Russia*

N.P. KALASHNIKOVA

*Head of the Department of the Assembly of Peoples of Kazakhstan
Doctor of Political Sciences, Professor of the Eurasian
N. Gumilyov National University, Kazakhstan, Astana*

THE ROLE OF CONGRESS IN US FOREIGN POLICY (TAIWAN'S CASE DURING THE PRESIDENCY OF BARACK OBAMA)

Relations between the United States of America and Taiwan have always been in the spotlight of the world community. Special attention to this problem has always been in the USA. The United States has always supported Taiwan's independence and sovereignty on the basis of signed agreements. The U.S. Congress played a leading role in this policy. The Congressmen's position on the Taiwan issue has always been aimed at supporting the island. One of the central issues in support of Taiwan is the issue of providing the island with modern weapons. In 2010, US President Barack Obama presented the US National Security Strategy program, which proclaims a new approach to the foreign policy of the United States and in particular Taiwan. The purpose of this document was to deepen U.S. participation in the Asia-Pacific region. The main thing was to establish positive relations with Taiwan. The US Congress paid the closest attention to the problem of Taiwan. Senators regularly raised issues of assistance to Taiwan. The main issues were: ensuring Taiwan's security and widespread arms sales, Taiwan's participation in the activities of various international organizations, extensive cooperation between the United States and Taiwan on trade, education and culture, as well as the possibility of visiting the United States by high-ranking representatives of Taiwan. This position of the senators was explained by China's inflexible policy towards Taiwan. In contrast to the "one China" policy, the senators put the US policy towards Taiwan – "one China, one Taiwan".

Key words: *Taiwan, United States of America, People's Republic of China, U.S. Congress, President, Barack Obama.*

П.С. ЮРЧЕНКО

аспирант факультета глобальных процессов
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

КУРДСКИЙ ВОПРОС КАК СОВРЕМЕННАЯ УГРОЗА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Данная статья освещает актуальную проблему курдского вопроса и его влияние на Турецкую Республику в современном мире. Работа направлена на анализ различных аспектов конфликта между турецким правительством и курдскими группировками, включая исторические корни, политические угрозы и проблемы, и геополитические последствия. Курдские организации стремятся к созданию независимого и суверенного государства Курдистан, которое может образоваться на территории четырех существующих переднеазиатских государств: Турции, Ирана, Ирака и Сирии.

Статья начинается с обзора исторического контекста курдского вопроса, включая территориальные амбиции курдского населения и отношения с турецким государством и его правительством. Далее проводится анализ современной обстановки и влияния конфликта на стабильность и безопасность в регионе Ближнего Востока, включая рассмотрение военных операций вооруженных сил Турции на территории Сирийской Арабской Республики и Республики Ирак: «Щит Евфрата», «Оливковая Ветвь», «Источник мира», «Коготь-Орел» («Коготь-Тигр»), «Коготь-Орел-2», «Коготь-Замок» и «Коготь-меч». Также в материале статьи приводится обоснование проведения данных операций.

В статье предлагаются к рассмотрению возможные сценарии развития конфликтной ситуации между Турецкой Республикой и курдскими формированиями, которые могут привести к завершению конфликта и возможным последствиям.

Автор также подчеркивает роль США в поддержке курдов и их деятельности на Ближнем Востоке. Соединенные Штаты Америки продолжают оказывать помощь курдским движениям по причине возможных угроз своему доминированию и нахождения в регионе политических оппонентов в лице Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Исламской Республики Иран.

Ключевые слова: *Турецкая Республика, курдский вопрос, Курдистан, курды, Рабочая партия Курдистана, США.*

Ближний Восток является местом проживания различных народов, этнических и этнолингвистических групп. Практически каждый из них с XX века обрел независимость и сформировал государство в рамках сложившихся обстоятельств и предпосылок. Одним из наиболее многочисленных народов мира без собственного государственного образования и суверенитета (около 30 миллионов человек) является народ курдов.

Курды – это один из ряда многочисленных коренных народов Месопотамских равнин и высокогорий и Анатолии, который проживает на территориях следующей современных государств: Турции, Ирака, Ирана и Сирии. Первое упоминания о них приходится на VIII-IX века нашей эры из работ арабских и персидских писателей. Множество представителей современной курдской народности либо относят себя к жителям определенного государства, на территории которого они проживают, либо придерживаются своего генеалогического происхождения, являясь сторонниками идеи сохранения своей культурной идентичности.

Они являются наследниками арийской (индоиранской) культуры. Курдская народность сложилась в условиях кочевания, чему свойственна миграция и проживание в палаточных условиях с разведением скота [2]. Как таковой, термин «курд» (тур. «Kürt») – является турецким по своему происхождению, как считают исследователи из Турции, но упоминались они по-разному в зависимости от общепринятых наименований своих племен. Относительно этого стоит заметить, что после руководства первого президента Турецкой Республики, Мустафы Кемаля Ататюрка, их называли «горные турки» [9. С. 79].

Основной задачей, которой ставят перед собой курды, является создание свободного и независимого государства Курдистан, которое будет располагаться на территории 4 стран: Сирии, Турции, Ирана и Ирака. Курдский народ не смог создать свое государство в результате распада Османской империи и после установления границ Турцией в результате Лозаннского мирного договора 1923 года, так как курды не имели достаточного влияния и не могли ничего противопоставить формировавшимся турецкому и арабским правительствам. Вследствие этого, развилась радикализация идей создания курдской страны, которая побуждает этнических курдов к террористической деятельности и боевым столкновениям с легитимными государственными образованиями. Данные явления активно подавляются военными структурами стран, на территории которых они проходят.

Относительно действий курдов в Турецкой Республике, стоит заметить, что позиция курдской части населения страны была больше привержена к поддержке создателя Республиканской народной партии Турции, «отца

турок», Мустафа Кемал Ататюрк, который обещал развивать концепцию равных прав между турецким и курдским населением в рамках борьбы против империалистов. Ситуация кардинальным образом изменилась после Второй, греко-турецкой войны 1919-1922 гг., она же Турецко-греческий фронт в рамках Войны за независимость Турции. Тогда первый президент Турецкой Республики ввел запрет на использование слова «курд» и курдского языка соответственно, что спровоцировало восстание в 20-30-х годах XX века и последовавшую «Дерсимскую резню» 1937-1938 годах [9. С. 69].

Спустя почти 25 лет произошел военный конфликт между курдами иракского Курдистана и правительством Ирака, в результате которого произошло поражение сепаратистской стороны. В 1965 году студенческим сообществом высших учебных заведений ТР Молодежной революционной федерации Турции (тур. Türkiye Devrimci Gençlik Federasyonu, сокр. МРФТ), которая спустя 6 лет была внесена в список запрещенных организаций после военного переворота в стране, из-за чего часть членов МРФТ организовали подпольную деятельность отдельных групп данного формирования.

В 1978 году национализм курдского населения Турции, именуемый курдизм, привел их к созданию Абдуллой Оджаланом Рабочей партии Курдистана, она же РПК, которая ставила перед собой цели в виде противостоянии империализму и, как было выше упомянуто, образования независимого государства Курдистан. Для достижения успеха в объединении курдов необходимо было вести радикальные действия и политику, осуществляя борьбу со странами и их руководствами (Иран, Ирак, Сирия, Турция), на территории которых они проживали. Так, например, борьба с турецким правительством приобрела партизанский характер в 1984 году. Реакция турецкой стороны была незамедлительной. Так, было объявлено чрезвычайное положение и введена регулярная армия на юго-восток страны.

В это время Абдулла Оджалан организовал на территории Сирии, с позволения ее президента Хафез Асада, отца нынешнего президента страны Башара Асада, учебные и тренировочные пункты для военных формирований РПК. Основную поддержку курдские националисты получали от европейских стран и их главного союзника США. Ситуация преобразовалась под конец XX века. Сирийский президент не хотел ухудшения отношений с соседним турецким государством, из-за чего рекомендовал лидеру Рабочей партии Курдистана найти новое убежище и плацдарм для своих действий. Его поиски были безуспешными, и уже в 1999 году был похищен и передан властям Турции, которые, изначально, вынесли ему приговор в виде смертной казни, но впоследствии, изменили на пожизненное заключение. После этого, до 2005-2006 годов курдские формирования действовали крайне редко, но после вновь начали активно заниматься дестабилизацией ситуации в регионе. Во время курдской оккупации северной части территорий Сирийской Арабской Республики были созданы военные базы.

В периоды своего заключения Абдулла Оджалан формировал различные идейные подходы для объединения курдов и формирования единого Курдистана, например, через создание автономной области на территории Турции или через концепцию «демократического конфедерализма», где должны были действовать различные уровни самоуправления, а само государство будет заменено гражданским обществом. Из этого следует то, что этнические революционные движения региона Ближнего Востока объединятся ради реализации своих политических идей и концепций. На данный момент Оджалан выступает в роли идейного вдохновителя РПК, в то время как руководителем организации выступает Джамиль Байек, один из ее основателей.

Рабочая партия Курдистана развернула свою деятельность на территории четырех соседствующих стран, которые выступают против потери своего территориального суверенитета. Стоит заметить, что на территории Турции действовала радикальная группировка «Хизболла» (курд. Hizbullahî Kurdî), которая прекратила свое существование в 2000 году. Она была настроена против деятельности РПК в виду различий в целях и концепциях, в частности, в основополагающей идеологии, где Курдская Хизболла ставила во главе идеи исламского фундаментализма, в то время как Рабочая партия Курдистана была приверженцем курдского национализма.

Турецкое правительство, из-за приверженности в разные периоды времени разными идеологическим целям, таким как неоосманизм и пантюркизм, желает создать прочную связь с тюркскими народами, а создание Курдистана внесет дестабилизацию в долгосрочные планы и создаст серьезные угрозы на пути реализации как своей внешней, так и внутренней политики. По этой причине, Турция проводила военные операции против курдских сил на севере Сирии и в Ираке, которые включали авиаудары, наземные операции и артиллерийские обстрелы по курдским объектам, происходило давление в отношении контролируемых курдами районов в обеих странах. Турция также пресекла политическую деятельность курдов в пределах своих собственных границ, арестовывая и преследуя в судебном порядке курдских активистов и политиков. Турцию также обвиняли в совершении нарушений прав человека в отношении курдов, включая внесудебные казни, произвольные аресты и принудительное их переселение. При этом, на территории ТР работают подпольные группы и партизанские отряды РПК, в то время как штаб-квартира организации находится в Иракском Курдистане, в горном хребте Кандиль на северо-западе Ирака.

Турецкое правительство, с целью снижения угрозы в лице курдских сепаратистов, провела различные специальные военные операции в их отношении. На данный момент были проведены следующие спецопераций:

- «Щит Евфрата» (2016-2017) в Сирии. Данная операция проводилась с августа 2016 года в связи с различными проблемами и угрозами

для Турецкой Республики, среди которых: действия террористов из организации ИГ (запрещена на территории РФ), дальнейшее продвижения курдских группировок и последующее возможное объединение турецких, сирийских, иранских и иракских курдов на севере Сирии [5]. Стоит учитывать, что в тот период времени Турция была против правления президента Башара Асада и всячески с союзниками хотела ослабить его режим, добиться улучшения отношений с тюркским населением в Алеппо, Латакии и других провинциях, а также поддерживала оппозиционные силы, среди которых Свободная сирийская армия (сокр. ССА), что создаст ряд новых испытаний для Дамаска. Непосредственно, Анкара хотела добиться создания безопасной зоны, отодвинув враждебно настроенные военные формирования от своих границ до города Эль-Баб и Манбидж. По направлению последнего курды вели успешное наступление. Спецоперация продлилась до марта 2017 года. Результатами стало то, что были созданы условия для возвращения беженцев на территорию, которая охранялась местными полицейскими группами, и где активно проводились восстановительные работы по возведению образовательных и медицинских учреждений.

- «Оливковая ветвь» (2018) в Сирии. Правительство Турецкой Республики 20 января 2018 года заявило о том, что будет проводить новую военную операцию в районе Африн на северо-западе САР с целью нейтрализации активности курдских формирований, в том числе и из РПК, и ИГИЛ (запрещена на территории РФ) и недопущения создания террористического коридора и армии террористов на границе [7]. Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган сообщил, что Рабочая партия Курдистана и подвластные ей военизированные группировки создают проблему выживания государства, которая может существовать на постоянной основе [3]. То есть, она подверглась террористическим актам, и имеет право совершить ответные военные действия с целью самообороны на организации, которые находятся вне ее границ и от которых исходят угрозы нападения, тем самым, позволяя использовать свои вооруженные силы с целью их ликвидации. Именно в этом контексте Турция провела операцию «Оливковая ветвь» и действовала в рамках самообороны, ссылаясь на террористические атаки, которые участились в стране с 2015 года. Она продлилась около двух месяцев и была завершена 18 марта, когда турецкие вооруженные силы совместно со Свободной сирийской армией взяли под контроль город Африн.

- «Источник мира» (2019) в САР. 9 октября 2019 года было объявлено о начале проведения новой военной операции [4]. Цель – снижение террористической угрозы для стабилизации ситуации в регионе и создание мирной обстановки путем ликвидации лояльных формирований РПК и Сирийских демократических сил (сокр. СДС), и установления безопасной зоны на севере Сирии для переселения беженцев с территории Турецкой Республики. В тот момент, турецкое правительство видела серьезный рост

угрозы от сирийских курдских формирований, которые совместными силами со своими идейными сподвижниками из соседних стран смогут сформировать независимое государство. Вооруженные силы Турции и поддерживаемая ей оппозиция прошли далее по южному направлению от сирийско-турецкой границы, из-за чего курдские группировки потеряли преимущество по нападению на объединенные силы.

- «Коготь-Орел», «Коготь-Тигр» (2020) в Ираке. Проведение операции началось в июне 2020 года, и она завершилась спустя 3 месяца. Операция проводилась в северных районах Республики Ирак, а именно в Синкаре, Кандиле, Карачак, Запе, Авашин-Басьяне и Хакурке [6]. В результате проведения были уничтожены курдские базы в пещерах в горах и точки их дислокации на видимых участках.

- «Коготь-Орел-2» (2021) в Ираке. Цель операции состояла в том, чтобы нанести удар по опорным пунктам РПК в регионе Гара. Операция началась 10 февраля и продлилась четыре дня [11]. В ней участвовали наземные войска, подразделения спецназа и воздушные силы. Турецкое правительство обосновало операцию необходимой мерой для защиты своей границы от терроризма и предотвращения установления присутствия РПК на севере Ирака.

- «Коготь-Замок» (2022) в ИИ. Турецкие вооруженные силы объявили о начале военной операции на севере Ирака в районах Метина, Зап и Авашин-Басян в 2022 году [8]. Операция была направлена на нейтрализацию угрозы, исходящей от Рабочей партии Курдистана (РПК) и других террористических организаций в регионе. Турецкие военные нанесли авиаудары и провели наземные операции в отношении объектов РПК в горах Кандиль и других районах на севере Ирака. Операция подвергается критике со стороны иракских официальных лиц, которые обвинили Турцию в нарушении суверенитета Ирака и причинении ущерба гражданскому населению.

- «Коготь-меч» (2022) на территории Сирии и Ирака. В связи с террористическим актом, произошедшем в городе Стамбул на улице Истикляль 13 ноября 2022 года, было объявлено о начале новой операции «Коготь-меч». Обвинения в совершенном взрыве были представлены Рабочей партии Курдистана, которая отрицала какую-либо причастность. Так, ВВС Турции стали наносить авиаудары по позициям СДС и военизированным формированиям РПК. По заявлению турецкого правительства, около 90 объектов расположения курдских террористов были подвергнуты атакам с воздуха. 20 ноября того же года операция завершилась. Министр обороны ТР Хулуси Акар заявил, что операции будут проводиться «до последнего террориста» [10]. Напряженность после проведения операции сохраняется.

Важно заметить, что турецкое правительство отмечает, что специальные военные операции на территориях соседних стран в отношении курдских сепаратистских движений проводятся в соответствии статье 51

Устава Организации Объединенных Наций с правом на индивидуальную или коллективную самооборону [12]. Но, прежде чем воспользоваться правом на самооборону, международное сообщество ожидает, что страна, которая воспользуется этим правом, представит доказательства в поддержку своего утверждения и убедит мир в этом вопросе. В данной ситуации, у Турции имеется ряд аргументов, среди которых удары с подконтрольных курдских территорий и террористические акты, принесшие потери среди мирного населения.

Правительство Турецкой Республики, видя явную угрозу в агрессивной риторике курдского сепаратизма, предлагает усилия в виде военных операций, боевых столкновений, применения силовых методов и иных инструментов ведения военных действий. Такой подход демонстрирует серьезность намерений Турции для решения комплексной угрозы, которая может перерасти в серьезную проблему при консолидации и объединении курдского народа на Ближнем Востоке. При этом, такой курс в данном направлении приведет к логическому завершению сложившихся обстоятельств в различных сценариях:

- Полная ликвидация курдских формирований и движений. Так, будет сохраняться угроза от «спящих ячеек» и «спящих одиночек», которые необходимо искоренять и действовать в формате превентивных мер. Но стоит учитывать, что курды расположены на территории разных государств, которые могут предоставить Турецкой Республике возможность для решения данной проблемной ситуации в свою пользу. То есть, это означает, что страны могут вернуть контроль над областями, которые находились под контролем курдской оппозиции и организаций.

- Дипломатическое урегулирование и переговоры о мире. Маловероятный сценарий, при котором правительство в Анкаре будет ставить условия для курдов по отказу от создания независимого и суверенного Курдистана, упразднении всех организаций по борьбе за курдскую автономию. Любой отказ будет восприниматься турецкой стороной как сигнал к полной ликвидации и переходу к первому сценарию. Помимо этого, может быть и вариант того, что третья страна, из числа поддерживающих курдские силы, или международная организация может настоять на проведении мирных переговоров двух сторон.

- Замораживание конфликта. Также является маловероятным, так как это будет означать возможность для наращивания сил курдами и Турцией, что может привести к более ожесточенной форме боевых действий.

Турция рассматривает курдский вопрос как серьезную проблему безопасности и долгое время выступает против создания независимого курдского государства. Турция участвовала в военных операциях против курдских группировок и боевиков как на своей территории, так и в соседних государствах, и заняла жесткую позицию в отношении любых сепаратистских

движений с идеологией курдизма. Турция также критиковала США и другие страны за оказание военной и политической поддержки курдским силам. Несмотря на это, Турецкая Республика также прилагает усилия для улучшения своих отношений с курдским населением на своей территории, в том числе посредством экономических и культурных инициатив, стремясь интегрировать курдские общины в турецкое общество и минимизировать угрозу внутри своих границ. Но конфликтная ситуация по курдскому вопросу продолжается оставаться актуальной в современности без видимого исхода.

Курды долгое время стремятся к автономии и независимости, и находятся в конфликте с турецким правительством. Анкара рассматривает потенциальное возникновение независимого курдского государства как угрозу своей территориальной целостности и обеспокоена тем, что это может привести к дальнейшим беспорядкам в регионе, а также ослаблению самой Турецкой Республики. Следует заметить, что Турция предпринимает все доступные варианты, чтобы предотвратить это, неоднократно приводя утверждение, что не допустит присутствия курдских сил у своих границ.

Стоит также заметить то, что политика США и их ухода с Ближнего Востока, которая впервые была упомянута при администрации президента Джимми Картера, не является реальной в нынешней перспективе в связи со сложившимися условиями современного геополитического положения. Поддержка курдских формирований не прекратится, так как Соединенные Штаты видят до сих пор угрозу для себя с данного региона в лице Ирана и его союзников. США не готовы вывести свои вооруженные силы из Ирака, если не будет крайней необходимости. Но стоит понимать, что даже полный уход американской стороны не снизит ее влияние в Ираке и регионе. Этому свидетельствует активная поддержка и спонсирование автономного региона Южный Курдистан. Турция в ответ на подобные действия вернулась к конфронтационной риторике [1. С. 509-514]. Помимо этого, стоит учитывать присутствие на Ближнем Востоке политических противников Вашингтона, которыми являются Российская Федерация и Китайская Народная Республика. Москва с 2015 года оказывает Сирийской Арабской Республике поддержку по стабилизации ситуации в ходе гражданской войны. Стоит упомянуть, что Россия стремится развивать отношения со странами региона, проявляя «гибкость» дипломатии. Пекин также взаимодействует со странами Ближнего Востока, где отношения имеют более экономический характер. Таким образом, Соединенные Штаты Америки будет вносить дальнейшую нестабильность в регион через поддержку курдов и их желания стать независимыми, чтобы ослабить ИРИ и соседние государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аскерова Э.Ф. Курдский вопрос в отношениях США и Турции // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 2 (66).

2. Баты Асья вэ Чевре Халкларынын Антик ДЭНЭЭЙ Анализи [Анализ древней ДНК народов Западной Азии и соседних народов] // Nezi Seven // <https://neziseven.wordpress.com/2020/05/04/dna/> (на турецком языке; *Bati Asya ve Çevre Halklarının Antik DNA Analizi*).

3. Гюней Сынырымызы Терерден Арындырма Операсйонуну Африн’ле Дэвам Эттиречез [«Мы продолжим операцию по демилитаризации нашей южной границы с Африном»] // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Kurumsal İnternet Sayfası // <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/89071/guney-sinirimizi-terorden-arindirma-operasyonunu-afrinle-devam-ettirecegiz> (на турецком языке; “Güney Sınırımızı Terörden Arındırma Operasyonunu Afrin’le Devam Ettireceğiz”).

4. «Источник мира» забил войной // Официальный сайт издательского дома «Коммерсантъ» // <https://www.kommersant.ru/doc/4119448>.

5. Коалиция раскалывается о «Щит Евфрата» // Официальный сайт издательского дома «Коммерсантъ» // <https://www.kommersant.ru/doc/3076946>.

6. Милли Савунма Баканлы’нын дуюрду’у Пенче – Картал Операсйону недир? [Что такое операция «Коготь – Орел», объявленная Министерством национальной обороны?] // Gerçek Gündem // <https://www.gercekgundem.com/guncel/189178/milli-savunma-bakanliginin-duyurdugu-pence-kartal-operasyonu-nedir> (на турецком языке; *Milli Savunma Bakanlığı'nın duyurduğu Pençe – Kartal Operasyonu nedir?*).

7. МЭГЭКА топлантысы сонрасы йазылы ачиклама [Письменное заявление после заседания СНБ (Совета национальной безопасности)] // Nergis TV // https://www.ntv.com.tr/turkiye/mgk-toplantisi-sonrasi-yazili-aciklama,bmw0aIaxl0mH_qqOoMejXw (на турецком языке; *MGK toplantısı sonrası yazılı açıklama*).

8. Пенче Килит Операсйону nerede йапилийор? Пенче Килит операсйон белгеси нереси? Харитадаки конуму [Где проводится операция «Коготь-Замок»? Где находится зона действия операции «Коготь-Замок»? Расположение на карте] // Gazete Vatan // <https://www.gazetevatan.com/gundem/pence-kilit-operasyonu-nerede-yapiliyor-pence-kilit-operasyon-bolgesi-neresi-haritadaki-konumu-2040266> (на турецком языке; *Pençe Kilit Operasyonu nerede yapılıyor? Pençe Kilit operasyon bölgesi neresi? Haritadaki konumu*).

9. Сафарян Л.А. Турки и курды: Вечная спираль войны на Ближнем Востоке // Свободная мысль. 2021. № 1 (1685).

10. Турция завершила операцию в Ираке и Сирии // Сетевое издание «Вести.Ru» // <https://www.vesti.ru/article/3051295>.

11. ТЭСЭКА'нын 4 гюнлюк зорлу Пенче Картал-2 харекаты'нын айрынтылары нетлешти [Стали ясны подробности 4-дневной сложной операции ВС ТР «Коготь-орел-2»] // Anadolu Agency // <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/tsknin-4-gunluk-zorlu-pence-kartal-2-harekatinin-ayrintilari-netlesti/2145577#:~:text=Türk%20Silahlı%20Kuvvetleri%2C%20Irak'ın,-2%20Harekatı'nı%20tamamladı.> (на турецком языке; TSK'nın 4 günlük zorlu Pence Kartal-2 Harekatı'nın ayrıntıları netleşti).

12. Устав Организации Объединенных Наций, подписанный 26 июня 1945 года: Глава VII: Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии // <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-7>.

P.S. YURCHENKO

*Postgraduate student Faculty
of Global Studies Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia*

THE KURDISH QUESTION AS A MODERN THREAT TO THE REPUBLIC OF TURKEY

The article highlights the topical issue of Kurdish question and its impact on the Republic of Turkey in the modern world. The paper aims to analyze various aspects of the conflict between the Turkish government and Kurdish groups, including the historical roots, political threats and challenges, and geopolitical implications. Kurdish organizations seek to establish an independent and sovereign state of Kurdistan, which could be formed on the territory of the four existing Anterior Asia states: Turkey, Iran, Iraq and Syria.

The article begins with an overview of the historical context of the of the Kurdish question, including the territorial ambitions of the Kurdish population and its relations with the Turkish state and its government. This is followed by an analysis of the current situation and the impact of the conflict on stability and security in the Middle East region, including an examination of the military operations of Turkey's armed forces in the Syrian Arab Republic and the Republic of Iraq: "Euphrates Shield," "Olive Branch," "Source of Peace," "Eagle Claw" ("Tiger Claw"), "Eagle Claw 2," "Castle Claw," and "Sword Claw." The article also provides the rationale for these operations.

The article offers for consideration possible scenarios of development of the conflict between the Republic of Turkey and Kurdish formations, which can lead to the end of the conflict. formations, which can lead to the end of the conflict and possible consequences.

The author also emphasizes the role of the United States in supporting the Kurds and their actions in the Middle East. The United States continues to assist Kurdish movements because of possible threats to its dominance and the presence of political opponents in the region in the form of the Russian Federation, the People's Republic of China and the Islamic Republic of Iran.

Key words: *Republic of Turkey, Kurdish question, Kurdistan, Kurds, Kurdistan Workers' Party, USA.*

С.Ю. АНТРОПОВА

*заместитель заведующего кафедрой, старший преподаватель
кафедры европейских языков Дипломатической академии МИД
России, Россия, г. Москва*

Н.В. ИВАНОВА

*старший преподаватель кафедры европейских языков
Дипломатической академии МИД России,
Россия, г. Москва*

ПРОБЛЕМА БЕЖЕНЦЕВ И МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В Германии вновь разгорается миграционный кризис, страна не справляется с увеличивающимся потоком мигрантов. Неконтролируемый приток беженцев в Германию способствует «росту социальной напряженности» и вызывает «разочарование» у граждан ФРГ, при этом официальные власти не могут интегрировать их в местное общество.

Ключевые слова: Германия, политические партии, выборы, миграционная политика, мигранты, миграционный кризис.

Проблема беженцев и мигрантов, нахлынувших в Европу, приобрела для европейцев политическое, гуманитарное, демографическое и социально-экономическое измерение. Показательным является то, что в Германии выпустили подготовленный и опубликованный изданием Bild манифест из 50 пунктов, объясняющий мигрантам, как правильно вести себя в стране. Документ был опубликован в издании под заголовком «Германия, у нас проблема», в нем отмечается, что последние события выявили, что в стране есть много людей, которые «борются против нашего образа жизни». Эти люди, как отмечает газета, учатся ненавидеть других и хотят запретить женщинам носить юбки и брюки, они слушают радикальных проповедников и презирают законы. Указанные 50 пунктов разъясняют приезжим, как правильно себя вести. Так, от мигрантов требуют выучить язык, прекратить многоженство и женитьбу на дочерях, быть более терпимыми. В частности, в пункте 2 указано, что каждый житель страны имеет право самостоятельно решать, во что ему верить. В издании напомнили, что в стране действует свобода в вопросе выбора сексуальной ориентации [7].

По словам представителя оппозиционного Христианско-демократического союза (ХДС), Германия находится «на пороге миграционного коллапса», а миграционная политика правительства требует радикального переосмысления. Проблемы в миграционной политике «очевидны» и присутствуют «в каждом городе и муниципалитете». При этом повсеместность и масштаб негативных последствий способствуют «росту социальной напряженности» и вызывают «разочарование» у граждан ФРГ. Для решения насущных проблем премьер Саксонии призвал федеральные власти к «смелым решениям», а именно к фундаментальному изменению миграционного законодательства.

Премьер-министр федеральной земли Саксония Михаэль Кречмер в интервью газете «Вельт» заявил, что «основная проблема в том, что они физически не справляются. Школы и детские сады перегружены, нет жилья для мигрантов, не хватает языковых курсов». Вдобавок, одна из государственных инициатив могла бы заключаться в создании комиссии из представителей политических партий и гражданского общества, предложил Кречмер. По его словам, это позволило бы достичь компромисса по вопросам миграции между федеральными и региональными властями. «Соглашение, выработанное данной комиссией, должно касаться размера социальных пособий для беженцев, мер по репатриации нелегальных мигрантов и защите внешних границ ЕС».

Представитель Свободной демократической партии Германии Штефан Томе в свою очередь отметил, что лишь 0,8% из примерно 228 000 решений о предоставлении убежища в 2022 году были вынесены в соответствии с положениями Основного закона ФРГ.

«Подавляющее большинство положительных решений были приняты на основании Женевской конвенции (о статусе беженцев), – добавил парламентарий, намекая на неэффективность ужесточения национального законодательства. Что важно, так это проведение более ясной границы между людьми, которые действительно подвергаются политическим преследованиям или бегут от конфликтов и гражданских войн, и людьми, которые руководствуются другими мотивами».

С другой стороны, риторику Кречмера поддержал сопредседатель правой партии «Альтернатива для Германии» Тино Крупалла, который призвал «подвергнуть сомнению» закрепленное в конституции право на убежище.

Федеральный канцлер Олаф Шольц настаивает на том, чтобы число нерегулярно въезжающих в Германию и ЕС людей ограничивалось. По его словам, важно, «чтобы мы сохраняли контроль над этим и его не теряли», об этом он заявил в бундестаге в правительственном заявлении по поводу предстоящего на следующей неделе саммита ЕС в Брюсселе. К тому же необходимо так же позаботиться о том, чтобы внешние границы ЕС защищались

лучше, а те податели заявлений, кому было отказано в убежище, высылались обратно.

Канцлер отметил с связи с этим единство государств ЕС по реформе Общеввропейской системы предоставления убежища GEAS. Он заверил, что удалось добиться единства с Европейским Парламентом и положение скоро вступит в силу. Германия поддержит, по его словам, земли на юге в осуществлении этого. Важно, чтобы прибывшие люди были сразу зарегистрированы.

Он так же отметил, какие меры приняло немецкое правительство для защиты немецких границ и подчеркнул, что эта защита является задачей, которую «правительство видит и воплотит в жизнь». Целью является также более быстрая процедура предоставления убежища. Запланированный «большой пакет по выдворению», над которым работает федеральное правительство, является при этом центральным.

В начале мая канцлер ФРГ Олаф Шольц заявил о решении правительства Германии направить федеральным землям дополнительно 1 млрд евро в этом году на помощь в приеме и размещении беженцев. По данным правительства ФРГ, в настоящее время люди, ищущие убежища в Германии, приезжают не только с Украины, но и из других стран. За первые четыре месяца 2023 года количество ходатайств о предоставлении убежища увеличилось на 78,4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [1]. Эта статистика ведется отдельно от более чем миллиона украинцев, прибывших с конца февраля 2022 году, которым не нужно подавать заявление о предоставлении убежища [2].

Уже в ноябре Олаф Шольц в интервью газете *Mannheimer Morgen* заявил, что до конца 2023 года Правительство Германии выделит €18 млрд федеральным землям и муниципалитетам для решения проблем, связанных с миграцией. По словам канцлера, размещение и интеграция беженцев – проблема всего государства. Канцлер добавил, что слишком много людей сейчас приезжают в Германию нелегально [6]. По его словам, внешние границы ЕС должны защищаться лучше, а просители убежища, которым было отказано, должны высылаться. Руководитель фракции блока в парламенте Мерц возлагает ответственность за недавнее повышение числа беженцев на коалицию [5].

Руководитель фракции блока Фридрих Мерц со ссылкой на миграцию заявил, что блок партий и дальше готов к сотрудничеству в этом вопросе. Но «большой путь» должна пройти коалиция (светофор). Она несет ответственность за недавнее повышение числа беженцев и за то, что «общины в Германии дошли до границы перегруженности, и она частично превышена».

Политики коалиции светофора отклоняют требование баварского премьер-министра Маркуса Зедера (ХСС) о верхней границе для приема беженцев. «Дискуссия о верхней границе является старым вином в новых

бутылках», сказал Дирк Визе, заместитель председателя фракции СДПГ газете F.A.Z со ссылкой на споры внутри блока партий осенью 2017.

В конце года Германия превысит число в 200.000 мигрантов. «То, что Зедер умалчивает умышленно, так это то, что большой вызов состоит в том, что мы правильным образом приняли гражданок и граждан Украины».

Зедер высказался в издании «Bild am Sonntag» за границу интеграции в размере 200.000 мигрантов в год. Есть расчеты, согласно которым в Германии вероятно до конца года будет подано 400.000 заявлений на предоставление убежища. Беженцы из Украины не входят сюда. Подобно Визе высказался спикер фракции СДПГ по внутривластным вопросам Себастьян Хартманн. Верхняя граница «не функционирует чисто на правовом уровне», сказал он изданию «Welt».

Зеленые не высказались в понедельник по инициативе Зедера, из чего нельзя однако же прочитать их нерешительность. Партия всегда отклоняла верхнюю границу принятия беженцев. Сдержанность связана с тем, что Зеленые не считают эту дискуссию плодотворной. Так же и СВДП критически смотрит на это предложение. Руководитель парламента фракции СВДП Штефан Томе сказал изданию «Welt», что предложение ведет систему предоставления убежища к абсурду: «Просители убежища будут в первой половине года приняты, неважно, нуждаются ли они действительно в защите или нет, а во второй половине года ищущие защиты будут высланы, неважно, нуждаются ли они в защите или нет».

Так же и в ХДС есть отдельная критика. Депутат европарламента Деннис Радтке сообщил изданию «Augsburger Allgemeinen»: «Требование о верхней границе привело уже однажды ХДС и ХСС к пропасти». Поддержку Зедер получил от руководителя парламента фракции блока партий Торстена Фрая.

Варшава уже рассматривает возможность усиления контроля на границе с Германией из-за опасений наплыва в Польшу нелегальных мигрантов с этого направления. Имеется в виду нежелательный поток из Италии, которая переживает очередной вал нелегальной миграции. Ранее Польша ужесточила контроль транспорта на границе со Словакией, чтобы бороться с потоком нелегальной миграции с балканского направления. ФРГ же усилила присутствие полиции на границе с Польшей. Эту страну она считает хабом, через который нелегальные мигранты попадают в Германию [5].

В сентябре 2023 года Шольц заявил, что число стремящихся в Германию беженцев «слишком велико». По его словам, свыше 70% беженцев в Германии ранее не были зарегистрированы, хотя находились в других странах ЕС [4]. Он добавил также, что въезд в Германию должен контролироваться более тщательно, поэтому страна усиливает охрану границ с Швейцарией, Австрией, Чехией и Польшей, а также внешние границы Евросоюза, однако он признал, что к 2030 году, когда 13 млн немцев выйдут на пенсию, стране понадобятся рабочие из-за границы.

Недавно министр внутренних дел Германии Нэнси Фезер анонсировала усиление контроля на восточной границе, считая, что полиция в некоторых районах сможет останавливать транспортные средства прямо на границе, например, если есть подозрение на незаконный ввоз мигрантов. Она так же отклонила требования министров внутренних дел земель Саксонии и Бранденбурга, приводя в качестве аргумента, что любому, кто подаст прошение о предоставлении убежища, не может быть отказано.

О намерении усилить контроль на границе заявил пресс-секретарь польского правительства Петр Мюллер ранним утром в среду в эфире телеканала Polsat. Оно было намеренно опережающим анонсированное выступление главы МВД ФРГ Нэнси Фезер, которая двумя днями раньше заявила, что Германия готовит меры дополнительного контроля на границах с Чехией и Польшей. Присутствие полиции на границах с этими странами уже усилено. Тогда же Фезер отметила, что это необходимо для прекращения деятельности незаконных перевозчиков беженцев и что она надеется на координацию действий с коллегами в обеих странах. По ее словам, от 20 до 25% случаев незаконного пересечения германских границ произошло в результате действий контрабандистов. По данным портала Politico, за первые восемь месяцев 2023 года в Германии подали иски о предоставлении убежища около 204 тыс. человек, что на 77% больше, чем за тот же период прошлого года. При помощи стационарного контроля легче будет поймать контрабандистов, чем при внеплановой проверке, потому что они успевают скрыться, пока полиция задерживает нелегалов.

Фезер на своей пресс-конференции официально проинформировала о решении немецкого правительства, связанного с растущим притоком ищущих убежища лиц. Она заявила, что Германия на этой неделе введет расширенный контроль на границе с Польшей и Чехией, чтобы ограничить незаконную миграцию. Министр отметила, что резкий рост числа прибывающих мигрантов выявляет трещины в системе убежища Евросоюза. «Если мы не сможем лучше защитить внешние границы, то открытые границы внутри ЕС будут поставлены под угрозу», – заявила Нэнси Фезер. Речь идет о дополнительных и, как она выразилась, гибких полицейских силах в приграничном районе. По словам министра внутренних дел Германии, проверки должны быть как можно менее обременительными для людей, которые ездят на работу по обе стороны границы, а также для грузового движения.

Фезер ранее утверждала, что само ужесточение контроля на границах Германии не обязательно приведет к сокращению числа мигрантов. По ее мнению, в первую очередь необходимо сотрудничество с соседними странами и внедрение решений в масштабе Евросоюза. Министр также заявила, что «Эффективным и постоянно снимающим нагрузку местным органам

власти могут быть только европейские решения, а именно контроль на внешних границах, а не на внутренних» [4].

Опять же высылка беженцев на границе внутри Шенгенской зоны возможна только в том случае, если Еврокомиссия заранее ввела режим пограничного контроля. Высылка применяется в редких случаях, только тогда, когда иностранцу запрещен въезд или он отказался подать прошение об убежище. Хотя в Шенгенской зоне и действует режим открытых границ, некоторые государства вновь установили пограничный контроль. Так Франция подала заявление на восстановление пограничного контроля с Бельгией, Люксембургом и Швейцарией, объясняя это риском терактов и нелегальной миграцией через Средиземное море и по так называемому Балканскому маршруту. Но французы контролируют не всю границу круглосуточно, а выборочно с учетом места и времени. Примерно так же и должно происходить на границе Германии с Польшей, Чехией и Швейцарией.

Между тем Правительство Германии приостановило действие соглашения с Италией о добровольном приеме беженцев, поскольку Рим не выполняет свои обязательства по Дублинским правилам Европейского Союза, заявил в среду представитель министерства внутренних дел в Берлине.

В рамках добровольной схемы солидарности ЕС Германия обязалась помочь государствам-членам, которые особенно перегружены мигрантами, и принять 3,5 тыс. человек. На данный момент через этот механизм Германия приняла 1731 человека из других стран ЕС, в том числе 1043 человека из Италии. Тем временем миграционный кризис в Италии рискует обернуться катастрофой. Итальянский Красный Крест бьет тревогу по поводу гуманитарной ситуации на острове Лампедуза: за один день на остров прибыли 100 лодок с более 5 тыс. мигрантами. Гуманитарная организация просит итальянские власти вмешаться и быстро переправить мигрантов с Лампедузы на материк. В этом году, согласно статистике МВД Италии, в страну по морю прибыли более 115 тыс. нелегальных мигрантов – почти в 2 раза больше, чем за аналогичный период прошлого года [3].

В заключение можно констатировать, что проблема миграции снова стала взрывоопасной политической проблемой для лидеров Германии, при этом правительство ощущает давление со стороны своих собственных рядов и со стороны оппозиции, требующей ограничить количество людей, прибывающих, в основном из Сирии, Афганистана и Турции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Власть ФРГ выделяют на беженцев миллиард евро // <https://eadaaily.com/ru/news/2023/05/11/vlasti-frg-vydelyat-na-bezhencev-milliard-evro>.

2. Власти Германии приняли ряд жестких мер в отношении мигрантов // <https://rg.ru/2023/11/08/vlasti-germanii-priniali-riad-zhestkih-mer-v-otnoshenii-migrantov.html>.

3. Германия приостанавливает добровольное соглашение по приему беженцев из Италии // https://octagon.media/novosti/germaniya_priostanavlivaet_dobrovolnoe_soglashenie_po_priemu_bezhencev_iz_italii.html.

4. Польша и Германия усиливают охрану границы с обеих сторон // https://www.ng.ru/world/2023-09-27/1_8837_poland.html.

5. РБК // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65486c299a79477de627b478?from=copy>.

6. Juden in Deutschland: Kanzler Scholz fordert Zivilcourage von allen Bürgern // https://www.mannheimer-morgen.de/politik_artikel,-politik-juden-in-deutschland-kanzler-scholz-fordert-zivilcourage-von-allen-buergern-_arid,2143284.html.

7. <https://www.bild.de/politik/inland/politik-inland/bild-manifesto-germany-we-have-a-problem-85895486.bild.html>.

S.YU. ANTROPOVA

*Deputy Head of the Department of European Languages
of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of Russian Federation, Moscow, Russia*

N.V. IVANOVA

*Senior Lecturer, Department of European Languages
of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of Russian Federation, Moscow, Russia*

REFUGEES AND MIGRANTS PROBLEM IN GERMANY AT THE PRESENT STAGE

The migration crisis is flaring up again in Germany; the country cannot cope with the increasing flow of migrants. The uncontrolled influx of refugees into Germany contributes to “growing social tensions” and causes “disappointment” among German citizens, while the authorities are unable to integrate them into local society.

Key words: *Germany, political parties, elections, migration policy, migrants, migration crisis.*

М. ЕПРЕМЯН*аспирант кафедры философии и социальных наук**Елецкого государственного университета**им. И.А. Бунина, Россия, г. Елец**SPIN-код: 5726-9532*

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ

Особенный научный интерес представляет исследование политической конъюнктуры в современной Армении. Данный факт обусловлен тем, что страна после распада СССР выбрала в сфере развития политической власти собственный путь развития, выстраивая свою архитектуру демократии. Именно после распада СССР государство является международным полноправным субъектом со своей институционально-правовой стабильной моделью демократического развития. Целью исследования в настоящей статье выступает анализ становления политической власти и политической системы Армении для выявления основных ее особенностей. Задачами исследования стали: исследование становления политической власти в Армении после распада СССР, анализ внесения конституционных поправок, оценка влияния конституционных изменений на особенности политической власти. Результаты исследования свидетельствуют, что в Армении в деятельности правительства и политической элиты очень долго доминировало предпочтение политического прагматизма, выраженное ослабление государственных институтов. Основная трансформация политической власти была обусловлена попытками пролонгации 3-го президента Армении С. Саргсяна, в результате чего в 2018 г. в стране началась протестная волна, которая для укрепления политической власти имела огромный потенциал. В обществе возникло недовольство, вызванное масштабной коррупцией и социальной поляризацией, что привело к тому, что С. Саргсян не удержал власть, и премьер-министром государства был избран Н. Пашинян. Все завершилось парламентскими досрочными выборами в 2018 г., где блок «Мой шаг», главой которого является Н. Пашинян, одержал победу. В целом, политическая система Армении пережила изменения в последние годы, направленные на более демократическое устройство управления. Страна по-прежнему сталкивается с различными политическими вызовами, но установленные институты и процессы направлены на развитие стабильной и демократической системы управления.

Ключевые слова: *политическая власть, политическая система, Армения, особенности политической власти.*

Армения на сегодняшний день выступает примером постсоветского государства с отчетливым прослеживанием демократических характеристик, с одной стороны, и общественной неприязнью к политикам и политике, с другой стороны. К неустойчивой демократической системе государства также ведет доминирование в государстве одной политической партии, сужение политического пространства, т.е. проявление авторитарных тенденций в политической власти [5. С. 8].

Формирование новой политической системы государство осуществляло на фоне войны за Нагорный Карабах с Азербайджаном. Военный период для государства был непосредственно связан с изоляцией страны на международном поле в экономической и политической сферах. В результате конфликта в 1992-1994 гг., как отмечает М. Карапетян, Армения стала изолированным с мировой арены государством, что воздействовало негативно на формирование политической системы [2. С. 94].

Ключевой задачей в процессе модернизации политической власти стало формирование в Армении статуса суверенного государства, в котором будут собственные юридические кодексы, отличные от советских правовых норм. Важно подчеркнуть тот факт, что формирование новых правовых норм осуществлялось в правовом «хаосе» и второпях, что было обусловлено отсутствием соответствующего квалифицированного персонала. В результате, как пишет А. Курдов, в результате таких перемен сформировалась не просто проблема создания конституционной системы, но и разработка соответствующей правовой основы для экономического функционирования, функционирования налоговой системы и всех областей законодательства, образовательной системы, системы здравоохранения и пр. [3. С. 98].

В начале 90-х гг. в Армении была создана возможность формирования конституционного собственного права, так как в Конституцию АССР внеслась запись о том, что лишь после ратификации Верховным Советом Армении будет на территории государства действовать законодательство СССР. В результате принятия в июне 1990 г. нового закона о выборах стало возможно добиться победы оппозиционного Армянского общенационального движения в выборы в Верховный Совет Армении. Следующим важным шагом в развитии политической власти Армении стало принятие Декларации о независимости Армении Леоном Тер-Петросяном в августе 1990 г. Данным документом изменено название государства на Республику Армения, а также была установлена многопартийность, свобода слова, равенство политических партий, перераспределение власти, принцип деполитизации государственной администрации, армии и судебной власти [7].

Было решено сформировать в государстве президентскую систему правления. В октябре 1991 г. состоялись первые выборы президента, на которых победу одержал Леон Тер-Петросян. Разработка и принятие новой Конституции стали ключевыми шагами для развития Республики Армения. Было разработано два проекта, из которых в рамках общенародного референдума была принята Конституция. Второй проект предполагал принятие Конституционным собранием Армении Конституции, так как позицию президента представлял парламент [4. С. 114].

Как следует подчеркнуть, сторонники президентской системы считали, что политическая позиция парламента слаба и приведет в стране к дезинтеграции политической системы. В свою очередь, в парламентской системе сторонники отмечали ее результативное влияние на демократизацию Армении.

В государстве процесс становления Конституции претерпевал политические разногласия, длился слишком долго. Конституция Республики Армения была принята только в 1995 г. в варианте, который поддерживал президентскую власть. Однако была сформирована президентско-парламентская республика для ускорения стабилизации политической системы. В формировании независимой государственности последним шагом стало принятие новой Конституции. В результате политическая позиция парламента была ослаблена в 1995-1997 гг.

Результаты дальнейших выборов подвергались сомнению, для принятия моделей трансформации постсоветская реальность для Армении стала слишком сложной. Процесс системной трансформации политической системы и политической власти в большинстве постсоветских стран постоянный, тем самым, формируются трудности в развитии и внедрении решений системного характера.

Следует справедливо отметить, что в Армении политическая власть и политическая системы находятся в постоянной трансформации, обладая особенностями гибридного режима. В результате всех трансформаций на протяжении около 25 лет так и не была сформирована политическая консолидированная система в государстве. До сих пор политическая система и политическая власть государства не может считаться консолидированной и находится в состоянии застоя.

В Армении процесс формирования собственной государственности и демократизации взаимосвязан с появлением в государстве националистической новой элиты, у которой деятельность концентрируется на вооруженном конфликте с Азербайджаном. Строительство институтов политической власти, тем самым, осуществлялось совместно с мобилизацией вооруженных сил, в основе государственности Армении одними из главных направлений стали силовые структуры и военный фактор.

Новый референдум по внесению поправок в Конституцию состоялся в ноябре 2005 г., были внесены существенные изменения, которые касались снижения полномочий президента при становлении судебной системы, расширения полномочий законодательной власти при формировании правительства, а также формирования в системе местного самоуправления выборного начала. Следующая концепция конституционной реформы появилась в октябре 2014 г., в которой предусматривался переход государства к парламентской форме правления. С. Саргсян одобрил концепцию изменений 14.03.2015 г., которые позже были внесены в Конституции Армении.

Можно выделить следующие отрицательные моменты конституционных поправок 2005 г. и 2015 г.:

- в референдуме участие общественности было ограничено актом легитимации решений;

- мнения общественности не планировалось учитывать, она не могла выразить собственное мнение;

- о целях, масштабах и причинах вносимых поправок не было общих сведений;

- во внимании поправок участвовала небольшая группа политиков и экспертов;

- каждая поправка в президентском центре имело собственный источник каждое изменение [6. С. 154].

Дальнейшее течение трансформационных процессов в сфере политической власти было обусловлено попытками пролонгации 3-го президента Армении С. Саргсяна, в результате чего в 2018 г. в стране началась протестная волна, которая для укрепления политической власти имела огромный потенциал. Но руководство страны не смогло изменить внутривластический курс, тем самым, в стране началось развитие авторитарных тенденций [1. С. 74].

В тот период предпосылкой кризиса политической власти в Армении стало то, что разные социальные группы разочаровались в экономической олигархизации и монополизации власти. В обществе возникло недовольство, вызванное масштабной коррупцией и социальной поляризацией, что привело к тому, что С. Саргсян не удержал власть, и премьер-министром государства был избран Н. Пашинян. Его деятельность была направлена на демонтаж авторитарного политического строя, кадровую чистку в руководстве в высшем эшелоне власти. Все завершилось парламентскими досрочными выборами в 2018 г., где победу одержал политический блок «Мой шаг» Никола Пашинян.

На сегодняшний день, Парламент Армении, известный как Национальное собрание, состоит из одной палаты и народные депутаты выбираются на основе пропорциональной представительности. По результатам

выборов парламент формирует правительство, которое возглавляется премьер-министром.

Президент Армении является главой государства и обладает ограниченными полномочиями в рамках конституции. После конституционных реформ, которые вступили в силу в 2018 г., власть президента была ослаблена, а основной акцент сделан на парламентской системе.

Судебная власть в Армении независима и осуществляется судебной системой, включающей в себя конституционный суд, суды общей юрисдикции и апелляционные суды.

Таким образом, в целом, политическая система Армении пережила изменения в последние годы, направленные на более демократическое устройство управления. Страна по-прежнему сталкивается с различными политическими вызовами, но установленные институты и процессы направлены на развитие стабильной и демократической системы управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Александрян Л.М.* Политические процессы в Армении после «Бархатной революции» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2023. № 3.
2. *Каранетян М.* Карабахский конфликт и стабильность на Южном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 5 (29).
3. *Курдов А.* Независимая Армения: взгляд российских аналитиков // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 2 (3).
4. *Маркаров А.* Реформа политических институтов в процессе демократического транзита в Армении // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 4.
5. *Baluk W., Czajowski A.* *Ustroje polityczne krajów Wspólnoty niepodległych Państw*, Wrocław, 2007.
6. *Fedorowicz K.* *Transformacja ustrojowa w Armenii w latach 1991-2016*. Poznan, 2017.
7. *Ter-Petrosian L., Sahakian A.* Declaration of Independence of the Republic Armenia // <http://www.armenica.org/armenia/DOI.html>.

M. EPREMYAN

*PhD student of the Department of Philosophy and Social Science,
Bunin Yelets State University, Yelets, Russia
ORCID 0009-0000-0525-0007*

FEATURES OF POLITICAL POWER IN MODERN ARMENIA

Of particular scientific interest is the study of the political situation in modern Armenia. This fact is due to the fact that after the collapse of the USSR, the country chose its own path of development in the field of political power development, building its own architecture of democracy. It was after the collapse of the USSR that the state became an international full-fledged entity with its own stable institutional and legal model of democratic development. The purpose of the research in this article is to analyze the formation of political power and the political system of Armenia in order to identify its main features. The objectives of the study were: to study the formation of political power in Armenia after the collapse of the USSR, to analyze the introduction of constitutional amendments, to assess the impact of constitutional changes on the peculiarities of political power. The results of the study indicate that in Armenia, the activities of the government and the political elite have been dominated for a very long time by a preference for political pragmatism, a pronounced weakening of state institutions. The main transformation of political power was caused by attempts to prolong the 3rd President of Armenia, S. Sargsyan, as a result of which in 2018 A protest wave began in the country, which had great potential to strengthen political power. Discontent arose in society caused by large-scale corruption and social polarization, which led to the fact that S. Sargsyan did not retain power, and N. Pashinyan was elected Prime Minister of the state. Everything ended with the parliamentary early elections in 2018, where the «My Step bloc», headed by N. Pashinyan, won. In general, Armenia's political system has undergone changes in recent years aimed at a more democratic governance structure. The country still faces various political challenges, but the established institutions and processes are aimed at developing a stable and democratic system of governance.

Key words: *political power, political system, Armenia, features of political power.*

М.И. КРУПЯНКО

доктор политических наук, в.н.н. Института
востоковедения РАН, Россия, г. Москва

Л.Г. АРЕШИДЗЕ

доктор исторических наук, профессор
ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК ОСНОВНАЯ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНАЯ И ЗАЩИТНАЯ СИЛА НАЦИИ В НОВОМ МИРОПОРЯДКЕ XXI ВЕКА ЧАСТЬ I

В статье анализируются проблемы происходящего в современной Японии возрождения идеологии государственного национализма, как традиционного инструмента манипулирования массовым сознанием японцев в драматические периоды новейшей истории страны, каким является период формирования нового мирового порядка в начале XXI века в условиях нового противостояния объединенного Запада во главе с США в сдерживании России. В статье подчеркивается, что подъем националистических настроений преследует цель сплотить и мобилизовать потенциал нации перед лицом реальной угрозы дестабилизации ситуации на Дальнем Востоке. В статье анализируются основные носители националистической идеологии, показана роль института императорской власти и властей в целом по формированию националистического мировоззрения у японской молодежи. Сделана попытка обозначить ближайшие перспективы развития национализма в Японии, а также последствия этого процесса на будущее японо-российских отношений.

Ключевые слова: патриотизм, национализм, синто, японские националисты, национализм во внешней политике, терроризм.

Один из видных американских теоретиков национализма Пол Рейнш еще в начале XX в. утверждал, что «если бросить внимательный взгляд на историю мирового развития, начиная с эпохи Возрождения (начало XV-го века), то можно обнаружить один важный структурообразующий принцип,

вокруг которого гармонично группируется огромное количество самых разнообразных фактов, и этим принципом является – национализм. С тех пор, как были сформированы еще в Средние века идеалы мирового государства, этот принцип является краеугольным камнем подлинной государственности вплоть до настоящего времени» [16]. Для Рейнша национализм – это не просто позитивный и конструктивный элемент внутренней и внешней политики любого государства, но, в сущности, ее самый фундаментальный фактор, основа его развития.

Однако роль национализма как идеологии и политической практики государства не была на протяжении XX столетия столь однозначной. Он, несомненно, сыграл свою положительную, прогрессивную роль в процессе становления национальных государств, в особенности способствуя разрушению колониального мира после Второй мировой войны. Вместе с тем, его роль зачастую и наиболее заметно в первой половине XX века имела явно деструктивный, разрушительный характер. Национализм нередко сопровождался формированием ненависти к другим нациям и народам, имел явно воинствующее, милитаристское содержание. Направленный против других народов, такой национализм нес в себе угрозу не только «потенциальному противнику», но и собственному народу. Националистические «вывихи» в политике и организации социальной жизни нередко превращали национализм в «чуму XX века», придавая этому понятию устойчиво негативное содержание.

Но что есть современный национализм XXI века, как он трансформировался по отношению к веку прошедшему, как можно было бы его объективно оценить с точки зрения интересов развития отдельно взятой нации и мирового сообщества в целом? Эти важные аспекты современного национализма авторы предполагают рассмотреть на примере национализма в Японии, одной из ведущих современных держав мира, имеющей немалый опыт использования националистической идеологии в целях эффективного государственного развития.

Если следовать определению национализма, которое предлагает Британская энциклопедия, трактуя его как чувство «лояльности и преданности своей нации, своей стране и выражающееся в предпочтении личных или корпоративных пристрастий интересам нации и государства», то можно сказать, что национализм в Японии традиционно в целом отвечал этим критериям [9].

В истории развития государственного национализма в Японии были периоды его подъема и отката. Периодом подъема можно считать время до и после реставрации Мэйдзи (1867-1912), когда японские националисты активно боролись против силой навязанных Японии неравноправных Ансэйских договоров, заключенных сегунатом с рядом европейских держав и США. Эти договоры, безусловно, являлись национальным позором

Японии, ее унижением в глазах мирового сообщества. Но именно они стали одновременно и сильнейшим стимулом к сплочению нации, консолидации ее национального самосознания на почве антизападничества (1). После незавершенной буржуазной революции 1867-1868 гг. японские националисты поставили перед новым правительством Мэйдзи вопрос об отмене неравноправных договоров, однако неоднократные попытки японских властей добиться этого не приводили к успеху. Это стало возможным лишь в 1894 году, когда Англия накануне войны Японии с Китаем пошла на заключение с Токио договора, отменявшего с 1899 года неравноправные статьи Ансэйского договора, за исключением ограничений таможенной автономии. По образцу англо-японского договора 1894 года Япония заключила новые договоры и с другими великими державами. После победы Японии в японо-китайской войне 1894-1895 гг. и особенно после военных успехов в русско-японской войне 1904-1905 гг. национальная гордость японцев была восстановлена, ущемление национального самосознания – компенсировано. Японские националисты «праздновали» победу [2; 5; 7; 17].

Однако они вновь были вынуждены испытать горечь национального позора и унижения, когда в ходе войны на Тихом океане 1941-1945 гг. полностью рухнули ее националистические иллюзии, связанные с созданием «Великой сферы сопроцветания в Восточной Азии и на Тихом океане», а оккупационные власти США в 1945 году лишили страну национального суверенитета и ввели строгий запрет на любую пропаганду национализма и националистической идеологии. Японские националисты не могли смириться с таким положением дел и ждали удобного исторического момента для реанимации националистической идеологии и проведения активной националистической политики.

Любой национализм, как теория и политическая практика, как идеология и образ мышления представляет собой использование властями уникальной системы ценностей, свойственной данной нации и отличающую ее от других. Японский национализм всегда был в первую очередь особым продуктом объединения государственной идеологической политики по патриотическому воспитанию нации с традиционным, этническим национализмом, как глубоко укоренившейся в сознании японцев системой общечеловеческих ценностей, позволяющих консолидировать нацию в единое целое. Стало быть, ключ к пониманию феномена японского национализма, на наш взгляд, лежит в правильном представлении интересов и поведенческой природы японского государства-нации со специфическими особенностями процесса индоктринации общества с опорой на государственную идеологию, с государственным контролем над экономикой и системой образования, с доминированием центрального управления над местными органами власти. Иными словами, японский национализм есть конечный продукт тонкой и кропотливой работы государства по формированию, воспитанию

и консолидации японской нации. Усилия государства при этом всегда были направлены на мобилизацию национального потенциала по реализации проектов модернизации, на выживание нации как суверенного государства в разные исторические периоды ее развития.

Однако национализм в Японии – это не только продукт деятельности государства. В японском обществе чрезвычайно сильны традиционные националистические начала, которые составляют моральный фундамент нации. Моральные основы нации включают в себя уважение и любовь японцев к своей стране, к ее истории, к исторической памяти, к истокам японской цивилизации, к институту императорской власти и т.п. При этом, правда, важно помнить, что за процессом формирования националистического самосознания японцев всегда стоит государство, которое умело эксплуатирует и направляет объективную потребность японцев к самоидентификации в своих политических и экономических интересах, в интересах выживания власти и нации. И здесь государство опирается на важнейший базовый принцип формирования националистической идеологии в обществе – это уважение своего народа, понимание его нужд и проблем, видение в нации привилегированного компонента национальной политической системы. Именно эта особенность политической культуры Японии достигает сердца каждого японца, составляет фундамент его национальной идентичности.

Государство тщательно оберегает эту сторону взаимодействия власти и нации. При этом в случаях, когда такие связи ослабевают или нарушаются, нации предоставляется возможность выразить свой протест институту власти, которая признает свою вину перед обществом за невыполненные ею обязательства. Такой протест в прошлом «оформлялся» через механизм народных бунтов и волнений, а в настоящем – путем голосования электората на общенациональных или местных выборах, когда одна правящая политическая партия мирно уступает место своему политическому оппоненту. Японцы не бьют тревогу, активно не ищут пути выхода из трудных проблем. Вместо этого в Японии можно наблюдать рост новых форм бедности и безработицы. При этом японцы хорошо скрывают свои проблемы, выставляя на передний план национальную гордость, солидарность японских семей, укрепление национальных корпоративных традиций. Компании сокращают размеры ежегодных бонусов своим сотрудникам, но не увольняют их. Молодые японцы, как правило, не устраиваются на постоянную работу, не достигнув 30 летнего возраста, молодежь перебивается временными заработками. Замужние женщины остаются дома, довольствуясь доходами мужа.

Политические партии, которые опираются на стареющий электорат, не склонны призывать к переменам в своей жизни. И под такой поведенческой нормой заложен прочный фундамент национализма. Он выражается,

прежде всего, в понимании обществом объективных трудностей развития нации, понимание необходимости всем «затянуть пояса» до лучших времен.

Японские националисты в целом поддерживают проводимую властями страны политику «застоя». Видный политический и общественный деятель Японии, известный своими националистическими настроениями, бывший вице-губернатор Токио Наоки Иносэ официально заявлял, что «эра экономического роста в Японии закончилась. Когда в середине XIX века страны Запада угрожали независимости и суверенитету Японии, японцы приняли вызов, «открыли границы» и быстрыми темпами модернизировали экономику и политическую жизнь. В этом они неплохо преуспели. Однако сегодня Япония готова вернуться к своим традиционным национальным ценностям, восстановить социальную гармонию и даже нулевые темпы экономического роста» [6] (2).

Японский национализм – явление неоднозначное. Об этом, в частности, говорит тот факт, что в японском языке существует три различных корневых понятия для передачи сути националистических чувств японцев:

- 1) «кокуминсюги» (чувство любви к стране, к Родине);
- 2) «миндзокусюги» (чувство любви к народным традициям, национальной культуре);
- 3) «коккасюги» (чувство любви к институтам власти, к государству и к императору). В современной японской литературе по национализму часто также можно встретить передаваемое в звуковой транскрипции английское слово «национализм» как «насёнаридзуму» (3). Однако, передавая понятие «национализм» посредством англоязычного варианта этого термина, японцы лишний раз как бы намеренно подчеркивают, что европейское понимание национализма не свойственно японскому народу, японской нации и цивилизации, что оно является чуждым японцам понятием, так как заимствовано из западной культуры, где это оно впервые и появилось.

Суть политики государственного национализма в Японии сводится к попытке ее властей «поставить» каждого члена общества в такую удобную для его личной жизни систему координат, организовать такой благоприятный и понятный ему политический и социальный порядок в государстве, которым он искренне мог бы дорожить и гордиться. Национализм в Японии, таким образом, есть следствие реализации концепции жизнеустройства государства и каждого его члена – в отдельности, которая принимается подавляющим большинством населения. В результате деятельности в этом направлении хаотичные общественные массы с их индивидуальными интересами формируются в нацию, чтобы впоследствии, если в этом возникает государственная необходимость, действовать от лица нации, «руководствуясь» ее национальными интересами.

Наконец, важной особенностью японского национализма является наличие разнообразных форм его проявления. Государство всегда было

заинтересовано в том, чтобы в японском обществе существовало, по возможности, больше разнообразных проявлений национализма, чтобы было больше японских «национализмов», которые постоянно «подпитывали» бы друг друга и все вместе работали бы на идеологию государственного национализма. Сегодня в Японии существует много националистических организаций и националистов, которые проявляют свои националистические чувства в разных областях жизни нации. В одном случае националисты представлены борцами за «возвращение исконных японских территорий», якобы «оккупированных Россией», в другом – националисты пропагандируют пересмотр послевоенной «американской» Конституции 1947 года и поддерживают переписывание национальной истории, не признавая итогов Второй мировой войны. Многие японцы настаивают на введении новых школьных учебников по истории.

Существуют мощные националистические структуры, в том числе поддерживаемые первыми лицам государства, предписывающие обязательное и регулярное посещение японскими руководителями главного после Исэ дзингу (Исэ-дзингу – самый известный синтоистский храм в Японии. На территорию святыни могут войти только жрецы храма и члены императорской семьи. Туристам разрешено любоваться памятником архитектуры только издали. С виду – это скромное сооружение, построенное из дерева, но полностью соответствует древней культуре японцев – *М.К.*) синтоистского храма Японии – храма Ясукуни.

Перечисление даже этого, далеко не полного списка разного рода вариантов проявления «японского государственного национализма» говорит лишь о высокой степени заинтересованности властей в сохранении и в воспроизводстве разнообразных по форме и содержанию националистических идей и способов их реализации. Власти современной Японии хотят гальванизировать в массовом сознании японцев «довоенный государственный национализм», приукрасить его и адаптировать к новым историческим реалиям. Правящая элита Японии твердо убеждена в том, что национализм – крайне нужная для современного потребительского общества идеология. Без него общество, нация превращаются в рыхлую, плохо управляемую массу под названием «население» [1; 4; 8; 10; 11; 12; 13; 18; 19].

Национализм в Японии есть закономерная реакция японского общества на усиление глобализации, опасности поглощения и растворения в ней традиционных базовых японских культурно-этнических ценностей. Эта реакция непосредственно выражается в подъеме националистических настроений в недрах японского общества, так как глобализация по модели *Rax Americana* в мире, похоже, не состоялась и многие государства стали искать способы выживания «не вместе», а «поодиночке», вновь обращаясь к своей национальной специфике. Японское общество традиционно демонстрировало свое скептическое отношение к так называемым универсальным

ценностям и всегда делало акцент на развитие национальной социокультурной уникальности. Правда, при этом Японии приходилось испытать на себе и пройти через временные приливы «глобализации» в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Именно тогда в употреблении появились такие термины, обозначающие этот процесс, как «гуробаридзэсэн», «гуробарука», «тикюка». Их охотно брали на вооружение крупные японские корпорации, министерства, правительственные организации. Эти термины стали неотъемлемой частью корпоративной идеологии, которую утверждали в конъюнктурных целях президенты компаний, их использовали первые лица государства в своих официальных речах. В правительственных документах термин «глобализация» нередко употреблялся для выражения программных установок и целей государства.

Однако японский официальный «проект глобализации», обозначенный в конце XX века и ратующий за установление глобальных стандартов, принятие универсальных ценностей, норм и правил и идущий в кильватере американского глобализационного проекта, не разделялся не только националистически настроенной влиятельной частью японского крупного предпринимательства, но и значительной частью общественных деятелей страны, представителями профсоюзов и учеными. Его оппоненты, как правило, признавая необходимость инновационных реформ японской экономики и общества в целом, настаивали на необходимости сохранения культурного многообразия, различий моделей общественного развития и делали акцент на ценностях, присущих локальным и региональным сообществам, обращали внимание на выявление сил, которые могли быть противовесом давлению глобализации по американскому сценарию.

Одним из серьезных опасений японских националистов в связи с навязываемым Японии неолиберальным проектом глобализации «по американски» являлось то, что Япония переставала быть социально привлекательным и комфортным государством. Среди ученых и общественных деятелей, высказывающих озабоченность по поводу социальных рисков неолиберального проекта, были в первых рядах те, кто выступал за поиски японской стратегии глобализации. В частности, ученый политолог Ёсихара Кумио доказывал, что Япония может сама предложить жизнеспособную модель глобализации, альтернативную американской. «США создали, – считает Ёсихара, – динамичную экономику, основанную на дерегуляции и либерализации, но страдающую от нежелательных социальных последствий... Япония же, в свою очередь, предлагает остальной Азии и другим развивающимся странам мира надежную альтернативу экономического роста без социально негативных вариантов развития». По мнению Ёсихары, две опоры развития, а именно: массовое образование с акцентом на гуманитарные знания, позволяющие формировать нравственные принципы в промышленном и финансовом менеджменте, и рациональное государственное

вмешательство в экономику – должны быть использованы для того, чтобы ограничить неравенство доходов в обществе и устранить другие социальные язвы капитализма [21].

В начале XXI века прилив национализма в Японии должен был гармонично встроиться в концепцию «азиатских ценностей», разработанную в 1990-х годах бывшими премьер-министрами Малайзии и Сингапура – Махатхир Мохамадом и Ли Кван Ю (1923-2015), а также другими азиатскими политическими и интеллектуальными лидерами в качестве альтернативы западным ценностям. Если в конце XIX века генератором идей азиатизма выступала Япония, то сейчас инициативу перехватили страны Азии, принадлежащие к системе стран АСЕАН. Идеи нового паназиатизма были быстро подхвачены японскими националистическими идеологами. В частности, Исихара Синтаро (1932-2022) выступил соавтором Махатхира Мохамада в их совместной книге «Азия, которая может сказать “нет”», английское издание которой вышло под названием «Голос Азии: два лидера обсуждают грядущее столетие» [15]. В своей работе оба автора, указывая что Азия имеет более древнюю цивилизацию и культуру по сравнению с Соединенными Штатами, делали вывод о том, что необходимо создать антиамериканский азиатский фронт для защиты своих исконных азиатских ценностей. Исихара, например, в частности, особо подчеркивал, что «Япония – азиатская страна с азиатским народом, в жилах которого течет азиатская кровь», и поэтому она должна идентифицировать себя в большей степени с Азией, чем с Америкой.

Вместе с тем несмотря на то, что идеи возрождения и объединения Азии весьма популярны среди японских националистов, большинство из них все же не столь категоричны в своих суждениях относительно западной культуры и западной системы ценностей. Можно сказать, что в целом японские националисты занимают в отношении «азиатских ценностей» позицию, обособленную от точки зрения их коллег в азиатских странах. Размышляя над ролью Японии в мире и в Азии, профессор Университета Васэда – Ивабути Коити, в частности, отмечал, что, хотя проникновение японской массовой культуры в культуры других азиатских стран в конце XX-начале XXI века отличалось большим многообразием, противоречивостью и неоднозначностью, «сниходятельное чувство лидерства в Азии и асимметричность связей между Японией и остальной частью Азии по-прежнему не изменилась. Японский культурно-националистический проект не встроился гармонично в транснациональную и постколониальную ситуацию» в регионе [14].

Ивабути подчеркивал, что недвусмысленные претензии японцев на цивилизационное превосходство над другими азиатскими странами камуфлируются акцентированием культурной общности, что позволяет продвигать проект создания «Азии, устремленной к Японии». Весьма любопытным,

на наш взгляд, представляется его замечание о том, что ряд современных японских националистов усматривает истоки единства Японии и Азии не столько в общности исторических корней и ценностей, сколько в общности опыта восприятия современной западной цивилизации.

Вместе с тем, Ивабути формулирует особенности современной азиатской составляющей японской идентичности следующим образом: «Распространение японской культуры в Азии, подобно довоенному дискурсу в духе паназиатизма, генерирует не просто претензии на азиатскую общность, но демонстрирует идеологическую установку на то, что национальная идентичность Японии не должна более конструироваться только на основе ее уникальной восприимчивости к западному модернизму. Скорее, это конструирование определяется способностью Японии производить привлекательный идеологический продукт и распространять его за границей, в частности в Азии, и ее лидирующей ролью в формировании пространства азиатской массовой культуры. Она, таким образом, становится как бы полигоном, где японские комментаторы стараются выявить японскую азиатскую идентичность и заново утвердить позиции Японии в Азии, но одновременно и «над ней», благодаря ее беспрецедентной способности к усвоению иностранных систем ценностей. Аргумент, что Японию и Азию объединяет опыт «гибридной» модернизации, по сути, означает, что японский опыт может стать моделью для других азиатов...» [14].

Японские националисты убеждены в том, что формирование новой японской идентичности и на ее основе – нового японского национализма – обусловлено изменившейся ролью Японии в мире. Япония не должна больше ассоциировать себя ни с Западом, ни с Востоком, а играть объединительную роль посредника, строить мосты между западными и азиатскими ценностями. Одним из разработчиков этой идеи является известный японский социолог, профессор Токийского университета Имада Такатоси, описывающий состояние сегодняшнего мира, в котором гегемония Запада уходит в прошлое, как состояние хаоса, в котором действуют разнонаправленные силы. По его мнению, для «хаотичного» нового мира самое главное – это преодолеть различия, не отрицая и не искореняя их. Именно Япония обладает уникальной способностью к «редактированию» различных цивилизаций, и такого рода синтез может стать ее новой ролью в XXI веке [3].

Впрочем, современный японский национализм, усиливая азиатскую составляющую современной японской идентичности, не сопровождает ее усилением антиамериканизма в массовом сознании японцев. По утверждению известного японского продюсера Сугита Ацуси, Япония считает себя цивилизованной в той же мере, что и Запад, и поэтому японцы «отвергают любую мысль о том, что Япония и Запад различаются». Большинство японцев убеждены, что Япония является членом западного сообщества стран,

и поэтому нет оснований испытывать по отношению к другим странами чувство неприязни, ненависти или вражды [20].

В Японии исторически сложилась двуединая национальная идентичность: внешняя (институциональная) – западная и внутренняя (духовно-нравственная) – азиатская. Трудно однозначно определить, какая из них сегодня является ключевой. Можно предположить, что на наших глазах в Японии идет процесс формирования новой японской идентичности, в которой противопоставление Запада и Востока снимается за счет появления некой новой гибридности, осмысленной в терминах соотношения глобального и локального измерений.

Современные японские националисты убеждены, что знают ответ на вопрос, что должна делать Япония для того, чтобы выжить в XXI веке. Япония не будет противодействовать глобализации как объективному процессу, но она будет выбирать свой путь приспособления к ней. Пока она будет действовать как пассивный участник этого глобального тренда, хотя и не станет отказываться от попыток позиционировать себя как ее активный проводник. Японская националистическая элита намерена искать свой собственный путь вхождения в глобализацию и выживания в новых исторических условиях. При этом она не будет копировать полностью западные ценности, а будет предлагать собственные сценарии глобализации, основанные на идеях социального государства, гибкости глобальных норм, взаимоприемлемом сопряжении и гармонизации ценностей и смыслов. Японские националисты рассчитывают, что только такая парадигма развития нации обеспечит ей относительно стабильное выживание в XXI веке.

Японский государственный национализм на современном этапе его развития есть комплекс идеологических воззрений и политической практики японских властей, в которой центральное место отводится манипуляции массовым сознанием японцев от имени нации и ради ее блага. Обращает на себя внимание тот факт, что национализм и националистическая идеология в Японии не пришли в упадок к началу XXI века вопреки предсказываемой рядом теоретиков (например, Энтони Смитом) понижательной траектории развития этого феномена, а напротив, в Японии они успели набрать большие обороты. Это обусловлено, на наш взгляд, тем решающим обстоятельством, что японские власти и в начале XXI века видели свое историческое предназначение в том, чтобы воспрепятствовать приходу в японское общество новых разрушительных глобальных сил с чуждыми японцам идеологиями, способными взорвать единство нации и разрушить ее «уникальность».

Национализм в Японии и сегодня остается объединительной, защитной силой. Возможно, он останется таковым и в будущем. И связано это прежде всего с тем, что национализм как государственная идеология в Японии всегда находил и находит поддержку со стороны подавляющей части

общества, он неотделим от существования и выживания японской нации и японского государства.

Отличительной чертой современных националистов в Японии является их особо уважительное отношение и признание опыта традиционного довоенного национализма, который объединил националистическую идеологию в системе координат «снизу вверх», а не «сверху вниз». Поэтому современные японские националисты своим идеалом считают национализм, не спущенный властями сверху в общество, а национализм, который продуцирует и воспроизводит сама нация, который идет как бы от самого общества, когда сама нация созревает до осознания своей идентичности, до появления потребности в сохранении и защите своей особой традиционной для японского общества системы ценностей.

Современные японские власти готовы прилагать большие усилия для укрепления «духа нации», но при этом они не намерены повторять ошибки прошлого. Современная националистическая пропаганда в Японии нацелена на поддержание у японцев устойчивой веры в силы нации и государства, на распространение традиционной японской системы ценностей, прежде всего, среди японской молодежи, умело работая «на длительную перспективу». Властям Японии удается это делать эффективно несмотря на то, что японцы много путешествуют по миру, проживают на своей территории вместе с мигрантами из других стран, существуют в мире широких транснациональных и глобализированных рынков, в потребительском обществе и в обществе массовых коммуникаций. Японские националисты сегодня активно работают в законодательных и исполнительных органах власти, в японских школах и университетах. Они формируют разветвленные сети организаций поддержки националистической идеологии по всей стране. При этом японские националисты работают не в рамках элитарных структур, деятельность которых особенно не видна на поверхности, а идут в народ, распространяют националистическую идеологию, корректируют школьные учебники, воздействуют через СМИ на массовое сознание японцев.

В Японии сегодня можно часто услышать, что кризис капиталистической системы 1990-х годов – начала XXI века, переживаемый всеми ведущими странами Запада, включая и Японию, открыл благоприятные возможности для появления на политической сцене новых националистических лидеров правого толка. Левые силы в Японии оказались неспособными на протяжении всей второй половины XX века инкорпорировать идеи патриотизма в японское общество, что сработало на руку правым силам, которые быстро заполнили образовавшийся вакуум. Резко сузившийся идеологический спектр в парламентской практике, там, где после войны левые партии имели стабильные позиции, сегодня привел к тому, что в политику все больше и больше стали приходить сторонники правого, националистического толка,

серьезно радикализируя даже не столько внутреннюю, сколько внешнюю политику Японии. Провозглашение в японском парламенте летом 2009 года «законности территориальных требований к России о возвращении Японии ее исконных территорий Южно-Курильской гряды», а также требования японского правительства в конце 2009 года о «незамедлительном возвращении этих территорий Японии» – весомое тому доказательство.

Радикализация требований современных японских националистов усугубляется также и тем обстоятельством, что, находясь во власти, они все чаще заявляют о том, что послевоенная демократизация Японии, осуществленная под давлением американских оккупационных сил, есть не что иное, как историческая ошибка нации, а послевоенные демократы – идеологические «враги японского народа». Японские националисты объясняют столь негативную оценку процесса демократизации в послевоенной Японии тем, что он резко ослабил японское государство-нацию, подорвал традиционную для японцев систему ценностей, обеспечивавшую столетиями социальную стабильность и послушание японского народа государству.

Правда, неонационалисты Японии встречают критику и сопротивление своей пропаганде со стороны тех сил, которые винят самих националистов и ура-патриотов во всех бедах и трагедиях японского народа, чья политика привела Японию к поражению и национальному позору в результате капитуляции страны во Второй мировой войне. Таким образом, современные националисты неизбежно раскалывают японское общество на сторонников сильного, независимого, суверенного государства и демократов, готовых, по их оценкам, идти на соглашательство и уступки по многим вопросам внутренней и внешней политики иностранным державам, сохраняя на долгие годы вперед зависимое, подконтрольное положение страны от других великих держав.

Представляется, что до поры до времени японские националисты будут действовать осторожно, маскируя свою идеологию под «либеральную». Однако «либеральные платья», в которые они сегодня переодеваются, свидетельствуют скорее о том, что демократические ценности не чужды части японского общества и говорить о полной победе националистических сил в Японии в начале XXI века было бы преждевременно.

Однако, тем не менее, было бы опрометчиво не замечать определенной опасности восстановления позиций довоенного государственного национализма в общественном сознании японцев, пусть и видоизмененного. На распространение идеологии государственного национализма сегодня в Японии работает большая армия квалифицированных специалистов идеологического фронта, включая крупных ученых –обществоведов, журналистов, либеральных политиков.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Ансэйские договоры, неравноправные договоры, заключенные в 1854-1858 гг. США и другими державами с Японией в годы Ансэй – официальное наименование периода царствования (1854-1860 гг.) императора Комэй. Как известно, в 1852 году правительство США послало в Японию военную эскадру коммодора М. Перри, который под угрозой применения оружия добился заключения 31 марта 1854 г. в Канагаве первого американо-японского договора, открывшего для американских судов порты Хакодате и Симода, правда, без права торговли. 14 октября 1854 г. Япония была вынуждена заключить аналогичный договор с Англией, 7 февраля 1855 г. – с Россией. Прибывший в Японию в 1856 г. американский генеральный консул Т. Харрис при помощи угроз и шантажа добился заключения 17 июня 1857 г. нового, более выгодного для США договора об установлении отношений, а через год, 29 июля 1858 г., был заключен кабальный для Японии торговый договор. По образцу американо-японского торгового договора 1858 года впоследствии были заключены договоры с Россией (19 августа 1858 г.), с Англией (26 августа 1858 г. и 9 октября 1858 г.). Ансэйские договоры устанавливали свободу торговли для иностранных купцов на территории Японии. Предоставляя иностранцам право экстерриториальности и консульской юрисдикции, они лишали Японию таможенной автономии, навязали ей низкие ввозные пошлины.

(2) Инодзэ предлагает обратиться к опыту развития нации в период Эдо (1600-1868 гг.), не видя в этом никакой национальной трагедии. Более того, он убежден в том, что если Япония XXI века вернется к модели развития периода Эдо, то сократившееся население будет пользоваться достаточным богатством, которое будет распределяться более равномерно, и Япония сможет инвестировать свою креативность в промышленность и культуру. Правда, при этом Инодзэ упускает из вида, что эпоха Эдо рухнула, когда ВМС США силой открыли японский рынок с помощью «черных кораблей» коммодора Перри в 1853 году. Но выдержит ли современная Япония «римэйк эпохи Эдо в XXI веке», если ей придется отражать атаки на этот раз своего могучего китайского соседа? Впрочем, Инодзэ уверен, что националистически сильная Япония будет способна дать адекватный отпор любым попыткам внешних сил посягнуть на ее суверенитет и территориальную целостность, откуда бы такие угрозы ни исходили.

(3) См., например, популярный в Японии сборник «Нихон-но ронтэн» – «Японские проблемы», издающийся массовым тиражом. В выпуск за 2006 год была включена глава по национализму, названная не японскими эквивалентами национализма, а иностранным заимствованным словом – «насенаридзуму». Нихон-но ронтэн. Токио, 2005.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ватанабэ А.* Нихон то ва до иу куни ка, доко э мукаттэ ику но ка (Какая страна Япония? Куда она идет?). Токио, 1998.
2. *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925 гг.). М., 1927.
3. *Имада Т.* Контон-но тикара (Сила хаоса). Токио, 1994.
4. *Комори Ё. и Такахаси Т.* (ред.) Насёнару хистории_о коэтэ (Меняющаяся японская история). Токио, 1998.
5. *Петров Д.В.* Колониальная экспансия Соединенных Штатов Америки в Японии в середине XIX в. М., 1955.
6. *Сорман Г.* Мечтая о новой эпохе Эдо. Project Syndicate // http://www.project_syndicate.org/commentary/sorman12/Russian.
7. *Файнберг Э.Я.* Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX в. М., 1954.
8. *Anderson B.* Imagined communities: reflections on the origins and spread of nationalism, 2nd edn. London, 1991.
9. Britannica. Настольная энциклопедия. Т. II. М., 2006.
10. *Connor W.* Ethno_nationalism: the quest for understanding Princeton. 1994.
11. *Heywood A.* Political Ideologies. An Introduction. Ch.1, 4th edition. New York, 2007.
12. *Hobsbawm E.* Nations and nationalism since 1780. Cambridge, 1990.
13. *Horowitz D.* Ethnic groups in conflict. Berkeley, 1985.
14. *Iwabuchi K.* Japanese popular culture and postcolonial desire for Asia – Popular culture, globalization and Japan. London and N.Y., 2006.
15. *Mahathir M. and Ishihara S.* The voice of Asia: two leaders discuss the coming century. Tokyo, 1996.
16. *Reinch P.* World politics of the nineteenth century. N.Y., 1902.
17. Treaties and conventions between the Empire of Japan and other powers, rev. ed. Tokio. 1884.
18. *Armstrong J.* Nations before nationalism. Chapel Hill, 1982.
19. *Seton4Watson H.* Nationalism: old and new. Sydney, 1965.
20. *Sugita A.* Janus at Large: Neo-liberalism and statism in contemporary Japan: Japanese responses to globalization. Politics, security, economics and business. Hook G. and Hasegawa H. Hound mills. 2006.
21. *Yoshihara K.* Globalization and national identity. Alternative to the American model. Malasia, 2001.

M.I. KRUPIANKO

*Doctor of Political Sciences, Senior Researcher Institute
Oriental Studies RAS, Moscow, Russia*

L.G. ARESHIDZE

*Doctor of Historical Sciences, Professor
ISAA at Moscow State University.
M.V. Lomonosov, Moscow, Russia*

JAPANESE NATIONALISM AS THE MAIN UNIFICATING AND PROTECTIVE FORCE OF THE NATION IN THE NEW WORLD ORDER OF THE XXI CENTURY PART I

The article analyzes the problems of the revival of the ideology of state nationalism taking place in modern Japan, as a traditional tool for manipulating the mass consciousness of the Japanese during the dramatic periods of the country's recent history, such as the period of formation of the new world order at the beginning of the 21st century in the context of a new confrontation between the united West, led by the United States, in containing Russia. The article emphasizes that the rise of nationalist sentiments aims to unite and mobilize the potential of the nation in the face of a real threat of destabilization of the situation in the Far East. The article analyzes the main carriers of nationalist ideology, shows the role of the institution of imperial power and the authorities in general in the formation of a nationalist worldview among Japanese youth. An attempt has been made to outline the immediate prospects for the development of nationalism in Japan, as well as the consequences of this process for the future of Japanese-Russian relations.

Key words: *patriotism, nationalism, Shinto, Japanese nationalists, nationalism in foreign policy, terrorism.*

ЛЮЙ ВАНЬЦИН

аспирант кафедры глобалистики

МГУ имени М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

Научный руководитель:

А.В. КОРОТАЕВ

доктор исторических наук, доцент

кафедры глобалистики МГУ имени М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Статья посвящена обзору и анализу отношений России со странами Центральной и Восточной Азии, особое внимание уделено пониманию перспектив дальнейшего сотрудничества, особенно в экономической и военно-стратегической сферах. Таким образом, экономическое сотрудничество России в торговле нефтью, газом и энергетикой со странами Восточной Азии и продолжение Евразийской экономической интеграции со странами Центральной Азии формируют позитивный экономический «климат» между регионами и обеспечивают стабильность и перспективу развития. Но сотрудничество создает не только стимулы для развития, но и проблемы и вызовы.

Ключевые слова: *Россия, Центральная Азия, Восточная Азия, внешняя политика, геополитические интересы, развитие России и Китая.*

Введение. Непрерывные изменения геополитической картины мира, вызванные распадом СССР и образованием новых независимых государств, уже привели к формированию радикально новой геополитической ситуации в Центральноазиатском регионе, включая Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. В настоящее время происходит трансформация Центральной Азии из периферийного региона (где геополитические тенденции никак себя не проявили) в регион, где интересы ряда великих держав и других сфер международной жизни все больше пересекаются. Расположенная в «самом сердце» континента, Центральная Азия является своего рода «воротами» в ряд стратегически важных регионов Евразии. На Востоке находятся Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского

региона; на юге – Афганистан, страны Ближнего Востока и ряд других исламских государств; на Западе и севере-Кавказе, баланс сил на огромном пространстве планеты будет во многом зависеть от того, в каком направлении будет развиваться ситуация в государствах Центральной Азии. Любое событие, происходящее в странах Центральной Азии, отразится не только на региональном уровне, но и может привести к изменениям в геополитическом балансе сил на всем евразийском континенте, который по-прежнему признан центром глобального развития. В Центральной Азии интересы Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Китайской Народной Республики, а также Турции, Индии, Ирана, Пакистана, Афганистана и государств Европейского Союза тесно взаимосвязаны. Целью контрольной работы является изучение стратегий отношений России с Центральной Азией, а также выявление угроз и конфликтного потенциала отношений России и Центральной Азии.

Пандемия коронавируса, охватившая мир в 2020 году, стала своеобразным водоразделом для динамичного процесса сотрудничества России и центральноазиатских республик с государствами Южной Азии. Из-за этого были разорваны многие важные торгово-экономические и политические связи в образовавшемся треугольнике Центральная Азия – Южная Азия – Россия. Препятствия на пути их нормализации также создал международный кризис, усугубленный военной спецоперацией Российской Федерации на Украине она, как известно, послужила основой для развертывания широкомасштабного и беспрецедентного экономического, политического и дипломатического давления Запада на Россию с целью подрыва его государственности и суверенитета (2).

Учитывая, что украинский кризис, меняя конфигурацию международных отношений, приводит к потере контроля и осложняет экономические и политические контакты с Западом не только России, но и тесно связанных с ней государств Центральной Азии – особенно тех из них, которые в той или иной форме или форме связаны с Западом. во-вторых, участвуют в деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС) или Организации Договора о коллективной безопасности – ОДКБ) – альтернативных Западу регионов мира, где Россия и ее центральноазиатские партнеры имеют возможность установить новые стабильные отношения в сфере экономики и из политики они становятся важными. Одним из таких внешнеполитических приоритетов для России и государств Центральной Азии является регион Южной Азии.

Если Среднеазиатский регион в целом образует схожее историческое, культурное и цивилизационное пространство, а населяющие его народы также на протяжении нескольких столетий являются частью единого государства – Российской империи, то СССР, сохранивший до наших дней довольно устойчивую связь с Россией, одним из наиболее важных факторов,

влияющих на регион, является то, что он является частью Центральной Азии. иная картина наблюдается в Южной Азии. Основываясь на классификации государств по параметрам международной политики, этот регион, наряду с крупными государствами (Индия, Пакистан), обычно включает ряд стран Среднего и малого размера (Бангладеш, Бутан, Мальдивы, Непал, Шри-Ланка). Лишь некоторые из них связаны культурными и цивилизационными узами. Что касается безопасности и международных отношений, то такие крупные экономические государства, как Индия и Пакистан, всегда играли решающую роль. Вот почему их взаимодействие со Средней Азией и Россией является основным предметом статьи.

Афганистан занимает особое место в нынешней региональной ситуации. Его (как и Пакистан) по цивилизационным параметрам часто относят не к Южной Азии, а к Ближневосточному региону хотя в то время Афганистан задумывался именно как «буферное государство, разделяющее две империи Центральная Азия того времени-царская Россия и Великобритания»

Однако в настоящее время многие политики на Западе и в некоторых странах Центральной Азии склонны приписывать Афганистану функцию своего рода геополитического связующего звена между Южной Азией и Центральной Азией. Этот подход, в частности, в настоящее время разделяется в Узбекистане, президент которого в своем выступлении на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций 21 сентября 2021 года назвал Афганистан «неотъемлемой частью Центральной Азии», даже предложив принять специальную резолюцию об укреплении «взаимозависимости между Центральной Азией и Южной Азией» [1].

Такой подход, вероятно, связан с тем, что Афганистан многими в Центральной Азии рассматривается как ключевой элемент международных транспортных коридоров, которые теоретически могут достигать портов Аравийского моря, омывающих полуостров Индостан, тем самым открывая его для Узбекистана и других центральноазиатских государств возможность реализовать свою давнюю мечту о выходе в открытый океан и доступе к основным мировым рынкам.

Однако очевидно, что эти многообещающие стратегии могут быть реализованы только в том случае, если в Афганистане будет восстановлен мир, чего пока не предвидится. Таким образом, стабилизация Афганистана становится императивом для создания безопасной обстановки в Центральной Азии и Южной Африке. В то же время обеспечение прочного мира в этих двух регионах и развитие взаимовыгодных международных отношений во многом зависят от перспектив сотрудничества Афганистана с Индией и Пакистаном, а также с другими региональными и мировыми игроками, среди которых Россия занимает не последнее место.

Не секрет, что именно в Азии сейчас формируется полицентрический миропорядок, который многие в России, Индии и Китае считают более

представительным, демократичным и справедливым. Существуют также различные межгосударственные объединения, которые создают условия для развития тесных партнерских отношений на уровне многосторонних структур, не подчиненных единому мировому центру (полюсу).

Например, крупнейшая не западная международная структура (с точки зрения географического масштаба и численности населения) – Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которую входят Россия, Китай, республики Центральной Азии, а также (с 2017 года) Индия и Пакистан – выдвигает на первый план построение нового типа международных отношений, что позволит в будущем превратить ШОС в эффективный инструмент региональной интеграции и сотрудничества.

Задача регионального сотрудничества в мире, где не будет места доминированию «центра силы», подчинена деятельности неформальных объединений-БРИКС (Бразилия – Россия – Индия – Китай – Южная Африка) и РИК (Россия – Индия – Китай). Под председательством Индии 9 сентября 2021 года 13-й саммит БРИКС, направленный на углубление сотрудничества стран-участниц, призвал их активизировать интеграционные процессы на основе региональных объединений, создать общую платформу для сотрудничества в экономической, политической и культурной областях, выработать согласованные решения по наиболее насущным вопросам международной и региональной повестки дня.

19 мая 2022 года на онлайн-встрече министры иностранных дел стран БРИКС обсудили проблемы дальнейшей экономической и политической адаптации незападных стран к новым мировым реалиям. В этой связи он обращает внимание на тот факт, что, несмотря на массивное давление со стороны США и Европейского Союза, ни Индия, ни другие члены БРИКС не присоединились к антироссийским санкциям и не выступили с заявлениями, осуждающими Россию. На 18-й встрече, состоявшейся 26 ноября 2021 года в формате РИК, министры иностранных дел России, Индии и Китая обсудили вопросы координации внешнеполитических инициатив своих государств. В принятом совместном коммюнике говорится, что «многополярный и сбалансированный мир, основанный на суверенном равенстве Наций и уважении международного права и отражающий современные реалии, требует укрепления и реформирования многосторонней системы». Признание министрами иностранных дел Китая и России «статуса Индии в международных делах» и поддержка ее стремления играть более важную роль в Организации Объединенных Наций также свидетельствуют о значительных изменениях в отношениях между участниками форума. РИК, по итогам видеоконференции было заявлено, что механизм диалога «Центральная Азия + Россия», действующий на уровне министров иностранных дел, за последние годы зарекомендовал себя как полезная площадка для обмена мнениями по актуальным региональным и международным проблемам. Тот

факт, что он приобретает новые измерения, в том числе парламентские, свидетельствует о необходимости такого формата взаимодействия.

В этой связи межпарламентский форум стран Центральной Азии и России, состоявшийся 12 мая 2022 года в столице Туркменистана Ашхабаде, сыграл важную роль в развитии конструктивных многосторонних отношений на постсоветском пространстве. Председатель Совета Федерации РФ В. Матвиенко подчеркнула, что «Российская Федерация не рассматривала и не рассматривает Центральную Азию как арену геополитического противостояния, традиционно уважает право государств региона на суверенное развитие и приветствует тенденции к усилению интеграции внутрирегиональный». Другие неформальные структуры сосредоточены на региональном сотрудничестве для поддержания безопасности в Центральной Азии и Южной Африке. Таков, например, региональный диалог по безопасности Афганистана, третье заседание которого с участием советников и секретарей Советов национальной безопасности Индии, Ирана, России и пяти центральноазиатских республик состоялось 10 ноября 2021 года в Нью-Дели.

В 2016 году Афганистан, Пакистан, Таджикистан и Китай объявили о создании четырехстороннего механизма сотрудничества и координации (Qcsm). Его цель – координация действий стран-участниц в борьбе с терроризмом, оказание взаимной поддержки, обмен разведанными, проведение совместных учений. «Четырехсторонний механизм» планирует сосредоточиться на мерах укрепления доверия между Пакистаном и Афганистаном, что представляет особый интерес для Китая, который установил тесные экономические контакты с этими двумя южноафриканскими государствами. Россия и республики Средней Азии активно участвуют в процессах формирования многополярности, что отвечает интересам стран юга Африки. Не следует забывать, что для обеспечения собственных долгосрочных интересов среднеазиатские республики в целом сохраняют приверженность диверсификации (многосекторальности) своей внешней политики. Эта стратегия, принятая Индией и рядом государств Южной Азии, соответствует их видению будущего полицентричного мира, в котором государства будут стремиться освободиться от сильной зависимости по отношению к мировым державам, претендующим на военное, политическое и экономическое господство над другими.

Однако есть несколько нюансов. В отличие, например, от России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, которые являются государствами-членами региональной международной организации ОДКБ, делая упор на военно-политические аспекты своей деятельности, Индия традиционно основывает свою внешнюю политику на принципе отказа от ядерного оружия – согласованность и отсутствие альянсов, направленных против третьих стран. Единственным исключением можно считать присоединение Индии к четырехстороннему диалогу по безопасности (четырёхсторонний диалог

по безопасности) с участием США, Австралии и Японии. Этот неформальный стратегический форум в первую очередь направлен на сдерживание Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который американские стратеги недавно решили назвать Индо-Тихоокеанским (Indo-Pacific), в соответствии с американским проектом, начатым в 2019 году.

На практическом уровне диверсификация внешней/многовекторной политики предполагает взаимовыгодное сотрудничество государств Центральной Азии не только с Россией, странами СНГ, Китаем и Западом, но и с ведущими государствами Южной Азии. Определенный прогресс в этой области уже достигнут, по крайней мере, в области торгово-экономического сотрудничества. По некоторым данным, товарооборот между странами Центральной Азии и Южной Африки в 2020 году достиг 4,6 миллиарда долларов (3,3% от общего объема внешней торговли государств Центральной Азии). При этом на Казахстан (53,1%) и Узбекистан (31,5%) приходилась наибольшая доля в общем товарообороте между двумя регионами. Следует также отметить, что многие процессы, влияющие на безопасность и международные отношения в Южной и Центральной Азии, часто определяются Индией и Пакистаном. Эти крупные азиатские государства, отношения которых исторически сложны и противоречивы, проводят довольно амбициозную региональную политику, не забывая и о собственных интересах.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) 24 февраля 2022 года, эта операция, обусловленная, как говорится в заявлении президента России Владимира Путина, стремлением «демилитаризации и денацификации Украины», проводится Россией в соответствии со статьей 51 части 7 Устава Организации Объединенных Наций с разрешения совета Российской Федерации и во исполнение договоров о дружбе и взаимопомощи, ратифицированных Федеральным Собранием Российской Федерации 22 февраля 2022 года с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой.

(2) Страны и регионы мира в мировой политике. В двух томах.

(3) Список ряд российско-китайских отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций // Президент Республики Узбекистан. 21.09.2021 // <https://president.uz/ru/lists/view/4632>.

2. О международных договорах Российской Федерации» // <http://www.kremlin.ru/acts/news/>.

3. Обращение Президента Российской Федерации // Президент России.
24.02.2022 // <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>.

LU WANQING

*Postgraduate student,
Department of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Scientific supervisor:

A.V. KOROTAEV

*Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Global Studies, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

RUSSIA'S INTERESTS IN CENTRAL ASIA

The article is devoted to the review and analysis of Russia's relations with the countries of Central and East Asia, special attention is paid to understanding the prospects for further cooperation, especially in the economic and military-strategic spheres. Thus, Russia's economic cooperation in oil, gas and energy trade with the countries of East Asia and the continuation of Eurasian economic integration with the countries of Central Asia form a positive economic "climate" between the regions and ensure stability and development prospects. This is a collaboration. But cooperation creates not only incentives for development, but also problems and challenges.

Key words: *Russia, Central Asia, East Asia, foreign policy, geopolitical interests, development of Russia and China.*

Е.А. МОСАКОВА

кандидат экономических наук, доцент,
доцент факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

И.А. ЗОЛОТАРЕВ

аспирант факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

КРИПТОВАЛЮТЫ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВ: ПРОБЛЕМЫ НА ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ МИРОВОЙ ВАЛЮТОЙ

Криптовалюта за короткий промежуток времени стала популярной формой денег, прежде всего, за счет таких свойств, как анонимность и децентрализация. И сегодня децентрализованный рынок криптовалют представляет уже серьезную конкуренцию существующей банковской системе и, кроме того, сама блокчейн технология может взять на себя роль координатора различной деятельности людей. В статье рассматриваются существующие сегодня проблемы, связанные с использованием криптовалют в сфере международных финансов. Обосновывается вывод о том, что при условии гармонизации независимой сущности криптовалют с реалиями современной финансовой системы, они смогут претендовать на роль мировой валюты в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: криптовалюта, волатильность курса, криптовалютное регулирование, безопасность, обеспеченность валюты, фиатные деньги, финансовые операции, финансовая сфера, средство платежа.

Рост интереса к криптовалюте как новой форме денег во многом связан с тем, что функционирующая за последние несколько десятилетий мировая валютная система стала менее эффективной. В рамках этого проблемы принятия и использования криптовалют в финансовой сфере в различных странах мира являются одним из наиболее обсуждаемых вопросов на всех властных уровнях.

Криптовалюты существуют уже более одного десятилетия и соответственно, не являются абсолютно новым финансовым явлением в глобальной

экономике. Поэтому на сегодняшний день можно говорить о комплексе проблем в области полномасштабного внедрения криптовалют в сфере международных финансов. Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, волатильность криптокурса. Одной из основных проблем всех современных криптовалют является их значительная волатильность. В широком смысле волатильность криптовалюты – повышение или снижение цены актива за определенный промежуток времени. Курс криптовалют может меняться несколько раз в день, поэтому полученная сумма при переводе в фиатные деньги может кардинально измениться в течение одного дня.

На движение котировок криптовалюты влияют разные факторы: новостные события в сфере экономики и политики, действия со стороны законодательства, направленные на ужесточение или смягчение нормативно-правового регулирования в отношении криптовалют, проблемы с безопасностью (взломы биржи, хакерские атаки, а также появление новых криптовалют). Так, в Китае осенью 2021 года после введения официального запрета оборота криптовалют, курс биткоина резко вырос.

По сравнению с акциями криптовалюта также демонстрирует резкие колебания своих показателей [10. Р. 60-69]. Так, в 2018 году Биткоин Кэш резко обвалился на 20-25%, что привело к финансовому краху значительного числа участников крипторынков и необоснованному обогащению отдельных его представителей.

На курс криптовалют существенным образом могут повлиять и внешние факторы. Например, заявления официальных представителей власти или представителей бизнес-сообществ. Так, например, в мае 2021 года Илон Маск сделал заявление о том, что Tesla обсуждает вопрос о том, чтобы не принимать биткоины в качестве оплаты за свои электрокары из-за крайне негативного влияния процесса майнинга криптовалют на экологию, после чего его курс сразу же упал на 15-20%.

Во-вторых, отсутствие единого подхода к регулированию. Сегодня позиции стран современного мира в вопросах формирования нормативно-правового регулирования криптовалютного законодательства кардинально различаются – от официального признания криптовалюты законным средством платежа до запрета любых криптоопераций (рисунок 1).

Неоднородность позиций национальных правительств в вопросе регулирования рынка цифровых валют, связана, прежде всего, с отсутствием фундаментальных научных работ их экономической природы, и соответственно, признание криптовалют и цифровых валют как новой формы денег происходит в странах с разной интенсивностью. Более того, крупнейшие международные институты в вопросах крипторегулирования занимают выжидательную позицию, во многом ориентированную на опыт более продвинутых стран в этом вопросе [5. С. 7-17]. Поэтому сегодня крайне важно выработать баланс в крипторегулировании – создать законодательные

условия для дальнейшего динамичного развития крипторынка, но в тоже время и осуществлять контроль над децентрализованными криптовалютами в целях недопущения дестабилизация мировой финансовой системы.

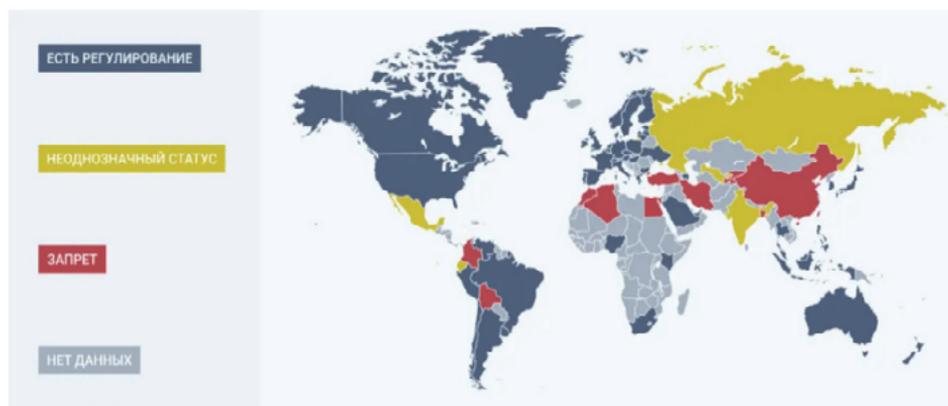

Рисунок 1. Крипторегулирование по регионам мира, 2023 год [8].

Между уровнем/степенью крипторегулирования и уровнем развития денежно-финансовой сферы страны существует зависимость. Так, для стран с довольно низким уровнем развития денежно-финансовой сферы, характерно использование криптовалют в качестве платежного средства, а в странах с более развитой денежно-финансовой сферой криптовалюты официально признаны как платежное средство. Важно отметить, что легализация криптовалютного рынка не приведет к вытеснению национальной валюты государства, более того, позволит людям безопасно инвестировать в новые финансовые инструменты и будет способствовать усовершенствованию криптовалютной индустрии с целью развития цифровизации [3. С. 75-130; 4. С. 51-78].

В-третьих, непопулярность как платежного средства. Несмотря на стремительное развитие крипторынка, криптовалюты все еще не стали популярными в расчетах и все еще в незначительной степени интегрированы в финансовую систему: объем рыночной капитализации крипторынка в общем объеме глобальных финансовых активов составляет всего лишь около 1%. Дж. Стиглиц это объясняет тем, что криптовалюты сегодня все еще используются преимущественно для спекуляций. Также он отмечал, что у биткоина не существует ни одной полезной социальной функции [9].

Другие исследователи также отмечают, что несмотря на стремительное развитие крипторынка и формирования криптоиндустрии, крипторынок все еще в значительной степени в финансовом плане является «диким Западом»: на рынке наблюдаются «игры» с курсами криптовалют; зачастую

они используются в мошеннических действиях, в т.ч. для ухода от налогов, и др. [2. С. 392-408].

Сегодня криптовалюты пока не используются как полноценные денежные средства. Однако, в ряде стран, таких как Германия и Канада, а также США, Венесуэла, они либо уже признаны, либо рассматриваются как платежное средство. Первой страной в мире, которая признала биткоин (криптовалюты) платежным средством (около десятилетия назад), стала Германия. Однако, только в 2020 году криптовалюты в Германии были признаны в качестве средства обмена, хранения, а также их стало возможно передавать и торговать ими в электронном виде. Венесуэла [7. Р. 16-176] с рядом стран уже перешла на расчеты в национальной криптовалюте «Petro» за поставки продуктов питания из других стран Южной Америки, Европы, т.е. криптовалюта начала применяться уже для осуществления международных расчетов, хотя и в рамках нескольких стран.

Кроме того, область применения криптовалют значительно ограничена – далеко не все население мира имеет доступ к интернету и/или умеет пользоваться компьютером. Отсюда вытекает проблема, связанная с разделением стран на развитые, развивающиеся и отстающие. Экономически слаборазвитые страны не имеют выход к электронной торговой площадке, к цифровому рынку, в то время как развитые страны постепенно начинают принимать решения, связанные с изменением денежной системы своей страны и развитием своей собственной цифровой валюты как внутри страны, так и за рубежом. Тем не менее, криптовалюты активно используются сейчас в странах с развитой экономикой.

Однако, если на криптовалюты, как на новую форму денег, в своих расчетах перейдет определенная часть населения, то это может привести к секторации и фрагментации экономики; если же все население страны – то потеряется контроль над денежно-кредитной ситуацией в стране [2. С. 392-408].

Таким образом, несмотря на то, что криптовалюты удовлетворяют отдельным свойствам финансовых активов, говорить об их полной взаимозаменяемости с традиционными деньгами пока еще рано.

В-четвертых, снижение спроса на фиатные деньги. Осуществление операций в виртуальном пространстве может привести к тому, что сократится спрос на традиционные фиатные деньги. Соответственно, изменится соотношение денежных агрегатов и, как следствие, скорость обращения денег. В результате снизится эффективность проводимой государством кредитно-денежной политики. В свою очередь это приведет к усложнению процесса прогнозирования уровня инфляции и инфляционных ожиданий.

Несмотря на снижение доли наличных денежных средств в обращении, можно заметить тенденцию повышенного использования наличных денег в развивающихся и развитых странах [5. С. 7-17]. Это может быть

напрямую связано с устоявшимися привычками потребителей финансовых услуг, где изменения происходят довольно медленно. Согласно высказываниям руководителей ЦБ, в ближайшее время будет наблюдаться частичный отток наличных денежных средств. Также согласно глобальному исследованию «Новый век цифровых активов», в ближайшее десятилетие фиатные деньги, включая мировые валюты (доллар и евро), не будут пользоваться таким спросом, который наблюдался ранее, человечество будет использовать преимущественно цифровые активы. В данном международном исследовании такие страны, как Германия, Великобритания, США и Китай приняли участие в 2021 году. Правительства и финрегуляторы ведущих стран пришли к выводу, что развитие цифровых финансовых инструментов с каждым годом увеличивается, данный факт свидетельствует о постепенном переходе использования фиатных денег к цифровым.

В-пятых, чрезмерное разнообразие криптовалют: по состоянию на июнь 2023 года Forbes насчитал порядка 26 тысяч криптовалют: количество криптовалют выросло в 3,25 раз за полтора года [11; 12].

В-шестых, обеспеченность денег. Криптовалюты наименее обеспеченная форма денег. Ни криптовалюты, ни традиционные фиатные деньги не имеют внутренней ценности – так как в одном случае это «бумажка», в другом – программный код. Но в тоже время они «обеспечены» с точки зрения технологических особенностей платформы блокчейн [1. С. 72-80].

Важно также отметить, что по мере развития крипторынка увеличивается нагрузка на все существующие платформы блокчейн. В результате этого многие исследователи отмечают ограниченность пропускной способности блокчейна. Так, например, биткоин уже в значительной степени проигрывает криптооперациями с другими криптовалютами (уже почти исчерпал свою пропускную способность). В ближайшее время с аналогичными проблемами столкнется и вторая по популярности криптовалюта – эфириум. К сожалению, что пока не существует технологического решения данной проблемы и на сегодняшний день это является вызовом для будущего развития платформы блокчейн.

В-седьмых, скорость проведения финансовых операций. Криптовалюты в значительной степени выступают конкурентами традиционных безналичных денег как по скорости, так и по удобству, и по анонимности (рисунок 2).

Транзакции на крипторынке осуществляются быстро. Но в связи с тем, что криптовалюты сегодня все еще в незначительной степени интегрированы в финансовую систему, то требуется время на обмен традиционных денежных средств на криптовалюту и обратно, что увеличивает время на совершение криптоопераций. Как следствие, транзакции в криптовалюте по своей скорости пока не превзошли традиционные платежные системы (VISA и др.).

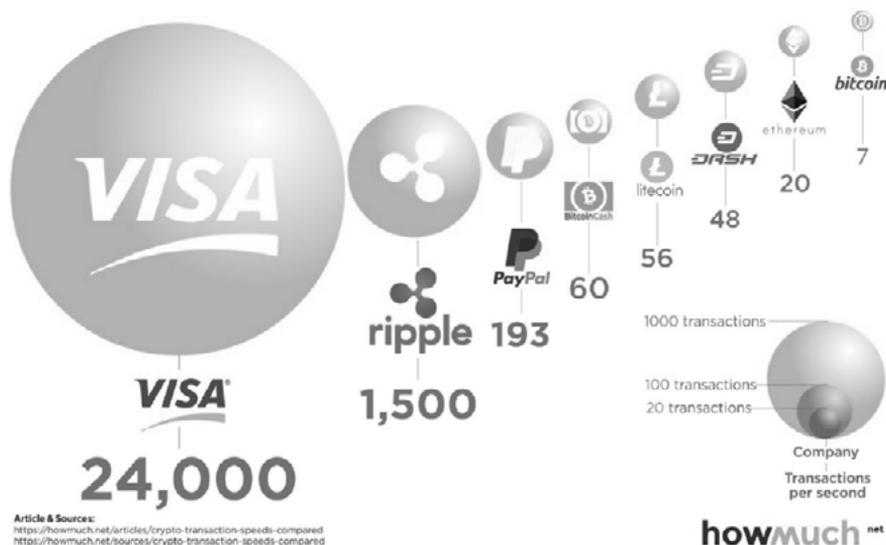

Рисунок 2. Скорости современных платежных систем (классические и технология блокчейн) [13].

В-восьмых, безопасность. В связи с тем, что блокчейн по своей сути децентрализован и соответственно, риски криптотранзакций ложатся на покупателя и продавца, соответственно, участники сделок с криптовалютами оказываются значительно менее защищены. В частности, в случае финансового кризиса, пользователи оказываются не защищены, независимо от формы денежных средств. Так, в истории развития крипторынков уже были ситуации, когда из-за нестабильной ситуации производилась блокировка счетов пользователей, запрещалось выводить активы и др. Соответственно, при возникновении любой проблемы в сфере функционирования банковской системы, у криптодержателей возникает ряд сложностей к доступу к криптовалютам.

Решение данной проблемы может стать создание регулирующего органа. Однако, в мире, где усилен контроль за отмыванием денег и финансированием терроризма, трудно представить какой-либо орган, разрешающий анонимные операции (которые из себя и представляют криптотранзакции) с учетом внутреннего законодательства и международных обязательств. В более общем плане анонимные сделки будут проверять на соответствие гражданскому и уголовному законодательству, требующему установления личности участников сделки, конечного использования базового товара или услуги и источников средств, используемых для ее финансирования. Однако, это все лишь точечные механизмы крипторегулирования, а для сохранения и обеспечения всемирной безопасности, будет эффективно лишь создание

наднационального орган, который бы, во-первых, обеспечивал контроль над всеми совершенными транзакциями, а во-вторых, создал бы наднациональные нормативно-правовые механизмы и способы крипторегулирования [6. С. 45-54].

Также угрозой для национальной экономики, в частности, для стабильности существующей денежной системы, является майнинг, с помощью которого огромное количество пользователей добывают криптовалюты, в т.ч. и с помощью ноутбуков и ПК, может спровоцировать серьезные сбои в функционировании центральных банков.

Таким образом, несмотря на повышенный интерес сегодня к криптовалютам как к относительно новой форме денег, риски и угрозы от их использования в сфере международных финансов как для экономики отдельно взятой страны, так и для всей мировой финансовой системы значительны. Децентрализованный рынок криптовалют представляет серьезную конкуренцию существующей сегодня банковской системе. Однако, на текущий момент существует ряд значительных проблем в области полномасштабного внедрения криптовалют в сферу международных финансов, основными из которых являются: волатильность курса, отсутствие на национальном и международном уровне единого подхода к крипторегулированию, чрезмерное разнообразие видов криптовалют и непопулярность их как формы денег в платежах, вопросы безопасности, обеспеченность, снижение спроса на фиатные деньги, скорость проведения финансовых операций. Поэтому при условии устранения технологических недостатков непосредственно самого протокола блокчейна (например, отсутствие лимита на осуществление криптооперации и ограниченной пропускной способности блокчейна), а также гармонизации независимой сущности криптовалют с реалиями современной финансовой системы (в которой одним из основополагающих принципов является централизованность и регулируемость), криптовалюты смогут стать одной из мировых валют уже в среднесрочной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Балаева М.С. Проблемы и пути развития криптовалют как международного платежного средства // Bulletin almanach science association France-Kazakhstan. 2023. № 5.
2. Дорофеев М.Л., Косов М.Е. Роль и перспективы внедрения криптовалют в современную мировую финансовую систему // Финансы и кредит. 2019. Т. 25. № 2.
3. Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3.

4. *Кочергин Д.А.* Цифровые валюты центральных банков: опыт внедрения цифрового юаня и развитие концепции цифрового рубля // *Russian Journal of Economics and Law*. 2022. Т. 16. № 1. DOI: [http:// dx.DOI.org/10.21202/2782-2923.2022.1.51-78](http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.51-78).

5. *Мосакова Е.А.* Криптовалюта как основа новой информационной архитектуры в информационную эпоху // *Информационное общество*. 2023. № 1.

6. *Мосакова Е.А.* Национальные особенности развития ЦВЦБ в постковидный период: мировой опыт // Сборник трудов VI Международной научно-практической конференции «Теоретические и практические аспекты цифровизации российской экономики» (29-30 ноября 2023 г., Ярославль) / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2023.

7. *Мосакова Е.А.* National cryptocurrency as venezuela's economic development factor in the 21st century // *Iberoamérica*. 2020. № 1.

8. Перспективы регулирования криптовалютного рынка // Информационно-аналитический портал о криптовалюте // <https://www.vs.ru/crypto/549684-perspektivy-regulirovaniya-kriptovalyutnogo-rynka>.

9. *Costelloe K.* Bitcoin 'Ought to Be Outlawed,' Nobel Prize Winner Stiglitz Says // Официальный сайт информационного финансового портала Bloomberg // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-11-29/bitcoin-ought-to-be-outlawed-nobel-prize-winner-stiglitz-says-jal10hxd>.

10. *Hajdarbegovic N.* Cryptocurrency creation history // Bitcoin Foundation. 2018. Vol. 55.

11. *McGimpsey P., Broverman A.* Different Types Of Cryptocurrencies Explained (June 28, 2023) // Официальный сайт Forbes Advisor // <https://www.forbes.com/advisor/au/investing/cryptocurrency/differenttypes-of-cryptocurrencies-explained/>.

12. *Marquit M.* 13 Reasons People Think Crypto Investing is a Bad Idea (April 3, 2023) // Информационно-аналитический портал о криптовалюте // <https://financebuzz.com/reasons-crypto-is-a-bad-idea>.

13. Transactions Speeds: How Do Cryptocurrencies Stack Up to Visa or PayPal? // Официальный информационно-аналитический портал о деньгах // <https://howmuch.net/articles/crypto-transaction-speeds-compared>.

E.A. MOSAKOVA

*Candidate of Economics, Associate professor,
Associate professor at the Department of Global Processes
Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

I.A. ZOLOTAREV

*PhD Student, Faculty of Global Processes
Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

CRYPTOCURRENCIES IN INTERNATIONAL FINANCE: CHALLENGES ON THE ROAD TO BECOMING A WORLD CURRENCY

Cryptocurrency has become a popular form of money in a short period of time, primarily for such properties as anonymity and decentralization. Today, the decentralized cryptocurrency market is already a major competitor to the banking system. In addition, the blockchain technology itself can coordinate various human activities. The article is devoted to the current problems associated with the use of cryptocurrencies in the international finance. It could be concluded that they will be able to claim the role of a world currency in the medium term provided the harmonization of the essential and inextricable independence of cryptocurrencies with the realities of the modern financial system.

Key words: *cryptocurrency, exchange rate volatility, cryptocurrency regulation, security, backing, fiat money, financial transactions, financial sphere, means of payment.*

А.Е. МУРАВЬЕВА

*аспирант кафедры политологии Востока
факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

РОЛЬ ЕГИПТА В РЕШЕНИИ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

Ключевым фактором в решении палестино-израильского конфликта являются не только договоренности между мировыми лидерами, странами-гегемонами, но и соседними странами, для которых стабильная обстановка в регионе является необходимым фактором экономической и политической устойчивости. Цель нашего исследования заключается в выявлении роли Египта в стабилизации палестино-израильского конфликта; соответственно предметом исследования выступает деятельность Египта в этом направлении.

Ключевые слова: *мировая политика, Египет, мировая экономика, внешнеполитический курс, палестино-израильский конфликт, миропорядок.*

На протяжении уже более 75 лет не прекращается борьба арабского мира во главе с Палестиной за право жить на исконных землях. Каждая из сторон имеет свое мнение, свой политический, экономический и военный вес, которые то и дело эскалирует ситуацию на и так нестабильном Ближнем Востоке.

Палестинский вопрос, главная болевая точка не только арабского мира, но и всех стран региона Ближнего Востока и Северной Африки, с 1948 года занимает наибольшее внимание всех египетских политических деятелей, поскольку безопасность Египта напрямую зависит от стабильности в соседней Палестине.

Очередной виток напряженности пришелся на октябрь 2023 года, когда палестинская группировка ХАМАС провела военную операцию в отношении Израиля, на что последняя дала жестокий ответ, который несравним с другими фазами напряженности, тем самым окончательно разрушив надежды на стабильность в регионе.

Интерес Египта к палестинскому вопросу постоянно подчеркивался на всех этапах палестино-израильского конфликта [5].

Президент страны Абдель Фаттах Ас-Сиси несколько раз подтверждал, что Египет продолжит неустанные усилия по решению палестинского вопроса, поскольку он является одной из констант египетской политики, и продолжит предпринимать усилия по восстановлению законных прав палестинского народа.

Постоянный акцент Египта на важности выделения двух основных направлений, обобщающих позицию Египта по палестинскому вопросу, включает в себя, во-первых, важность объединения арабских и международных усилий по возобновлению мирного процесса в Палестине на основе принципа двух государств, а во-вторых, сотрудничество между двумя палестинскими движениями ФАТХ и ХАМАС.

Что касается внутрипалестинских вопросов, то интерес Египта к данной проблематике на протяжении многих десятилетий не только оставался постоянным, но и возрастал по мере усложнения ситуации.

Путь национального примирения стал одним из приоритетов Египта в отношении палестинского вопроса. Июнь 2007 года привел к сохранению состояния раскола и разногласий между сектором Газа и Западным берегом, а процесс палестинского примирения в последующие годы практически полностью застопорился, пока Каир не возобновил переговоры в апреле 2011 года, приняв у себя представителей двух движений, в ходе которых были согласованы условия документа о национальном примирении, а также обсуждались механизмы их реализации в декабре 2011 г., во время встречи, также организованной Каиром.

Осознав, что объединение палестинских взглядов является единственным путем, с помощью которого можно найти постоянное решение палестинского вопроса, усилия Египта увенчались успехом в октябре 2017 года, когда тот выступил спонсором исторического соглашения о палестинском примирении, согласно которому происходит объединение правительственных институтов, а палестинскому правительству предоставляется возможность выполнять свои обязанности по управлению делами в секторе Газа.

С 2017 года Египет спонсировал около 20 встреч, направленных на объединение палестинских движений, самая важная из которых состоялась в феврале 2021 года в Каире. Во встрече приняли участие 14 палестинских группировок, ранее подписавших соглашение о примирении в Каире в 2011 году. Основной целью переговоров стало обсуждение двусторонних соглашений и договоренностей, достигнутых в отношении проведения палестинских выборов.

Самой важной встречей, учитывая проблемы, с которыми столкнулась палестинская сторона на местах, остается встреча, организованная в городе Аль-Аламейн, Египет, в июле 2022 года, в ходе которой продолжился диалог между внутрипалестинскими силами, а также обсуждалась политика Израиля в отношении палестинского народа, представленная

неоднократными вторжениями, военными операциями и ускорением поселенческой деятельности.

Обеспечивая внутripалестинский диалог, Египет стремится достичь несколько следующих целей:

– Необходимость разработки единой политической программы между всеми сторонами, главным стержнем которой является разрешение Палестинской национальной администрации (ПНА) вести переговоры с Израилем по важнейшим вопросам.

– Ни одно из движений или ПНА не будет отклоняться от единой политической программы или принимать решение в одиночку.

– Укрепление ПНА и восстановление институтов Организации освобождения Палестины.

Египет с самого начала диалога стремился проинформировать палестинские фракции о том, что они не представляют собой альтернативу ПНА и, что все они должны думать о высших интересах палестинского народа и объединить свое видение, что побуждает международные стороны вернуть свой интерес к мирному процессу на Ближнем Востоке.

Нет более убедительного доказательства этого, чем постоянное утверждение президента Абдель Фаттаха Ас-Сиси о том, что «Палестинский вопрос является главным приоритетом Египта», и его упор на необходимость достижения окончательного решения путем создания двух государств таким образом, чтобы сохранить законные права палестинского народа и принести мир и стабильность в регион.

Что касается мирного пути и поиска мирного решения палестинского вопроса, Египет поддерживал все мирные конференции и инициативы в этом отношении и все еще движется в этом направлении на условиях создания независимого палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме.

Египет постоянно сталкивается с последствиями повторяющихся раундов эскалации израильской оккупации сектора Газа, которая в последние месяцы распространилась на несколько районов Западного берега.

Однако раунды эскалации против сектора Газа всегда были самыми масштабными и трудными, и здесь ясно очевиден размер и важность роли Египта в таких случаях.

7 октября 2023 мир стал свидетелем самых жестких за последние годы событий, развернувшихся в секторе Газа и городах Израиля. Египетский план в таких случаях обычно включает в себя действия на нескольких различных уровнях, наиболее заметными и важными из которых являются прекращение военных операций и установление перемирия по гуманитарным соображениям, а затем переход к долгосрочному прекращению огня, которое, естественно, будет связано с многочисленными условиями и требованиями обеих сторон [1].

В этот раз Египет организовал «Саммит мира», где собрались главы МИД и политики почти из 30 стран Европы, Африки и Ближнего Востока, а также генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш и председатель Евросовета Шарль Мишель. По итогам саммита участники не смогли принять совместное коммюнике ввиду того, что лидеры арабских стран не согласились с мнением европейских стран о том, что виновником эскалации конфликта является движение ХАМАС [2].

Одновременно будучи единственной арабской страной, граничащей с сектором Газа, Египет является основным кандидатом на прием и переселение беженцев, спасающихся от войны, и изгнанных оттуда в результате военной операции Израиля, проводимой, в том числе, против невинных гражданских лиц [3]. Намерение Израиля обезлюдить сектор Газы было ясно с самого начала нынешнего конфликта. 13 октября израильские военные приказали палестинцам на севере сектора Газа (а это примерно 1,1 миллиона человек) перебраться на юг города, якобы ради их безопасности и с целью отделения от боевиков ХАМАС. Хотя приказ был просто нереальным и невозможным для исполнения. Организация Объединенных Наций назвала его «катастрофическим» и потребовала от Израиля его отмены. Приказ нельзя понимать иначе, как возможную попытку вытеснить хотя бы часть жителей Газы на Синай, где, как ожидалось, Египет примет и разместит их.

В конце октября министерство разведки Израиля признало существование нового плана (также заявленного в документе от 13 октября) по переселению 2,3 миллиона палестинцев из сектора Газа в лагеря беженцев на севере Синая, которые впоследствии могут стать самостоятельными городами. По сообщениям СМИ, Израиль в частном порядке обсуждал с несколькими иностранными правительствами идею переселения жителей Газы в Египет «на время войны». Необходимо отметить, что такие мысли уже не раз высказывались правительствами близлежащих арабских стран, так, еще в далеком 2015 году ходили слухи, что есть некий план по переселению жителей сектора Газа на территорию египетского Синая.

Египетские и палестинские официальные лица, очевидно, осудили такое предложение и в этот раз, как не только дерзкое и неприемлемое, но и как продолжение исторической политики Израиля по лишению палестинцев собственных территорий за счет своих соседей.

Такие планы побудили Египет жестко отреагировать на желание некоторых стран решить проблемы подобным образом. 18 октября 2023 года Абдель Фаттах Ас-Сиси во время совместной пресс-конференции с канцлером Германии Олафом Шольцем осудил любые разговоры о переселении беженцев в Египет. Выступая не по сценарию, в опрометчивых и антиисторических терминах, Ас-Сиси предупредил, что такая перспектива может

усилить терроризм против Израиля, и предложил переправить беженцев в израильскую пустыню Накаб (Негев).

Некоторые опасения вызывает сопротивление египетской оппозиции приему палестинских беженцев из сектора Газа. Во-первых, египетскому режиму трудно игнорировать широко распространенные настроения среди египтян, которые отвергают изгнание палестинцев с их исконных территорий. Действительно, несколько демонстраций, разрешенных в Египте с 7 октября, выражают именно эту озабоченность. В 1948 году, когда был создан Израиль, и в 1967 году, во время и после Шестидневной войны, сотни тысяч палестинцев были изгнаны из Палестины, в том числе в сектор Газа, и никогда не вернулись. Многие жители Газы действительно являются беженцами с 1948 года. Третье перемещение, а это возможно более двух миллионов жителей Газы, станет еще одной катастрофой для национальной жизни и существования палестинцев, с которым ни они, ни египетский народ, ни весь арабский мир не готовы смириться. И этот серьезнейший фактор необходимо учитывать. Конечно, даже предположение о том, что Израиль считает оправданным создание притока беженцев в результате своих военных операций, является совершенно нелепым для египтян и других жителей региона.

Во-вторых, прием огромного количества палестинских беженцев представлял бы собой серьезную угрозу национальной безопасности египетского государства. Размещение беженцев в лагерях на севере Синая станет большой проблемой для египетских властей, поскольку они уже десятилетиями борются с различными террористическими группировками на Синае. Это также вызовет огромный логистический и финансовый кошмар для Египта, учитывая обширные гуманитарные потребности беженцев. Экономика Египта уже переживает крупный экономический кризис, отмеченный рекордной инфляцией (достигшей почти 40% в августе), девальвацией валюты (египетский фунт потерял 53% своей стоимости за последние 18 месяцев), огромным государственным долгом (93% ВВП при внешнем долге в 163 миллиарда долларов) и бедностью (по оценкам, до 60% египтян живут за чертой бедности или ниже). Хотя международное содействие может помочь в расселении беженцев, всегда будут существовать скрытые расходы, которые Египет не сможет покрыть без помощи извне.

В-третьих, размещение палестинских беженцев неизбежно вернет Египту прямое участие в палестино-израильском конфликте, которого президенты со времен Анвара Садата старательно пытались избежать после возвращения Синая в 1982 году. Египет, возможно, играл и продолжает играть роль участника в дискуссиях, переговорах и договоренностях, но после мирного договора с Израилем Каир действительно является лишь посредником-переговорщиком. Создание лагерей для переселения палестинцев

на Синае наверняка вернет Египет в круг интересов, из которого он вышел десятилетия назад.

Другими словами, хотя Египет может выступать в качестве посредника между палестинцами и Израилем и предпочитает говорить от имени палестинцев, он не заинтересован в том, чтобы брать на себя ответственность за переселение миллионов палестинцев для обеспечения их благополучия.

Касательно более стратегических вопросов, таких как судьба ХАМАС, Египет не желает уступать ни Соединенным Штатам, ни Израилю, заявив, что намерение Израиля искоренить движение ХАМАС в секторе Газа просто нереалистично и что Израиль не будет играть послевоенной роли в обеспечении безопасности. Сообщается, что на встрече 9 ноября с директором ЦРУ Уильямом Бернсом президент Ас-Сиси заявил, что Египет не будет участвовать в уничтожении ХАМАС, поскольку ему нужна группировка для обеспечения там безопасности. Египет, наряду с другими арабскими государствами, также выступает против плана Израиля по созданию буферной зоны безопасности внутри сектора Газа вдоль его границы с анклавом.

Конечно, похоже, что Египет не склонен принимать на себя роль по обеспечению безопасности в секторе Газа, которая удовлетворила бы требования Израиля. Любая такая роль вернет Египет в центр дискуссий, переговоров и договоренностей относительно будущего палестинского вопроса. Как было очевидно на протяжении десятилетий, Каир хотел отстраниться от запутанности палестинской дилеммы из-за связанного с ней бремени безопасности, политических и экономических проблемами. Вместо этого он может следовать по пути выполнения разовых функций, таких как переговоры о краткосрочном перемирии и управление контрольно-пропускным пунктом Рафах, не обещая крупных инициатив. Действительно, на данный момент и в обозримом будущем Египет будет продолжать действовать таким образом, чтобы защищать интересы своего военного режима, а также интересы своих руководителей [4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Хамзави А.* Политические последствия прекращения огня между Израилем и Хамасом. Соединенные Штаты Америки // <https://policycommons.net/artifacts/10614545/the-policy-impact-of-the-israel-hamas-ceasefire/11522110/>.
2. Что сказали мировые лидеры о будущем сектора Газа на саммите в Каире // Российская газета. 2023 // <https://rg.ru/2023/10/21/chto-mirovye-lidery-skazali-o-budushchem-sektora-gaza-na-sammite-v-kaire.html?ysclid=lrh19dkhq9725906633>.

3. Щегловин Ю.Б. О планах Израиля по вытеснению населения сектора Газа в Египет. Институт Ближнего Востока. 2023 // <http://www.iimes.ru/?p=103520>.

4. *Imad K. Harb*. Egypt Muddles Through the Crisis in Gaza. Arab Center Washinton DC. 2023 // <https://arabcenterdc.org/resource/egypt-muddles-through-the-crisis-in-gaza/>.

5. Misr wa al-kadiya al-filastiniya. Jugud mukathifah wa daam m=bila hudud (Египет и палестинский вопрос... интенсивные усилия и помощь без границ). Maspero. 2023 // <https://www.maspero.eg/files-egypt/2023/11/08/733145/مصر-والقضية-الفالسطينية---جهود-مكثفة-ودعم-بلا-حدود>

A.E. MURAVYEVA

*Graduate student of Department of Political Science
of the East of the Faculty of Global Studies, Moscow State
University Lomonosov, Moscow, Russia*

EGYPT'S ROLE IN RESOLVING THE PALESTINIAN-ISRAELI CONFLICT

The key factor in resolving the Palestinian-Israeli conflict is not only agreements between world leaders and hegemonic countries, but also neighboring countries, for which a stable situation in the region is a necessary factor for economic and political stability. The purpose of our research is to identify Egypt's role in stabilizing the Palestinian-Israeli conflict; Accordingly, the subject of the study is Egypt's activities in this direction.

Key words: *world politics, Egypt, world economy, foreign policy, Palestinian-Israeli conflict, world order.*

А.А. НОВИЦКАЯ

студентка бакалавриата факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург

Д.С. ТУЛУПОВ

доцент кафедры теории и истории международных отношений, преподаватель факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург

ПРИНЦИП НЕЙТРАЛИТЕТА ШВЕЙЦАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Целью статьи является выявить актуальность статуса Швейцарии как нейтрального государства в современные дни через призму российско-украинского конфликта. С началом данного конфликта статус нейтралитета Швейцарии подвергается критике со стороны России в нарушении морального и экономического нейтралитета, а со стороны западных стран в недостаточном противостоянии агрессии. В исследовании используется метод контент-анализа, историко-сравнительный метод и метод актуализации. Автор приходит к выводу, что несмотря на активное вовлечение Швейцарии в конфликт, фактически она не отходит от своего статуса нейтрального государства, учитывая ее открытое осуждение действий России и присоединение к экономическим санкциям.

Ключевые слова: *право нейтралитета, политика нейтралитета, Швейцарская конфедерация, российско-украинский конфликт, военный нейтралитет.*

Введение. Швейцария с XIX века является нейтральным государством, чей статус опирается на признание его другими государствами, и чья политика на протяжении более двухсот лет совпадала и с *политикой нейтралитета*, которой Швейцария добровольно придерживалась даже в период двух мировых войн.

Однако сейчас на фоне продолжающегося российско-украинского военного конфликта Швейцария предпринимает действия, которые она не предпринимала ранее или, скорее, просто не получала такой реакции на предпринимаемые шаги по деэскалации конфликта. Речь здесь идет об обязательствах нейтрального государства придерживаться моральному и экономическому нейтралитету. Однако несмотря на реакцию международного сообщества на излишне пассивную (западные страны) или слишком активную (Россия) позицию, занимаемую Швейцарией, все же можно заметить желание части населения Швейцарии принимать более решительные шаги в деле оказания помощи Украине. Также такой позиции придерживаются, и сторонники двух либеральных партий Швейцарии – Свободной демократической партии и Зеленой либеральной партии.

Однако стоит понимать, что несогласные с режимом и проводимой политикой любого государства всегда были, есть и будут, самое главное, какого курса придерживается правительство, какие партии составляют это правительство и какова поддержка этого правительства населением. С этой стороны вопроса в Швейцарии царит относительный консенсус, заключающийся в умеренной поддержке Швейцарией Украины невоенными средствами.

Право нейтралитета и политика нейтралитета. В настоящее время четко различают такие понятия, как *право нейтралитета* и *политику нейтралитета*. Основное их различие заключается в том, что право нейтралитета является международно-правовым явлением, регулируемое международными договорами и подразумевающее наличие обязательств и со стороны государства, которое признается нейтральным, так и со стороны других участников договора с целью обеспечения безопасности нейтрального статуса. В то время как провозглашение политики нейтралитета какой-либо страной без признания ее таковой каким-либо другим государством не несет за собой каких-либо юридических последствий в случае нарушения провозглашенного курса на нейтралитет. Политика нейтралитета может быть ситуативно использована в речи государственных деятелей или даже быть закреплена в Конституции государства (к примеру, в Конституции Туркменистана), однако без признания хотя бы одним государством политика нейтралитета остается вне сферы действия международного права.

Рассмотрев различия между политикой нейтралитета и правом нейтралитета, следует обратить внимание на виды уже самого права нейтралитета. Опуская все разновидности и субъективные характеристики, которые с развитием данного международно-правового института уже могут даже не соответствовать действительности (например, благожелательный, несовершенный нейтралитет и т.д.), рассмотрим военный (традиционный) нейтралитет и постоянный нейтралитет. Постоянный нейтралитет – это правовой статус государства, при наличии которого государство обязуется не принимать

участия в войнах, за исключением случаев самообороны, а также следовать конструктивной внешней политике в мирное время, не участвовать в военных коалициях и не заключать соглашений, которые могут вовлечь в войну [1. С. 111]. В то время как военный нейтралитет носит ситуативный и временный характер, так как провозглашается только в ответ на какие-то определенные военные действия.

Становление Швейцарии как нейтрального государства. Швейцария имеет статус постоянно нейтрального государства с момента подписания Акта Венского Конгресса, Приложения к Акту Венского Конгресса № 90, Декларации держав о делах Гельветического Союза и Акта относительно признания и гарантии постоянного нейтралитета Швейцарии и неприкосновенности ее территории. Также приверженность нейтралитету закреплена в ст. 185 и 173 Конституции Швейцарской Конфедерации 1999 года, которые накладывают обязанность по сохранению нейтралитета на Бундесрат и парламент [2]. Также юридическим основанием данного международно-правового института выступают имеющий уже общий характер следующие международные договоры: Парижская декларация 1856 года о морском праве; Гагская конвенция № V 1907 года о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны; Гагская конвенция 1907 года № XIII, касающийся прав и обязанностей нейтральных держав в морской войне; четыре Женевских соглашения 1949 года; Дополнительный протокол I 1977 года. Основываясь на приведенных выше документах к обязанностям постоянного нейтрального государства относятся:

- запрет на участие в международных вооруженных конфликтах, в т.ч. запрет на оказание военной, экономической, финансовой поддержки воюющим;
- запрет на участие в военных союзах и альянсах;
- запрет на размещение на своей территории военных баз и технических установок третьих стран;
- эффективная защита суверенитета и статуса постоянного нейтрального государства;
- ведение политики добрососедства, т.е. не провоцирование международной напряженности.

Действия Швейцарии в рамках российско-украинского конфликта. В настоящее время в контексте российско-украинского конфликта, ни одна из противоборствующих сторон не согласна с проводимой политикой Швейцарии. Российская Федерация считает, что Швейцария больше не является постоянно нейтральным государством, так как она осудила агрессивные действия России касательно не только вторжения в Украину, но также присоединение Крыма в 2014 году, проведение референдумов и частичной мобилизации в сентябре 2022 года [5], более того Швейцария еще с первых недель конфликта присоединилась к экономическим санкциям Евросоюза,

и принимала собственные меры для деэскалации конфликта даже выходя за рамки сотрудничества с ЕС по этому вопросу. В то время как западные страны, в частности Германия, обвиняют Швейцарию в недостаточном противоборстве нарушениям международного права.

Известно, что Государственный секретариат экономики Швейцарии (SECO) весной 2022 года отклонил запрос Германии на поставку боеприпасов для БМП Marder швейцарского производства: Департамент экономики, образования и научных исследований (EAER) для обоснования такого решения ссылался на нейтралитет Швейцарии и Закон о военных материалах [6]. Отказ Берна в реэкспорте швейцарского оружия получили тогда также Дания и Испания. Однако уже весной 2023 года Совет Кантонов принял проект поправки к данному закону касательно разрешения покупающим швейцарскую военную технику странам реэкспортировать ее в страны, участвующие в конфликте, если они прибегают к своему праву на самооборону в соответствии с международным публичным правом. Против высказались представители левых, центристов и Народной партии.

Несмотря на этот закон швейцарские комплектующие активно используются для производства оружия в других государствах, предназначенных для отправки в Украину. Так, летом 2022 года Германия запросила комплектующие для противотанковых пусковых установок, Италия – запчасти для систем ПВО. В ответ на критику и дальнейшие возможные обвинения со стороны Российской Федерации Федеральный Совет Швейцарии еще в июне 2022 года заявил, что Швейцария выступает одним из звеньев производственной цепочки оборонной промышленности Европы и не считает нарушением права на нейтралитет участие в ней швейцарских компаний при условии, что доля швейцарских компонентов ниже 50% процентов в конечной продукции [10].

Возникает вопрос: обязательно ли соблюдение *экономического* и *морального нейтралитета* при наличии статуса постоянно нейтрального государства в рамках международного права?

События 2022 года заставили швейцарских теоретиков и аналитиков, а, следовательно, и тех, кто принимает решения, актуализировать понимание нейтралитета.

Опираясь на доклады Федерального департамента иностранных дел (FDFA) Швейцарии и аналитического центра по вопросам внешней политики Швейцарии Fogaus, мы можем рассмотреть множество дефиниций современного нейтралитета, а точнее его толкование Швейцарией на данном этапе.

Во-первых, Швейцарский нейтралитета является **добровольным**, то есть Швейцария не брала на себя международно-правового обязательства по его сохранению – она имеет возможность снять с себя обязанности постоянно нейтрального государства в любой момент. Во-вторых, несмотря

на возможность в любой момент отказаться от своего статуса швейцарский нейтралитет определяется как **вечный**. Под этим имеется в виду сравнение с временным нейтралитетом, который применяется на разовой основе в случае возникновения какого-то конфликта. **Вооруженный** нейтралитет оправдывает наличие Швейцарской армии и изготовление оружия и боеприпасов. Следующая дефиниция – **активность**, она подразумевает под собой деятельную и инициативную политику в мирное время или помощь воюющим сторонам невоенными средствами: организация и проведение мирных конференций и различных форумов; оказание посреднических услуг и гуманитарной помощи воюющим сторонам. Рассматривая такую характеристику, как **дифференцированность**, мы можем приблизиться к ответу на поставленный вопрос. Дифференцированный нейтралитет проводит различие между военным и экономическим нейтралитетом, а также между правом нейтралитета и политикой нейтралитета. **Военный** нейтралитет допускает членство в международных организациях (Лига Наций, ООН, ОБСЕ), а также принятие экономических санкций. И последняя существенная характеристика, которая полностью позволяет раскрыть суть нейтралитета Швейцарии на данном этапе его развития – это **ориентированность на ценности**. Апеллируя к демократическим ценностям и международному праву, а не к сторонам конфликта Швейцария поддерживает, с одной стороны, безопасность государства, а с другой, авторитет в глазах мирового сообщества. Хоть иногда в период горячих фаз такой «равнодушный» подход встречает немало критики.

Что касается российско-украинского конфликта, то еще в 2014 году после присоединения (в российской риторике) или аннексии (в западном информационном пространстве) Российской Федерацией Крыма Швейцария гарантировала, что будет препятствовать параллельному импорту в Россию, осуществляемому в обход санкций Евросоюза, хоть напрямую к ним и не присоединилась.

Таким образом, Швейцария поддерживает не какую-то определенную сторону, а отстаивает авторитет международного права, не придерживаясь, однако нейтралитета морального, который и не является обязательным.

Несмотря на препятствование в оказании военной помощи обеим сторонам Швейцарская Конфедерация всегда ищет способы оказать гуманитарную или другую помощь невоенными средствами, кооперируется с другими государствами для участия в гуманитарных миссиях и предлагает свои посреднические услуги. В российско-украинском конфликте к этой сфере деятельности Швейцарии можно отнести ее предложение выступить посредником между сторонами конфликта и представлять интересы Украины в Москве (данное предложение было отвергнуто Российской Федерацией, заявившей, что более не считает Швейцарию нейтральной страной) [3].

Сотрудничество Швейцарии и Украины в контексте горячей фазы российско-украинского конфликта (с 24.02.2022). В феврале 2023 года Кильский институт мировой экономики представил рейтинг по странам, оказывающих помощь Украине, и в нем Швейцария занимает нелестное и не соответствующее ее принципу солидарности 33 место из 40. Однако, стоит учитывать, что методология исследования включала как гуманитарную помощь, так и военную, которую Швейцария не может и не желает оказывать из-за приверженности закону о нейтралитете. И страны, занимающие верхушку рейтинга, попали туда как раз-таки из-за предоставления системы вооружений на большие суммы [9].

Предоставляя же гуманитарную помощь Украине, Швейцария оказывает финансовую поддержку организациям-партнерам; реализует свои собственные проекты через Швейцарское подразделение гуманитарной помощи (SHA) (специалисты подразделения направлены в Украину с 24 февраля); постоянно призывает стороны к соблюдению международного права [7] и заявляет о своем желании выступить посредником в конфликте.

Еще в марте 2022 года Федеральный совет увеличил гуманитарную помощь Украине и региону в целом до 80 миллионов швейцарских франков: три четверти средств были предназначены для оказания помощи тем, кто остался в Украине; четверть общей суммы была направлена на помощь украинским беженцам в соседних странах. Кроме того, Швейцарское агентство развития и сотрудничества (SDC) отправило из Швейцарии материалы для обеспечения здравоохранения, водоснабжения, санитарии и жилья. Швейцария в первые месяцы войны оказала также косвенную поддержку Украине путем финансирования международных миссий и организаций: в марте 2022 Швейцария направила Международному комитету Красного Креста (МККК) в Украине полмиллиона швейцарских франков и сделала взнос в таком же размере в фонд чрезвычайной помощи ООН для Украины [4].

В 2023 году Федеральный совет принял решение выделить Украине 114 миллионов швейцарских франков (123 млн долл).

Если учитывать только предоставление гуманитарной помощи, то Швейцария закрывает топ-10 рейтинга Кильского института. Первые места занимают, как ни странно, страны Балтии, но если мы опять обратимся к методологии исследования, которая заключается в расчете доли помощи относительно объема производства и ВВП государства, то станет ясно, почему экономически слабые страны, которые оказывают значительную финансовую поддержку, занимают более высокие места [9]. Однако Швейцарии все же есть в чем продемонстрировать превосходство перед другими государствами: она заняла первую строчку в рейтинге прозрачности оказания помощи Украине.

В июле 2022 года в швейцарском городе Лугано прошла международная Конференция по восстановлению Украины (URC2022), в которой приняли участие 58 иностранных делегаций. Так как конференция была запланирована давно, в рамках нее предполагалось обсуждать вопросы реформ, поддержку которых Швейцария оказывает уже много лет. Однако затем повестка конференции претерпела значительные корректировки: даже название конференции было изменено с «The Ukraine Reform Conference» на «The Ukraine Recovery Conference». Но несмотря на обсуждения непосредственно текущего конфликта на территории Украины, повестка включала и обсуждение приоритетов, методов и принципов реконструкции после завершения военных действий. Участники также рассмотрели различные аспекты реконструкции с точки зрения инфраструктуры, экономики, окружающей среды и социальных вопросов [8].

По итогам Конференции Швейцария и Украина при поддержке международных партнеров представили «Луганские принципы», в соответствии с которыми должна осуществляться поддержка Украины и ее послевоенное восстановление (демократия, прозрачность, подотчетность, гендерное равенство и др.). Однако каких-то решительных действий участники данной конференции не инициировали, данное мероприятия рассматривается скорее, как жест солидарности и сопричастности других стран к трагедии в Украине.

В данном конфликте Швейцария ставит для себя как долговременные задачи касательно оказания услуг в налаживании отношений и поиске компромисса между сторонами, так и кратковременные задачи для своевременной помощи мирному населению на местах.

Заключение. Таким образом, нейтралитету Швейцарии на данном этапе присущи следующие дефиниции: добровольный, вечный, вооруженный, активный, военный, дифференцированный и ориентированный на ценности. Так как право на нейтралитет не ограничивает государства в вопросе приверженности нейтралитету экономическому и моральному, мы можем сделать вывод, что теоретически Швейцария не отказывается от своего статуса: анализируя действия, предпринимаемые Швейцарской Конфедерацией на данном этапе российско-украинского конфликта, которые заключаются не только в оказании помощи мирному населению на местах и в других государствах и попытках посредничества, но также и в разрешении использовать запчасти швейцарского происхождения, присоединение к экономическим санкциям ЕС и публичное осуждение действий Российской Федерации не позволяют говорить об отходе Швейцарии от своего традиционного курса, так как все вышеперечисленные действия не ограничиваются правом на нейтралитет, в то время как политика нейтралитета может принимать различные формы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ганюшкин Б.В. Нейтралитет и неприсоединение. Москва: Международные отношения, 1965.
2. Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft – 1999. Art. 173, 185.
3. Russia rejects Swiss plan to act as a go-between with Ukraine // Al Jazeera // Russia rejects Swiss plan to act as a go-between with Ukraine. Russia-Ukraine war News. Al Jazeera.
4. Switzerland sends humanitarian aid to Ukrainian population // The Federal council: the portal of the swiss government // <https://www.admin.ch/gov/en/start/documentation/media-releases.msg-id-87418.html>.
5. Switzerland condemns sham referendums in parts of Ukraine // The Federal council: the portal of the swiss government // <https://www.admin.ch/gov/en/start/documentation/media-releases.msg-id-90475.html>.
6. Schweiz verhindert deutsche Munitionslieferung in die Ukraine // SRF 4 News // <https://www.srf.ch/news/international/krieg-in-der-ukraine-schweiz-verhindert-deutsche-munitionslieferung-in-die-ukraine>.
7. Ukraine// International Cooperation // <https://www.eda.admin.ch/deza/en/home/laender/ukraine.html>.
8. Ukraine Recovery Conference (URC2022) in Lugano // Federal Department of Foreign Affairs FDFA // <https://www.eda.admin.ch/eda/en/fdfa/fdfa/aktuell/dossiers/urc2022-lugano.html>.
9. Wo die Schweiz der Ukraine hilft – und wo nicht // SRF // <https://www.srf.ch/news/schweiz/unterstuetzung-der-ukraine-wo-die-schweiz-der-ukraine-hilft-und-wo-nicht>.
10. <https://www.rbc.ru/politics/04/06/2022/629aaeda9a79475d3cf791e5>.

A.A. NOVITSKAYA

Bachelor's student of the Faculty of International relations of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

D.S. TULUPOV

Associate Professor of the Department of Theory and History of International relations, lecturer at the Faculty of International Relations St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

THE PRINCIPLE OF NEUTRALITY OF THE SWISS CONFEDERATION THROUGH THE PRESS OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN CONFLICT

The purpose of the article is to identify the relevance of Switzerland's status as a neutral state in modern days through the prism of the Russian-Ukrainian conflict. Since the beginning of this conflict, Switzerland's neutrality status has been criticized by Russia for violating moral and economic neutrality, and by Western countries for insufficient resistance to aggression. The study uses the content analysis method, the historical-comparative method and the updating method. The author comes to the conclusion that despite Switzerland's active involvement in the conflict, in fact it does not deviate from its status as a neutral state, given its open condemnation of Russia's actions and adherence to economic sanctions.

Key words: *law of neutrality, policy of neutrality, Swiss Confederation, Russian-Ukrainian conflict, military neutrality.*

В.А. ПРИВАЛОВ

аспирант факультета государственного
управления МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ТУРЦИИ В ПЕРИОДЫ ЭСКАЛАЦИИ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА

Этнополитические конфликты в современной действительности не ограничиваются участием только противоборствующих сторон, существенная роль в данных конфликтах отводится третьим сторонам – государствам, которые имеют определенные геополитические интересы и/или преследуют соответствующие цели в том или ином этнополитическом конфликте и механизмах его разрешения. К одному из таких конфликтов на постсоветском пространстве является Нагорно-Карабахский конфликт, который оказывает влияние на безопасность всего региона Южного Кавказа. Основными участниками конфликта в Нагорном Карабахе выступают не только Армения и Азербайджан, но и два внешних игрока – Россия и Турция, которые не только имеют собственные цели и интересы в зоне Нагорно-Карабахского конфликта, но и взаимные отношения – баланс между сотрудничеством и соперничеством – во всем Южно-кавказском регионе. Целью статьи является исследование эволюции отношений России и Турции в периоды эскалации Нагорно-Карабахского конфликта. В статье проанализированы геополитические отношения России и Турции в целом, выделены подходы к их определению – неореалистский и конструктивистский. Рассмотрены отношения России и Турции с непосредственными участниками конфликта в Нагорном Карабахе – Азербайджаном и Арменией. Определены противоречия России и Турции в период эскалации конфликта в Нагорном Карабахе в 2020 году, а также выделены векторы отношений России и Турции в Нагорно-Карабахском конфликте в 2023 году. Сделан вывод, что конфликт в Нагорном Карабахе и периоды его эскалации определял цикличность развития отношений между Россией и Турцией, в рамках которых стороны использовали подход «прагматического партнерства» для разрешения своих внешнеполитических разногласий.

Ключевые слова: *этнополитические конфликты, Нагорно-Карабахский конфликт, отношения России и Турции, геополитические отношения, прагматическое партнерство, внешнеполитические разногласия.*

Введение. Этнополитические конфликты в современной действительности очень часто выходят за пределы двух конфликтующих сторон и достигают не только регионального, но и мирового масштаба. При этом существенная роль в данных конфликтах отводится третьим сторонам – государствам, имеющим свои геополитические интересы и преследующие свои определенные цели в том или ином этнополитическом конфликте и направлении его разрешения. Данная ситуация не обошла стороной и Нагорно-Карабахский конфликт, который может претендовать на звание самого масштабного и трудноразрешимого спора не только на постсоветском пространстве, но и во всей Европе. С момента эскалации конфликта в Нагорном Карабахе в 90-е годы он стал растущей угрозой для безопасности Кавказского региона. Геополитическое значение конфликта в Нагорном Карабахе возрастает на фоне открытия крупных месторождений углеводородов в Каспийском регионе и связанных с этим международных проектов строительства стратегических транспортных маршрутов в непосредственной близости от территории конфликта. Этнополитический конфликт в Нагорном Карабахе оказывает негативное влияние на перспективы развития экономики региональных держав и общую ситуацию как региональной, так и глобальной безопасности, и стабильности. Нагорный Карабах находится на пересечении политических, этнических и религиозных границ, что обуславливает влияние крупных региональных игроков, прежде всего России и Турции. С одной стороны, каждое из этих государств имеет собственные цели и интересы в зоне Нагорно-Карабахского конфликта, с другой стороны Россия и Турция имеют давние отношения во всем Южно-кавказском регионе и Центральной Азии, одновременно балансируя между сотрудничеством и соперничеством. Таким образом, актуальность принимает рассмотрение вопросов отношения России и Турции в Нагорно-Карабахском конфликте, в первую очередь в периоды его эскалации.

Геополитические отношения России и Турции. Отношения между Россией и Турцией на протяжении последних десятилетий представляют собой сложное взаимодействие, которое определялось, с одной стороны, сотрудничеством на высоком уровне, а с другой стороны, усиливающейся региональной конкуренцией. Как указывает турецкий исследователь И. Рюма, «после периода жесткого соперничества между Россией и Турцией, длившегося на протяжении десятилетия после распада Советского Союза, вектор их отношений повернулся в сторону установления стратегического партнерства, акторы сконцентрировались на положительных аспектах своих отношений» [12]. Данная тенденция была поддержана существенным

экономическим ростом, наблюдавшимся и в России, и в Турции, в 2000-х годах, что привело к расширению двусторонней торговли и инвестиций. При этом начала все больше проявляться «асимметричная взаимозависимость» между двумя государствами в рамках сотрудничества, «движимого общими экономическими интересами», в котором Россия имела более выгодную позицию, в первую очередь по причине энергетической зависимости Турции от России.

Переломным моментом в отношениях между государствами стал сбитый турецкими ВВС российский бомбардировщик Су-24 в небе над Сирией в ноябре 2015 года. Данный инцидент показал, «насколько хрупким было сотрудничество между странами» [10], поскольку привел к внезапному разрыву экономических и военно-политических связей России и Турции, в том числе на фоне введения с российской стороны антитурецких санкций. Послание Р. Эрдогана с извинениями в адрес В.В. Путина в июне 2016 года позволило смягчить санкционное давление и перейти к налаживанию натянутых отношений между государствами. Необходимо отметить, что уже к 2022 году Россия и Турция добились расширения взаимовыгодного партнерства в энергетической сфере (в частности, проекты «Турецкий поток» и строительство АЭС Аккую) и в военной сфере (в частности, закупка ЗРК С-400).

В целом, эксперты отмечают цикличность в отношениях между Россией и Турцией, которая не позволяет странам перейти к более крепкому долгосрочному партнерству, несмотря на стратегическое сотрудничество по многим вопросам (прежде всего в энергетической сфере). В.А. Аватков придерживается мнения, что неопределенность в российско-турецких отношениях обусловлена тем, что «Турция реализует рискованную дипломатию, которая заключается в лавировании между великими державами без четкого определения своих внешнеполитических приоритетов» [1]. А. Дидич, придерживаясь концепции неореализма определяет трансформацию внешнеполитических отношений Турции и России как «стратегическое движение вперед» [11], при этом, уточняет, что текущая позиция в сотрудничестве не является устойчивой, ввиду расхождений интересов двух стран из-за исторически сложившихся противоречий этнополитического и религиозного характера. Б. Айяр следует конструктивистскому подходу в международных отношениях и определяет отношения России и Турции как поступательное движение «от сближения идей к прагматическому партнерству», которое по мнению автора имеет следующие отличительные моменты: «а) приоритет неприятия риска; б) акцент на личных отношениях между лидерами вместо институционализации; в) недопущение внешних сил в регион; г) экономический прагматизм» [9]. Данный постулат в большей мере относится к отношениям России и Турции в рамках эскалации Нагорно-Карабахского конфликта в 2023 году.

Отношения России с участниками Нагорно-Карабахского конфликта. Россия имеет прочные связи в сфере безопасности и экономики с Арменией. По мнению экспертов, Армения сохранила такие связи с Россией из-за широко распространенного убеждения, что только Россия может предоставить гарантии безопасности против Азербайджана и Турции, с которыми у армян исторически сложившиеся трудные отношения. Однако, в последние несколько лет многие представители армянского сообщества ставят под сомнение надежность России как гаранта безопасности.

Россия гарантирует безопасность Армении посредством коллективных и двусторонних договоров. Обе страны являются членами ОДКБ, государства-члены которой обязуются защищать территориальную целостность других членов ОДКБ в случае агрессии. Между Россией и Арменией также реализуется двустороннее соглашение, которое обязывает российские войска, дислоцированные в Армении, обеспечивать безопасность данного государства. Однако, эти обязательства официально не распространяются на Нагорный Карабах. Соглашение о прекращении огня во Второй Карабахской войне 2020 года сопровождалось положением о размещении российского миротворческого контингента вдоль линии соприкосновения и Лачинского коридора для обеспечения безопасности Армении.

Хотя Азербайджан не участвует в инициативах России по сотрудничеству, тем не менее эти государства являются стратегическими партнерами. Более того, для руководства России Азербайджан является образцом многовекторной политики, которая может функционировать без ущерба для России. Иными словами, стремление постсоветских государств к независимой внешней политике не обязательно должно заканчиваться антироссийской позицией, как, например, на Украине.

Интересы Турции и отношения с конфликтующими сторонами. Турция активно действует на Южном Кавказе, где главным проводником ее интересов и объектом воздействия является Азербайджан. Турция и Азербайджан – «два государства – одна нация». Это единство коренится, прежде всего, в этнических и политических факторах. На протяжении последнего десятилетия можно наблюдать существенное усиление турецкого влияния на внешнеполитический курс Азербайджана. Это связано с активной политикой Турции в отношении своих партнеров по «тюркскому миру» в рамках реализации концепции «неопантюркизма». Особого внимания в этом контексте заслуживают именно инфраструктурные коридоры по линии Азербайджан-Турция. Таким образом, для Турции Азербайджан представляет собой своего рода «опорную точку» на территории постсоветского пространства по причине сложившегося на протяжении истории прочного диалога по ряду политических и стратегических вопросов, одним из которых является Нагорно-Карабахский конфликт. Также Азербайджан является своего рода «проводником» идей пантюркизма на все постсоветское

пространство, что для Турции остается наиболее важным с точки зрения закрепления в регионе в качестве «великой тюркской державы». При этом, руководство Азербайджана определило своими внешнеполитическими приоритетами наращивание сотрудничества с Турцией и «в повестке нет места ни европейским, ни евразийским интеграционным процессам или организациям» [3].

Помимо проведения политики «неопантюркизма», Р.Т. Эрдоган видит значительные возможности геостратегического характера, исходящие от интеграции Нагорного Карабаха с Азербайджаном. Турция особенно поддерживает планы Азербайджана по строительству Зангезурского коридора, который должен укрепить культурное и экономическое единство «турецкого мира». Данный транзитный маршрут предоставит Азербайджану беспрепятственный доступ к Нахчыванской Автономной Республике, азербайджанскому эксклаву, расположенному к западу от Сюникской области на юге Армении, и свяжет Азербайджан с восточной Турцией.

Что касается отношений с Арменией, то в политическом плане Турция рассматривает Армению как своего исторического «чужого», хотя это противостояние взаимно. Другими словами, для Армении турки также рассматриваются как свои исторические «чужие».

После подписания договора о стратегическом сотрудничестве, несмотря на первоначальные планы о восстановлении отношений с Арменией (протоколы предусматривали поэтапную нормализацию отношений без предусловий), Турция выдвинула новые условия официальному Еревану – без решения Нагорно-Карабахского конфликта и передачи «захваченных земель» Азербайджану, турецко-армянские отношения не могут быть восстановлены. Таким образом, Турция, «заморозила» нормализацию отношений с Арменией. Кроме того, несмотря на выражение заинтересованности в деэскалации напряженности в Нагорном Карабахе, Турция неоднократно поддерживала обвинения Азербайджана в обструкционизме со стороны Армении. Например, в сентябре 2022 года, когда вспыхнули пограничные столкновения, Турция раскритиковала «агрессивную позицию» Армении и обвинила ее в невыполнении условий соглашения о прекращении огня 2020 года.

При этом роль Турции как третьей стороны Нагорно-Карабахского конфликта воспринимается противоборствующими сторонами с диаметрально противоположных точек зрения. Так, руководство Азербайджана оценивало действия Турции как «политику, направленную только на мир в регионе, которая дает свои результаты на Кавказе». По мнению руководства Армении шаги, предпринимаемые Турцией – «продолжение османской агрессивно-наступательной политики» [4].

Противоречия России и Турции в период эскалации конфликта в Нагорном Карабахе в 2020 году. По состоянию на 2020 год, можно было

заклучить, что российско-турецкая конкуренция в южно-кавказском регионе и их отношения вокруг конфликта в Нагорном Карабахе в дальнейшем будет только обостряться. Такого рода конкуренция в особенности наблюдалась в период эскалации Нагорно-Карабахского конфликта осенью 2020 года. В то время как Россия предлагала дипломатические пути урегулирования, Турция активным образом оказывала военно-техническую поддержку азербайджанской стороне, что во многом способствовало дальнейшему углублению противоречий между сторонами конфликта. Несмотря на то, что в ноябре 2020 года министры обороны России и Турции подписали меморандум о создании российско-турецкого центра по контролю за прекращением огня, а Р.Т. Эрдоган в ходе телефонного разговора с В.В. Путиным «высоко оценил посреднические усилия России» [7], дальнейшие заявления Москвы и Анкары относительно данной проблематики существенно отличались. Так, например, не желая уступать России роль главного гаранта стабильности в регионе, представители Турции утверждали, что «турецкие военные войдут в состав миротворческой миссии в Нагорном Карабахе» [6]. Несмотря на выражение заинтересованности в деэскалации напряженности на Южном Кавказе, Турция регулярно повторяет обвинения Азербайджана в армянском обструкционизме. Когда в сентябре 2022 года вспыхнули пограничные столкновения, Турция раскритиковала «агрессивную позицию» Армении и обвинила ее в подрыве соглашения о прекращении огня 2020 года.

России на протяжении тридцатилетней истории Нагорно-Карабахского конфликта был выгоден его «замороженный», который позволял ей сохранять дружеские отношения с обеими противоборствующими сторонами – Азербайджаном и Арменией, а также придерживаться нейтралитета в отношении любой из сторон. Выступая в роли медиатора, Россия преследовала цель создать положительный имидж на международной арене и сохранить сбалансированные отношения со сторонами конфликта. При этом для России важно участие в конфликте в Нагорном Карабахе без вмешательства Запада, чтобы продемонстрировать свое влияние в регионе. Россия сохраняет центральную роль в Нагорно-Карабахском конфликте, что в определенной степени обусловлено стремлением купировать риски возобновления боевых действий в зоне конфликта, а также стремлением сохранить и укрепить роль «регионального агента» [13]. Так или иначе, руководство России всегда выступало за мирный формат решения проблемы. Однако, эскалация конфликта в 2020 году сподвигло МИД России к заявлению о том, что Россия окажет «всю необходимую помощь» Армении, если конфликт выйдет за пределы Нагорно-Карабахского региона, продемонстрировав тем самым, что хочет сохранить статус-кво.

Векторы отношений России и Турции в Нагорно-Карабахском конфликте в 2023 году. Азербайджанская военная операция, начатая 19

сентября 2023 года в Нагорном Карабахе, была официально определена как попытка нейтрализовать военное присутствие Армении и восстановить стабильность в регионе. Официальный Баку назвал данное наступление «контртеррористической операцией», а Президент Азербайджана Ильхам Алиев в телеобращении назвал его «восстановлением суверенитета» и похвалил свои вооруженные силы за «обеспечение полной капитуляции местных армянских комбатантов» [5]. Проведенная Азербайджаном операция привела к капитуляции Степанакерта, кульминацией которой стало соглашение о прекращении огня 20 сентября 2023 года и дальнейшее подписание Указа об окончании существования непризнанной автономии Нагорного Карабаха с 1 января 2024 года.

Необходимо отметить, что последняя проведенная военная операция в Нагорном Карабахе выявили важный дипломатический маневр Азербайджана, власти которого еще до начала операции проинформировали об этом Москву и Анкару.

Президент Турции Р.Т. Эрдоган заявил Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций: «Мы поддерживаем шаги, предпринятые Азербайджаном, с которым мы действуем вместе под лозунгом «два государства – одна нация», для защиты своей территориальной целостности» [8]. Несмотря на достаточно прочные связи России и Армении до эскалации и то, что в ее интересах (как третьей стороны) было поддержание Нагорно-Карабахского конфликта в статусе «полузамороженного». Позиция Турции по данному вопросу побудила руководство России адаптироваться.

Российское руководство продемонстрировало стратегическое решение воздержаться от прямого вмешательства в разрешение конфликта, предпочитая вместо этого принять капитуляцию Нагорного Карабаха. Обоснование такого подхода российской стороны основывалось на утверждении, что Баку проводил военные действия строго в пределах своих международно-признанных национальных границ. Кроме того, представитель МИД России Мария Захарова озвучила позицию Кремля, обвинявшего официальный Ереван за его предполагаемый поворот в сторону Запада в попытках урегулировать ситуацию в Нагорном Карабахе. Несмотря на то, что отношение Н. Пашиняна к ситуации в Нагорном Карабахе и его колебания между Россией и Западом вызывают вопросы, остается очевидным, что Россия стратегически пожертвовала Нагорным Карабахом ради достижения более широких целей на Южном Кавказе.

Внимательно изучая геополитическую динамику в регионе, а также углубляясь в официальные заявления российских властей, можно обнаружить четкую закономерность: Россия решительно привержена укреплению своих связей с Азербайджаном и Турцией, что органично согласуется с общей стратегией России в сфере энергетики и транспорта.

Так, подписание «Декларации о союзническом взаимодействии между Россией и Азербайджаном» в феврале 2022 года в сочетании с обсуждением проекта «Зеленого коридора» служит осязаемым свидетельством наращивание партнерства между этими странами с целью создания альтернативного торгового маршрута, тем самым противодействуя антироссийским санкциям со стороны Запада и стремясь диверсифицировать свое экономическое партнерство путем выхода на альтернативные рынки, Кремль продолжает укреплять российско-азербайджанские отношения на Кавказе и в регионе Каспийского моря.

Кроме того, продолжают усиливаться усилия по развитию взаимовыгодного сотрудничества России и Турции, так в октябре 2022 года В.В. Путин предложил Турции стать газовым хабом, подтвердив стратегическую переориентацию России в сторону «прагматического партнерства». Существенная зависимость Турции от российского газа еще раз подчеркивает ее ключевую роль в регионе, при этом продолжающееся сотрудничество между странами обещает открыть альтернативные возможности для экспорта российского природного газа. Однако, недавние разногласия между Россией и Турцией по поводу контроля над предлагаемым газовым хабом, ставит Россию в зависимость от турецкой стороны в смягчении последствий западных санкций.

В целом, события сентября 2023 года в Нагорном Карабахе пролили свет на стратегию Азербайджана, которая в значительной степени опирается на военную мощь и помощь Турции для достижения своих целей как во внутренней политике, так и на международной арене. Одновременно с этим была представлена обновленная региональная политика России, направленная на установление прочных связей с Азербайджаном и Турцией для реализации двойственной цели: поддержать российскую экономику, пострадавшую от западных санкций, и преследовать долгосрочные геополитические цели. В результате Россия, по сути, сделала стратегический расчет, который ставит интересы армян Нагорного Карабаха на второй план по сравнению с более широкими геополитическими целями.

Потенциальная реализация целей России, включая создание Международного транспортного коридора «Север-Юг» и развитие газового хаба в Турции, имеет далеко идущие стратегические перспективы как в энергетическом плане (продвигаясь как великая энергетическая держава), так и в экономическом плане (повышая рост национальной экономики за счет диверсификации направлений и укрепления внешнеэкономического сотрудничества со странами Ближнего Востока и Центральной Азии). В то же время, благодаря более тесному сотрудничеству в энергетической сфере с Азербайджаном и Турцией, Россия может оказывать значительное влияние на формирование внешней политики ЕС.

С другой стороны, после этих событий в Ереване произошел всплеск общественного недовольства не только действиями правительства

по разрешению конфликта, но и в адрес России из-за «неспособности защитить жизни этнических армян в регионе» [2]. По мнению армянского народа, капитуляция Нагорного Карабаха не только привела к гуманитарному кризису, но и подняла угрозу потенциальной этнической чистки для всего армянского населения в регионе. Это может побудить руководство Армении рассмотреть возможность выхода из ЕАЭС и ОДКБ. Таким образом, Россия должна ориентироваться на балансирование геополитических интересов между Азербайджаном и Турцией с одной стороны и Арменией с другой стороны, чтобы продвигать свою региональную стратегию, не рискуя при этом расколом внутри интеграционных объединений.

Заключение. В целом, можно сделать вывод о том, что конфликт в Нагорном Карабахе и периоды его эскалации определял цикличность развития отношений между Россией и Турцией (двух ключевых внешних игроков в конфликте), в рамках которых стороны использовали подход «прагматического партнерства» для разрешения своих внешнеполитических разногласий.

Тридцатилетнее противостояние Азербайджана и Армении в Нагорном Карабахе, завершившееся победой Баку в сентябре 2023 года, вызвала значительный сдвиг в геополитическом ландшафте всего Южно-Кавказского региона. Усилия Азербайджана в решении Нагорно-Карабахского конфликта имели два важных последствия:

– во-первых, это укрепило статус Азербайджана как регионального игрока;

– во-вторых, существенная поддержка Турцией военных операций Азербайджана в Нагорном Карабахе укрепили стратегическое партнерство между двумя странами;

– в-третьих, эта ситуация побудила Армению пересмотреть свою внешнюю политику, а России пришлось адаптироваться к меняющемуся геополитическому ландшафту.

Таким образом, события сентября 2023 года показали, что Россия и Турция могут снова сотрудничать, несмотря на их разногласия, расстановка приоритетов геополитических целей может привести к прочному миру между Азербайджаном и Арменией в отдаленной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аватков В.А.* Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений: дисс. ... д. полит. наук: 23.00.04. Москва, 2021.

2. «Власть на предала!» К чему могут привести протесты в Ереване // <https://rtvi.com/stories/vlast-nas-predala-k-chemu-mogut-privesti-protesty-v-erevane/>.

3. Геворгян А.Г., Енокян А.В., Мелконян Л.А. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 3 (19). DOI: 10.25730/VSU.2070.20.037.

4. Маркедонов С. Карабахский конфликт: новая роль Турции // Пресс-клуб Джейран Медиа, 7 октября 2020 // <https://pressunity.org/archives/3959>.

5. Президент Ильхам Алиев выступил с обращением к азербайджанскому народу. Видео // <https://media.az/politics/1067927924/prezident-ilham-aliev-vystupaet-s-obrascheniem-k-azerbaydzhanskomu-narodu-pryamoy-efir/>.

6. Турция заявила об участии в миротворческой миссии в Карабахе // Взгляд // <https://vz.ru/news/2020/11/12/1070217.html>.

7. Эрдоган позвонил Путину – Кремль // Regnum // <https://regnum.ru/news/polit/3111831.html>.

8. Эрдоган на сессии ГА ООН заявил, что Карабах является территорией Азербайджана // ТАСС. 19 сентября 2023 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18788211>.

9. Ayar B., Arslan O. The Evolution of Russian-Turkish Relations: Ideational Convergence and Pragmatic Cooperation // International Organisations Research Journal. 2023. Vol. 18. No 3 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2023-03-07.

10. Çelikpala M. Rekabet ve İşbirliği İkileminde Yönünü Arayan Türk-Rus İlişkileri [Turkish-Russian Relations in Search of a Way Out of the Rivalry-Competition Dilemma] // Bilig. 2015. Vol. 72 // <https://dergipark.org.tr/tr/pub/bilig/issue/25351/267643>.

11. Didić A. and Kösebalaban H. Turkey's Rapprochement With Russia: Assertive Bandwagoning // The International Spectator. 2019. Vol. 54. Issue 3 // <http://DOI.org/10.1080/03932729.2019.1627070>.

12. Rüma İ., Çelikpala M. Russian and Turkish Foreign Policy Activism in the Syrian Theater // Uluslararası İlişkiler. 2019. Vol. 16. No 2 // <https://DOI.org/10.33458/uidergisi.588930>.

13. Waal T. The Nagorny Karabakh Conflict in Its Fourth Decade // CEPS Working Document. 2021. No. 2021-02 // <https://www.ceps.eu/ceps-publications/the-nagorny-karabakh-conflict-in-its-fourth-decade/>.

V.A. PRIVALOV

*Postgraduate student, School of Public Administration,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

THE EVOLUTION OF RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND TURKEY DURING PERIODS OF THE NAGORNO-KARABAKH CONFLICT ESCALATION

Ethnopolitical conflicts in modern reality are not limited to the participation of only warring parties; a significant role in these conflicts is assigned to third parties – states that have certain geopolitical interests and/or pursue corresponding goals in a particular ethnopolitical conflict and the mechanisms for its resolution. One of such conflicts in the post-Soviet space is the Nagorno-Karabakh conflict, which affects the security of the entire South Caucasus region. The main participants in the conflict in Nagorno-Karabakh are not only Armenia and Azerbaijan, but also two external players – Russia and Turkey, which not only have their own goals and interests in the Nagorno-Karabakh conflict zone, but also mutual relations – a balance between cooperation and competition – in throughout the South Caucasus region. The purpose of the article is to study the evolution of relations between Russia and Turkey during periods of escalation of the Nagorno-Karabakh conflict. The article analyzes the geopolitical relations between Russia and Turkey as a whole, highlighting approaches to their definition – neorealist and constructivist. The relations of Russia and Turkey with the direct participants in the conflict in Nagorno-Karabakh – Azerbaijan and Armenia – are considered. The contradictions between Russia and Turkey during the escalation of the conflict in Nagorno-Karabakh in 2020 are identified, and the vectors of relations between Russia and Turkey in the Nagorno-Karabakh conflict in 2023 are highlighted. It is concluded that the conflict in Nagorno-Karabakh and periods of its escalation determined the cyclical development of relations between Russia and Turkey, within which the parties used the approach of “pragmatic partnership” to resolve their foreign policy differences.

Key words: *Ethnopolitical conflicts, Nagorno-Karabakh conflict, relations between Russia and Turkey, geopolitical relations, pragmatic partnership, foreign policy disagreements.*

Д.В. САПРЫНСКАЯ

научный сотрудник ИСАА МГУ
имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

Ж.С. СЫЗДЫКОВА

доктор исторических наук, профессор ИСАА МГУ
имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

МЕЖДУ ПЕРЕПИСЯМИ 1897 И 1926 ГГ.: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

В статье рассмотрен процесс трансформации населения Казахской ССР с опорой на первую перепись населения в 1897 году и в советский период в 1926 году. Основным фокусом работы является выделение ключевых различий в переписных данных по этническому, трудовому, образовательному и другим факторам. Делается вывод о том, что несмотря на ряд выявленных недостатков перепись 1897 служит важным источником о социально-демографических данных о населении Российской империи.

Ключевые слова: народ, Казахстан, численность, этнический состав, уйгуры, дунгане.

Этническая карта Казахстана претерпела существенные изменения как в период Российской империи, так и в годы Советской власти. На традиционное казахское общество оказали влияние социокультурные ценности многих этносов, которые волею судеб оказались на казахстанской земле.

Источниками к написанию данной статьи послужили статистические сведения в виде официальных переписей Российской империи 1897 года и СССР – 1926 года [4; 6].

Перепись населения, в формулировке экспертов ООН, есть «общий процесс сбора, обобщения, оценки, анализа и публикации демографических, экономических и социальных данных о всем населении, проживающем на определенный момент времени в стране или четко ограниченной части» [3. С. 23]. История создания демографических сводок и этнографических описаний является одной из составляющих в деле изучения формирования многонационального состава населения современной Республики Казахстан, а также служит опорой для представления о складывании

системы изучения региона. Характер составления переписей, их опросный лист и метод сбора информации безусловно носил несколько отличный характер, что было связано с разными формами государственности и периодом. Однако обе эти переписи стоит считать первыми в своем роде, во всяком случае предшествующие варианты переписи имели несколько другой статус и часто характеризовали отдельные районы, а не были всероссийскими или всесоюзными. Для региона эти документы свидетельствуют о трансформации этнодемографического состава населения, подчеркивают и новый экономический порядок – изменения, которые связаны с индустриализацией указанных областей.

Исследование демографических проблем Казахстана стали активно рассматриваться с момента присоединения Казахстана к России, то есть в составе Российской империи и далее в составе СССР. Среди ученых, кто внес заметный вклад в исследование темы, связанной с переселенческой политики с конца XIX – начале XX в., можно выделить таких авторов: Н.В. Алексеенко, Е.Б. Бекмаханов, Н.Е. Бекмаханова, П.Г. Галузо, Ж.К. Касымбаев, А.Б. Турсынбаев, Ж.Б. Абылхожин, М.Б. Татимова, Н.В. Алексеенко, А.Н. Алексеенко, М.Х. Асылбеков, Ф.Н. Базанова, А.Б. Галиев, М.К. Козыбаев, Г.К. Кронгардт, И.Д. Никифоров и др. История и методы проведения переписей населения 1897 и 1926 гг. получили свое освещение в трудах А.М. Кимасова и А.Б. Галиева.

«Положение о первой всеобщей переписи населения Российской империи» от 5 июня 1895 года определила всего четырнадцать пунктов согласно которым должна была проводиться перепись населения в 1897 году. Сбор материала необходимо было осуществлять о каждом лице, проживающем в стране. Пункты были таковы: имя, семейное положение, отношение к главе хозяйства, пол, возраст, сословие или состояние, вероисповедание, место рождения, место приписки, место постоянного жительства, родной язык, грамотность, занятие, физические недостатки [6]. Существенные недостатки обнаружались по данным, которое было собрано по итогам переписи в регионе Средней Азии и Казахстана. Например, в Семиреченской, Сырдарьинской областях, когда казахи и киргизы в рассматриваются вместе, тогда как это – два разных народа [5].

К достижениям Октября и первому десятилетию Советов земли известные как среднеазиатские владения Российской империи были реформированы с образованием национальных республик. Так, в результате национально-территориального размежевания, в составе Казахской АССР оказалось порядка 40 процентов бывших земель Туркестанской, Хорезмской и Хивинской республик, с численностью населения в 1,5 млн. человек. В итоге, будущая Казахская ССР по размеру площади заняла второе место после РСФСР, численность населения составила 6,5 млн. человек в 1926 г., с удельным весом казахского населения в 59,9 процента. К Казахстану

перешли земли Джетысуйской губернии с численностью населения в 845 260, Сыр-Дарьинской – 1 086 954, а также Каракалпакской в 1930-е с численностью в 295 607 человек [1. С. 42-55].

Согласно данным переписи 1926 года территория Казахстана включала 6 губерний, Каракалпакскую автономную область и Кустанайский округ [9]. Большая часть населения, как и по переписи 1897 года проживала в южной части региона. Распределение населения по территории было неравномерным – порядка 35,7 процентов составлял юг, а по переписи 1897 г. – 50 процентов, север – 25,1 по данным 1926 г., в 1897 г. – 23%, на востоке проживало около 20 процентов в 1926 г., в 1897 г. – 13,9, а на западе – 19,2 процента от общего количества населения в 1926 г., и в 1897 г. 13,1 **соответственно**.

Относительно жузового деления: казахи Младшего жуза в основном составляли население Уральской, частично Тургайской, Оренбургской и Сыр-Дарьинской губерний, Средний жуз оформлял территории Акмолинской, Актюбинской и Семипалатинской губерний, частично к Сыр-Дарьинской и Джетысуйской. Старший располагался на территории от Каратала до Сыр-Дарьи. В регионе были представлены такие этносы, как казахи, русские, украинцы, белорусы, немцы, поляке, молдаване, мордва, каракалпаки, киргизы, узбеки, таджики, уйгуры и др. При сравнении с переписью 1897 года исчезли сартская, тюркская категории, к прочим отошли евреи и цыгане. По данным Первой переписи Российской империи 1897 года все неславянские этнические группы составляли инородческий слой, зачастую религиозный фактор преобладал, а этническая принадлежность, как и именование того или иного народа было невыверенным. Например, общая численность инородческого населения Сыр-Дарьинской (1) области составляла 1 478 398 чел., из которых евреев – 1975, сарты и тюрки (в эту группу могли входить таранчи или другие выходцы из Восточного Туркестана) составляли 144 275 и 158675 чел., отдельно в числе жителей фигурируют китайцы, исповедующие ислам, их численность равна 499 чел. [5. С. 4-13]. Похожая ситуация с Семиреченской областью: при общем составе 987 863 – китайцы-мусульмане, а в контексте последующих источников таковых будут именовать дунганями, составляют 14130 чел., в Семиречье также будет проживать одна из уйгурских групп – таранчи в количестве 55 999 чел. [8].

Численность уйгур и дунган на территории Казахстана постепенно росла. Так, если в 1897 году в Казахстане проживало 56 тысяч уйгур и 14 тысяч дунган, то уже к 1907 году уйгуры составляли около 64 тысяч, а дунгане – 20 тысяч человек [9].

На территории Ферганской области общая численность населения составляла 1572 214 чел., из них – 2782 евреи, на мусульман приходилось 1557 057 мусульман, китайцы составляют 1640 чел., по вере также представляющие ислам. В Самаркандской области число жителей представляло 860021 чел. На иудеев среди всей массы населения приходилось

4 494 чел., тогда как мусульмане составляли 838 861 чел. Среди языков указывается таранчийский – 28 чел., из которых 11 представляли Самарканд и 17 – Ходженд. Таранчи также упоминаются в составе Закаспийской области. Здесь их число равнялось 425 чел., проживавших в Мервском уезде. Евреями себя считали 860 чел., населяли все уезды Закаспийской области. На Акмолинскую область в числе 682 608 чел. приходилось 1655 евреев, 438983 турецко-татарских народностей, среди языков которых указываются сартский, узбекский и др. [8].

Итак, можно выдвинуть несколько гипотез: первая – исламское население, пришедшее с территории Китая, то есть дунгане и уйгуры, могли именовать себя в качестве китайцев-мусульман, исходя из территориальной и религиозной принадлежности, очевидно, что они не являлись ханьцами. Другими словами – эти данные еще раз подчеркивают значение религиозной и территориальной идентичности. Второй вывод говорит о расселении массы евреев по всем регионам Центральной Азии, а также об отсутствии реальных данных по количеству переселенцев из Восточного Туркестана, также дисперсно раскиданных по разным областям азиатских частей Российской империи.

Перепись 1926 года была занята устранением этих этнографических неточностей, потому как для новой власти-Советов принцип народности стоял важнее религиозного. Кроме того, произошло увеличение знаний о регионе и постепенно стала ясна его этно-конфессиональная карта. Вопрос этнического наименования отдельных групп населения СССР был актуален и в рамках работы следующей переписи 1937 года.

Еще одной проблемой являлось фактическое изменение национального состава Казахской ССР, а также и других республик Средней Азии. Главным процессом в регионе была заметная убыль удельного веса казахского (или для других республик титульного) населения и рост европейского населения (в основном русских и украинцев). Если в год Первой Всероссийской переписи около 74,1 процента составляли казахи, то в 1926 году всего 57,1%. Численность русского населения наоборот увеличилась с 633 311 человека, то есть 13 процентов до 1 280 578 или 19,7 процентов. Количество украинского населения также демонстрировало рост, составив около 13,2 процентов. Русское и украинское население размещались в основном на Севере, согласно переписи 1926 года Восток и Запад показывали рост числа переселенцев. Наблюдался и отток населения из Казахстана, в 1926 году он составлял 162,7 тысяч человек [3. С. 55]. Большая часть переселенцев прибыла из Центра, Поволжья, Украины, а также из Сибири, Урала, Белоруссии и Средней Азии. Кроме переселенцев из этих регионов, в Казахстан прибывало значительное число иностранных мигрантов, в основном из Китая. Территорией их размещения становился казахский юг, в особенности Джетысуйская губерния. Юг отличался высоким миграционным потоком

и по переписи 1897 года Иностранцы, прибывшие из Австрии, обосновались на Востоке и Севере, переселенцы из Венгрии направлялись на Запад, из Германии и Польши население размещалось на севере Казахстана. Общее число мигрировавших составляло 2111 человек [8].

В основном некоренное население составляло основу городских жителей, чем объясняется многонациональный состав городов. Казахи составляли меньшинство среди городских жителей, большая часть была представлена русским (52,6%) и украинским народами (6,5%). В целом градостроительство росло, что объяснялось развитием промышленности. Низкая причастность казахов к процессам урбанизации отражалась на растягивании процесса перехода к оседлости. В основном казахские городские жители были представлены в Семипалатинской, Сыр-Дарьинской и Акмолинской губерниях. В результате можно говорить о поляризации расселения многонационального состава республики – тюркоязычное население, в частности титульная нация – казахи, были более представлены на юге, а русскоязычное на севере. Уровень грамотности (2) был ниже в южной части республики в отличие от северных областей, около 7% казахов владели грамотой, процент грамотного русского населения составлял порядка 33,6 [10. С. 26]. Высокий процент грамотности был у поляков (76,4%), евреев (67,6%), русских (60,2%). Наименьшее число грамотных было представлено среди узбеков, дунган, каракалпаков и таранчи [8].

В скотоводстве по-прежнему была занята большая часть казахов кочевников, вторым по значимости являлось земледелие, с проведением земельно-водной реформы в 1921 года и в целом земельным курсом Советов к 1926 году порядка 91,7% населения были заняты в сельском хозяйстве, в 1897 году этот процент составлял 87,1%. В промышленности все еще была занята небольшая часть населения, но с ее восстановлением с 1923 года и увеличением количества предприятий наблюдался рост рабочих. Например, процент рабочих на севере равнялся 5,5 от общего числа населения региона, то есть 45073 человек, служащих – 2,6 или 20937 человек [10. С. 27-42].

Другой формой организации труда, получившей распространение и в казахской среде, стало формирование кооперативов. Кооперация в городской среде была в большей степени потребительской в основном с русскоговорящими пайщиками, тогда как сельскохозяйственная кооперация насчитывала около 26,7% казахов в числе пайщиков. Общее число сельскохозяйственных кооперативов составляло 1576, с числом хозяйств – 123974 в 1925 году [7]. Миграция очевидным образом способствовала социально-экономическим трансформациям региона, особое место отводилось и гуманитарному аспекту в качестве политики «выравнивания культурного уровня развития всех народов Российской империи» и борьбы с неграмотностью. Трансформация региона не оказала решающее влияние при изменениях

в количестве населения, хотя связь между этими явлениями достаточно очевидна.

Впервые в истории Российской империи Первая Всеобщая перепись населения 1897 года в Казахстане дала наиболее полные данные по численности населения несмотря на отсутствие профессиональных статистиков.... [9].

Таким образом, по сравнению с переписным 1897 года общая численность населения увеличилась на 149 процентов, русскоязычное население выросло на 9,6%, а удельный вес казахского населения снизился на 23,3%. В большей степени уменьшение удельного веса казахов стало причиной как политических, так и социально-экономических изменений. Эти же изменения привели к формированию на территории советских республик казахской ирреденты, в России – Астраханский, Оренбургский, Сибирский, Приволжский регион, в Узбекистане в районе Сырдарьи, Чирчика, Кызылкумов, Мырзашола, кроме того демаркация закрепила присутствие казахов в китайском Синьцзяне.

Переходный период, как и первые годы советской власти, был связан с преодолением и изменением царского наследия. Использование переселения в качестве способа разрешения экономических проблем в стране не потеряло своей актуальности, однако советский режим получил полный контроль над его применением, ограничив самостоятельность на передвижение. Из чисто экономического средства в имперский период переселенческая политика в советское время встала в ряд с национальной. Новый взгляд на положение местного населения не отменил трансформации его национального состава, более того политический курс, используя переселенчество, получил дополнительные функции для интернационализации общества, изменения его экономического уклада, подталкивания перехода к оседлости.

Многонациональность скорее закрепились за территорией Казахстана с приходом советского правительства, при том, что поддержание национальных интересов, как и продвижение национальной культуры стали одной из задач в ходе построения социалистического общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В состав Сырдарьинской области входили Ташкенский, Аулие-Атинский, Чимкентский, Петропавловский, Амударьинский уезды; Семиречье было сформировано Верненским, Копальским, Сергиопольским, Иссык-Кульским и Токмакским уездами.

(2) Учитывалось наличие образования и умение читать на русском языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алексеевко А.Н., Алексеевко И.В.* Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999.
2. *Борисов В.А.* Демография. М., 1999.
3. *Галиев А.Б.* К истории миграции населения Казахстана // Вестник АН Казахская ССР. 1979. № 5.
4. История формирования полиэтнического населения Казахстана, и интерактивная карта «Народ Казахстана» – Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты // <https://iie.kz/?p=6823&ysclid=lqarfb7w6f996667072>.
5. *Коноплев А.* Всероссийская перепись населения 1897 года – образцы и пояснения. 14 декабря 2011 года // litera-gu.ru.
6. *Литвак К.Б.* «Перепись населения 1897 года о крестьянстве России» (источниковедческий аспект). История СССР. 1990. № 1.
7. *Мусабалина Г.Т.* Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года в Семипалатинской области // full.pdf?time=1605435422824.
8. Перепись 1926 года. Табл. 3. М.: Планхозгиз, 1930. Том. XIII.
9. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1-89] / под редакцией Н.А. Тройницкого. Санкт-Петербург: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899-1905 // <https://www.prlib.ru/item/436680?ysclid=lqaqtm01d4447765412>.
10. *Рыскулов Т.Р.* Собрание сочинений в трех томах. Алматы: «Казахстан», 1997. Том 2.

D.V. SAPRYNSKAIA

*Research Fellow, Lomonosov Moscow State
University, Institute of Asian and African Studies,
Moscow, Russia*

ZH.S. SYZDYKOVA

*Doctor of History, Professor, Lomonosov Moscow
State University, Institute of Asian and African Studies,
Moscow, Russia*

BETWEEN THE CENSUS OF 1897 AND 1926: SOME ASPECTS OF THE NATIONAL COMPOSITION OF THE POPULATION OF KAZAKHSTAN

The article examines the process of transformation of the population of the Kazakh SSR based on the first population census in 1897 and during the Soviet period in 1926. The main focus of the work is to highlight key differences in census data on ethnic, labor, educational and other factors. It is concluded that despite a number of identified shortcomings, the 1897 census serves as an important source of socio-demographic data on the population of the Russian Empire.

Key words: *people, Kazakhstan, number, ethnic composition, Uighurs, Dungans.*

Н.П. МЕДВЕДЕВ

*доктор политических наук, профессор, российский политолог
и политический деятель,
Россия, г. Москва*

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

N.P. MEDVEDEV

*Doctor of Political Sciences, Professor,
Russian political scientist and politician,
Moscow, Russia*

ON THE QUESTION ABOUT THE SUBJECT FIELD POLITICAL SCIENCE

Первая лекция в форме беседы посвящена предмету политической науки. Мы попробуем разораться с понятийным аппаратом и в упрощенной форме, не искажая язык политической науки, попытаемся разобраться в таких стержневых понятиях, как политика, власть, государство.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [17, 16, 25, 12, 13, 14, 15, 8, 6, 28, 27, 4, 1, 23, 18, 7, 11, 5, 24, 9, 20, 19, 10, 26, 3].

Однако проблему, связанную с предметным полем политической науки нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Что же такое политическая наука, что изучает эта отрасль науки и какова история зарождения политологии в современной России?

Вы наверно знаете, что политология как наука была запретной дисциплиной в Советском союзе.

В развитых капиталистических странах эту науку нередко называли царской наукой. Когда наше поколение училось в университетах, нам

преподносили эту науку как буржуазную науку, естественно связывая ее с буржуазной идеологией как идеологией, противостоящей коммунистической идеологии, поэтому эта наука была запрещена. Причины тут были более простые и связанные, скорее всего, с тем, что в научных кругах и на быденном уровне говорили, что политика дело грязное и ученым копать в грязном белье, анализировать как работают высшие органы государственной власти, и тем более региональной и муниципальной власти не стоило, потому что это было к тому же просто очень опасно. Ведь после критического анализа политических событий в мире и Союзе ССР общество могло оценить все, что происходит не так, как оценивалось и преподносилось с точки зрения правящей коммунистической партии. Короче говоря, все что связано со свободой слова, свободой преподавания, оппозиционными политическими силами и альтернативными политическими взглядами немедленно оказывалось в плоскости антисоветской деятельности и сурово каралось советскими законами. И когда в современных учебниках политологии мы говорим, что политика – это публичный феномен и всегда граничит или с конфликтом, или с консенсусом, то мы должны понимать, что такие подходы к оценке политики в советское время были не применимы.

Это маленькое историческое предисловие дает возможность нам, в том числе, оценивать, на каком уровне состоятельности и развития находится современная российская школа политической науки.

Я использую терминологию «российская школа политической науки» неслучайно. Иногда из уст коллег, студентов и аспирантов можно услышать другую терминологию. Например, говорят: «российская политология», «американская политология» или «западная политология». Я придерживаюсь общепринятой в науке точки зрения, что политология как научное направление транснационально и наука не может быть американской, российской или британской. Есть школы научные, поэтому мы должны говорить о научных школах и об уровне развития той или иной отрасли науки в разных странах. Мне представляется, что это касается не только политологии, но и любой другой отрасли науки.

Еще одно маленькое предисловие.

Мы будем говорить о терминах, понятиях, различных научных категориях. Понимание всего этого очень важно, ведь с политикой мы все сталкиваемся, но есть понимание сути политики быденное, или грубо выражаясь «кухонное», а есть научное.

Научные понятия, категории имеют некое содержание, структуру и даже функции, и они, конечно, отличаются от сущности быденного понятия.. Например, если говорить об быденном понимании сущности политики, то все мы на кухне разговариваем со своими родными, братьями, сестрами, родителями и оцениваем деятельность государств как политических

институтов: российского государства, американского государства, британского государства или французского государства, оцениваем деятельность президента, депутатов и, естественно, у каждого из нас в зависимости от нашего социального статуса, каких-то идеологических предпочтений есть свои оценки, которые часто радикально разнятся. У каждого своя оценка. С научной точки зрения эти оценки политики как бы несколько иного свойства и характера. Есть четкое определение политики, к примеру, у Аристотеля, и у других древнегреческих мыслителей. Когда мы их читаем, то всегда сталкиваемся с этим понятием, потому что это понятие связано прежде всего с общественными делами, а именно с проблемами управления сферами общественной жизни.

Но, даже в современных условиях в российских и зарубежных учебниках несколько по-разному даются эти определения. В России с советских времен было общепринятое определение, что политика – это деятельность основных субъектов (государства, политических партий и политических лидеров) по завоеванию, удержанию и использованию власти. Такое определение политики допустимо, но мне не очень нравится в современных условиях понятие «завоевание». Конечно, были и есть политики, кто завоевывал и завоевывает власть. Такое определение было четко прописано в учебниках научного коммунизма, потому что большевики действительно завоевали и пришли к власти в результате государственного переворота (пролетарской революции), поэтому отношение к власти было как к «орудию победы» пролетариата. Сейчас мы частенько отходим от этого, говоря, что завоевывать власть в мирное время не стоит, лучше обратиться к обществу, избирателям и через конкурентные, прямые и всеобщие выборы получить эти властные функции. Так происходит во всем развитом мире, во всех государствах-республиках, поскольку республика это такая форма правления, где источником власти является народ. Если государство с формой правления в виде монархии, то там источником власти, действительно, является монарх. Но, и в конституционных монархиях не обойтись без выборов и представительной власти. Все это несколько дает нам возможность разобраться с соотношением политики и власти.

Итак, политика – это то, что изучает политическая наука, что является объектом политической науки. Как мы уже с вами говорили в первой части нашего разговора, в учебной и научной литературе имеется очень много различных определений политики. Можно предложить определения, которые, на мой взгляд, лучшим образом раскрывают суть того, что связано с политикой.

Во-первых, политика всегда связана с какими-то интересами. Она имеет своих акторов. Классификация этих акторов связана с тем, что политика это особый общественный продукт, поэтому с ним связаны: государство, как политический институт, политические партии и политические лидеры.

Такая типологизация приводится в большинстве учебников и к этому мы, те кто преподает политологию, уже привыкли.

Политика связана с интересами и с возможностями, которые мы обычно определяем властными ресурсами. Политика – это деятельность по осознанию интересов, их оформление в некую программу действий и использование властных ресурсов для достижения цели или задач, которые ставятся при планировании и реализации программ общественной деятельности. Вот в чем основная суть политики, которая, как мне кажется, лучшим образом подходит для раскрытия содержания и природы, как внешней, так и внутренней политики государства.

Итак, три стержневых понятия, которые определяют структуру политики: интересы, ресурсы и власть. Если интересы и претензии государства велики, а ресурсы не соответствуют этим большим намерениям, то естественно эта политика нереализуема. Этот тезис очень важный, потому что многие государства, особенно молодые (к примеру, новые постсоветские государства), или политические лидеры, не рассчитав свои ресурсные возможности говорят о том, что они претендуют на региональное лидерство, но на это не имеют достаточных ресурсов. Часто этот феномен мы называем политическим популизмом.

Политика осуществляется или силой, или авторитетом. Такие рамки политики определяли еще Аристотель и Платон. Выражаясь современным языком, говоря об авторитетах, мы имеем в виду, наверное, законы, и тот порядок, который сложился в результате правовых норм, конституций государств. А также дипломатию. Что касается силы, то это тоже понятно и связано с возможностями государств. Если во внешней политике, то это связано с вооруженными силами, их мощностью, а если говорить о правопорядке, внутривластных проблемах, то это связано с полицейскими силами и другими репрессивными силами, которые имеются у государств.

Еще один очень важный момент при раскрытии сути политики связан с тем, что политика рассматривается в четырех концепциях. Первая концепция предполагает, что политику мы рассматриваем как искусство управления. А также политику мы рассматриваем как публичный процесс. Политику мы рассматриваем как некий механизм разрешения конфликта и говорим, что политика это компромисс, или даже консенсус. И, конечно, политику мы рассматриваем как властную деятельность, использующая различные ресурсы для решения проблем общественной жизни.

Данные подходы дают нам возможность в полной мере раскрыть разные аспекты политики, особенности осуществления политической деятельности. Когда мы говорим о предмете политологии, то обычно речь идет о закономерностях политической деятельности, о тех закономерностях, которые складываются в процессе государственного управления, а иногда о закономерностях поведения политических лидеров и политических партий.

Во внешней политике речь идет о закономерностях, которые сложились между главными акторами внешнеполитической и международной деятельности – государствами и международными организациями

Еще один важный момент в политике, на мой взгляд, связан с тем, как еще древнегреческие мыслители, прежде всего Аристотель [2] и Платон [21, 22], относились к формам правления.

Аристотель определял шесть форм правления, три из них назвал правильными и три неправильными. Он исходил из того, что определял трех основных акторов, то есть, выражаясь современным языком, когда один правит, когда немногие правят и когда правят многие.

Когда в государстве один правит и он правит ради всех, Аристотель называл этого одного правителя монархом, а такое правление монарха он считал правильным. Если один правит ради интересов собственных или ради какой-то группы интересов, которая не совпадает с интересами общества, это правление Аристотель называл неправильным, а этого правителя считал тираном.

Когда правят немногие и правят ради интересов всех, общества, то такую группу людей Аристотель называл аристократами, это правильное правление. Но когда группа людей правит ради интересов собственных, групповых, а не интересов общества, то еще в 4 в. до н.э. Аристотель определял такое правление неправильным, а такую группу называл олигархами.

Когда правят многие ради интересов всех, то такую форму правления Аристотель называл полития и определял как правильную форму правления. Если многие правят ради интересов многих, но не всех, то такая форма правления по Аристотелю называлась, во-первых, неправильной и, не удивляйтесь, эта форма правления называлась, да и сейчас называется, демократией. То есть демократия по Аристотелю – это неправильная форма правления, потому что многие правят ради интересов многих, но не всех.

Мне кажется, что такое аристотелевское понимание, форм правления в связке с интересами, как раз соответствует нашему современному определению, когда мы говорим, что власть это, прежде всего, интересы различных акторов, и политика это деятельность по использованию властных ресурсов, как раз дает нам еще дополнительное разъяснение сути этого определения.

В заключение следует подчеркнуть, что все вышесказанные основания позволяют нам более фундаментально изучать различные аспекты политической деятельности, политических процессов, политических институтов. Именно это сегодня и изучает политология, как учебная и научная дисциплина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аббасов О.Т.* Финансирование политических партий в России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 1 (94).
2. *Аристотель.* Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Серия «Философское наследие». Т. 4. М.: Мысль, 1983.
3. *Афонин М.В., Кривова А.Л., Руденко Л.Д., Рзаева С.М.* Роль дисциплины «права человека» в подготовке специалистов-политологов // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 5 (93).
4. *Вакилова В.Р.* Политический институт как объект исследования в истории социально-политической мысли // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 1 (94).
5. *Зыонг Ван Линь.* Политика и факторы, влияющие на процесс политической социализации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Том 12. № 6 (87).
6. *Керимов О.Ю.* Концепция государства-цивилизации как теоретическая основа модели российской политической модернизации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 6 (99).
7. *Колосова И.В.* Мифы и реальность политического боговластия // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Том 12. № 7 (88).
8. *Короткин С.С.* Политическая идентичность в трансформации общества // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 8 (101).
9. *Крутов А.В.* Осовременивание классических политологических теорий посредством сочетания разных методологических подходов (на примере описания функций политической системы) // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 10-1 (98-1).
10. *Майстат М.А., Ломтев А.В., Батяновский В.В., Обухов М.А.* Политологическое образование: от формирования самоидентичности личности до инструмента «мягкой силы» // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2022. Том 9. № 3 (29).
11. *Маслов К.В.* Проблема понятия «государство» в политической науке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Том 12. № 6 (87).
12. *Медведев Н.П.* Современная политология: учебно-методическое пособие. Москва: Наука сегодня, 2019.
13. *Медведев Н.П.* Этнополитология: актуальные проблемы: учебное пособие. Москва: Вопросы политологии, 2016.
14. *Медведев Н.П.* Политическая регионалистика: учебное пособие. Москва: Альфа-М, 2005.
15. *Медведев Н.П., Куштавкина Е.А.* Этнополитическая конфликтология: учебное пособие. Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2008.

16. *Медведев Н.П., Шуленина Н.В.* Беспредельность природы и познания политического лидерства // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 5 (69).
17. *Мчедлова М.М.* Политическая наука в поисках новых подходов: представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2.
18. *Миронова С.А.* Проблема корпоративизма в политической науке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Том 12. № 9 (90).
19. *Петропольский Д.И.* Политическое лидерство: классические и современные подходы к пониманию // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 8-2 (96-2).
20. *Пилипенко А.В.* Какой должна быть идеология в эпоху высоких технологий? // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 9-2 (97-2).
21. *Платон.* Государство / Платон. Сочинения: в 3 т. Серия «Философское наследие». Т. 3, ч. 2. М.: Мысль, 1972.
22. *Платон.* Законы / Платон. Сочинения: в 3 т. Серия «Философское наследие». М.: Мысль. Т. 3, ч. 2. 1972.
23. *Равочкин Н.Н.* Импорт политико-правовых институтов: проблемы и поиски путей преодоления (часть 3) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Том 12. № 11 (92).
24. *Садов В.В.* Православие как нравственно-ценностный ориентир российской государственности: историко-политический анализ // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 10-2 (98-2).
25. *Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В.* Политология. Учебное пособие для СПО. Сер. «Профессиональное образование» (2-е издание, исправленное и дополненное). Москва: Юрайт, 2019.
26. *Фурман Ф.П., Фурман Т.Г.* Некоторые вопросы в попытке осмысления восприятия человека и национальная идея в развитии политико-философской мысли современной России // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2023. Том 12. № 7 (53).
27. *Чебан А.А.* Особенности модели современного этапа цифровизации политического процесса в Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 3 (96).
28. *Чжу Сюй.* Пограничный конфликт 2020 года и отношения между Китаем и Индией // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 6 (99).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 13 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 15 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 14. Issue 1 (101), 2024

Established by LLC “Publishing House “Science Today”

The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.

Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Zagumenov A.P.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:

10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598

Tel: (910) 463-53-42

www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 26.01.2024

Format 60x84/8. Offset paper.

Offset print. Number of printed sheets

Circulation 500 copies. Order ____.

Printed at the LLC “Bely Veter”

Str. Shchipok, 28, Moscow, Russia, 115054

Tel.: (495) 651-84-56

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал
«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»													
			АБОНЕМЕНТ на журнал									70035				
			Вопросы политологии													
			Количество комплектов													
			на 2024 год по месяцам													
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
			Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)													
			Кому _____													
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА													
			ПВ	место	литер	на журнал									70035	
			Вопросы политологии													
			Стоимость		Каталожная								Количество комплектов			
					услуги почты											
					полная											
			на 2024 год по месяцам													
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
			Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)													
			Кому _____													

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал

«РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал

«ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал

«ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Журнал включен в базу РИНЦ

Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru